

Сергей Степняк-Кравчинский

Россия под властью царей

Степняк-Кравчинский С. Сочинения. В 2-х т.
Т. 1. Россия под властью царей. Подпольная Россия.
Комментарии Н.М.Пирумовой, М.И.Перпер
М.: Худож. лит., 1987. - 575 с.
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 8 июля 2003 года

В первый том Сочинений революционера и писателя С.М.Степняка-Кравчинского вошли два самых заметных из его произведений - "Россия под властью царей" и "Подпольная Россия". В этих произведениях прослеживается история русского освободительного движения, истоки мировоззрения революционеров-народовольцев, а также отдельные судьбы революционеров 70-80-х годов прошлого столетия.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Часть первая. Развитие самодержавия

Глава I. Мир
Глава II. Вече
Глава III. Русская республика
Глава IV. Пережитки самоуправления
Глава V. Становление деспотизма
Глава VI. Власть церкви
Глава VII. Русская теократия
Глава VIII. Великий реформа гор
Глава IX. Освобождение крестьян

Часть вторая. Зловещие места

Глава X. Ночной обыск
Глава XI. Полиция
Глава XII. Дом предварительного заключения
Глава XIII. Бедняжка Тридцать девять
Глава XIV. Царский суд
Глава XV. Дознание
Глава XVI. Политические процессы
Глава XVII. Военные трибуналы
Глава XVIII. После приговора
Глава XIX. Трубецкой бастион
Глава XX. Сибирь

Глава XXI. Круговая порука

Часть третья. Административная ссылка

Глава XXII. Невиновен - потому наказан

Глава XXIII. Жизнь в ссылке

Глава XXIV. Погубленное поколение

Часть четвертая. Поход против культуры

Глава XXV. Русские университеты

Глава XXVI. Среднее образование

Глава XXVII. Начальное образование

Глава XXVIII. Земство

Глава XXIX. Деспотизм и печать

Глава XXX. Печать при Александре II

Глава XXXI. Один пример из многих

Глава XXXII. Россия и Европа

Комментарии

ПРЕДИСЛОВИЕ

Россия переживает кризис, имеющий огромное значение для социальной и политической жизни страны. За недолгий срок революционное движение поразительно выросло и все шире распространяется среди классов, бывших прежде главными столпами существующего строя. Сама жестокость реакции, трепещущей от страха перед карой, влечет ее к неизбежной гибели, и, как французский узурпатор 2 декабря, царское правительство, потерпев моральное банкротство, замышляет самое отчаянное из всех средств для восстановления утраченного авторитета - безумную, кровавую войну.

Растущее беспокойство масс, выливавшееся в бунты и волнения в деревнях и промышленных центрах, а подчас в спровоцированные бессмысленные еврейские

погромы, - будь то из протеста против тиранства помещиков, кровопийства заводчиков или гнета фабричных законов о труде, - эти факты невозможно отрицать и нельзя недооценивать их роль. Они показывают то, что каждый чувствует, если и не высказывает вслух: предстоит крутой перелом в нашей жизни. Россия стоит на пороге великих событий.

Было бы слишком опрометчиво попытаться предсказать характер этих событий или предугадать, какая участь уготовлена царской империи. Но в одном не может быть сомнений: в такой огромной стране, как Россия, с населением, составляющим треть населения всей Европы, революционные перемены не могут совершаться без их прямого или косвенного воздействия на другие страны цивилизованного мира.

Этим объясняется все растущий интерес, питаемый повсеместно к России и ее народу, а также к тем тайным силам, которые определяют ее судьбу и воплощают ее будущее.

Много ценного написано на эту тему в современной литературе иностранными писателями - французскими, английскими, немецкими. Но до сего времени европейская публика лишь очень редко слышала о воззрениях тех, кто, будучи особенно заинтересован в этом деле, разумеется, более всех осведомлен и потому должен высказать свое мнение, - самих русских.

Но русские писатели, среди которых много талантливых и образованных людей с честным именем, хранят молчание. Они не поднимают свой голос, чтобы рассказать правду о своей порабощенной родине. Причину странной молчаливости нетрудно объяснить. Для подданного царя разоблачить перед всем миром беззакония его правительства так же опасно, как открыто броситься на царскую особу под носом у полиции. Не считая нескольких анонимных статей, едва ли имеющих большое значение, наши лучшие писатели еще ни разу не написали на иностранных языках о русской политике. Одна лишь правительственная партия и ее союзники имели возможность использовать гласность печати в своих интересах. Но вряд ли надо указывать, что их выступления отнюдь не рассчитаны на ознакомление общественного мнения с положением в нашей стране.

В этих условиях задача выступить от имени оппозиционной партии, то есть от имени всей просвещенной России, естественно, выпала на долю крайнего крыла оппозиции - революционеров-социалистов и эмигрантов из всех слоев русского общества, уже неоднократно пытавшихся привлечь внимание Европы. Теперь этот долг возложен на меня, "писателя-нигилиста" и "нигилиста-практика", как угодно было меня называть некоторым английским газетам, хотя единственное, что позволяет мне притязать на снисхождение британской публики, - это авторство книги о целях нигилизма и в защиту его - притязание далекое от того, чтобы служить оправданием моего скромного труда. Я охотно передал бы исполнение этого долга представителю не столь крайнего направления и не обвиняемому, как я, за чрезмерный пессимизм в оценке царского режима. Но такого писателя нет, и остается один выбор - самому написать эту работу. И какие бы достоинства и недостатки ни были ей присущи, она, во всяком случае, написана беспристрастно.

Заранее зная, какие факты в книге, вероятно, будут восприняты с особенным недоверием, я, как непреложное правило, избегал преувеличений, стремясь сказать лучше слишком мало, чем слишком много. Это было нетрудно, ибо злодеяния царского правительства столь безмерны, что смягчать их так же бессмысленно, как вычерпывать кружкой беспредельный океан. Все же даже легкое преувеличение в незначительном вопросе может уменьшить ценность книги или даже свести на нет месяцы добросовестного, упорного труда. Однако я не намерен, да и не желаю показывать царский строй в лучшем свете, чем он того заслуживает. Нисколько. И хотя я не хочу "класть густых теней", но и не собираюсь "смягчать красок". Я рассказываю лишь голую, неприкрашенную правду, но это подлинная правда. Я подошел к выбору фактов с величайшей осторожностью, отбрасывая все, что казалось мне недостаточно обоснованным или не вполне достоверным.

Я не отягощал книгу ненужными справками и примечаниями. То, что я рассказал, возможно, ново для иностранцев, но русским и всем, кто знаком с русской литературой, это хорошо известно.

В моих исторических очерках я пользовался сочинениями наших известнейших историков - Костомарова, Соловьева, Сергеевича и Беляева, труды которых можно найти в любой русской библиотеке. Материалы, приведенные во втором томе, взяты из официальных источников, а также из сообщений, появившихся в подцензурной печати в ту пору, когда она пользовалась краткими промельками непривычной свободы.

Шесть глав второго тома публиковались в разное время самой влиятельной из английских газет, и я приношу благодарность "Таймсу" за проникновенные, сочувственные замечания к моим очеркам, а издателям - за любезное разрешение включить их в книгу. Остальные главы обоих томов появляются впервые.

В первой части книги я, разумеется, не мог особенно широко пользоваться официальными материалами или газетными сведениями. Подцензурная печать лишь изредка открыто сообщает о жестокостях, которым подвергаются политические заключенные, и о беззакониях властей, и то иносказательно, намеками. Главными источниками моей информации были превосходные издания женевской типографии "Народной воли", столь же кропотливо собранные и правдивые, сколь и богатые фактами. Многие приведенные мной случаи почерпнуты из личного опыта или опыта друзей, которым они были так добры поделиться со мной. Я лишь литературно обработал их рассказы.

Несколько слов о форме книги. Она не совсем обычна и не строго дидактична, ибо я старался не только повествовать о событиях, но и описывать людей. Критики, возможно, скажут, что эта двоякая цель умаляет достоинства серьезного труда. Они, может быть, и правы. Замечу лишь, что в этом отношении я прежде всего старался соблюдать умеренность и беспристрастие в суждениях.

После этих пояснений мне остается лишь выполнить еще один, и весьма приятный, долг - поблагодарить тех, кто оказал мне содействие в написании моей работы.

Находясь всего лишь недавно в Англии и поэтому не имея еще возможности свободно писать по-английски, я очень обязан мистеру Вильяму Вэстолу, горячему стороннику революционного движения в России и моему литературному сотруднику, за придание книге ее английской формы. Я сердечно благодарю его за точный и идиоматический перевод.

Я выражаю также горячую признательность некоторым моим соотечественникам: Петру Лавровичу Лаврову, которому я обязан за его благожелательное предисловие к книге "Подпольная Россия", в большой степени способствовавшее успеху моего первого труда; он был так добр, что предоставил в мое распоряжение свою богатую библиотеку для подготовки второй моей книги - "Россия под властью царей"; Исидору Гольдсмиту, бывшему редактору журналов "Знание" и "Слово". Николаю Цакни и Л.Н., проводившим долгие годы в изгнании, я обязан многими интереснейшими сведениями, использованными мной в соответствующих главах книги.

Но более всех я должен от души поблагодарить Михаила Петровича Драгоманова, бывшего профессора Киевского университета. Он, не щадя сил и времени, с самого начала моей кампании против русского деспотизма - ранее

на страницах "Контемпорэри ревью", а затем в "Таймсе" - оказывал мне большую помощь и снабдил меня для настоящего сочинения многими ценными, подлинными документами, относящимися к полицейским гонениям в трех сатрапиях Южной России.

С.СТЕПНЯК

Лондон
7 апреля 1885 г.

Часть первая

РАЗВИТИЕ САМОДЕРЖАВИЯ

Глава I

МИР

О народе, как и о человеке, судят по внешности. Поэтому деспотизм, властвующий над русским народом, рассматривается, естественно, как выражение и следствие национального характера. Правда, в последние годы в России появились люди - мужчины и женщины, равных которым по силе патриотизма и любви к родине не бывало во все времена. Однако в кажущейся тщетности их усилий общественное мнение Европы видит только лишнее доказательство неизменной рабской покорности народных масс, в одинаковой мере не способных понять свободолюбивые устремления и не желающих участвовать в освободительном движении.

Факты невозможно отрицать. Крестьянство, составляющее огромную часть русского народа, все еще проникнуто преданностью идеальному царю - порождению собственной фантазии - и все еще верит, что близок час, когда он изгонит помещиков из страны и раздаст их земли своим верным крестьянам.

Но если мы, не ограничиваясь этими чисто внешними обстоятельствами, глубже и серьезнее исследуем характер и жизнь простого народа, нас поразят многие его черты, как будто резко противоречащие общепринятым представлениям о его раболепии и приниженности.

В стране, где все зависит от воли самодержца, можно было бы ожидать, что низшие царские чиновники в порученной им ограниченной сфере деятельности наделены всей полнотой власти. Но в России дело обстоит иначе. Крестьянство деспотического государства - и в этом есть некое странное противоречие - пользуется, если не считать злоупотреблений властью, почти столь же широким самоуправлением, как сельские общины в Швейцарии или Норвегии. Сельская сходка, куда собираются все мужчины, уже вышедшие из-под

отцовской власти, решает все дела, и эти решения не подлежат обжалованию. Со времени освобождения крестьян в 1861 году правительство произвело некоторые изменения в порядке сельского самоуправления. Создан, например, особый сельский суд в составе десяти судей, избранных на сходке, в то время как прежде по закону только мир, или народное собрание, вершил суд. Правительство попыталось также прибрать к рукам мир и урезать его права, усилив власть старосты и признав правомочными лишь созванные им собрания; избрание же старосты должно утверждаться мировым посредником, назначенным правительством и местным дворянством. Однако в первоначальном своем виде, то есть в тех местах, где власти были недостаточно сильны, чтобы ограничивать права мира, общинная автономия не претерпела никакого ущемления.

Мир в Центральной России (в Южной России - громада) представляет крестьянскую концепцию верховной власти. Мир охраняет благоденствие всей общины и вправе требовать от каждого ее члена безоговорочного повиновения. Мир может быть созван самым бедным членом общины в любое время и в любом

месте в пределах села. Общинные власти должны уважительно отнестись к созыву сходки, и, если они нерадивы в исполнении своих обязанностей, мир может без предупреждения отрешить их от должности, а то и навсегда лишить всех полномочий.

Сходки сельской общины, подобно собраниям "ландесгемейнде" в средневековых швейцарских кантонах, проводятся под открытым небом перед домом старосты, деревенским кабаком или в другом подходящем месте.

Что больше всего поражает тех, кто впервые присутствует на такой сходке, - это царящий там, как кажется, полнейший беспорядок. Председателя нет; обсуждение являет собой сцену совершенного ералаша. После того как член общины, созвавший собрание, объяснил побудившие его к этому причины, все наперебой спешат высказать свое мнение, и некоторое время словесное состязание уподобляется всеобщей свалке в кулачном бою.

Слово принадлежит тому, кто сумел привлечь к себе слушателей. Если он угодит им, крикунов быстро заставят замолчать. Если же он не говорит ничего дельного, никто не обращает на него внимания и его прерывает первый же противник. Но когда обсуждается жгучий вопрос и атмосфера на сходке накаляется, все говорят разом и никто никого не слушает. Тогда миряне разбиваются на группы, и в каждой из них вопрос обсуждается отдельно. Все выкрикивают свои доводы во всю глотку; вопли и брань, оскорбления и насмешки сыплются со всех сторон, и поднимается невообразимый гам, при котором, казалось бы, никакого толку не получится.

Однако кажущийся хаос не имеет никакого значения. Это необходимое средство к достижению определенной цели. На наших сельских собраниях голосование неведомо; разногласия никогда не разрешаются большинством голосов. Всякий вопрос должен быть улажен единодушно. Поэтому общий разговор, как и групповые споры, продолжается до тех пор, пока не вносится предложение, примиряющее все стороны и получающее одобрение всего мира. Несомненно также, что полное единодушие может быть достигнуто лишь после тщательного разбора и всестороннего обсуждения предмета спора. И для того

чтобы устранить возражения, существенно важно столкнуться тех, кто защищает противоположные мнения, и побудить их решить свои несогласия в единоборстве.

Описанный мной способ разрешения споров чрезвычайно характерен для русской сходки. Мир не навязывает меньшинству решений, с которыми оно не может согласиться. Каждый должен идти на уступки ради общего блага, ради спокойствия и благополучия общины. Большинство слишком благородно, чтобы воспользоваться своим численным превосходством. Мир не господин, а любящий отец, одинаково благодетельный ко всем своим сынам. Именно этим свойством сельского самоуправления в России объясняется высокое чувство человечности, составляющее столь замечательную особенность наших деревенских нравов - взаимная помощь в полевых работах, содействие беднякам, больным, сиротам - и вызывающее восхищение всех, кто наблюдал сельскую жизнь в нашей стране. Этому же надо приписать безграничную преданность русских крестьян своему миру. "Что мир порядил, то бог рассудил" - гласит народная пословица. Существует много других подобных же пословиц, как, например: "Мир один бог рассудит", "Кто больше мира будет?", "С миром не поспоришь", "Где у мира рука, там моя голова", "Хоть на заде, да в том же стаде; отстал - сиротою стал". Обязательным правом мира и при господствующем в стране строе одним из удивительных его свойств является полная свобода слова и споров на деревенских сходках. Обязательным, ибо как можно было бы решать дела и вершить суд, если бы члены общины не высказывали свободно своего мнения, а, опасаясь обидеть Ивана или Петра, прибегали к криводушию и лжи? Когда суровое нелицеприятие и правдивая речь становятся правилами жизни и освящаются традицией, от них не отступятся и тогда, когда на обсуждение будет поставлен вопрос, выходящий за рамки крестьянских будней. Наблюдатели нашей сельской жизни единодушны в своем утверждении, что, в то время как в городах слова, означающие "неуважение к властям предрержащим", даже в частной беседе произносятся шепотом и слушают с дрожью, на деревенских сходках люди говорят открыто, критикуют те установления, которыми горожанам дозволено лишь восхищаться, невозмутимо осуждают самых

высокопоставленных

лиц правящей олигархии, смело ставят острый вопрос о земле и нередко порицают даже священную особу императора, от чего у чинного горожанина волосы стали бы дыбом.

Однако неверно было бы заключить, что такая вольность языка обнаруживает непокорный нрав, бунтарский дух. Это скорее укоренившаяся привычка, порожденная вековым обычаем. Крестьяне не подозревают, что, высказывая свое мнение, они являются нарушителями закона. Они не представляют себе, чтобы слова, взгляды, как бы их ни выразили, могли рассматриваться как преступление. Известны случаи, когда староста, получив по почте революционные листовки, по простоте душевной читал их вслух на деревенской сходке как нечто важное и любопытное. Если в деревню явится революционер-пропагандист, его пригласят на сходку и попросят прочитать или рассказать то, что он найдет интересным и поучительным для общины. Какой от этого может быть вред? А если история получает огласку, то крестьяне необычайно изумлены, услышав от жандармов, будто они совершили тяжкий

проступок. Столь велико их неведение, что они верят, будто свобода слова - это право, данное каждому разумному существу!

Таковы главные черты нашего сельского самоуправления. Нет ничего более удивительного, чем контраст между установлениями для сельчан и учреждениями, призванными блюсти жизнь высших слоев общества. Первые являются по существу демократическими и республиканскими; последние зиждутся на имперском деспотизме и строжайших принципах бюрократической власти.

Неизбежным результатом этого несоответствия, столь бесспорного и поразительного, существующего уже веками, явилось одно важнейшее обстоятельство - резко выявившаяся тенденция русского народа держаться подальше от государственной власти. Таково одно из самых разительных его свойств. С одной стороны, селянин видел перед собой свой мир, олицетворение справедливости и братской любви, с другой - официальную Россию, представленную чиновниками и царем, его судьями, жандармами, министрами, - на всем протяжении нашей истории воплощение алчности, продажности и насилия. В этих условиях нетрудно сделать выбор. "Лучше виноватым стоять перед миром, чем невинным перед судьей", - говорит нынешний крестьянин. А его предки говорили: "Живи, живи, ребята, пока Москва не проведала".

Русские люди издревле остерегались общаться с чиновничьей Россией. Оба сословия никогда не смешивались, и именно поэтому политическая эволюция поколений так мало повлияла на нравы миллионов трудового люда. Не будет преувеличением сказать, что жизнь всей массы народа и жизнь его высших классов лилась двумя близкими, но отдельными потоками. Простой народ живет в своих крошечных республиках, как улитка в раковине. Для него официальная Россия - чиновники, солдаты и полицейские - орда чужеземных захватчиков, время от времени засылающая на село своих холопов, чтобы взимать с него дань деньгами и кровью - подати для царской казны и новобранцев для армии. Однако в силу удивительной незакономерности - одного из тех странных контрастов, которыми, как сказал один знаменитый географ, полна земля русская, - эти самобытные республики, пользующиеся столь широкой общественной и личной свободой, одновременно представляют собой надежнейший

оплот, крепчайшие устои деспотического режима.

Позволительно спросить, по какой прихоти судьбы или капризу истории произошла эта вопиющая аномалия? Каким образом учреждения, находящиеся в столь кричащем противоречии со всем нашим политическим строем, как эти крестьянские парламенты могут процветать под властью деспотического монарха?

Но эта аномалия лишь кажущаяся; мы не стоим ни перед загадкой истории, ни перед случайным стечением маловажных обстоятельств. Я придаю столь великое значение нашей системе народного самоуправления, ибо убежден, что форма, которую она принимает, и идеи, на которых основывается, гораздо более соответствуют политическим устремлениям русского народа, чем самодержавие и централизованная форма существующего режима. Если и есть нечто незакономерное в нашем государственном устройстве, нечто навязанное народу внешними и случайными явлениями, то это сама деспотия.

Глава II

ВЕЧЕ

С древнейших времен русской истории обширная страна, ныне называемая Россией, была разделена на отдельные княжества, различные по размерам своих владений, со стольным городом и несколькими большими и меньшими пригородами

и селами. Однако князья в этих землях не обладали верховной властью. Князь был блюстителем земли по уговору, а всей законодательной и исполнительной властью было облечено народное вече.

На вечевой сход собирались свободные граждане без различия имущества и звания, и князь был всего лишь на службе у народа и подчинялся его воле. По заведенному обычаю князья из поколения в поколение избирались из одного воинственного княжеского рода, и все они вели имя от Рюрика, легендарного основателя Русского государства. Однако право наследования не было возведено в непреложный закон. Вече такого права не признавало, и, когда местный князь оказывался населению не по нраву, оно призывало на стол другого, более подходящего, правителя. Князь был подвластен народу, а не властителем его, идея подвластности народа возникла лишь столетия спустя. Все же народ редко пользовался своим правом. В русской истории известны лишь немногие случаи изгнания местного князя и замены его чужеземным предводителем; и только однажды, когда народ Галицкой земли решил свергнуть князя, в княжеское звание был возведен простой боярин. Между тем обычай избирать правителей из одного рода вовсе не означал ограничения свободы выборов. Княжеский род так сильно размножился, пускал столько боковых ветвей в различных русских землях, что подходящие кандидаты всегда находились в избытке.

Некоторые историки так называемой московской школы из чистой любви к монархическим принципам утверждают, будто они открыли происхождение самовластия в якобы существовавших у князей Древней Руси законах преемства и правах первородства. Но более глубокие и беспристрастные исследования новой школы показывают, что таких законов не было и такие права не признавались; отношения между правящим князем и народом в каждом случае устанавливались вечем. Разумеется, ближайший родич правителя имел наибольшие возможности показать себя в выгодном свете. В Древней Руси, как у всех патриархальных народов, старость внушала всеобщее уважение, и, если князь умирал или его изгоняли, преемником обычно избирался его старший брат, являвшийся чаще всего и главой рода или той его ветви, которой народу угодно было оказать эту честь. Но допустим, что брат не пользовался любовью народа, тогда его обходили и выбор падал на сына последнего князя. Или опять-таки если народ желал, то оба они, и племянник и дядя, вытеснялись князем, чье родство с владетельной княжеской линией было столь отдаленным, что его почти уже невозможно было проследить. Ибо родословная сама по себе

ничего не стоила в этом деле, и древняя история России дает множество свидетельств тому, что единственное непреложное право устанавливать преемство принадлежало вечу.

Призвание князя было только первым шагом к его избранию. Затем следовало подписание соглашения - ряда - между городом и новым правителем. Обе стороны торжественно присягали соблюдать уговор, и без ряда князь не мог считать свое положение достаточно прочным. Ряд - это, в сущности, конституционный договор, определяющий взаимные обязательства сторон. Условия ряда подвергались изменениям не только в различных княжествах и в разные времена, но и с отдельными князьями. Все же главные условия были почти тождественны. Высшее назначение князя - "суды судити". В небольших княжествах он один выполнял эту обязанность, и во многих рядах особо оговаривалось, что князь должен судить сам, а не через своих приказных, так как народ больше верил в беспристрастность и независимость своего князя. В позднейшие времена, когда князья, проникшись уже иными идеями, стали нарушать права народа, в рядах обозначалось, что князь вершит суд только с помощью тиуна, назначенного вечем.

Второй, и едва ли менее важной, обязанностью князя была оборона земли от внешних врагов. Но право объявлять войну и распоряжаться войском, состоявшим из всех граждан, способных носить оружие, принадлежало вечу. Князь, который обычно с малолетства привык владеть оружием, назначался воеводой лишь после объявления войны, а в крупных княжествах он делил эту обязанность с избранным вечем военным старшиной. На службе у князя всегда состояло более или менее многочисленное наемное войско, вольные стрелки наполовину из местных людей и наполовину из иноплеменных, так называемая дружина, то есть "друзья князя". Они и вправду были друзьями князя, собирались день-деньской в княжеской палате, сидели с ним за одним столом - его наперсники в увеселениях и сподвижники в борьбе. Князь содержал дружину на собственные средства: либо на деньги, отпущенные ему вечем, либо на личные доходы. Если он задумал отправиться на войну, вече вправе было отказать ему в помощи ополчения. Однако князь мог воевать на собственный страх и риск вместе со своими дружинниками, и этим правом князья в те времена часто пользовались к большой своей выгоде. Дружина, вернее, соратники князя следовали за ним повсюду. Когда он покидал свой стол, чтобы княжить в более богатой или крупной земле, они сопровождали его и разделяли его удачу. Но если вече прогоняло не полюбившегося ему князя, дружина изгонялась вместе с ним.

Подобные переходы князей со стола на стол были в порядке вещей, и редко кто не занимал в продолжение своей жизни полдюжины престолов (или "столов", по бывшему тогда в употреблении многозначительному выражению). Смена правителей происходила без особых конфликтов. Когда князь становился негоден городу, вечу просто надо было собраться и произнести сакраментальную фразу: "Приветствуем тебя, княже!" После этого светлый князь удалялся, испытывая к своим бывшим избирателям не большую недоброжелательность, чем, скажем, провалившийся на выборах кандидат в члены английского парламента. Если преемник не оправдал ожиданий и вече, изменив свои намерения, снова призывало прежнего князя, последний с

величайшей готовностью садился на стол. Бывали случаи, когда в том же городе тот же князь избирался, прогонялся и снова призывался три-четыре раза подряд.

Таким образом, княжества в средневековой Руси вопреки монархической форме правления в действительности были отдельными свободными республиками.

Республиками их называет также один из лучших наших современных историков, Костомаров, хотя он из осторожности и помня о цензуре избегает употребления латинского термина, заменяя его равнозначным славянским выражением "народоправство". Князья, по существу, были наемные воины с боевыми отрядами, которых республика практически брала себе на службу. Такой уклад во многом сходен с положением, существовавшим в небольших итальянских республиках средневековья, с той единственной разницей, что русские *condottieri* составляли особую касту и происходили из одного владетельного рода.

Однако этот факт ни в коей мере не ущемлял демократического строя того времени, ибо самое поразительное в нашей древней истории - полное отсутствие каких-либо тиранических тенденций. Лишь редко случалось, что князь силой оружия сопротивлялся воле народа. Это значило бы слишком много потерять и слишком мало выиграть. Полуоседлый народ, обитавший в стране, столь редко населенной, что земля не представляла ценности, едва ли испытывал особенно крепкую привязанность к месту. Равно и князь не питал чрезмерной приверженности к своему стольному городу. Кочуя так же, как кочевал народ, князь и его дружина довольно безразлично относились к тому, куда направиться или где обосноваться. Князь сам для себя, а дружина для своего князя стояли лишь на страже своих интересов, то есть ценили город покрупнее и кормление пожирнее. Поэтому не к выгоде князя было противиться воле веча, ибо такое пятно на его репутации значительно ограничило бы возможности дальнейшего возвышения. Да и вообще на крайний случай он всегда мог найти какое-нибудь захудалое княжество, готовое принять его, ибо, посадив на стол князя вместо простого посадника, город приобретал большую славу и независимость. А тем временем наш князь мог уверенно смотреть в будущее в ожидании чего-либо лучшего. Князья так часто прогонялись из стольных городов и раздоры с вечем были столь обычны, что княжескому искателю приключений с добрым нравом, если он не зевал, нетрудно было добиться вождя возвышения. Во всяком случае, предприимчивый князь всегда мог добиться богатства и славы силой оружия, за счет своих менее воинственных родичей.

Эти завоевания отнюдь не таили в себе ничего тиранического или враждебного свободе. Популярному князю нечего было бояться нападения, ибо его противники знали, что на его защиту встанет не только дружина, но и все народное войско. Если же князь не снискал особой любви, то народ равнодушно относился к тому, победил ли князь или потерпел поражение. В последнем случае город охотно принимал в качестве правителя победившего князя. Вече избирало его своим князем, незамедлительно подписывало с ним ряд, и после принесения присяги он приступал к исполнению своих обязанностей. Все происходило в точности так же, как если бы он получил княжение обычным

путем. Но стоило ему в свою очередь потерять доверие своих избирателей, как применялся простой и верный способ отделаться от него. Вечу надо было лишь предложить свой стол на более выгодных условиях другому князю, известному своими ратными подвигами. Последний появлялся на сцену со своей дружиной, с помощью горожан свергал соперника и садился княжить вместо него.

Сохранением своих вольностей республики Древней Руси обязаны главным образом княжеским усобицам. Стольным городам - а они своим примером, разумеется, влияли на другие города - благодаря обширности их земель и необычайному рвению в защите свобод неизменно удавалось обращать распри между князьями в свою пользу.

Отношения, сложившиеся между князьями и вечем, объясняют, почему на Руси без особых усилий и внутренних неурядиц возможно было отстоять столь полную и всенародную свободу. Все другие республики как в античном мире, так и в средневековье были, так сказать, ограниченными республиками или конституционными демократиями, и воля народа в большей или меньшей степени всегда сдерживалась другими социальными силами. Между тем наши древние русские республики были абсолютными и неограниченными демократиями. Верховная власть принадлежала народу. Каждый из сограждан имел равный голос в делах государственных, и ни правящий князь, ни другие выборные лица по закону не имели никаких преимуществ перед другими. Вече могло отменять все княжеские указы. Хотя князь назначал своих служилых людей, помогавших ему в управлении, но вече утверждало его выбор и могло прогнать его ставленников. Князь не волен был защищать их; и вече так же мало стеснялось чинить управу княжескому слуге, как и собственным избранныкам. Ни князь, ни другие должностные лица не назначались на определенный срок. Все сохраняли свои посты, пока того желал народ. Одни только епископы формально избирались пожизненно, но и они подчас изгонялись из города. Вече представляло, таким образом, высший орган власти, управлявший всеми делами государства. Не существовало никакого разделения власти; вече - глас народа и выразитель его воли. Словом, республики Древней Руси были государствами, несложными по своим общественным учреждениям и чисто демократическими по политическому строю.

Глава III

РУССКАЯ РЕСПУБЛИКА

Если мы по отрывочным сведениям, разбросанным в древних летописях, попытаемся нарисовать живую картину вечевого уклада, нам со всей наглядностью и с разительной очевидностью представится простой, незамысловатый характер нашего древнего республиканского строя.

По обе стороны реки Волхова, недалеко от озера Ильмень, раскинулся знаменитый Новгород, ныне лишь небольшой губернский город с восемнадцатью тысячами жителей, но несколько веков назад один из величайших городов

Европы, за богатство и могущество справедливо заслуживший название Северная Венеция. В XIV и XV веках Новгород был столицей обширной республики; она охватывала северную половину нынешней России, простираясь до Уральских гор, и в пределах ее владений находились волостные города и торговые посады. Благодаря блестящему месторасположению на перекрестке великого торгового пути, соединявшего средневековую Европу с Левантом, расцвету торговли и ремесел и усердию своих сынов Новгород стал гордым и могучим и на протяжении столетий успешно защищал свои вольности от все растущей власти московских царей. Только в XVI веке Москве окончательно удалось преодолеть сопротивление героической республики.

Ни одна из древних русских республик не достигла такой силы и такого блеска, как Великий Новгород, ни одна из них не оставила столь богатых летописей о своем славном прошлом. В бесценных документах мы находим редчайший материал для изучения древних общественных установлений на Руси.

На одной из площадей обезлюдившего ныне города приезжому показывают место, где по удару висевшего там большого вечевоего колокола собирался державный народ. Священная веревка колокола принадлежала всем, каждый посадский человек был вправе созвать вече для обсуждения любого вопроса, касавшегося благополучия граждан или государства. Народ был властелином, даже деспотом, как видим, подчас гневным и вспыльчивым, но неизменно благородным и добрым, как легендарный восточный царь, отец своего народа, всегда доступный самому худородному из своих подданных, всегда готовый исправить причиненное зло и сурово наказать извергов - богатых и сильных. Никто не отважился бы зря, по маловажному поводу нарушить покой дремлющего льва; тем более никто не мог бы помешать беднейшему горожанину созвать народ и подать жалобу на нанесенную ему обиду, кто бы ни был обидчик - посадник или князь, и заставить его явиться и держать ответ на вече.

Правила созыва веча были несложны, и народные собрания проводились почти без всяких формальностей. Верховная власть принадлежала всей массе народа, и, где бы, когда бы он ни собирался, его воля была законом. В летописях, например, повествуется о том, как новгородское ополчение, расположившись лагерем перед лицом врага, провело вечевое собрание и приняло решения, считавшиеся столь же обязательными, как если бы они были вынесены посадскими людьми на главной площади стольного города.

Но что отличает наше древнее вече, как и наши миры, от всех подобных народных собраний - это отсутствие всякой системы голосования. В любой другой республике, какой бы она ни была свободной и демократической, - в Спарте и Риме, в Афинах и Флоренции - всегда в той или иной форме голосовали, и основой их политического порядка являлся принцип подчинения меньшинства решению большинства. Этот принцип, как нам представляется, противен славянской натуре. Я говорю славянской, а не русской, ибо у всех славянских народов, обладавших подлинно свободными общественными учреждениями, мы неизменно обнаруживаем, что совесть народа приемлет один лишь принцип - принцип единогласного решения.

В Польше этот принцип воплотился в незыблемом законе, и ничего не могло быть губительнее и нелепее этого закона. В польском сейме достаточно было одному человеку, который мог быть подкуплен внешними врагами, крикнуть

свое *liberum veto**, чтобы сделать недействительным решение всего собрания. В республиках украинских казаков по обе стороны Днепра и в воинственной Запорожской Сечи тоже господствовал принцип единогласия - при издании законов там никогда не применялось голосование. Однако бывало, что более многочисленная или, во всяком случае, более сильная партия находила действенный способ побороть оппозицию. Когда возникал особенно важный вопрос, например избрание атамана или старшины, и ни одна из спорящих сторон не намерена была уступить, обычно в ход пускались кулаки, и, после того как более слабую группу в досталь полупили, она отказывалась от сопротивления, достигалось желанное единодушие и кандидаты избирались при всеобщем, шумном одобрении. Споры иногда разрешались и более быстрым путем

- ножами вместо кулаков.

---

* свободное вето (лат.).

Вече на Руси, особенно в Новгороде Великом, о котором мы осведомлены подробнее, чем о других, временами тоже бывало весьма бурным. Летописцы сообщают о частых горячих спорах, изредка кончавшихся кровавыми побоищами

и

смертоубийством. Но, судя по всему, то бывали лишь исключительные случаи. Республика не могла бы существовать, тем более достигнуть процветания и могущества, если бы в ее столице постоянно шла гражданская война. Как правило, в споре одерживала верх умеренная позиция и расхождения преодолевались мирно, путем взаимных уступок. Мягкость и восприимчивость славянского характера допускали самое широкое применение принципа, основанного на благородном чувстве - уважении к правам меньшинства, чувстве, объявленном одним выдающимся английским публицистом основой истинной свободы.

Глава IV

ПЕРЕЖИТКИ САМОУПРАВЛЕНИЯ

В органах управления наших древних государств мы видим, следовательно, ту же удивительную черту, которая отличает скромные сходки в безвестных деревнях, - принятие законов путем единодушного решения.

Но, как уже упоминалось в первой главе, это отнюдь не единственная общая черта, присущая вечу и миру. Сходство обнаруживается и в частности. Можно даже сказать, что их тождественность почти полная, и это представляется нам явлением необыкновенно примечательным, если учесть, как различны условия, в которых действовали эти два органа самоуправления, и каким длительным временем они разделены: вече исчезло много веков назад, а мир в деревне сохранился и доселе. По своему укладу, несложным функциям и беспорядочному характеру собраний общинный сход является не чем иным, как

пережитком веча, правда в гораздо меньшем масштабе, но без существенных изменений в его организации. Если и существует тут различие, то, безусловно, меньше, чем, скажем, между домашней кошкой и бенгальским тигром или между пугливой ящерицей, прячущейся при малейшем шорохе в ближайшую

щель, и свирепым ящером, обитающим в реках Латинской Америки; невзирая на их кажущуюся разность, оба принадлежат к одному семейству, близкое сходство между миром и вечем не подлежит сомнению, и нетрудно было бы проследить замечательную преемственность нашей древней системы народного самоуправления. Собираться, обсуждать свои дела, обеспечивать свои нужды и управлять своей общиной - привилегия свободных людей, и вече было единственной формой правления, приемлемой для средневекового славянина. Даже наши корабельщики, храбрые новгородские ушкуйники, одновременно воины

и гости-мореходы, плывя по морям и рекам целыми компаниями, как средневековые каменщики или современные рабочие артели, вместе со своими товарами несли в неведомые края и вече со всем его укладом. Наряду с вечем Великого Новгорода, деяния которого описаны в старинных летописях, местные веча были и в менее крупных городах, а сходы - в бесчисленных деревнях, разбросанных по всей русской земле. Вечевой уклад в больших и малых городах был совершенно сходен по своему характеру.

Но в борьбе за существование, борьбе не менее реальной в области политической, чем в животном мире, крупные организмы - городские веча погибали, как те допотопные исполины, которые вопреки своим размерам либо не способны были устоять против врагов, либо не могли выжить в изменившихся, неблагоприятных для них климатических условиях. Веча в меньших городах разделили судьбу своих старших братьев, в то время как сельские сходы, неуязвимые благодаря самой своей незначительности, живут и остаются неизменными. И вот мы видим перед собой любопытный, если не единственный в своем роде, пример из исторической палеонтологии - сохранение в течение столетий древнего установления при совершенно изменившемся и по своей сущности враждебном ему политическом строе.

Позволительно спросить, каким образом могла произойти такая аномалия? Очень просто, таким же путем, каким маленькая рыбешка спасается через петли большой сети. Всякая форма правления основана на принципе податного обложения. Государство так же не может существовать без денег, как человек без принятия пищи. Но в полудикой, малоцивилизованной стране с огромными пространствами и совершенным бездорожьем, с населением, всегда находящимся в движении, насилием ничего нельзя достигнуть и за редким исключением отдельных членов общины нельзя ни обязать, ни принудить. Правительство может принимать законы и требовать податей, но оно не в силах обычными средствами заставить повиноваться законам и платить подати. По этой причине царское правительство во все времена было вынуждено признавать сельские общины, подтверждать их привилегии, обращаться с ними как с независимыми корпорациями и позволять им решать свои собственные дела. Поземельные списки находились не у владельцев земли, а в общинах. Подати исчислялись на основе этих списков и вносились сообща всей деревней. Если общинник уходил

из деревни и не вносил своей доли налогов, казна не терпела убытка, она взимала ту же сумму, пока не составлялись новые списки, что могло растянуться на годы.

Такова была податная система, проводившаяся последовательно всеми правителями России - князьями, ханами, царями и императорами. Никакая другая система не была возможна. Даже крепостничество не могло уничтожить сельского самоуправления, и крупные помещики, владевшие и землей, и живыми душами, никогда не пытались ограничивать независимость общины. Все политические бури, пронесившиеся над страной, так же не могли поколебать сельский мир, как яростные ветры, пролетающие над океаном, не могут нарушить спокойствия в его беспредельных глубинах. На мир могут лишь повлиять новые принципы экономического строя, но на этом вопросе я не могу остановиться в настоящей книге. Сохранение самоуправления среди простого народа - это в высшей степени примечательный факт. Он свидетельствует о политической и экономической жизненности наших общин и объясняет, почему всякий раз, когда русский народ волен управлять своими собственными делами, все снова и снова возникают старые республиканские установления. Это можно доказать множеством примеров.

В XIII и XIV веках, в период наибольшего развития московского самодержавия, десятки тысяч крестьян, спасаясь от невыносимого гнета, нашли пристанище в степях Яика (ныне Урал), Дона и Днепра. Беглецы, называвшие себя казаками, основали несколько военных республик, почти во всем сходных с чисто русскими республиками. Главное различие состояло в том, что казацкие общины, не имея княжеских родов, которые снабжали бы их правителями, избирали себе военного начальника - атамана, гетмана или кошевого, - исполнявшего те же обязанности, что и Рюриковичи в Древней Руси. Даже в наш век случалось (в 1830 г. в Старой Руссе и в других местах, а в 1856 г. в Орловской губернии), что повстанцы не ставили над собой правителя, а немедленно основывали республику *sui generis** и верховной властью наделялось народное собрание.

---

* своего рода (лат.).

Все эти факты позволяют с полной уверенностью утверждать, что глубоко ошибается тот, кто считает, будто русский народ инстинктивно оказывает предпочтение деспотическому образу правления. Напротив, как показывает история России, в русских живет такая сила стремлений к свободе, такая ярко выраженная склонность к самоуправлению - а ведь большинство людей приучено к нему с детства, - что они с восторгом осуществляют свои чаяния, как только у них возникает такая возможность.

Но что тогда представляет собой их монархизм, преданность царю, о чем так много толкуют? Монархизм русских крестьян - это концепция, относящаяся исключительно к государству в целом, ко всему государственному организму. Если бы крестьяне были предоставлены сами себе и были вольны воплотить в жизнь свои удивительные идеалы, они велели бы Белому царю оставаться на престоле, но прогнали бы и, наверно, перебили бы всех губернаторов, полицейских и чиновников. Затем они основали бы множество демократических

республик в стране, ибо в своем невежестве крестьяне не понимают, как может управляться вся Россия в целом. Крестьяне не видят, что бюрократия, которую они ненавидят, и царь, которого они любят, - это две неразрывные части одной системы и уничтожить одну, оставив другую, то же самое, что отрезать руки и ноги, оставив голову и туловище. Обманчивые представления русского крестьянства вызваны простым невежеством, и с распространением знаний среди народа эти представления уступят место более правильному мировоззрению.

Однако не всегда было так. Обманчивые представления не могут жить в сознании народа в продолжение пяти столетий и не могут порождаться только воображением. Причины возникновения и сохранения самодержавия надо искать в истории России и в социальных условиях, исторически оправдывавших его существование. Ибо было время, когда самодержавие соответствовало национальным идеалам народа и являлось средоточием его устремлений.

Глава V

СТАНОВЛЕНИЕ ДЕСПОТИЗМА

Каким образом ультрадемократический строй, преобладавший на Руси в течение XI и XII веков, превратился в течение трехсот или четырехсот лет в деспотизм, о котором без преувеличения можно сказать, что равного ему свет не видал?

Чтобы подробно ответить на этот вопрос, пришлось бы изложить всю историю развития московской монархии. Но столь сложная задача выходит за рамки моих очерков. Я должен ограничиться кратким изложением событий и хочу лишь показать, что роковой результат не является случайным или маловажным, а мое описание древних вольностей на Руси ни в коей мере не приукрашено.

Организация центральной власти в древнейшем и наиболее развитом из наших городов - Великом Новгороде - отличалась, как мы видели, исключительной самобытностью и простотой. Не только его орган управления - вече, но и все государство можно уподобить тем растениям, которые независимо от величины состоят из одной только клетки. Земли Новгорода намного превосходили владения "Королевы Адриатики". Они непрерывно расширялись, и метрополия обрастала колониями, частью завоеванными оружием, частью приобретенными в силу договоров с коренным населением. Некоторые из этих колоний, становясь все более богатыми и многонаселенными, в свою очередь превратились в могущественные общины. Поэтому настоятельнейшим требованием времени было установление полного согласия - *modus vivendi** - между ними и метрополией и обеспечение таким путем целостности государства. Но что же предприняла Древняя Русь, чтобы исполнить это веление времени? Решительно ничего. Колонии рассматривались как неотъемлемые части метрополии, их жители вольны были по своему желанию прибывать в столицу и участвовать в вечевом собрании. Когда предстояло обсудить важные дела, их вовремя извещали и приглашали присутствовать. Но если представители пригородов не приезжали, вече все же выносило свои решения, с жителями

пригородов считались не больше, чем с горожанами, не явившимися на вече.

---

* определение взаимных отношений (лат.).

В сущности, на колонию смотрели как на часть города. Недаром ее называли "пригородом", что означает административный район города, хотя до этих пригородов иногда был месяц езды. Правда, каждый пригород имел собственное вече, управлявшее местными делами. Но общее законодательство государства было исключительным правом столичного веча, и ему, как верховной власти, жители пригородов обязаны были подчиняться. Только большое вече могло также выносить решение о войне и мире. "Как старшие положат, на том и пригороды станут" - говорит древний летописец. Пригороды подчинялись, пока они были молодыми и только еще набирали силу. Но как только они чувствовали себя достаточно окрепшими и становились на ноги, то прогоняли посадника, назначенного столичным вечем, выбирали на его место князя с хорошей дружиной и объявляли себя независимыми. Иногда отделение пригородов происходило мирным путем. Но обычно между ними и столицей возникала борьба, и, если мятежному пригороду удавалось отстоять свои права силой, его независимость была окончательно признана. С положения пригорода он сразу поднимался до положения "младшего брата", и обе земли вступали в союз и клялись друг другу в вечной дружбе, что, разумеется, нисколько не мешало им поссориться при первом же удобном случае.

Никто не думал извлечь урок из этих частых отделений, и, когда с течением времени отколовшиеся пригороды сами основывали новые пригороды, процесс разъединения неуклонно продолжался. Так внутреннее развитие в средневековой Руси протекало как бы в соответствии с законами природы: создавалось все большее количество небольших независимых земель, которые по существу были республиками, но по форме княжествами. В немалой степени этому способствовало также увеличение числа княжеских родов. Всегда были под рукой честолюбивые княжичи, жаждущие власти и высокого положения, готовые подстрекать пригород к отделению и раздуть в нем мятеж.

Нечто подобное, хотя и вызванное совершенно другими причинами, происходило и в некоторых других странах Европы. Результат был тот же - становление самодержавия. Как и феодальные бароны, русские феодальные князья непрестанно воевали друг с другом. Подчас горожане приходили им на помощь. Но если последние не проявляли интереса к этим распрям или даже были настроены враждебно, князьям оставалось верить свою судьбу дружине и наемным отрядам кочевников, которых они принимали к себе на службу.

В конце концов страна, опустошенная вечными раздорами, потребовала мира любой ценой. Самым простым и легким - а при данных обстоятельствах и единственным - путем к достижению этой цели было заменить множество князьков одним-единственным князем. Ибо только в результате длительного опыта, развития духовных и материальных сил народа общество осваивает сложный и дорогостоящий механизм представительных учреждений - единственный изобретенный доселе способ совместить единство и независимость страны с государственной безопасностью и личной свободой.

Древняя Русь, не знавшая даже азов этого трудного урока, была вынуждена, как и другие народы, подвергнуться испытаниям тяжелого ученичества в школе деспотического правления. Тем более что политические и социальные условия делали установление самодержавной власти на Руси и более легким, и более настоятельно необходимым, чем где-либо. Более необходимым, ибо тогдашней Руси приходилось не только справляться с внутренними неурядицами, но и защищаться от непрестанных нашествий. Эти набеги, тревожные и опасные в начальный период русской истории, в X и XI веках, стали в XII веке страшными и едва не роковыми, когда на смену невоинственным кочевникам пришли свирепые татары. И только после окончания этой борьбы, длившейся пятьсот лет, страна была полностью освобождена от татарского ига и татарских нашествий.

С другой стороны, социальные условия на Руси создавали меньше препятствий к объединению под властью одного монарха, чем в большинстве других стран. Обычно процесс объединения происходил в результате завоеваний и постепенного присоединения соседних земель. Такое развитие, зависящее от случайностей войны, было медленным и трудным. Маленькие свободные государства обычно защищались яростно и долго. Могущественная местная знать, боясь унизиться до положения провинциального дворянства, связывала свою судьбу с князьями, а народ вопреки собственным интересам часто действовал сообща со своими правителями против тех, кого ошибочно называл чужеземными врагами. Замкнутость и обособленность их жизни, являвшиеся источником мелких неурядиц, в сочетании с тогдашним невежеством в свою очередь порождали и ненависть, и подозрительность. В Центральной Европе монархиям только с помощью трудового люда городов удавалось побороть враждебные влияния и завершить процесс объединения путем укрепления своих королевств.

На Руси процесс объединения пошел в другом направлении. Если там не было класса городских тружеников, то, с другой стороны, было меньше преград для образования монархии. Земледельческое население лишь частично было оседлое. Великие пространства неосвоенных земель были необъятны, хлебопашество настолько отсталое, что население кочевало с места на место. Спалив лес, оно самым примитивным способом выращивало нужные ему хлебные

злаки. Когда земля истощалась или люди просто хотели переменить место, они отправлялись дальше, и этот процесс повторялся до бесконечности. Крестьяне всегда готовы были обмениваться полями с соседями или даже перебраться в другую волость. Они скитались по обширным русским равнинам в поисках более плодородной почвы и менее тягостной жизни. Целые деревни исчезали из одного места, чтобы появиться потом в другом.

Главное направление огромного человеческого потока, естественно, определяли в те времена политические условия. После татарского нашествия этот поток хлынул главным образом на северо-запад, где княжества Владимирское, Тверское и Московское образовали единое государство, создав устойчивую форму правления. Но между землями помимо главного потока были и менее сильные течения. Непрестанное движение взад и вперед, отлив и прилив масс народа, сплачивая население в единое однородное целое, значительно

облегчили объединение страны. Крестьяне Твери, Казани и Вятки с течением времени уже ничем не отличались от крестьян Нижнего Новгорода. В такой стране, как Русь, не было благодатной почвы для возникновения пристрастий и крепких местных уз, всегда характерных для населения, долго прожившего на своей земле и вкоренившегося в нее. Что касается служилого класса или военного сословия, то они еще больше бродили по чужим землям и их местные узы были еще слабее, чем у крестьян, ибо средневековые дружинники, хоть им и жаловали землю "в кормление", были привязаны к особе князя, а не к земле. Все же они шли к нему по своей воле, были вольными стрелками и имели такое же право менять своего князя, как мастеровой хозяина, право, которым они зачастую пользовались, не колеблясь покинуть воеводу, если его звезда закатилась, для другого, которому улыбнулась фортуна.

В этих условиях присоединение чужих владений обычно означало не больше как захват земли, которая ввиду поражения ее военных защитников и переселения значительной части обитателей в более могущественное княжество не могла оказывать сопротивления победителю. Да и часто случалось так, что князь, если его независимость была под угрозой, решал не искушать судьбу и избежать последствий поражения на ратном поле, перейдя к Москве. Он добровольно отдавал свои владения прежнему сопернику, обеспечив себе в награду за повиновение и покорность богатства, почести и звание боярина. При московском дворе насчитывались десятки боярских семей из князей, происходивших из некогда независимых владетельных родов.

Так что на Руси объединение государства, как я уже заметил, достигалось иным путем, чем в большинстве других европейских стран. "Собирание земли русской" одновременно напоминает и сплочение кочевых племен вокруг знамени храброго, удачливого военного вождя, и процесс, свойственный странам с полностью оседлым населением. Это объясняет ту чрезвычайную легкость, с какой было завершено объединение Московского государства, и неизбежность возникновения деспотизма, пришедшего по его следам.

Политические условия на Руси и ожесточенная борьба не на жизнь, а на смерть с чуждыми, враждебными племенами и враждебной религией, борьба, продолжавшаяся четыре столетия, превратили главу государства в постоянного военного диктатора, столь преданно поддерживаемого народом, что противиться ему считалось преступлением. Вместе с тем социальные условия в стране придавали деспотизму такую страшную реакционную силу, что еще долго после того, как его могущество стало падать и причины, побудившие его к жизни, стали исчезать, цари удерживали всю свою самодержавную власть и продолжали наступление на права подданных.

Образно говоря, Московское государство было армией, огромной дружиной, превратившейся в военную касту и рассеянной по всем обширным землям империи. Разделенное огромными пространствами, военное сословие в свою очередь было разобщено из-за соперничества между отдельными кланами и внутри кланов между его членами. Это сословие не имело ничего общего с феодальными аристократиями в других странах, с иерархией знати и ее вассалами. Оно отнюдь не походило на класс польских магнатов, имевших на службе тысячи бедных воинственных рыцарей, связанных со своим сувереном

общностью происхождения и интересов. Русь была слишком бедна, чтобы бояре могли жить в разорительной роскоши, и слишком обширна, чтобы низшая знать, дворяне, могла стекаться ко двору богатых potentatov. Кроме того, царь всегда мог вознаградить их за службу, жалую земельные угодья, и подогревать их верность надеждами на высокие чины. Неисчислимы людские силы государства были, таким образом, громадным полчищем, зависящим - каждый в отдельности и все вместе - непосредственно от царя и существующим только его милостями, причем низшие чины всегда были готовы по первому знаку государя сокрушить малейшую видимость сопротивления со стороны своих начальников.

И все это происходило в стране, где два с половиной столетия рабства уничтожили в высших классах общества всякое чувство чести и достоинства, а в низших - даже воспоминание о древних вольностях, приучая их в смиренной покорности преклоняться перед грубой силой. А ведь в былые времена непокорный и вспыльчивый россиянин всегда готов был грудью встать против любой несправедливости.

Правда, те же естественные условия, которые препятствовали возникновению постоянных социальных уз, мешали центральному правительству установить свое неограниченное господство над всем пространством своих необъятных владений. Большая часть народной массы, даже большая часть военного сословия лишь от случая к случаю испытывала на себе власть царя. Тем страшнее было положение тех, кто находились в пределах его досягаемости, ибо самодержавие развилось в деспотизм, отличавшийся не столько могуществом власти, сколько безграничностью самовластия. Какое сопротивление могло оказывать царю жалкое высшее сословие, боярство, - люди, не находившие силы в самих себе и не пользовавшиеся поддержкой в стране, льстецы и низкопоклонники, стекавшиеся со всех концов русской земли в погоне за добром и почестями и не имевшие ничего общего между собой, кроме жажды снискать благорасположение царя и страха быть оттесненными более сильными и удачливыми соперниками? Раболепство и лесть, готовность пойти на любое унижение и бесчестье были единственными качествами, позволявшими добиться царских милостей, а часто единственным средством спасти свою голову. В отличие от подобных же сословий в других странах русское дворянство вместо обуздания деспотизма и противодействия его власти становится его жертвой, его орудием либо его защитником. Москва превращается в своеобразный гигантский перегонный куб, где под давлением железного кольца путем взаимодействия отдельных компонентов - *motu proprio** - вырабатываются деспотизм и угодничество.

---

* по собственному побуждению (лат.).

Сделав шаг вперед и увидев всех поверженными к своим ногам, деспотизм делает дальнейший шаг. Повадки, приобретенные отцами, вошли в плоть и кровь у сыновей, и они, в свою очередь, с новой силой передали их своим наследникам. Единственным пределом, полагаемым этому развитию, были вкусы и склонности самих деспотов. Но последние, будучи такими же варварами, как и само то варварское время, и имея перед собой пример своих еще более

свирепых татарских предшественников, уничтожали все человеческие права, не считаясь с личным достоинством, честью и прочими качествами, отличающими людей от зверей, пока не была достигнута та чудовищная черта, за которой правление царей стало позором для человечества.

Глава VI

ВЛАСТЬ ЦЕРКВИ

Однако мы будем далеки от понимания характера московского деспотизма, его могущества и прочности, если вдобавок к внешнему и материальному воздействию не будем учитывать более глубокую моральную силу, которая придает правительствам столь твердую власть над человеческими сердцами, - поддержку религии.

С самого начала политической жизни на Руси русское духовенство имело огромное влияние, так как именно с помощью церковников и проповедуемого ими христианства языческому народу прививались зачатки культуры. Священники и монахи были учителями и советниками как князей, так и подданных. Вместе с тем в XI и XII столетиях на Руси стала внедряться греко-славянская культура и наряду с церковными школами миряне, предававшиеся ученым занятиям, основывали в главных городах страны и светские школы, даже для девушек, в которых молодежь усердно приобретала научные знания.

Но последующие татарские набеги полностью уничтожили эти первые ростки светского обучения, и, по свидетельству наших историков, в XVI веке Русь была значительно менее культурной, более варварской, чем в XII веке. Даже среди высшей знати искусство чтения и письма стало редким достижением, и в боярской думе при Иване IV многие князья из старых родов не умели подписывать свое имя.

Татары, как и большинство племен-завоевателей, уважали религию побежденных. Одним из первых указов ханов неизменно подтверждалась неприкосновенность церквей, монастырей и священников. С тех пор обучение грамоте стало ограничиваться ризницей и монастырскими стенами, и вплоть до XVII века грамоту знало исключительно только духовенство.

Уж одного этого преимущества было достаточно, чтобы придать церковникам необычайный авторитет, и их могущество еще более возросло благодаря социальному и политическому положению церкви. К церкви обращались

люди за утешением, когда навлекали на себя гнев всевышнего. Только церковь ободряла их в час поражения и вдохновляла обещанием победы в священной войне против поработителей. Двумя страстями был одержим русский народ: религиозным фанатизмом и патриотическим пылом, и церковь была одновременно

и воплощением, и выразителем этих страстей. Монахи поднимали слишком трусливых князей на борьбу против татарских захватчиков, а жития святых и бесстрашных отшельников, которые сами брали меч в руки, чтобы поразить

врагов Христовых, еще и поныне живы в народных былинах и песнях. Духовенство вставало во главе всякого народного движения, и, когда московское оружие одерживало победу, наибольшие ее плоды доставались церкви.

И эти всемогущие церковники, опутав своими тенетами бесхитростную, доверчивую душу народа, стали верными прислужниками самодержца и ревностными приверженцами деспотии.

Православие с самого начала было, по существу, национальной религией; оно отличалось в этом от религий других европейских стран, где церковь была международным институтом - глава ее называл себя "царем царей", а народы, принадлежавшие к ней, независимо от расы все были одной веры и искали друг у друга участия и помощи. По этой причине Россия меньше, чем другие страны, пострадала от насильственного духовного воздействия священнослужителей и их злоупотреблений. С другой стороны, русская церковь была всецело подчинена деспотической власти и превращена в позорное орудие тирании и гнета. Богословам угодно говорить, что царь не является главой русской церкви и она не признает другой главы, кроме Иисуса Христа. Пусть так. Но сделать из этой абстрактной теории практические выводы - значит не учесть самого главного. Действительно, в деспотической стране, где духовенство душой и телом находится в полной власти государя, обладающего правом возводить в сан и лишать сана, изгонять святых отцов из страны или по малейшему капризу подвергать их пыткам и предавать смерти, как московские цари часто и делали, в такой стране мнимая независимость церкви - заблуждение и обман. Иван IV это в достаточной степени доказал. Этот милейший монарх, не удовлетворяясь тем, что удушил митрополита русской церкви и заперол до смерти сотни священников в Новгороде, заставил Вселенские соборы утвердить действия и догматы, осужденные канонами и апостолами как мерзости.

Но царям редко приходилось силой принуждать церковников к повиновению. Надо было лишь выбрать самых рьяных из толпы епископов, которые всегда рады были служить. Образование русского духовенства зиждилось исключительно на литературе и истории византийского деспотизма, и потому оно не имело и не могло иметь других политических идеалов, кроме идеала неограниченной монархии. И когда Иван III взял в жены Софью Палеолог, последнего отпрыска греческой императорской династии, русские церковники объявили своего царя наследником святейших восточных императоров, всей их славы и могущества. С тех пор они узрели в безудержном культе абсолютизма свою историческую миссию, миссию, которую они кстати и некстати преданно выполняют среди всех слоев населения.

Религиозная пропаганда имеет самое надежное, стойкое и сильное влияние, и она придает московскому самодержавию его священный характер и огромную власть. Высшей санкцией церкви было одобрено, облагорожено и возвышено положение, которое возникло вследствие жестокой необходимости злосчастной политической жизни и было усугублено социальными условиями, привлечшими на сторону деспотизма все низменные инстинкты - честолюбие, алчность и страх. Повиновение царю было объявлено первым долгом и высшей добродетелью православного. Царь сам почти поверил, что он воплощение бога на земле. Известный путешественник Герберштейн, приехав в Москву, был

чрезвычайно удивлен тем, что державной власти безоговорочно придается священный характер. Если вы о чем-то спросите у москвитянина и он не знает ответа, писал Герберштейн, то почти наверняка скажет: "Это известно только господу и царю-батюшке!" А царь, если бы его о чем-либо попросили, например о помиловании узника, несомненно, ответил бы: "Мы освободим его, если такова будет воля божья". Как будто он в самом добром согласии с господом богом и их отношения носят самый интимный и доверительный характер!

Божья воля, разумеется, означает волю его, царя. Если послушать русских попов, небесный государь некоторым образом действует, как послушный дух земного государя, готовый незамедлительно наказать за всякое открытое или тайное ослушание своего наместника на земле и вознаградить вечным блаженством тех, кто терпеливо и смиренно переносили незаслуженную, несправедливую кару, которой царь по человеческому свойству ошибаться или по наговору своих слуг может подвергнуть своих подданных. В этих словах церковников не слышится никакой иронии, - это чистая правда. В письме, написанном Иваном IV, вдохновителем этой доктрины, князю Курбскому, он обвиняет его в совершении тягчайшего преступления: Курбский посмел вырваться из когтей своего христианнейшего государя. Царь пишет: "Аще праведен и благочестив еси по твоему гласу, почто убоялся еси неповинные смерти, еще несть смерть, но приобретение?"

Хуже всего было то, что столь чудовищных идей придерживался не только сам тиран, но их разделял и народ. И хотя этот бешеный зверь, Иван Грозный, превратил свое царствование в подлинную оргию жестокости, убийств и похоти; хотя он был столь же труслив, как и низок, и, подозревая повсюду заговоры против своей особы, засекал до смерти тысячи своих подданных и подвергал их таким пыткам, что даже при чтении о них кровь стынет в жилах; хотя похотливый тиран насиловал жен и дочерей бояр, умерщвляя всех, кто смел высказывать малейшее недовольство; и хотя его мерзости продолжались ни мало ни много сорок лет без перерыва, - за все время его чудовищного царствования ни разу не раздался голос протеста, ни одна рука не поднялась для сопротивления или мести за позорные надругательства. Жертвам Ивана IV иногда удавалось спастись бегством, но историки не обнаружили ни малейшего следа какого-нибудь заговора против него.

И все же эти люди не были трусы. В большей части храбрые воины, славные своими подвигами на поле брани, они часто проявляли в камере пыток и на лобном месте необычайную стойкость и мужество, редкую силу духа. Но вследствие привитых им воспитанием превратных воззрений сила духа служила лишь тому, чтобы превозмочь естественный порыв к мятежу и подавить возмущение, ибо униженная покорность царю была священным идеалом, незыблемым для них с ранней юности. Князь Репнин был посажен на кол, и, умирая медленной смертью в жестоких мучениях, несчастный славил царя, своего государя и убийцу!

Таковы услуги, оказанные русскому народу православной церковью. Во все время существования русского государства церковь преданно исполняла возложенную на нее унижительную обязанность. И разве удивительно, что, как только началось пробуждение политического сознания в просвещенных кругах русского общества, их первыми словами были слова проклятия против религии.

И теперь, когда первые проблески культуры достигают широких слоев народа, разве не справедливо то, что они тысячами отказываются от веры своих отцов и дедов!

Глава VII

РУССКАЯ ТЕОКРАТИЯ

Московия превратилась в подлинную теократию. Правда, царь не отправлял церковную службу, но он объединял в своем лице все свойства абсолютного монарха и главы государства, столь же безответственного, как татарский хан, и столь же непогрешимого, как римский папа. Только всеильная власть духовенства могла привести к удивительному превращению главарей *si-devant condottieri**, какими некогда были предки императорской фамилии, в земных государей с небесными атрибутами.

---

* прежних кондотьеров (фр. и ит.).

Правление последних царей династии Рюриковичей было эпохой пылкой юности самодержавия, которое только что родилось из неистовства и разгула страстей, сопутствовавших образованию государства. В последующую эру - эру дома Романовых - самодержавие, теперь уже вполне созревшее, достигло последней ступени своего развития. Самонадеянный и уверенный в будущем, деспотизм отбросил грубость и жестокость, характеризовавшие первый период его существования. Он перестал бояться и подозревать и стал столь же неизменным, абсолютным и неизбежным, как закон природы.

Но теократия означает косность и застой. Русский народ, надо помнить, перенял христианство греческой образности - православие, в то время как другие европейские народы собирались вокруг римского знамени. По народным представлениям и главным образом по понятиям церковников, никогда и нигде не отличавшихся терпимостью, это означало, что русские - единственный народ, исповедующий истинную веру Христову. Он был уверен в своем неизмеримом превосходстве над всеми без исключения соседними народами - раскольниками, еретиками и неверующими. А когда с течением времени Россия стала могучей, блестящей державой, не только освободившись от ярма неверных, но уже грозно выступая против своих прежних угнетателей и покоряя одно за другим татарские племена, патриотическая гордость еще увеличила религиозный восторг. Русский народ был несомненным избранником божьим, и, испытав его в геенне огненной рабства, господь теперь поднял его выше всех народов. Чтобы сохранить милость господя и заслужить его благословение, что еще могли сделать русские люди, как не следовать примеру своих предков и хранить как зеницу ока святую веру, принесшую им столько благ и сделавшую их избранным народом?

Сильнее фанатизма духовенства было только его невежество; оно не удовлетворялось одним отправлением церковной службы и исполнением своих

прямых обязанностей. Как запах прогорклого масла, попы проникали всюду, пачкали все, к чему прикасались, умерщвляли все живое, что притворно благословляли. Было объявлено смертным грехом отменять или изменять какой-нибудь обычай или уклад жизни, унаследованный от прошлого. Самый ничтожный пустяк не ускользал от внимания церкви, она пыталась подчинить своему надзору все обыкновения и привычки людей. Покрой одежды, стрижка волос, приготовление пищи - всякие мелочи жизни с важным видом обсуждались преподобными отцами и канонизировались Вселенскими соборами. Эти

Вселенские

соборы, в которых участвовал цвет русского духовенства под председательством митрополита, оставили потомству документ, содержащий сотню глав, - нерушимый памятник человеческому безумию и собственной глупости.

Священникам и пастве, облаченным с головы до ног в столь надежные доспехи, разумеется, нечего было учиться у еретических "немцев" (немых), как называли всех без различия иностранцев. Они могли бы только осквернить национальную чистоту русских людей.

Так клерикальный фанатизм воздвигал барьер между Россией и остальной частью христианской Европы, который труднее было преодолеть, чем Великую китайскую стену. Католики и протестанты считались не многим лучше, чем язычники и магометане. Связь с ними была грехом. Когда эти неверующие приезжали в Москву по делам, им приходилось жить в особых кварталах, как евреям в средневековых городах. Встречи иностранцев с местным населением допускались лишь в случае крайней необходимости, и они не могли продлевать свое пребывание в стране сверх предписанного заранее ограниченного срока. Послы чужеземных правительств, прибывавшие время от времени с дипломатическими поручениями, находились под постоянным надзором. Доступ к ним непричастных лиц преграждался стражей, день и ночь караулившей их дома. Когда послы шли по улице, люди шарахались от них, как от чумных, и разбегались во все стороны, подчиняясь, конечно, приказу. А сановники и те, кто посещали "чужеземных дьяволов" в качестве официальных лиц, подвергали себя серьезнейшему риску быть обвиненными в страшных грехах ереси и колдовства.

Поистине Московия впадала в состояние китайской оцепенелости. Чем больше она предавалась самовосхищению, чем больше старалась оберегаться от связей с Западом, тем глубже погружалась в варварство. Все путешественники, посещавшие Россию в XVII веке, были поражены низким уровнем ее культуры и отсталостью цивилизации. В пору, когда Западная Европа была покрыта университетами, а печатные станки можно было найти в любом городе, в Московском государстве единственным способом размножения книг была переписка гусиным пером. В 1563 году первая книгопечатня, созданная в стране, была разгромлена по приказу духовенства как порождение дьявола, а первопечатники Иван Федоров и Петр Мстиславец избежали суда по обвинению в колдовстве только потому, что спаслись бегством. Арабские цифры, известные в Европе в XII веке, в России ввели только в XVII веке.

Все отрасли производства были столь же отсталыми. Через два столетия после того, как повсеместно вошел в употребление порох, царские солдаты все

еще воевали с луком и стрелами, даже тогда, когда территория страны настолько расширилась, что армия, стоявшая на страже ее границ, и расходы на ее содержание за сто лет увеличились втрое, ибо войны, происходившие на большом расстоянии от столицы, были сопряжены с гораздо большими трудностями и с огромными издержками. Вплоть до начала XVII столетия Россия продвигала свои границы на восток. Теперь она начала наступать в противоположном направлении, войдя в соприкосновение с цивилизованными и сильными державами Запада, против которых ее войска и военное снаряжение, победоносные в борьбе против азиатских кочевых племен, были мало пригодны.

Чтобы удовлетворить новые требования, естественные ресурсы страны были недостаточны, и на народ налагались непосильные тяготы. В правление царя Алексея Михайловича, в пору самых блистательных завоеваний, страна в то же время и по той же причине стала ареной беспримерного по своей жестокости социального и экономического кризиса.

Никогда еще народ не был так тяжело обременен податями. Массы горожан и крестьян, будучи не в силах нести это ярмо, оставляли свои дома и поля и убегали куда глаза глядят. Это делало участь тех, кто оставался, еще безнадежнее. Им приходилось платить подати не только за себя, но и за беглецов соседей. Множество несчастных умерло под палками податных, сотни деревень были заброшены, а жители рассеяны по всей стране. Правительство пыталось бороться с побегам при помощи свирепых указов против бродяжничества. Но единственным результатом этих мер было увеличение числа "бродяг" и превращение их в разбойников. Беглецы прятались в лесах и глухих местностях, целыми толпами переходили границы, находя убежище у воинственных казаков на Днепре и Дону.

Непокорные поселенцы, занимавшие степи, когда-то принадлежавшие татарам, получив теперь новые подкрепления, отказались от своей пассивной роли беглецов и взялись за оружие, чтобы отомстить тем, кто их изгнал. Неистовый казачий атаман и народный герой Стенька Разин возглавил грозное восстание, поднял против царского правительства всю юго-западную часть страны; он захватил ряд городов, предал мечу всех богатых и знатных, попавших ему в руки, и потряс Московское государство до основания. Но в самый критический момент, когда, казалось, решалась судьба России, казачье войско было разбито наголову солдатами, вооруженными современным оружием

и

обученными немецкими офицерами.

Народные волнения, вызванные невыносимым бременем податей и бесчеловечностью, с какой их взимали, происходили также в Новгороде, Пскове и других городах. Даже в столице народ восстал, и царю удалось умиротворить его только тем, что он пожертвовал несколькими любимцами, предав казни самых верных своих советников, которых простой народ, как обычно, считал виновниками всех бед.

Было очевидно, что положение в стране достигло большего напряжения, чем она в состоянии вынести. Чтобы удовлетворить новые потребности государства и справиться со все возрастающими трудностями, необходимо было влить новую жизнь в государственный организм. Эту цель можно было осуществить лишь одним способом: перейти на путь европейской цивилизации и

с помощью науки и промыслов увеличивать производительность труда и развивать природные силы страны. Необходимость в этом была столь явной и безотлагательной, что даже жестокий и суеверный обскурантизм московского правительства не мог более противиться прогрессу. В царствование Алексея Михайловича европейская цивилизация приобрела первую опору в стране. В Москву стали приглашать иностранцев, в столице обосновалась целая колония иноземных ремесленников, и часть армии была вымуштрована немецкими офицерами и снаряжена немецким оружием. Это было только начало. Теперь уже нельзя было больше преграждать доступ цивилизации. С другой стороны, в стране, где малейшее изменение в покрое платья рассматривалось как необычайное новшество, прогресс мог быть лишь несмелым и очень замедленным, а история не ждет.

Россия так сильно отстала от других стран, что, если бы она еще на несколько поколений погрязла в своей суеверной косности, ей никогда уже не удалось бы восстановить утраченные позиции. У ее границ быстро усиливались германские государства. Пруссия прочно обосновалась бы на Балтийском море и - кто знает, на какой срок! - преградила бы России единственный путь к международной торговле и европейской культуре. Опасность можно было предотвратить только быстрыми, действенными мерами и не обычными методами

реформ, а решительным путем революции. Это было сделано Петром Первым, которого справедливо прозвали Великим, и никогда еще революция не совершалась более своевременно.

Глава VIII

ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР

Жизненный путь Петра Великого хорошо известен, и нет надобности рассказывать о его деятельности. Преобразования Петра, надо заметить, были, в основном, политическими. Нет ничего нелепее, чем представлять себе этого царя, с беспощадностью проводившего свои реформы, как человека возвышенных чувств, восхищавшегося чудесами цивилизации и пылавшего желанием распространить ее в своей империи для духовного совершенствования своих подданных. Чтобы быть в силах исполнить свои новые предназначения, Россия прежде всего должна была превратиться в могущественную державу, и на достижение этой цели Петр направил все свои усилия. Наука, культура и искусство ценились им единственно ради их практической пользы и лишь постольку, поскольку они способствовали его политическим предначертаниям.

Главной целью Петра была организация мощных военных сил, хорошо вооруженных, дисциплинированных и снабженных современным снаряжением и военными материалами исключительно отечественного производства. Петр покровительствовал тем наукам и основывал те школы, которые обещали готовить ему хороших офицеров, инженеров и администраторов. Он особенно

благоприятствовал отраслям промышленности, удовлетворявшим потребности его армии и флота и больше всего способствовавшим увеличению доходов казны. Такой, по существу материальный, характер новая культура сохранила в течение более ста лет, когда она пользовалась неизменным поощрением и поддержкой правительства. Только приблизительно к середине XVIII века немецкие философские идеи стали в какой-то степени вытеснять французское влияние и возникла более либеральная и гуманитарная концепция культуры - перемена, на которую правительство смотрело отнюдь не с удовольствием.

Но для того, чтобы насильственным путем вводить новую цивилизацию, даже и в исключительно материальной форме, необходимо было войти в тесные сношения с иноземцами, решительно порвать с прошлым и уничтожить старые обычаи и предрассудки. Народ в своем отвращении к реформам находил поддержку в религии - сильнейшей моральной силе, которой он обладал. В этих условиях полумеры были бесполезны. Необходимо было объявить открытую войну

не только против суеверий, но и против духовенства, которое разжигало и направляло их. Петр так и сделал. И хотя со стороны теократического царя это была дерзновенная и смелая политика, но он полностью достиг своей цели. Старая церковная организация была сломлена, и высшие духовные лица, противившиеся петровскому перевороту, были замещены менее упрямыми служителями культа, одолженными у православной церкви Украины.

Но победа Петра, хотя и полная, была завоевана не без потерь. Царь, применивший к церкви насилие, царь, окруженный еретиками, одетый в немецкое платье, который мало того что сам остриг бороду, но и заставил так поступить своих придворных, - такой царь не мог, конечно, внушить своим подданным того восхищения, какое они с готовностью выражали его предшественникам. Петра даже объявили антихристом. И, что чрезвычайно характерно для социального и политического положения тогдашней России, в то время как чудовищные жестокости Ивана Грозного не вызывали даже видимости сопротивления, преобразования Петра приводили к взрывам открытого мятежа, поощряемого духовенством и разжигаемого фанатическими противниками царя; некоторые даже покушались на его жизнь. С другой стороны, не подлежит ни малейшему сомнению, что ни Петр, ни кто-либо из его преемников уже не мог бы безнаказанно совершать те мерзости, которые навлекли позор на правление прежних московских царей. Павел I был умерщвлен собственными придворными за

преступления куда менее ужасные, чем те, что совершались в Московском государстве. И для нас теперь совершенно очевидно, что превращение царства в империю ограничило царский произвол. Царь, все еще могущественный, уже не обладал божественными атрибутами.

Однако благодаря секуляризации государства - да будет мне дозволено употребить этот термин - самодержец, утерев некоторые державные prerogatives и будучи вынужден несколько сдерживать свои личные капризы, еще в сто раз усилил свою подлинную власть.

Московские цари подобно восточным деспотам могли угнетать и изводить людей сколько их душе угодно; но в отношении всяких новых установлений, имея лишь ограниченное влияние в государственных делах, они были почти

бессильны. Поразительное явление: когда люди ставят над собой государя, которому приписывают деспотическую власть и чуть ли не божественные свойства, им удается, сковывая его инициативу невидимыми цепями, почти свести на нет его власть самой неумеренностью своего поклонения. В древней Японии придворные сумели убедить микадо, что, если он сделает хоть одно движение, мир распадется на куски. И вот бедняга, чтобы предотвратить такое страшное бедствие, часами просиживал на троне не шевелясь, не моргнув глазом и не произнося ни звука. И хотя перед ним преклонялись как перед полубогом, он был в действительности более бессилён и безвреден, чем последний из его слуг. Если бы ловкие японцы могли уговорить микадо продлить свое состояние покоя на пятнадцать часов, мы имели бы удивительно оригинальный пример противоречивости выражения "бессильный деспотизм". Однако им не удалось полностью достигнуть своей цели. Микадо преодолевал затруднение таким образом, что, сходя с престола, оставлял на нем свою корону.

Все же за японцами должна быть признана пальма первенства: нигде больше не придумали ничего столь простого и действенного. Но нечто похожее можно найти во всех деспотиях. С помощью так называемого этикета, представляющего собой не что иное, как способ сдерживать активность монарха, заставляли его тратить столько времени и энергии на пустые и бессмысленные церемонии, что он физически уже не был в состоянии серьезно заниматься государственными делами и власть в стране - нравилось ли это ему или нет - в значительной мере переходила в бесконтрольные руки министров и придворных. Такова была картина при старом французском дворе - ее блестяще описал Тэн - и, вероятно, в еще большей степени при московском дворе. Единственная разница заключалась в том, что бурбонским королям приходилось отдавать большую часть своего времени самому церемониалу - приемам, levee, публичным трапезам и так далее, в то время как московские цари были главным образом обременены исполнением религиозных обрядов, обеднями, посещениями монастырей и осмотром священных реликвий. Затем следовали обычные ритуалы, ибо в теократическом государстве все священно, за исключением жизни и свободы граждан. Если бы ему вздумалось, царь мог сжечь город дотла и предать мечу жителей целой области. Но он не мог, не возбудив всеобщего негодования, пренебрегать старинными обычаями или нарушать неписанные законы

своего двора. Царь мог безнаказанно отрубить голову дворянину или засечь боярина, но он не мог, не вызывая глубокого и длительного недовольства, назначить на высокий пост человека низкого происхождения. Даже такой тиран, как Иван IV, не позволил себе присвоить своему любимцу и наперснику детских лет Адашеву низший дворянский титул, так как его отец был скромного звания. А царь Алексей Михайлович лишь под конец своего царствования осмелился поднять своего тестя и друга Артамона Матвеева, простого сельского дворянина, в звание боярина.

Чтобы примирить права, данные происхождением, с требованиями государственной службы, была создана двойная администрация: знатные думные бояре возглавляли приказы, но их обязанности были строго ограничены военными делами; у каждого из них был свой думный дьяк, человек незнатный,

но с большими способностями. Эти люди и управляли отдельными приказами и коллегиями. То было печальной памяти время дьяков и подьячих; они и осуществляли исполнительную власть в стране. Но зависть и интриги, неизбежно возникавшие между думными боярами и приказными, значительно ослабляли действенность администрации, ибо бояре из трутней превратились в тормоз и обузу к большому ущербу для управления страной и во вред народу.

Если секуляризация государства несколько уронила престиж его главы как теократического монарха, то, с другой стороны, освободила его от давящих оков религиозной и придворной рутин. Царь стал хозяином своего времени и мог всецело отдаваться государственным делам. Он стал также полным хозяином в стране и получил возможность назначать на правительственные должности тех, кого считал подходящими. Его политическая власть вследствие этого значительно усилилась, и он теперь действительно мог взять бразды правления в свои руки. Великий преобразователь и не желал ничего другого. Отметая все устарелые иерархические притязания, Петр нисколько не стеснялся обходить знать и назначать на высшие посты безвестных плебеев, если обнаруживал у них недюжинные способности. Государственное управление было организовано по немецкому образцу, с разветвленной системой учреждений, зависящих только от главы государства, которому принадлежала вся полнота неограниченной и верховной власти. Петр мертвой хваткой держал всю страну - народ, дворянство, духовенство - и делал все, что хотел. Его единственной мыслью было превратить Россию в могучее государство. На эту цель он и направил свое рвение, заставив все классы общества добиваться ее достижения.

Московское государство не имело постоянной армии. Крепости охранялись стрельцами, которые по окончании срока службы расходились по домам. Войска состояли главным образом из дворян, и им за службу жаловали в пожизненную собственность земельные угодья, а иногда, правда редко, наследственные поместья. После окончания войны они жили в своих деревнях. Но для того, чтобы поставить Россию в равное положение с соседними странами и получить возможность выполнить свои планы, Петру нужны были постоянные военные силы.

Эту задачу он осуществил столь же простым, как и действенным способом. Одним росчерком пера он преобразил свое ополчение, состоявшее из людей завербованных, в постоянную армию с неизменным составом. Чтобы заполнить бреши, оставляемые в ее рядах войнами, и обеспечить новое пушечное мясо, он ввел воинскую повинность с чудовищным условием: солдаты должны были служить

в армии двадцать пять лет. Дворянам еще больше не повезло. С двадцатилетнего возраста всех здоровых телом и душой молодых дворян обязывали призываться на службу, то есть служить государству в той или иной области - в армии, во флоте или в администрации - до самой смерти. Только ранение или полная дряхлость давали им право вернуться к частной жизни.

Дворяне обязаны были отдавать государству не только свои физические силы, но и умственные способности, и, для того чтобы они могли это сделать наилучшим образом, Петр приказал им учиться. Все молодые люди дворянского происхождения должны были посещать специальные школы, в которых получали

образование. Если они не посещали занятия добровольно, их приводили солдаты. Если они оказывали сопротивление, их подвергали порке, а если родители, слишком невежественные и суеверные, чтобы оценить преимущества культуры, прятали их, родителей тоже секли. Когда подневольные школяры достигали двадцати лет, их экзаменовали. Те, кто выдерживали испытания, назначались на государственные должности; те, кто проваливались, осуждались на безбрачие и пожизненную службу рядовыми во флоте.

Чтобы вознаградить дворянство за вечные узы, привязывающие их к государству, или, вернее, чтобы облегчить им бремя, налагаемое царем, поместья, находившиеся в их владении только пожизненно, были превращены в наследственные имения. А так как обычно крестьяне всегда переходили вместе с землей, которую обрабатывали, то они теперь обратились в рабов дворян-помещиков, с которыми их прежде связывала скорее вассальная зависимость, чем отношения раба и господина.

Русское крестьянство, до возвышения Московского царства совершенно свободное, постепенно было доведено до состояния рабской неволи, а в середине XVI века правительство отняло у крестьян последний знак их древних вольностей - право покидать после окончания полевых работ своего помещика и наниматься к другому. Это право в значительной степени уже было ограничено Борисом Годуновым и наконец уничтожено сто лет спустя царем Алексеем Михайловичем. С того времени крестьянам строжайше запрещалось уходить от помещиков, за которыми они были закреплены. Однако они оставались на своей земле, так как переселение их было бы в ущерб государству. После царствования Петра помещики могли распоряжаться крестьянами по своему усмотрению, покупать и продавать их, как они покупали и продавали скот. И если только дворяне-помещики и их сыновья выполняли свои обязанности перед государством, последнее не вмешивалось в их отношения с крестьянами.

Так крестьяне в полном смысле слова превратились в рабов дворян, и с этого времени ведет начало подлинное порабощение русского народа.

Ибо государство всех в равной мере держало в своих цепях. От дворян оно требовало их кровь, их досуг, их жизнь. Народ помимо того, что отдавал своих сынов в армию, подневольным трудом содержал царских слуг и собственных помещиков, а податями из него выжимали деньги в казну. Подневольным трудом крестьян пользовалось и правительство, как это было при постройке по приказу Петра второй столицы. Толпы каменщиков, землекопов, плотников и других рабочих были согнаны со всех концов империи, и "под угрозой смертной казни и конфискации имущества" их заставили воздвигнуть на берегах Невы великий город, носящий имя его основателя. Думают ли ныне те, кто шагают по его широким проспектам, о сотнях тысяч безымянных рабов, на чьих костях был построен Санкт-Петербург!

Царствование Петра воистину было тяжелым временем для его подданных. Никогда еще ни один народ не вынуждался правителем приносить столь великие жертвы - отдавать свою жизнь и имущество. Жертвы, кстати сказать, в значительной степени напрасные, ибо если даже идеи великого реформатора были благородны, то методы их осуществления часто далеко не благоразумны. Он предпочитал насилие умеренности даже тогда, когда насилие не только противоречило его интересам, но было губительно для его планов. Но он

сделал свое дело - Россия стала могущественной державой. Беспорядочные войска, из которых восемьдесят пять тысяч солдат были полностью истреблены двенадцатью тысячами шведов, Петр заменил постоянной, хорошо дисциплинированной и прекрасно снаряженной стовосьмидесятитысячной армией.

Он увеличил доходы казны с трех до четырнадцати миллионов рублей. И главное, столь велика была сила, приданная народу европейской культурой, к которой он приобщил Россию, что ее мощь и богатство продолжали расти из поколения в поколение. Невзирая на бездарность большинства из многочисленных преемников Петра, Россия сохранила свое положение великой державы и благодаря своим завоеваниям на Балтийском море и выходу к Черному морю обеспечила для славян совершенную независимость и развитие национальной культуры, наиболее соответствующей духовному гению народа.

Таковы были цели и таковы заслуги военной диктатуры, установленной Петром Великим. Она была исторической необходимостью, единственным средством пробудить страну от вековой спячки, в которую ее повергли теократические правители старого Московского государства.

Глава IX

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Но политический строй, как бы он ни подходил для одной эпохи и в одних условиях, становится в позднейшую эпоху при других условиях не только ненужным, но и пагубным. Вместо пользы он, наоборот, приносит вред, вместо содействия прогрессу углубляет реакцию. Так произошло и с русским самодержавием.

По мере того как культура и цивилизация по толчку, данному Петром, утвердились в стране и были приняты народом, элемент принуждения, введенный во всех областях общественной жизни, становился все менее необходимым и наконец совершенно потерял свой смысл. Во времена великого реформатора все, что имело хоть малейший налет "немецкого", то есть европейской культуры, приходилось буквально проталкивать в горло. Мальчиков загоняли в школы плеткой, а приглашения на придворные балы и ассамблеи сопровождались угрозами конфискации имущества в случае неявки. Ибо отцы и матери в ту пору держали дочерей под замком по восточному обыкновению и по старинному, свято чтимому обычаю их выдавали замуж за людей, которых они никогда прежде не видали.

Даже личная заинтересованность и жажда богатства не могли побороть силу лени и предрассудков. Россия владела богатейшими запасами полезных ископаемых - золота и менее благородных металлов, месторождения которых почти не разведывались. Когда оказалось, что забота о собственных выгодах не была достаточно побудительной причиной, чтобы развивать эту область деятельности, император применил новый стимул: издал суровые указы, заставлявшие владельцев рудников под угрозой строгих кар разведывать недра

и извлекать прибыли как в свою собственную пользу, так и в пользу государства. В тех случаях, когда владельцы не торопились выполнять царские указы, частным предпринимателям давалось право открывать их рудники и присваивать руду, не испрашивая на то разрешения и не уплачивая арендной платы за разработку недр.

Но ушло всего лишь одно поколение, и все изменилось. Жажде наживы, преодолению предрассудков не требовалось более подхлестывания правительственными указами. Не довольствуясь уже открытыми рудниками, заводчики искали новые источники обогащения. Не приходилось уже штрафовать дворян за отказ сменить национальную одежду на европейскую или насильно стричь им бороды и за волосы таскать людей на балы и развлечения. Влияние моды и любовь к удовольствиям оказались более сильнодействующим средством, чем насилие и угрозы. Учителя в школах уже не пугали родителей и детей до потери сознания, ибо последние, сами ставшие теперь родителями, стремились дать своим детям то образование, которое им прежде внушало отвращение и страх. Так в частной жизни с принуждением было покончено по той простой причине, что некого было принуждать.

Подобный же результат был достигнут и в общих назначениях государства.

В царствование Петра III (1762), через три поколения после опубликования указа Петра Великого об обязательной для дворянства государственной службе, появился другой указ, известный как "Манифест о вольности дворян", которым последние освобождались от обязательной военной и гражданской службы без малейшего умаления их прав и привилегий. Причины, заставившие правительство изменить свою политику по отношению к дворянству, красноречиво говорят о том, какие глубокие перемены произошли менее чем за сто лет в социальном положении страны. На выразительном языке указа Петр Великий "повелел вступить в военные и гражданские службы и, сверх того, обучать благородное юношество", и "упомянутому установлению, хотя оно вначале несколько и с принуждением сопряжено было, но весьма полезное, последовали все со времени Петра Великого владеющие русским престолом". Но так как "полезное знание и прилежность к службе умножило в военном деле искусных и храбрых генералов, в гражданских и политических делах поставили сведущих и годных людей к делу... не находим мы той необходимости в принуждении к службе, какая до сего времени потребна была".

Если этот указ был вызван главным образом желанием угодить дворянству, он всецело оправдывался также требованиями государственной политики. Число дворян, способных и готовых служить, теперь было более чем достаточно, и их обязательная служба уже не вызывалась необходимостью. Поэтому нелепо было бы их к этому принуждать. Ни тогда, ни позднее царскому правительству не приходилось жаловаться на недостаток чиновников или офицеров - надо было лишь выбирать их из сонма претендентов.

Руководствуясь тогдашнее правительство прежде всего соображениями справедливости и разумной политики, за освобождением дворян тотчас последовало бы освобождение крестьян, ибо последние были превращены из зависимых в крепостных рабов только ради того, чтобы вознаградить дворян за обязательную государственную службу, введенную для них Петром. После снятия с них этого бремени помещики потеряли всякое право на подневольный и

даровой труд хлеборобов. Возможно, что инстинктивная убежденность в этом крестьян и породила преувеличенные надежды, приведшие в те годы к многочисленным и частым бунтам. Но умозрительные размышления о справедливости не имеют большого значения для политического развития страны. Крепостничество больше не соответствовало интересам государства, но было сохранено для выгоды дворянства.

Однако наступил конец и для этого установления. Крепостное право было отменено в 1861 году. Даже при всем желании нельзя недооценивать причин, вызвавших эту великую реформу. С одной стороны, это было чувство человечности нашего просвещенного общества, вдохновленного новыми идеями; с другой - желание раз навсегда устранить опасность насильственных потрясений, неизбежных до тех пор, пока огромная масса народа страдала под гнетом рабства. Однако обе причины существовали еще за пятьдесят лет до освобождения крестьян. Явно была еще и третья причина, более настоятельная, чем две первые, и потому перетянувшая чашу весов в пользу освобождения.

Эту третью причину не надо далеко искать. В любом учебнике политической экономии говорится - и опыт это подтверждает, - что в той стране, где преобладает система рабства, наступает момент, когда она становится невыгодной и даже пагубной для интересов государства. При высоких ценах на продукты питания раб, никогда не трудившийся с охотой, потребляет примерно столько же, сколько производит, и поэтому не дает никакой или почти никакой прибыли своему хозяину. Промышленное развитие уже

совершенно несовместимо с подневольным трудом. Поэтому в России при освобождении крепостных крестьян исходили не только из гуманных чувств - оно стало экономической необходимостью. В течение так называемого подготовительного периода, с 1855 по 1860 год, когда Крымская война выявила всю бедность и отсталость России по сравнению с другими странами, самыми сильными доводами, приводившимися защитниками освобождения, были доводы

экономического характера. И последовавший в ближайшие шестнадцать - восемнадцать лет после освобождения крестьян колоссальный рост производительных сил (пока, как мы дальше увидим, деспотизм не стал ставить новые палки в колеса) доказывает справедливость этих доводов и мудрость реформы.

Как прямое следствие роста просвещения и социального развития в стране, с плеч народа было снято огромное экономическое бремя, наложенное на него средствами политического принуждения. Все назначения общественной жизни в стране теперь исполнялись без вмешательства правительства, просто путем самопроизвольной деятельности, стремления удовлетворять личные нужды членов общества. Не нужно было больше кнута, чтобы гнать крестьян на поля и рабочих - на фабрики. Общественная жизнь стала более уравновешенной. Россия перестала быть действующим вулканом, ибо неумолимая ненависть раба к господину сменилась относительно умеренным антагонизмом между работником

и работодателем.

Какая же, в таком случае, была надобность сохранить самодержавие -

военную диктатуру? Какая надобность была правительству удерживать свою абсолютную и неограниченную власть, если ему приходилось лишь исполнять простые и мирные административные обязанности, как они исполняются в соседних странах? Это гротескная аномалия.

Царизм потерял свой политический *raison d'être* - свое право на существование. Самодержавие стало бесполезным и, следовательно, тираническим и нетерпимым. Первыми это поняли просвещенные круги русского общества. Это они так сильно почувствовали несправедливость и позор того, что народ держат в кабале, это они так горячо боролись за его освобождение. Как же они могли не возмущаться подлинным рабством, в котором царизм держит их самих и всю страну?

Вполне естественно поэтому, что одновременно с движением шестидесятых годов за освобождение крестьян происходило также всеобщее движение среди русской интеллигенции за либерализм и все, что он означает. Но самодержавие оставалось непоколебимым. Благодаря своеобразному положению в стране правительство имело в своем распоряжении огромные силы, и оно было полно решимости сопротивляться до конца.

Две причины делают открытую борьбу против русского абсолютизма чрезвычайно трудной. Первая - это та, которая в продолжение всего нашего злосчастного прошлого оказала столь неоценимую услугу деспотизму, - беспредельные размеры страны, бесконечность пространств и бедность больших городов - условия, делающие общие, согласованные действия значительных масс населения физически почти невозможными. Вторая причина (менее важная, потому что не постоянно действующая, но, хотя она, несомненно, исчезнет в недалеком будущем, пока еще очень веская) возникает из отсутствия морального единства различных классов нашего общества.

В России нет буржуазии в собственном смысле этого слова, той буржуазии, которая совершила французскую революцию в 1789 году и дала народу руководителей и вожаков. Наша интеллигенция и либералы - большей частью те же бывшие дворяне и мелкопоместные помещики, которым народ не простил зла, причиненного их отцами и дедами.

Таким образом, правительство, сумевшее максимально сосредоточить свои силы, имеет перед собой противника разъединенного и расколотого, физически и морально разобщенного. Стратегическое положение правительства поэтому особенно усилилось. Ловко используя свои преимущества, пренебрегая жизненными интересами народа и продолжая подавлять миллионные массы неграмотных крестьян, самодержавие ведет против интеллигенции непримиримую

и беспощадную войну. Двадцать пять лет длится эта война, принимая все новые формы и становясь все более жестокой и отчаянной.

В последующих главах я хочу показать подлинный характер происходящей ныне борьбы и той стадии, которой она достигла. Затем мы попытаемся уяснить вероятные последствия этой схватки.

ЗЛОВЕЩИЕ МЕСТА

Глава X

НОЧНОЙ ОБЫСК

Ночной Петербург в 1875 году. Часы только что пробили два. Город спит, объятый глубокой тишиной. Широкие пустые улицы, тускло освещенные мерцающими газовыми фонарями, тянутся прямыми рядами, как развернутый строй

солдат, и словно отдыхают после суетни и треволнений дня. Исчезли бесчисленные пролетки, запряженные маленькими лошадьми, которые составляют

столь своеобразную черту большого города, превращая опустевшие теперь проспекты в нескончаемый поток колес, конских круп и человеческих голов; редкие извозчики, еще не покинувшие стоянки, тщетно ожидая седоков, крепко уснули в своих дрожках. Дворники больших домов, не отпирая больше гостям и уже не занятые слежкой за подозрительными личностями, спят в подворотнях сном праведников, и одинокому прохожему глухой стук собственных шагов на гранитных плитах напоминает о позднем часе. На углу Литейной и Бассейной стоит на посту городской. Его обязанность - блюсти порядок в своем околотке и, обходя его дозором, быть начеку; и, когда он прислоняется к стене дома, с фуражкой, глубоко надвинутой на глаза, самый строгий околоточный надзиратель, взглянув на него, не догадается, погрузился ли он в забытье или сомкнул лишь глаза, чтобы поразмыслить о злобе мирской и лучшем способе раскрыть козни нарушителей порядка. Малый без сожаления может предаваться своим одиноким думам. Ночной покой обуздал на время страсти, вожделения и борьбу в окружающем его человеческом муравейнике. Петербург спит первым сном, и все спокойно.

Но что за странная компания таинственно и бесшумно появляется из подъезда большого здания возле всячего моста над глубоким, темным каналом? Люди выходят цепочкой, пока на улице не собралось человек пятнадцать. Повинуясь произнесенной вполголоса команде, встали в строй и быстро заскользили по безлюдным улицам. Часть из них в штатском, другие в форме. Если бы штатские шли в центре, не было бы сомнения о характере этого кортежа, но они идут впереди, ведя остальных за собой, и военные замыкают шествие.

Когда отряд подходит к Литейной, топот ног и звон оружия явно пугают всех, кто их слышит. Задремавший было городской вдруг вздрагивает, быстро поправляет фуражку, встает во фронт и отдает честь начальнику отряда, однако последний не удостоивает его ответом. Извозчик, проснувшись, трет глаза и со страхом глядит на зловещее видение. Запоздалый прохожий, увидев ночной отряд, поспешно заворачивает в переулок и выжидает там, пока отряд не пройдет мимо; затем, выйдя из своего укрытия, следит за ним взглядом,

спрашивая себя, куда он направляется, и, быть может, сожалея, что намеченной жертве, менее счастливой, чем он сам, не удастся уйти из роковых сетей.

Ибо целью отряда является не доброе дело, не желание оказать кому-то помощь. Это идут слуги государства, представители общественного порядка и его хранители, с тем чтобы отстоять силу закона и действовать в его защиту.

Последуем за ними.

Пройдя несколько кварталов, они сворачивают на узкую улицу направо и по команде "Стой!" замирают на месте. Трое из них отходят в сторону и, сблизив головы, совещаются. Затем они расходятся и шепотом отдают распоряжения, все время указывая на возвышающийся рядом большой жилой дом. Эта громада неясно вырисовывается во мраке, словно серый исполин, и занавешенные окна темнеют, будто закрытые веками глаза человека, спящего спокойным сном, не чуя беды. На этот дом будет совершен налет.

Группа разделилась: одни крадутся за угол, чтобы напасть на исполина с тыла, другие решительно направляются к подъезду и будят заснувшего дворника. Вскочив от неожиданности, дворник в страхе бормочет бессвязные слова, но один из штатских заставляет его замолчать. Тогда он, не колеблясь и ни о чем не спрашивая настойчивых ночных посетителей, - а ведь они могли быть переодетыми бандитами - впускает их в дом, стражем которого он назначен, зажигает фонарь и проходит вперед, все еще заспанный, полуодетый, без фуражки, с длинной, взлохмаченной ветром бородой. За ним кошачьей походкой по лестнице поднимаются прокурор, полицейские и шпики, жандармы, подняв сабли и мягко ступая, штатские, тихо обмениваясь замечаниями. Их можно было бы принять за воровскую шайку, ведомую наводчиком, которого они заставили стать сообщником.

- Вот здесь, - говорит дворник и указывает на одну из дверей.

Начальник группы делает своим людям знак, чтобы поторопились, и через минуту все собрались перед дверью. Окинув их быстрым взглядом и удостоверившись, что все на месте, он шепчет что-то на ухо дворнику и строго переспрашивает: "Понял?"

Дворник кивает, подходит вплотную к двери и резко дергает за звонок. Затем звонит вторично, и несколько минут спустя внутри раздается звук шагов.

- Кто там? - спрашивает женский голос.

- Это я, Николай Иванов. Телеграмма для хозяина.

Теперь слышится, как ключ поворачивается в замочной скважине, дверь отворяется, и толпа *sbirri**, оттолкнув полуголую служанку, врывается в квартиру.

---

* полицейских (ит.).

Защитники порядка теперь завладели крепостью. Следующая цель - захватить и обезвредить гарнизон. Так как все спят, они могут это сделать, лишь вбегая в спальни, вопреки негодующим протестам испуганных женщин и плачу внезапно разбуженных детей.

Когда все несколько приходят в себя после неожиданного вторжения, отец

семейства спрашивает у одного из налетчиков, по виду начальника, кто он такой и что означает это нашествие.

- Я пристав, - последовал ответ, - а это господин прокурор. Мы пришли произвести обыск.

- Я не имею удовольствия быть знакомым с вами. Полагаю, у вас имеется ордер?

- Разумеется. А то бы я не был здесь.

- Не будете ли вы любезны показать мне его?

- Это бесполезно. Кроме того, я не взял ордер с собой. Оставил его в отделении. Но тут не может быть ошибки. Вы, несомненно, господин Н. Ваша дочь живет с вами. Она в той спальне. Это все, что нам нужно. Мы пришли по делу вашей дочери.

- Но вышлите по крайней мере ваших людей из спальни. Моя жена и дочь не могут одеваться в их присутствии.

- Все же им придется это сделать, - сказал жандармский офицер с мрачной улыбкой. - Вы думаете, я оставлю их без охраны? Чтобы они спрятали или уничтожили документы, которые могут послужить уликой против них?

После дальнейших увещаний отец, видя, что он совершенно бессилён помешать угрожающему его близким поруганию, просит, чтобы его протест был вписан в протокол.

- Конечно, если вы этого желаете, - говорит офицер с пренебрежительным жестом. - Но какое это имеет значение?

На глазах у жандармов, заполнивших комнату, мать и молоденькую дочь заставляют встать с постели и одеться. Если начальник группы, производящей обыск, при таких обстоятельствах отзывает своих людей на несколько минут из комнаты, то это с его стороны величайшая любезность и учтивость. Закон и начальство разрешают ему поступить так, как ему заблагорассудится.

Наконец все члены семьи встали и оделись. К каждому взрослому приставлен жандарм. Одному из жандармов поручается следить за детьми, не допуская, чтобы они общались со взрослыми. Начинается обыск. Сначала тщательно обследуются спальни, переворачиваются постели, раскрываются шкафы, их содержимое вываливается на пол, и все до мелочей просматривается. Затем начинается обыск во всех других комнатах и служебных помещениях; жандармы не пропустят ни одного чулана, ни одного угла в квартире. Книги, бумаги, частная переписка, особенно последняя, подробнейшим образом исследуются. Ничего нет святого для царских полицейских агентов. Молодая девушка, навлекшая на себя их подозрения и наделавшая столько хлопот, следит за ними притворно равнодушным взглядом, в полной уверенности, что обыск не обнаружит ничего компрометирующего. Но, на беду, ее уверенность оказалась преждевременной. Жандарм открывает ящик маленького шкафчика, в котором она хранит свои личные письма, и, когда он ворошит их, она различает в его руках бумажку, про которую совершенно забыла. Вид записки взволновал ее до глубины души; ею овладело страшное возбуждение. Хотя в записке нет ничего, что могло бы ей повредить, но она содержит имя и адрес, и раскрытие их может привести к аресту, а может быть, и к высылке товарища. И она будет виновата!

Жандарм, бросив беглый взгляд на бумажку, откладывает ее в сторону и

продолжает просмотр писем. Девушка решается на отчаянный шаг. Одним прыжком

она у шкафчика и, схватив записку, засовывает ее в рот. Но в тот же миг две грубые руки схватывают ее за горло. С криком возмущения отец бросается вперед, чтобы защитить свое дитя. Но тщетно! Прежде чем он ее достиг, его оттаскивают назад, толкают в кресло и крепко держат, в то время как три негодяя борются с девушкой. Один схватил ее за руки, другой сжимает горло, а третий, силой открыв ей рот, засовывает туда грязные пальцы, вытаскивая бумажку, которую она пытается проглотить. Корчась и тяжело дыша, доведенная до отчаяния, она напрягает все силы, чтобы исполнить свое намерение. Но перевес на стороне ее врагов. После короткой схватки цербер кладет на стол белый бумажный мякиш, измазанный кровью, и, когда жандармы выпускают наконец свою жертву из рук, она без сознания падает на пол.

О "злонамеренном поведении", как это называется на языке жандармов, девицы Н. будет в точности доложено в официальных показаниях*.

---

* Описанная выше сцена не вымышлена. Это произошло с Варварой Батюшковой, дочерью генерала Николая Батюшкова. Жандармы, пытаясь

вытащить у нее изо рта записку, сломали ей зуб. Многие другие молодые девушки подвергались подобному же жестокому обращению. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Удастся ли полиции расшифровать адрес, который молодая девушка хотела уничтожить, - это для нее лично не имеет почти никакого значения. Сама попытка это сделать будет использована как свидетельство сознательного проступка, и за это ее ждет соответствующее наказание.

Обыск теперь производится с еще большей ретивостью. Одни письма жандармы читают сразу, другие откладывают, чтобы взять с собой. В этих условиях все в доме неизбежно оказывается в полной власти полиции; столовое серебро, драгоценности, деньги - все проходит через их руки, и это секрет полишинеля, что жертвы полицейского обыска часто теряют не только свободу, но также деньги и ценности. И все же они очень редко предъявляют жалобу, и по простой причине: если бы даже удалось установить вора, что почти невероятно, им наверняка было бы отказано в возмещении убытков, а человек, позволивший себе нападки на полицию, сразу создает себе массу непримиримых врагов, которые, можно не сомневаться, раньше или позже возьмут реванш.

Обыск продолжается до рассвета. Обшарили все углы в доме, распоролы даже подушки кресел и подняли настил пола в комнате молодой девушки - искали под досками какие-нибудь нелегальные книги или компрометирующие бумаги. (Ведь многие английские читатели могут не знать, что обладание литературой, которую правительство считает вредной, в России является уголовно наказуемым преступлением!)

С обыском покончено, и наступает трагическая минута. Девушке сурово велят проститься с родными. Никто не проливает слез: они слишком горды, слишком полны негодования, чтобы выказать слабость в присутствии врага. Однако на внешне спокойных лицах родителей, когда они сжимают в объятиях

свое дитя, можно прочесть страшную муку страха и горя. Что станет с нею? Выпустят ли они ее живой? Увидят ли они снова свою девочку? Или с нею случится то же, что случилось с другими... Страшным усилием воли мать подавляет поднимающиеся в ней рыдания, ее сердце разрывается от нестерпимой боли, она снова целует свое дитя, может быть в последний раз. Пленница, слишком взволнованная, чтобы говорить, с трудом вырывается из объятий матери и бежит к дверям.

Пять минут спустя с улицы доносится стук колес, которые увозят несчастную девушку в царскую тюрьму, - и мрак окутал три жизни, возможно, на долгие годы, а возможно, навсегда: жизнь молодого существа, вчера еще полного энергии и сил, а теперь осужденного на неведомые страдания; жизнь родителей, чьи лучшие годы давно миновали и тайные слезы и немая скорбь тем горше и сильнее, что их не окрыляет отвага мучеников или надежда героев.

Глава XI

ПОЛИЦИЯ

Обыск, подобный описанному мной, известен в континентальных странах под названием "requisition"* , хотя в большинстве этих стран домашний обыск не может производиться ночью. Но на английском языке нет равнозначного слова, потому что у говорящих на этом языке народов нет такой практики. А между тем эта практика является обычным и к тому же не единственным методом царского правительства; видоизменяется она в зависимости от обстоятельств и прихоти тех, кто ее осуществляет.

---

* тщательный обыск (фр.).

С незапамятных времен полицейские обыски в России производились по ночам: подвиги такого рода не выносят солнечного света. Однако неверно было бы заключить из этого, что русские семьи полностью ограждены от неприятных посещений в течение дня. Полиция часто производит обыски и днем, потому что в это время ее меньше всего ожидают и люди менее подготовлены к тому, чтобы ее принять, а может быть, и сбить с толку. Жандармы любят захватывать свои жертвы врасплох. Они знают, что человек, которого они ищут, обычно покидает дом своих друзей около полуночи, направляясь в какое-нибудь тайное убежище. С нелегального собрания люди тоже расходятся заблаговременно, они не засиживаются до позднего, опасного, часа. А так как полиция, нагрянув неожиданно, может сделать богатый улов, она не ограничивает свои налеты определенным временем. С другой стороны, у нее имеются основательные причины производить обыски чаще всего по ночам. Прежде всего, ночные набеги вызывают меньше шума. На другое утро соседи лишь узнают, что кто-то исчез. Кроме того, в час или два пополуночи полиция вполне уверена, что застигнет людей дома и ее налет будет более или менее внезапным. Отсюда ночные бдения. В те часы, когда в других странах святость очага пользуется особой

защитой закона, подданные царя подвергаются наибольшей опасности.

В периоды белого террора, наступающие обычно после крупных покушений или раскрытия заговоров, когда обыски производятся направо и налево десятками и сотнями, едва ли хоть одна семья из среды интеллигенции, отправляясь на покои, не дрожит при мысли, что еще до утра ее могут поднять с постели царские каратели. В один из таких периодов, после покушения Соловьева, когда тюрьмы были настолько переполнены заключенными, против которых имелись серьезные улики, что не оказалось места для тех, кто находились лишь под подозрением, без малейших улик, последних пришлось поместить в общей камере Литовского замка. Они жили все вместе и были очень веселы, как это всегда бывает в России, когда много людей неожиданно встречается в тюрьме. Как мне потом рассказывали, перед тем как ложиться спать, они говорили: "Эх, сегодня мы поспим спокойно - здесь мы в полной безопасности!" Все значение этой мрачной шутки могут понять лишь те, кто жили "под властью царей".

Обмануть людей ложью или хитростью и заставить без опаски открыть дверь - это излюбленный метод царских полицейских. Когда они в декабре 1878 года хотели арестовать подпоручика В.Д.Дубровина, офицера полка, расположенного в Старой Руссе, то велели командиру батальона сказать ему, будто он должен передать ему важное сообщение по делу, касающемуся полка. В Одессе полицейские, намереваясь в одном случае произвести арест, подняли у дверей своей жертвы крик "Пожар!". Этот человек, полуодетый, в панике выбежал из дома, попав к ним прямо в руки, и они преспокойно увезли его с собой. Но когда обыски происходят столь часто, что каждый их ожидает, полиция, как правило, приберегает свои уловки для особых случаев. Ибо как механика может ранить собственная петарда, так и полицейские хитрости могут обернуться против самих изобретателей. История с телеграммой, принесенной дворником в глухую ночь, становится уже несколько избитой, а когда поднимается крик о пожаре или другом каком-либо бедствии, вы чувствуете еще большую опасность и немедленно сжигаете бумаги, готовясь к вторжению жандармов.

Закончив свои приготовления, вы отворяете дверь и разыгрываете роль невинного простачка. Не может ведь полиция наказать вас за то, что вы недостаточно быстро открыли, чтобы получить апокрифичную телеграмму, или не спасались от мнимого пожара. Зная это, жандармы чаще всего предпочитают стучать так громко, что и мертвый проснется, крича во все горло: "Полиция! Полиция! Откройте - или мы выломаем дверь!"

И это вовсе не пустая угроза. Царская полиция не стесняется вломиться в дом - искусство, в котором она достигла такого же совершенства, как профессиональные грабители. Она подчас выполняет свою угрозу, когда это удастся сделать без особого шума. При захвате нелегальной типографии "Черного передела" в январе 1880 года жандармы, не то сняв с петель дверные створки, как говорилось в официальном донесении, не то пользуясь отмычкой, как гласила молва, застигли находившихся там людей врасплох и арестовали их прямо в постели.

Насилие и жестокость всегда сопутствовали домашним обыскам и арестам в России, а с усилением репрессий против политических заключенных насилие

стало еще нестерпимее и жестокость беспощаднее.

Позволительно спросить: какие причины считаются достаточными, чтобы дать право защитникам режима совершать ночные налеты и так безжалостно нарушать покой мирных граждан? Этот вопрос кажется естественным англичанину, но если вы поставите его русскому, он только пожмет плечами и рассмеется над вашим простодушием. "Возможно ли что-нибудь нелепее этого вопроса!" - воскликнул бы он, вероятно. Ибо в России все зависит от ретивости полиции, а вовсе не от прав подданных. Россия находится в состоянии внутренней войны, и полиция, будучи оплотом одной из воюющих сторон, не защищает, а сражается. Кто бы ни был враг, полиция должна быть наготове, чтобы напасть на него, она обязана подвергать осаде любое его укрытие. На жандармского офицера, который поколебался бы произвести обыск без достаточных оснований или арест без ордера, посмотрели бы как на негодного бездельника, который зарится на большое жалованье, не давая ничего взамен. Полицейский, желающий получить повышение или хотя бы сохранить свое положение, не может себе позволить быть щепетильным. Ему надлежит проявлять такое же рвение, бдительность и постоянную готовность, как собаке-ищейке, взявшей след. По малейшему признаку или простому подозрению он должен пуститься в погоню и хватать добычу, где может. Будь что будет - пусть признаки окажутся обманчивы, пусть охота опасна, - его всегда подстрекает уверенность, что он заслужит одобрение начальства. Ибо никогда еще не случалось, чтобы жандармского офицера наказали за то, что он произвел обыск без достаточных оснований. Я сомневаюсь, чтобы кто-либо получал за это порицание, и уж совершенно убежден, что тот, кто наименее разборчив в средствах, быстрее всего пойдет в гору.

Вот несколько примеров того, какими методами пользовалась царская полиция. Это отнюдь не чрезвычайные или исключительные методы, и они взяты почти наугад из огромной массы материалов, имеющих в моем распоряжении.

В погожий майский день 1879 года маленькая армия, состоящая из солдат, казаков и жандармов, выступила из города Купянска, Харьковской губернии, с барабанным боем, музыкой, тамбурмажором во главе и стрелками в хвосте, словно шла она навстречу чужеземным захватчикам. Но так как ополчение находилось под начальством прокурора, сразу становилось ясно, что враги, с которыми предстояла схватка, либо подлинные мятежники, либо подозреваемые нигилисты. Первым объектом нападения был Н.А.Богуславский, крупный помещик.

Его сад и владения были окружены кордоном солдат, в то время как прокурор Мечников во главе отряда полицейских и жандармов подверг осаде дом, который, разумеется, сдался на милость победителя. После того как по привычке жандармов все было перевернуто вверх дном, они с такой же тщательностью обыскали сад, прочесали дно пруда и не оставили необследованным ни один уголок в имении. Но обыск не дал никаких плодов, и им пришлось убраться восвояси с пустыми руками. Невзирая на это, Богуславского посадили под домашний арест и дом был оставлен в распоряжении полиции.

Затем отряд отправился к Балавенскому, мировому судье Сеньковского уезда, у которого они вели себя точно так же, как в первом случае. Но и

здесь полиция не обнаружила ни малейших улик, чтобы оправдать свои подозрения. Обыски были произведены также в имениях Воронца и Диковского, богатых помещиков, занимавших государственные посты, и с тем же результатом. Ничего подозрительного не было обнаружено. Несмотря на это, Воронца отвезли в тюрьму и, продержав некоторое время в заключении, выслали на Дальний Север, в Олонецкий край. Так он никогда и не узнал, чем заслужил столь строгую кару. Говорили, будто среди крестьян о нем ходили подозрительнее слухи.

Наконец прокурор отвел свою армию и уехал, оставив купянских дворян в крайнем замешательстве и в полном неведении относительно причин, вызвавших внезапные, непрошенные визиты и последовавшие за ними репрессии. Да и усердный прокурор на этом не успокоился. Спустя несколько месяцев он снова посетил купянских помещиков и действовал в точности так, как и в первый раз, и с точно таким же результатом. Но так как от его усердия толку было мало, а шума много, то сочли необходимым арестовать и выслать в административном порядке несколько совершенно невинных людей. Ибо, руководствуясь принципом, что нельзя возлагать на человека вину, прежде чем она доказана, мы вправе предположить, что, раз эти бедняги не были преданы суду и не обвинялись ни в каких определенных нарушениях, они были абсолютно невинны.

С Кончаловским, мировым судьей в Екатеринославской губернии, прокурор был более удачлив. Полиция нашла в его доме рукописный экземпляр речи Петра Алексея на "процессе 50-ти". За это преступление судья был выслан на Крайний Север, в Архангельск.

Вся эта история в Купянском уезде, порожденная необычайной служебной рачительностью прокурора Мечникова, оставалась тайной, пока ее по неосторожности не выдал один из его подчиненных. Дело было так: в 1874 году, то есть пять лет назад, был арестован один из первых борцов революции - Лев Дмоховский. Он был присужден к восьми годам тяжелых каторжных работ за напечатание в подпольной типографии двух социалистических брошюр. Но при аресте Дмоховского была захвачена только часть шрифтов и типографских станков, остальное он либо уничтожил, либо надежно спрятал. Теперь выяснилось, что Дмоховский тоже купянский помещик и сродни некоторым местным дворянам. Поэтому прокурор Мечников, обдумав дело "тем, что ему угодно было называть своим умом"*, пришел к выводу, что недостающие шрифты и станки спрятаны в одном из имений Купянского уезда. Отсюда вся эта помпа и военный парад, зловещие налеты, домашние обыски, прочесывание прудов и все остальные меры, которые и удивили и позабавили окрестных крестьян и других жителей округа.

---

* Рич. Бетлл, Барон Вестбюри. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Согласно другой версии, - в стране, где печать связана по рукам и ногам, слухи, естественно, заменяют собой новости - у прокурора Мечникова были старые счеты с купянским дворянством и он воспользовался представившимся случаем, чтобы им отплатить, а исчезнувшие шрифты были только предлогом.

Весьма характерная история произошла в августе того же года в Черниговской губернии. К земскому врачу Ф., в Борзненском уезде, приехала госпожа Б., жена члена киевского суда, женщина из общества, принятая в салоне черниговского губернатора. Ее сопровождали лакей и горничная. Немедленно по прибытии госпожи Б. хозяин дома, как полагается, довел об этом до сведения урядника и показал ее бумаги - паспорт, выданный мужем, судьей, и удостоверение, подписанное председателем киевского суда. Доктор Ф. упомянул также, что даму сопровождают лакей и горничная, но их бумаги по оплошности остались в Киеве, откуда он предложил их затребовать. Однако, так как дама собиралась оставаться у доктора всего несколько дней и он мог лично поручиться за ее благонадежность, урядник счел это излишним. Представьте, как все были поражены, когда три дня спустя в дом врача явился пристав и захотел поговорить с госпожой Б. Полагая, что пристав ошибся и ему нужен доктор Ф., дама послала сказать через горничную, что доктора нет дома. Но пристав настаивал, чтобы его приняла госпожа Б. Поэтому она вышла к нему в дурном расположении духа и спросила, почему он позволяет себе докучать ей. Вместо того чтобы извиниться, пристав назвал ее "подозрительной личностью" и подверг домашнему аресту. Он арестовал также ее лакея и горничную и отвел их в борзненскую тюрьму.

Подлинной и единственной причиной такого поведения было желание пристава Ковалевского отличиться и превзойти своего сослуживца пристава Маклакова, чье усердие в производстве арестов было вознаграждено одобрением начальства, быстрым продвижением по службе и значительным повышением жалованья. В официальном донесении, посланном борзненским приставом начальнику киевской полиции, указывалось, что причиной ареста госпожи Б. и ее прислуги явилось то обстоятельство, что она прибыла в Борзну без документов и что, по слухам, она держит в Киеве, на Крещатике, магазин дамских шляп с целью лучше замаскировать свое участие в революционных заговорах. А так как модистки и продавцы, как хорошо известно, все тайные нигилисты, мнимые лакей и горничная, как и их так называемая хозяйка, были посажены под арест. Через несколько дней, когда паспорта были проверены, личность дамы доподлинно установлена и все оказалось в полном порядке, арестованные были освобождены "с незапятнанной репутацией". Но разумеется, они не получили возмещения за свое ничем не оправданное содержание под арестом, а пристав - никакого порицания за свое грубое поведение.

Анри Фарино, представителю весьма солидной французской фирмы, приехавшему в Клинцы, промышленный город Московской губернии, исключительно

по делам, случилось встретиться в доме нотариуса Шеловского, у которого он остановился, с начальником местной полиции, и он был ему формально представлен. По какой-то неизвестной причине начальник полиции перед уходом попросил у хозяина дома паспорт француза. Документ, выданный Французской республикой и завизированный в Петербурге и у московского генерал-губернатора, оказался безупречно правильным. Несмотря на это, багаж господина Фарино был тщательно осмотрен, деньги отняты и письма взяты для проверки, а его самого обыскали и посадили под арест. Только благодаря ходатайству господина Зубцеловского и профессора Ярославского лицея Исаева

удалось добиться его освобождения на поруки, а через несколько дней французский консул исхлопотал в Москве распоряжение о возвращении господину Фарино его имущества и о полной его реабилитации.

Такими примерами можно заполнить целые тома. Примечательно, что в каждом приведенном мной случае инициатива исходила от полиции. Случаи же, когда полиция была поднята на ноги доносами личных врагов и всяких осведомителей, еще гораздо многочисленнее и возмутительнее. Самые низкие и презренные личности, сущие подонки общества, которым и под присягой никто бы не поверил, имеют полную возможность тайными обвинениями и лживыми разоблачениями насытить злобу, порожденную завистью, или отплатить за воображаемые обиды. Ни один донос, кто бы его ни послал, не остается без последствий. Стоит только уволенной вами кухарке или вороватому слуге, которого вы пригрозили отдать под суд, заявить, что вы социалист, и у вас немедленно произведут ночной обыск. У вас есть соперник, досаждающий вам? Прежний друг, которому вы хотите подложить свинью? Вам нужно лишь донести на него полиции. Когда правительство в период умственного просветления учредило так называемую сенаторскую ревизию, оно было поражено огромным количеством выплывших ложных доносов, имевших вопреки их обманному характеру самые губительные последствия для несчастных жертв. Тогда было объявлено, что министр предаст всех этих клятвопреступников и лжесвидетелей суду. Но времена изменились. Наступила реакция, и при режиме графа Толстого были оставлены все надежды на реформы, забыты добрые решения и сонму шпииков

и доносчиков позволено продолжать свое грязное дело.

Осведомители не обязаны даже сообщать свое имя. Анонимный донос имеет точно такое же хождение, как правильно подписанное обвинение. Полиция начинает действовать, и, как правило, производятся ночная облава и обыск. Следующие шаги зависят от того, будут ли обнаружены компрометирующие бумаги, или от фактов, которые могут показаться жандармам подозрительными.

Полиция не считается ни с чем - ни с численностью людей, подвергающихся репрессиям, ни с личностью человека. На Кавалергардской улице в Петербурге, недалеко от Таврического сада, стоит дом, занимающий почти целый квартал. В этом пятиэтажном здании множество маленьких квартир, и обитает в нем, должно быть, не менее тысячи человек. Многие жильцы - студенты-медики, прикрепленные к близлежащей Николаевской больнице. И вот до полиции дошли смутные слухи, будто в этом человеческом улье скрываются опасные преступники и, возможно, тайно готовится заговор с целью ниспровержения существующего строя. Немедленно был устроен налет. Глубокой ночью все здание, обширное, как хлопчатобумажная фабрика, было оцеплено батальоном пехоты и равным количеством жандармов. Последние, разбитые на отряды по три и четыре человека, прорвались в коридоры, на лестницы и лестничные площадки. Оттуда они делали облаву налево и направо; у многих дверей сразу кричали: "Откройте, полиция!" Паника охватила дом, как пламя пожара. Через несколько минут жильцы уже были на ногах и во всех окнах горел свет. Охрана, поставленная у каждой двери, держала жильцов под арестом, пока не наступала их очередь. Обыски производились одновременно в двенадцати квартирах равным числом полицейских групп, и эта инквизиция

продолжалась до тех пор, пока все здание не было досконально обследовано. Ничего не обнаружили, но полиция, не желая уходить с пустыми руками, прихватила с собой несколько пленников, которые через пару дней были отпущены домой.

Это далеко не единственный случай такого рода. После крупных покушений, и особенно после первого и последнего, самым серьезным образом предлагалось обыскать каждую квартиру в Петербурге. Такой план был невыполним - это невозможно физически, но на многих петербургских улицах фактически производились обыски из дома в дом и из конца в конец. Один жилой квартал был окружен целым полком солдат, которые задерживали и арестовывали каждого, кто пытался выйти из дома или войти в него. Пока это происходило снаружи, жандармы хозяйничали внутри. Покончив с одним кварталом, они направлялись в другой и повторяли свою операцию, пока не прочесали всю улицу.

Нагрянуть во мраке ночи, вторгнуться наподобие грабителей в дома мирных граждан, обшарить их жилища и нагнать страх на детей - все это было порождено самим произволом деспотизма. Система была в равной мере нелепа и скандальна. Обыски были бесполезны. Налетчики ничего не находили, ибо, если их ожидали - иногда о предстоящем приходе полиции кто-то тайно сообщал заранее, - принимались меры, делавшие их поиски бесплодными.

Судейкин это понимал. После его прихода к власти обыски прекратились, может быть потому, что с этого времени уже не было крупных покушений. Тем не менее тот факт, что эта система существовала и с таким ожесточением проводилась в жизнь, весьма характерен для методов царского правительства и для взглядов тех, кто якобы руководствуется высоким принципом "неприкосновенности жилища". Их судят по безошибочному мерилу - их действиям; для них святость очага человека, покой его жилища не достойны никакого уважения. От полицейских налетчиков никто и не ждет, чтобы они думали о зле, которое причиняют мирным гражданам; так от охотника, разгоряченного преследованием зверя, не ждут, чтобы он замечал, что топчет траву или отбрасывает ногой кусты ежевики.

Весьма примечательно также, что право домашнего досмотра принадлежит различным органам полиции, действующим независимо друг от друга. На тот же дом в тот же день иногда делались по два, по три и даже четыре налета. Хотя и верится с трудом, но это совершенная правда. Весной 1881 года в Кларенсе, на берегу Женевского озера, пребывала русская дама, вдова статского советника Р., женщина лет сорока, мать четырех детей. Во время паники, начавшейся после 13 марта, к этой даме на протяжении двадцати четырех часов полиция приходила семь раз. Семь раз в течение одних суток она слышала страшный крик: "Откройте, полиция!"; семь раз ее квартиру переворачивали вверх дном и сама она подвергалась величайшим испытаниям.

"Это было больше, чем я могла вынести, - говорила она потом. - У меня четверо детей, поэтому я покинула Петербург и приехала сюда".

Можно подумать, что госпожа Р. была серьезно скомпрометирована или, во всяком случае, что у полиции были все основания подозревать ее как участницу революционной борьбы. Ничуть не бывало. В этом случае она немедленно была бы заключена в тюрьму. Дама была сама невинность и

настолько благонадежна, что, когда она обратилась с просьбой выдать ей заграничный паспорт для поездки в Швейцарию, полиция не чинила ей никаких препятствий и ее просьба была удовлетворена. Семь домашних обысков были сделаны на всякий случай, "по чистому недоразумению", как ей потом объяснили. Недоразумения такого рода нередки в России. Со слишком многими приключалось, что их арестовывали по ошибке, ссылали по недоразумению, держали много лет в тюрьме зря. Все это случалось. Я расскажу об этом больше в одной из следующих глав. Такие факты достаточно хорошо известны русским людям, и, когда полиция ограничивается только непрошеным ночным визитом и обыском в нашем доме, мы почитаем за счастье, что так легко отделались.

То, как по отношению к гражданам царской России соблюдается принцип неприкосновенности жилища, очень удачно изобразил в одной сценке великий русский сатирик Салтыков-Щедрин.

Глумов говорит:

- ...знаете ли, о чем я мечтаю? Нельзя ли нам, друзья, так наше дело устроить, чтобы обывателю даже приятно было? Чтобы он, так сказать, всем сердцем, чтобы для него это посещение...

- Все равно что гость пришел...

- Вот-вот-вот! Да и гость-то чтоб дорогой, желанный.

- А ежели действие происходит ночью?

- Так что ж, что ночью? Проснется, докажет свою благопристойность и опять уснет!.. Знаете ли, что я придумал, друзья?.. Чтобы у каждой квартиры два ключа было: один - у жильца, а другой - в квартале!

Один из друзей запротестовал:

- А ежели, позволю вас спросить, в квартире-то касса находится?

- Так что ж что касса! Мы - божьи, и касса наша - божья!

- Ну нет, с этим позвольте не согласиться! Мы - это так! Но касса!!

Глава XII

ДОМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ*

---

* См. следующую главу. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Но вернемся к нашей героине, которую мы оставили под конвоем жандармов на пути в тюрьму.

Из угла кареты, куда ее втолкнули, она выглядывает в окошко поверх задернутых занавесок. Несмотря на ранний час, на улице уже начинают появляться люди. Девушка кажется спокойной и покорной своей судьбе, но взгляд ее задерживается на каждом предмете, встречающемся по дороге, словно она никогда больше его не увидит. Несмотря на внешнее спокойствие, ее ум работает с лихорадочной быстротой. Через полчаса, а может быть скорее, за нею закроются ворота тюрьмы. Ей придется подвергнуться допросу. Это несомненно. Но в чем ее обвиняют, что может полиция иметь против нее? В то

время, как колеса громыаают по булыжной мостовой и ее глаза все еще прикованы к окошку кареты, она обращает свой мысленный взор внутрь и допрашивает себя перед судом собственной совести. Ей только восемнадцать лет, и она всего несколько месяцев живет в Петербурге, куда приехала учиться. Это не долгий срок, но достаточный, чтобы совершить несколько тяжких проступков и нарушений. Бедняжка! Во-первых, она дружит с неким Н., бывшим студентом, а теперь пылким революционером, ревностно занимающимся

пропагандой среди крестьян. Он ее друг детства. Когда она жила в деревне, он иногда писал ей, и вот одно из его писем она только что пыталась уничтожить. В Петербурге они изредка встречались. Она познакомилась с несколькими друзьями Н., разделявшими его воззрения. Среди них была и молодая девушка В., которая относилась к ней с душевной добротой, и она отвечала ей тем же. Однажды, когда ее подруга ждала прихода полиции, она взяла на хранение пачку запрещенных книг. В другой раз она взяла у В. нелегальную брошюру для студентки, с которой вместе училась. И наконец, она разрешила В. воспользоваться ее адресом для своей переписки. Все это серьезные преступления, и, если они стали известны полиции, она погибла! Но жандармы не могут все знать. Это маловероятно. Однако кое-что они, по-видимому, все же знают или подозревают. Как много и что именно? В этом все дело.

Тут думы нашей пленницы были прерваны. Карета внезапно остановилась, и, выглянув в окошко, она увидела четырехэтажное здание, изящное и строгое по своему архитектурному стилю. Это дворец новой инквизиции. Дом предварительного заключения. Как хорошо знаком ей лицемерный вид этого здания с длинными рядами высоких и красиво изогнутых сводчатых окон, скрывающих, словно сомкнутые каре солдат при казни, ужасы, творящиеся внутри! Как часто останавливалась она перед этим двуличным домом, с удивлением и скорбью думая о тех несчастных, которые томятся за этими стенами из полуобтесанного камня. Кто бы мог подумать, что ей так скоро придется разделить их участь!

Девушка выходит из кареты и с серьезным, озабоченным лицом приближается к величественным воротам, напоминающим врата прекрасного храма. Они как раз так высоки, что под ними свободно пройдет колесница осужденных, которых снарядили на тюремном дворе в их последнее путешествие. Бесшумно отворяется калитка в массивных темных воротах, и часовой, человек богатырского роста, так же легко управляющийся со своим ружьем, как с камышовой тростью, кажется безжизненным, как каменные тумбы по обеим сторонам въезда. Загремели засовы; калитка запирается. Кто знает, когда она снова отворится, чтобы ее выпустить?

Девушку ведут в канцелярию. Записывают ее имя, возраст и внешние приметы. Затем снизу раздается голос:

- Примите номер Тридцать девять!

- Есть принять номер Тридцать девять! - отвечает голос сверху.

Номер Тридцать девять под охраной тюремного надзирателя поднимается по лестнице. На одной из площадок ее передают другому надзирателю, и тот ведет ее в камеру под номером 39.

С этой минуты камера становится всем миром узницы. Маленькая каморка, но чистая и аккуратная, четыре шага в ширину и пять в длину. Прикрепленная к стене опускающаяся кровать, столик, тоже прикрепленный к стене, табурет, газовый рожок, раковина с краном. Она рассматривает все это с любопытством и даже с чувством приятной неожиданности. В конце концов, черт не так страшен, как его малюют. Едва она окончила осмотр камеры, как с удивлением услышала странные звуки - таинственное постукивание, раздававшееся как будто из стены. Прижав к ней ухо, она слушает, затаив дыхание. Стук хотя и слабый, но явственный. Удары следуют один за другим не с механической регулярностью, а в определенном ритме и с размеренностью, словно вдохновенные разумным существом и таящие в себе какой-то сокровенный смысл. Но что означает это странное постукивание? А! Она поняла. Ей приходилось слышать, что заключенные в тюрьмах иногда общаются между собой посредством перестука - по образцу дробы телеграфной азбуки. Стучит, должно быть, сосед, ее товарищ по несчастью, и он хочет поговорить с нею. С благодарностью и сочувствием она постучала несколько раз в ответ. В следующую минуту, к величайшему ее изумлению, стук слышится уже со всех сторон. В противоположной стене раздается несколько громких, резких ударов, словно тот, кто стучит, весь кипит от нетерпения или гнева. Там, значит, находится еще один страдающий брат, нуждающийся в утешении! Когда она подняла руку, чтобы ответить, снизу донеслись новые удары, такие же ритмичные, но более звонкие, - их проводником служит водопроводная труба. Затем сверху, как эхо, прозвучали такие же сигналы. Каморка вся огласилась этими отрывочными звуками, словно шла игра в крикет или будто таинственные существа, в которых верят спириты, выстукивали свои донесения из потустороннего мира.

Первым чувством узницы был страх. Значит, в этом зловещем доме заключенные находятся повсюду: и над нею, и под нею, и справа, и слева. Неужели она лишь одна из многих в толпе несчастных? Но вскоре ею овладела досада, страстное сожаление, что ей прежде не приходило в голову изучать тюремную азбуку. Не понимая смысла постукивания, которое продолжало раздаваться в ее камере, она почувствовала стыд, почти отчаяние.

Что значат эти звуки? Что хотят ей сообщить невидимые соседи? Не расшифровав их стука, она не могла ничего ответить. Мало-помалу постукивание прекратилось, и вокруг нее снова воцарилась глубокая тишина. Но прошло несколько минут, и один из стучавших начал сызнова. Может быть, он пожалел новоприбывшую за ее неведение и хотел обучить ее. На этот раз удары были реже и явственнее, как бы для того, чтобы дать ей возможность лучше их сосчитать, и они не прерывались, как раньше, паузами. Она прислушивается, напряженно думая, что они могут означать, и вдруг ее осенила счастливая догадка. Может быть, каждый звук соответствует букве в порядке азбуки. В таком случае понять постукивание будет легко! Она дождетя первой паузы и, когда возобновится стук, свяжет телеграфную дробь с буквой: один стук - первая буква, два стука - вторая и так далее. Наступила пауза. За ней последовало новое постукивание. Жадно слушая и внимательно считая удары, она нашла одну букву, другую, третью. Три буквы составили слово. Затем она составила по буквам еще одно слово. "Кто вы?" -

спрашивал сосед.

Как ему ответить? Конечно, тем же способом. Она выстукивает свое имя, и они обмениваются еще несколькими фразами.

Любезный сосед учит ее шифру, очень простому и удобному, и с его помощью после небольшой практики разговор ведется легко и быстро.

С помощью этого слухового языка сотни умных и тонко чувствующих людей, оставаясь невидимыми и навсегда разделенными, беседуют друг с другом, обмениваясь своими мыслями. Лишенные неумолимой жестокостью тюремщиков

человеческого общества, своих друзей и близких, осужденные жить и страдать в полном безмолвии, подобном безмолвию смерти, они обращаются к окружающим

их стенам, немым свидетелям их одиночества, сообщают им свои думы, делятся своим горем. Камни и железо более отзывчивы и милосердны, нежели люди, и они передают их мысли и чувства другим таким же страдалцам. Заключенных, уличенных в постукивании, строго карают за нарушение тюремных правил, требующих мертвого молчания. Но стены - добрые, верные друзья, они никогда не изменяют, они влекут к себе, и узники прикипают к ним, чтобы освободиться от одиночества и в беседе с невидимыми друзьями сбросить с души бремя горестей.

Нельзя наказывать всех нарушителей гробового молчания: никакой карцер всех не вместит. Их так много, что властям поневоле приходится смотреть сквозь пальцы на эти проступки. В России нет ни одной тюрьмы, где заключенные не общались бы между собой посредством постукивания, а в Доме предварительного заключения перестукиваются больше, чем где-либо.

Номер Тридцать девять быстро освоилась со странной и своеобразной жизнью тюрьмы и почти уже подружилась с людьми, о существовании которых узнавала лишь по ритмическому стуку в стену. Но общие страдания и общность взглядов заменяют здесь менее умозрительные отношения, и нередко в тюрьме устанавливаются связи, длящиеся потом всю жизнь. Говорят, любовь не знает преград. Для любви не существует и тюремщиков. Бывали случаи, когда люди влюблялись друг в друга через тюремные стены.

Номер Тридцать девять была способная ученица и вскоре стала всецело разделять воззрения, чувства, восторженный идеализм нового мира, который перед нею раскрывался благодаря царской полиции. Никогда еще молодая девушка не жила такой полной жизнью. Прежде, увлеченная почти исключительно своими научными занятиями, она испытывала к освободительному движению молчаливое сочувствие, основанное на более или менее смутных идеях. Теперь она уже все понимает. Она узнала страдания своих товарищей по несчастью и сблизилась с ними душой. Она видит, как преданны они своему делу, как верят в будущее. И теперь, как пылкая новообращенная, она радуется тому, что и у нее достаточно сил, чтобы страдать и бороться.

Но в то же время она испытывает глубокую печаль. Перед нею раскрывается вся жизнь ее незримых братьев и сестер, и эта жизнь полна мрака, горестей и нечеловеческих мук. Судьбы этих людей не похожи одна на другую. Одни узники сидят только по подозрению, другие - настоящие революционеры и известные пропагандисты.

Ее сосед по камере, номер Сорок, серьезно скомпрометирован. Его схватили на месте преступления, переодетого крестьянином, с фальшивым паспортом, при ведении революционной пропаганды. Он богатый помещик и мировой судья и, наверно, будет приговорен к долгосрочной каторге.

Такой же строгий приговор грозит номеру Шестьдесят восемь. Это молодая девушка, высокообразованная, из дворянской семьи. Она окончила курс в Цюрихском университете и, вернувшись в Россию, поступила работать на московскую бумагопрядильную фабрику. Ее арестовали по подозрению в сношениях с революционерами, так как в ее сундучке было обнаружено несколько нелегальных брошюр; один рабочий, запуганный полицией, дал показания, будто он слышал, как девушка читала вслух одну из брошюр его товарищам. Читателю может показаться, что это не очень страшное преступление, но для царской полиции вполне достаточное, чтобы осудить девушку и, по всей вероятности, тоже приговорить ее к долгосрочной каторге.

Но эти двое еще наиболее счастливые. Они хоть знают, какая судьба их ожидает, - преимущество, которого лишены многие их товарищи. Номеру Девятнадцать, например, находящемуся в камере нижнего этажа, вообще не предъявлено никакого обвинения. Брошюра, обнаруженная у него полицией, была слишком пустячной, чтобы обладание ею могло рассматриваться как преступление. Но под тем предлогом, что он друг номера Сорок, его держат в тюрьме уже два с половиной года. Обвинение против номера Шестьдесят три такое же необоснованное. Его вина заключается в том, что он однажды приехал в имение человека, арестованного за ведение революционной пропаганды. Ни один из крестьян, с которыми ему устроили очную ставку, не дал никаких показаний против него. Однако прокурор был "внутренне убежден" в его виновности, и он теперь уже третий год сидит в тюрьме*.

---

* Это действительный случай, и он произошел с Николаем Морозовым, арестованным в 1873 году в Твери. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Он еще совсем молодой человек, но заточение серьезно пошатнуло его здоровье.

Номер Двадцать один, живущий в камере на верхнем этаже, находится в еще более тяжелом положении. У него чахотка, и смертельный недуг быстро разрушает его силы. Он был в дружбе с одним известным пропагандистом и несколько раз посещал нелегальные политические собрания социалистов. Уже два года, как он каждый день ждет освобождения. Но он покинет свою тесную каморку только для еще более тесной могилы - последнего и надежного убежища всех угнетенных*.

---

* Это тоже действительный случай. Жертвой полиции на этот раз был Вознесенский. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Всю ночь напролет номер Тридцать девять слышит глухой кашель больного, и ее сердце надрывается от горя и жалости.

Но ее сосед справа причиняет ей еще более острую боль, даже больше, чем боль, - страх и ужас. Это женщина. Ее постукивания столь быстры и

странны, даже бессвязны, что девушка долгое время не могла ее понять.

"Не доверяйте Сороковому! - выстукивала ее соседка. - Он шпион. И Двадцать первый тоже шпион. Их посадили сюда нарочно, чтобы вынудить у нас признания. Они приходят в мою камеру по ночам, когда я сплю. Они вставляют мне трубку в ухо, выкачивают все мои мысли, чтобы потом показать их прокурору!"

Эта женщина лишилась рассудка. Она обвиняется в том, что вела социалистическую пропаганду. Как и номер Шестдесят восемь, она работала на бумагопрядильной фабрике простой работницей. Но уже через несколько дней после поступления на фабрику, еще прежде, чем она успела совершить какой-либо проступок, ее арестовали. Сам факт маскировки послужил доказательством ее вины. Восемнадцать месяцев одиночного заключения свели ее с ума, но больную продолжали держать в застенке.

И со всех сторон огромной тюрьмы мерное постукивание в стену доносит душераздирающие рассказы о страданиях и горе.

Глава XIII

БЕДНЯЖКА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЬ

А судебное следствие? А дознание? Почему забыл я о главном и выдвигаю на первое место второстепенное? - могут спросить меня читатели.

Да просто потому, что в России судебная процедура вовсе не главное, она играет лишь побочную, вспомогательную роль. Самое важное - надежно запереть узника, держать его в "строгом заточении". А судить, расследовать улики, устанавливать его вину или невиновность - со всем этим спешить некуда, можно и подождать.

Вот случай, вполне достоверный и легко поддающийся проверке, который служит великолепным примером методов царского судопроизводства.

В 1874 году студент саратовской семинарии Пономарев был брошен за решетку по обвинению в принадлежности к тайному обществу. В бумагах одного из руководителей движения, П.И.Войнаральского, была найдена записка с фамилией Пономарева. Этого оказалось достаточно, чтобы арестовать студента. На допросе он отрицал всякое знакомство с Войнаральским, говоря, что не имеет ни малейшего представления, откуда последнему стала известна его фамилия. А так как он решительно не признавал за собой никаких проступков, его обвиняли в "упорствовании", понуждали сознаться и в конце концов отправили в тюрьму и посоветовали "поразмислить". Нельзя сказать, чтобы власти не дали ему достаточно времени всесторонне обдумать свое дело, ибо он "размышлял" целых три года. Примеры такого упорства являются далеко не редкими среди политических заключенных. Но самое интересное в этой истории произошло в 1877 году, когда Пономарев, представший наконец перед судом, пригласил в защитники известного петербургского адвоката Стасова. Адвокат, разумеется, прежде всего попросил показать ему "вещественное доказательство", то есть записку, в которой будто бы была написана фамилия

его клиента. Записка была представлена - и что же вы думаете? Фамилия оказалась вовсе не Пономарев! Вследствие некоторого сходства в написании фамилии студента приняли за кого-то другого и арестовали не того, кого искали! С такой нерадивостью отправляется правосудие, так цинично и пренебрежительно относится царская юстиция к правам подданных. Три года понадобилось для того, чтобы исправить ошибку, которая в любой стране была бы исправлена через двадцать четыре часа.

Но вернемся к нашему прерванному рассказу.

В первый же день после своего ареста номер Тридцать девять предстала перед прокурором. От него она узнала, что полиции было известно о ее посещениях Н., а из найденных у нее писем Н. было ясно, что они были в дружеских отношениях. Подозрения полиции, вызвавшие ночной обыск, подтверждались попыткой номера Тридцать девять уничтожить одно из писем своего товарища. С чувством большого облегчения она поняла, что кроме этого полиции ничего больше не известно. Тем не менее девушке предъявили обвинение в принадлежности к руководимому Н. тайному обществу, имеющему целью "ниспровержение существующего строя" и "разрушение собственности, семьи и религии". Девушка, разумеется, все отрицала. Тогда ее обвинили еще и в других преступлениях, спрашивали о связях, которые она якобы поддерживала с революционным движением. Но и на эти вопросы она отвечала отрицательно.

- Очень хорошо, - сказал наконец прокурор. - У вас будет время подумать. Надзиратель, уведите номер Тридцать девять обратно в камеру.

Номер Тридцать девять вернулась в свою каморку, радуясь, что легко отделалась и что у полиции так мало улик против нее. Она приободрилась и была полна надежд.

Ей дали спокойно пораздумать; она не могла жаловаться: ничто не отвлекало ровного течения ее мыслей. Прошла неделя, потом другая, третья. Прошел целый месяц, и все еще ничего не было слышно о новом допросе. За первым месяцем пошел второй, третий, четвертый, шестой. Истекло полгода, и ничто не нарушало однообразия ее жизни в четырех стенах каменного ящика, откуда она выходила лишь на одинокую прогулку один раз в день на несколько минут в другой каменный ящик, отличавшийся от первого только тем, что над ним было открытое небо. Этот внутренний двор был разделен высокой оградой на квадраты, куда выводили на прогулку узников, содержащихся в одиночном заключении. Неудивительно, что бедная девушка стала тяготиться страшной монотонностью своего существования и с тревогой ждала, когда все это кончится.

Прошло семь месяцев, и она почти утратила надежду, как вдруг ее неожиданно вызвали к прокурору на новый допрос. Теперь уж, наверное, ее выпустят!

Они недолго держали ее в неведении. Допрос был коротким и грубым.

- Вы подумали?

- Да, я подумала.

- Имеете ли вы что-нибудь добавить к вашим прежним показаниям? - Нет, не имею.

- Вот как! Тогда возвращайтесь в вашу камеру. Я сгною вас там.

"Я сгною вас там" - эту стереотипную фразу большинство политических заключенных слышали неоднократно.

На этот раз номер Тридцать девять вернулась в свою камеру не с таким легким сердцем и довольным видом, как после первого допроса. Девушка чувствует себя разбитой и растерянной. Она полна отчаяния и мрачных предчувствий и даже не в состоянии понять, что ее мучает, откуда это? Ах, да. Прокурор. Какая же это змея! И она вспомнила слова, с которыми он отправил ее обратно в камеру: он сгноит ее здесь! Вокруг нее было достаточно доказательств, что это не пустая угроза. Сумасшедшая из камеры тридцать восемь бешено колотит в стену:

- Проклятая! Предательница! Ты ходила доносить на меня! Вот пришел человек с целым мешком голодных крыс! Они сожрут меня! Подлая, подлая - вот ты кто!

У несчастной снова начался один из ее страшных припадков.

Неизъяснимый страх овладевает всем существом бедной девушки.

- Это ужасно! Ужасно! - кричит она. - Неужели я скоро стану такой же?

Месяц следует за месяцем, будто не существует более ни времени, ни даже воспоминаний; в неизменном круговороте сменяются времена года. Когда ее бросили в эту тюрьму, была осень, потом снова пришла и ушла осень, а теперь уже уходит и третья осень, однако она все еще не на воле. Свобода кажется ей еще более далекой, чем прежде. Бедняжка Тридцать девять страшно томится в своей камере, заточение и одиночество так изменили ее, что даже мать вряд ли узнала бы свое дитя.

В конце второго года пребывания в тюрьме узница пережила глубокий кризис. Ее несчастная жизнь в четырех стенах маленькой каморки, невыносимое однообразие - никаких перемен, занятий, никакого общения с людьми, ничего, ничего! - эта жизнь стала для нее совершенно нестерпимой. Ее охватила страстная жажда воздуха, движения, свободы, превратившаяся почти в манию. Пробуждаясь по утрам, она чувствовала, что если не будет свободна сегодня же, то умрет. И ее ничего, ничего больше не ожидало - только тюрьма, всегда тюрьма!

Она засыпала прокурора письмами, умоляла отправить ее в ссылку, на сибирские рудники, приговорить к каторжным работам. Она поедет куда угодно, будет делать что угодно, лишь бы выбраться из этой могилы.

Прокурор несколько раз приходил к ней в камеру.

- Имеете ли вы что-либо добавить к вашим показаниям? - неизменно спрашивал он. - Нет? Очень хорошо. Придется дать вам еще время подумать.

Она умоляла свою мать, чтобы та попыталась добиться ее освобождения на поруки до суда. Но родители ничем не могли ей помочь. На все свои ходатайства они получали лишь один ответ: "Ваша дочь продолжает упорствовать. Посоветуйте ей одуматься. Мы ничего не можем сделать для вас".

Девушка впала в полное отчаяние. Ее стали преследовать мрачные мысли о самоубийстве. Иногда ей казалось, что она сходит с ума. От этого несчастья ее спасла только физическая слабость, убивая в ней жизненные силы и делая менее восприимчивой к страданиям. Поэтому в русских тюрьмах молодые и сильные люди быстрее погибают, а у слабых и хрупких больше шансов выжить.

Недостаток воздуха и движения, скудная и скверная пища оказали свое губительное действие на молодой и еще не окрепший организм. Здоровый румянец давно исчез с некогда столь свежих щек, кожа приняла зеленовато-желтый оттенок, свойственный больным растениям и молодым людям, долго находящимся взаперти. Но она не похудела, наоборот, ее лицо опухло и стало одутловатым вследствие ослабления тканей, вызванного недостатком воздуха и бездействием. Она кажется на шесть лет старше своего возраста. Ее движения медлительны, вялы, автоматичны. Она может оставаться полчаса в том же положении, с глазами, устремленными в одну точку, словно погруженная в глубокую задумчивость. Но она ни о чем не думает. Ее ум стал таким же вялым, как мышцы. В первое время она жадно читала книги, которые мать доставляла ей с разрешения властей. Но теперь ей стало трудно сосредоточиваться, и она не в силах прочесть и двух страниц, не почувствовав крайнего утомления.

Большую часть времени она проводит в состоянии полной апатии, тяжелой дремоты, нравственной и физической. У нее нет никакого желания разговаривать или строить планы на будущее. Какой смысл говорить на воздух, мечтать о будущем, когда уже утеряны все надежды? Прежние друзья в ее заточении - добрые, отзывчивые стены, которым она поверяла самые душевные свои мысли, - теперь почти забыты. Она редко подходит к ним. И сами стены с деликатностью истинной дружбы понимают ее молчание и уважают ее горе и скорбь. Время от времени они говорят ей тихие слова утешения. Но, не получая ответа, умолкают, чтобы не раздражать ее словами, которые в ее состоянии полной безнадежности могут показаться насмешкой. Однако они не перестают тревожиться и нежно о ней заботиться.

- С Тридцать девятой неладно! - сказала одна стена другой.

От стены к стене, от камня к камню бежит дурная весть, и по всему зданию тюрьмы взволнованно звучит сигнал бедствия: "Надо что-то сделать для бедняжки Тридцать девять!"

Наконец голос камней находит выражение в человеческих голосах. Заключение умоляют надзирателей послать врача в камеру номер тридцать девять.

Их просьба исполняется. Приходит врач, сопровождаемый полицейским. Осмотрев Тридцать девятую, врач находит, что это самый обыкновенный случай - тюремная анемия! Серьезно поражены легкие; совершенно расстроена нервная система. Словом, девушка больна тюремной болезнью.

Этот врач еще недавно служит в тюрьме. Он не чужд гуманных идей, и его сердцу еще доступно чувство жалости. Но он уже настолько привык видеть страдания, что может созерцать их с полным равнодушием. Кроме того, высказывать сострадание к политическому узнику означало бы навлечь на себя подозрение в сочувствии бунтовщикам.

- Ничего нет серьезного, - говорит врач.

Стены выслушали его слова в полном безмолвии. О, как невыносимы муки, как невыразима скорбь, которые повидали эти стены! Но они еще способны чувствовать, и, услышав приговор врача, они вздыхают: "Бедняжка Тридцать девять! Что будет с бедняжкой Тридцать девять?"

Да, что будет с бедняжкой Тридцать девять? О, для нее есть не один

исход - возможностей много. Если от какого-нибудь потрясения будут разбужены ее жизненные силы и снова наступит острый кризис, она может удавиться с помощью носового платка или изорванного белья, как это сделал Крутиков. Или она может отравиться, как Стронский. Или перерезать себе горло ножницами, как Запольский, или за неимением ножниц с помощью разбитого стекла, как это сделали Леонтович в Москве и Богомоллов в Доме предварительного заключения в Петербурге. Она может сойти с ума, как Бетя Каминская, которую держали в тюрьме еще долго после того, как она лишилась рассудка, и выпустили на волю, когда ее состояние стало уже совсем безнадежным; вскоре по выходе из тюрьмы она отравилась в припадке душевной болезни. Если Тридцать девять будет и дальше терять силы, она умрет от чахотки, как умерли Львов, Трутковский, Лермонтов и десятки других заключенных. Или, смягчившись наконец, когда будет уже поздно, тюремщики могут освободить ее условно, но только затем, чтобы дать ей умереть вне стен тюрьмы, как они сделали с Устюжаниновым, Чернышевым, Носковым, Махеевым и многими другими узниками, погибшими от чахотки спустя несколько дней после того, как условно были отпущены на свободу. Но если в силу необыкновенной стойкости характера, физической крепости или других исключительных обстоятельств девушка доживет до дня суда, то судьи, невзирая на ее молодой возраст и длительное тюремное заключение, сошлют ее на всю жизнь в Сибирь.

Все эти возможности одинаково вероятны для Тридцать девятой. Что постигнет ее, никому не ведомо - это решит ее судьба. Но я не хочу написать в этой книге ничего недостоверного или вымышленного и потому не стану строить догадок. Опустим же занавес и простимся с номером Тридцать девять.

Глава XIV

ЦАРСКИЙ СУД

Как я уже отмечал, совершенно невозможно предсказать, какая участь постигнет царского пленника. И все же, учтя все возможности, основываясь на принципах статистической пауки и на бесспорных фактах, мы получим довольно точное представление о том, что вероятнее всего ожидает того из несчастных, судьба которого нас в данном случае занимает.

На "процессе 193-х", одном из крупнейших процессов семидесятых годов, прокурор Желеховский заявил в своей обвинительной речи, что из всего числа подсудимых заслуживают наказания не более двадцати человек. Тем не менее за время предварительного следствия по этому делу, тянувшегося четыре года, покончили жизнь самоубийством и сошли с ума семьдесят три человека из ста девяноста трех. Это означает, что в четыре раза больше заключенных, чем сам прокурор считал заслуживающими наказания, умерли медленной смертью или их постигла судьба страшнее, чем смерть.

Более того, в число ста девяноста трех входили не все, кто были схвачены полицией и привлечены к суду. Людей, арестованных и брошенных в

тюрьму в связи с этим делом, было по крайней мере в семь раз больше - их число достигло тысячи четырехсот человек. Из них семьсот пришлось освободить, продержав их в заключении от нескольких недель до нескольких месяцев. Остальных семьсот арестованных держали за решеткой сроком от одного до четырех лет, а потом они предстали перед судом - одни в качестве подсудимых, другие в качестве свидетелей. Последних, разумеется, было большинство. Особое присутствие Сената, где слушалось "дело 193-х", вынесло приговоры в двух вариантах: одни, условные, были чрезвычайно жестокие, другие, настоящие, были более мягкие, и их в форме ходатайства о помиловании представили императору на одобрение и утверждение. Один из подсудимых был приговорен к каторжным работам, двадцать четыре - к ссылке в Сибирь, пятнадцать - к административной ссылке, и сто пятьдесят три оправданы. Я называю эти приговоры настоящими потому, что ходатайство о помиловании, особенно если оно исходит от Сената, состоящего из высших судей, как правило, не отклоняется императором. Но в этот раз Александр оказался безжалостнее своих судей. Он отменил приговоры собственного Сената и приказал, чтобы условные приговоры, вынесенные Особым присутствием в уверенности, что они не будут проведены в жизнь, были исполнены со всей беспощадностью. Двадцать восемь подсудимых были приговорены к различным срокам каторги, а остальные - к ссылке в Сибирь и в отдаленные губернии России*.

---

* Не считая тех семисот арестованных, которые были освобождены в течение первого года, а также двадцати человек, приговоренных к пребыванию под полицейским надзором, и людей, высланных полицией впоследствии. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

А если мы, с другой стороны, начислим для каждого из семисот арестованных, первоначально привлеченных к "делу 193-х", всего лишь два года предварительного заключения - а это, безусловно, сильно преуменьшенный срок, - то получим 1400 лет - четырнадцать веков кары куда более губительной для обреченных, чем сибирская каторга.

Таким образом, жестокости полиции были в двадцать раз бесчеловечнее, чем наказания, наложенные судом за те же провинности, хотя суд всегда доходил до крайнего предела, допускаемого драконовским уголовным кодексом России. Другими словами, чтобы добиться свидетельских показаний для осуждения одного человека, той же каре, как и он, подвергались еще девятнадцать ни в чем не повинных людей. И это не считая семидесяти трех несчастных, умерших во время дознания; их смерть надо прямо отнести к последствиям предварительного заключения, проведенного, как мы знаем, в раздирающем душу одиночном заточении, которое или сводит с ума, или убивает.

Тот факт, что эти семьдесят три человека, в сущности, почти все были убиты, доказывается и цифрами средней смертности в Петербурге; принимая во внимание их возраст, только двое или трое могли умереть естественной смертью.

Такова практика царской инквизиции.

ДОЗНАНИЕ

Инквизиционная система, описанная в предыдущей главе, может быть названа медленной и бесшумной. "Запирающимся" и "упорствующим" дают тихо погибать в каменных мешках в ожидании, что эти плоды рачительности тюремщиков, все еще зеленые, после некоторой поры гниения станут более податливы для клещей инквизиции и тогда возможно будет извлечение скрытых семян.

Однако, невзирая на явные преимущества, эта система имеет существенный недостаток: она требует времени и терпения. До тех пор пока нигилисты не перешли от слов к делу и ограничивали свою деятельность мирной пропагандой, не было необходимости торопиться. Агитации не боялись. Подозрительных пропагандистов то и дело ловили и после заключения их в тюрьму спокойно выжидали в надежде, обычно тщетной, что их разоблачения дадут возможность составить какой-нибудь чудовищный обвинительный акт по делу о подготовке заговора.

Но когда революционеры, страшно тяготившиеся своим лишь пассивным сопротивлением, взяли за оружие и стали отвечать ударом на удар, власти уже не могли больше мешкать. Чтобы принять самые решительные меры предосторожности против беспощадных актов мщения, которые нигилисты - как власти имели все основания предполагать - готовили вне стен тюрьмы, полиция считала настоятельно необходимым добиваться от арестованных самых полных сведений и в наикратчайший срок. В этих условиях уже не подходила прежняя черепашья система - пусть узники гибнут, пока один или другой не будет готов давать показания. Достигнуть быстрых результатов можно было лишь путем усиления истязаний заключенных. Ничто не останавливало полицию от выполнения этой задачи. Суровый режим предварительного заключения стал еще строже. С присущей им жестокостью тюремщики прежде всего задели самое больное место узников. Их изоляция стала совершенной и абсолютной, никаких поблажек больше не давали, и теперь это воистину стало одиночеством могилы.

Дом предварительного заключения с его сравнительно не столь зверской дисциплиной был предназначен только для менее скомпрометированных арестантов. Серьезных политических преступников отправляли в ту пресловутую зловещую крепость, где жандармы могли поступать со своими жертвами как угодно, беспрепятственно и скрытно от посторонних глаз. В городах, не обладавших, к счастью, подходящими темницами, наскоро соорудили временные арестантские камеры. Не допускалось никакого общения между заключенными, и в смежные камеры помещали обыкновенных уголовников, а иногда жандармов и шпииков, которые, зная язык стен, делали свое грязное дело провокаторов. Не пренебрегали никакими средствами, чтобы сломить волю упорствующих заключенных и превратить их жизнь в ад. Им не разрешалось ни переписываться, ни видеться с друзьями, их лишали перьев, бумаги и книг -

лишения, которые для активно мыслящего человека сами по себе жестокая пытка. Но зато при малейшем признаке малодушия на труса, дававшего показания, милости сыпались щедрой рукой.

Жестокости, которым подвергались упорствующие, - а большинство политических узников сломить не удавалось - вызывали к жизни страшную форму борьбы - голодовки. Не имея других возможностей отстаивать свои права перед исступленными мучителями, узники отказывались от пищи. В некоторых случаях они голодали семь, восемь и даже десять дней, пока не были уже на грани смерти. Только тогда тюремщики, опасаясь совсем лишиться своих жертв, шли на уступки, обещая разрешить читать и писать, совместно выходить на ежедневную прогулку и так далее, - обещания, которые потом часто бесстыдно нарушались. Ольга Любатович голодала семь дней подряд, пока не добилась иголки с ниткой, чтобы женским рукоделием хоть немного скрасить однообразие своей жизни в камере. Нет ни одной тюрьмы в России, где по три-четыре раза не происходили бы голодовки политических.

Но самые изуверские и изощренные формы приняты приемы дознания. Прежде возможности инквизиторов были ограничены не столь страшными карами: ссылка в Сибирь, каторжные работы в мрачных рудниках, одиночное заключение в тюрьме, предварительное содержание под арестом на неопределенный срок - все это, по совести говоря, изрядно суровые наказания, но они не способны были достаточно сильно поразить воображение. Теперь положение совершенно изменилось. Царский прокурор может держать перед глазами своего узника жупел виселицы. Он пытается вынудить признание угрозой казни, внушающей гораздо больший страх, чем ссылка или каторга. Ужас перед смертной казнью, к которой человека могут приговорить за пустячный проступок, придает этим приемам выпытывания признаний особенную силу.

- Вы знаете, что я могу вас повесить, - часто говорил Стрельников своим жертвам. - Военный трибунал сделает все, что я прикажу!

Заключенному это было слишком хорошо известно.

- Что ж, хорошо, - обычно продолжал прокурор, - признайтесь или через неделю вас повесят, как собаку!

На допросах он прибегал ко лжи и вероломству без всякого зазрения совести.

- Так вы не хотите давать показаний? Очень хорошо. Вы решили пожертвовать собой, чтобы спасти людей, которые признали свою вину и выдали вас с головой. Прочтите это.

Инквизитор показывал заключенному фальшивые показания, фальшивые с начала до конца, с поддельными подписями и подложными уликами, содержащие все то, в чем Стрельников хотел заставить его сознаться.

Временами прокурор применял также другие, если возможно, еще более зверские способы. Позволив молодому супругу мельком увидеть свою жену, тоже арестованную, изможденную и больную, он говорил:

- Вам надо лишь прекратить бессмысленное заперательство, и вы оба будете выпущены на свободу.

Иногда этот Торквемада деспотизма сочетал жестокость, обман и ложь в цинической, коварной комбинации.

- Не хочу губить вас. Я сам отец. У меня тоже есть дочка, такая же,

как ваша, - сказал он одной молодой женщине П. в Киеве в 1881 году. - Меня глубоко трогает ваша юность. Дайте мне спасти вас от верной смерти.

Молодая женщина все же отказывалась давать показания.

Тогда Стрельников приказал ввести ее отца, седовласого старика, нежно любившего свою дочь, и яркими красками обрисовал ему опасность положения дочери и страшные обвинения, тяготеющие над ней.

- Она умрет, умрет позорной смертью в расцвете лет! - воскликнул прокурор. - Ничто не может ее спасти, кроме полного признания и искреннего раскаяния. Но я не в силах побудить ее к этому. Попробуйте вы. Просите ее, умоляйте на коленях, если это необходимо!

И несчастный старик, охваченный ужасом, рыдая, падает перед дочерью на колени и молит пожалеть его седины и не убивать горем. А дочь, закрывая лицо руками, чтобы не видеть это страшное зрелище, пытается убежать из комнаты.

Для отца и дочери это была трагедия, но Стрельников играл лишь гнусную комедию, с его стороны это была хитрая уловка, чтобы исторгнуть у П. какие-либо признания, ибо у него не имелось против нее ни одной улики.

Молодой и не очень опытный человек легко может попасться в одну из этих предательски расставленных ловушек, и у него вдруг невольно вырвется лишнее слово или ненужная подробность. Но как только ошибка осознана, она вызывает жгучее раскаяние. Возможно, то, что он сказал, просто пустяк, мелочь. Но это не важно. Возбужденное воображение, видящее все в чудовищно преувеличенном свете и вызывающее фантастические представления о

возможных

последствиях, еще ухудшает его состояние. Несчастливого узника преследует страх, он боится, что погубил товарища и предал общее дело. Надо прочитать записки Худякова, чистосердечного и честного человека, который на процессе Каракозова вел себя с величайшей твердостью, чтобы понять, какой ад может вызвать такое представление в душе впечатлительного и благородного человека. Ничто не может быть страшнее беспощадного самобичевания, ужасных терзаний, тем более невыносимых, что в полном одиночестве заключенного они могут длиться месяцами. Возле него нет ни одной доброй души, чтобы сказать ему слово утешения, ни чуткого друга, чтобы показать ему, как незначительна допущенная им ошибка.

Без преувеличения можно утверждать, что глубокие опустошения, произведенные в последние годы среди политических узников, в большей мере вызваны подлыми приемами юридической процедуры, чем жестоким режимом предварительного заключения, зверствами тюремщиков или лишениями, которые испытывают их жертвы.

Стрельников - обычный тип современного инквизитора, хотя этот тип неизбежно видоизменяется в зависимости от преобладания в нем тех или иных индивидуальных черт. Панютин, в прошлом адъютант Муравьева-вешателя, позднее правая рука Тотлебена, вешателя юга, - это тип бешеного инквизитора. Его главными методами были жестокость и насилие. "Пусть мне придется повесить пятьсот человек и сослать пять тысяч, но я очищу город!" - это были его собственные слова.

Знаменитый Судейкин - он так хорошо известен, что мне незачем

подробнее о нем говорить, - это утонченный инквизитор, Иуда, преобладающий тип в Петербурге, и высшие сановники подчас не стесняются брать его себе в образец.

Так, например, диктатор Лорис-Меликов, бывало, собственной особой предстанет перед осужденными на смертную казнь на другой день после суда и, угрожая утвердить приговор, почти буквально с веревкой в руках, требует имен и доносов. При этом у генерала в кармане императорский указ об отмене смертного приговора.

Не хочу волновать моих читателей описанием еще других видов этого семейства пресмыкающихся. Замечу лишь в заключение, что в русском процессуальном кодексе, как и в кодексах других европейских стран, записано, что целью предварительного заключения является воспрепятствовать обвиняемому уклониться от суда и следствия. В другой статье кодекса запрещается применение угроз, обмана, обещаний и прочих средств, чтобы принудить обвиняемого к показаниям. И далее устанавливается, что, в случае если прокурор прибегает к помощи подобных приемов, показания считаются недействительными.

Как мы дальше увидим, это является полнейшей противоположностью той практики, которая применяется в политических процессах. Здесь в полной мере действуют инквизиторские приемы следствия. Правительство, решив, что признания и разоблачения необходимы для его собственной безопасности, не останавливается ни перед чем, чтобы их добыть. В своем стремлении во что бы то ни стало исторгнуть полезные сведения оно нимало не считается со страданиями невинных и не уважает законы, изданные им самим. Допрос, предназначенный оказать помощь правосудию, превратился в систему моральных пыток и физических истязаний, а предварительное заключение - в средство не давать "подозрительным" избежать этой новой замены дыбы и колеса.

Глава XVI

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

- Но мы должны положить этому конец, милостивый государь! Мы не можем позволить, чтобы предварительное следствие тянулось десять лет. Это будет скандал. Иностранные газеты уже начинают шуметь. Император недоволен. Сделайте все, что можете, но, во всяком случае, постарайтесь, чтобы ваше обвинительное заключение было готово самое позднее через два месяца!

С этими словами министр обратился к прокурору в раннюю пору революционного движения.

Несколько позднее генерал, сатрап своей губернии, выразился следующим образом:

- Двор просто в бешенстве по поводу последнего покушения этих проклятых нигилистов. Мы должны показать им, что они ответят око за око. Состряпайте процесс через две недели. Надо ковать железо, пока горячо!

И прокурор, подхлестываемый честолюбием и жаждой заслужить похвалу

высшего начальства, "состряпал" процесс. Не надо забывать, что заслуги прокурора всегда оцениваются по количеству арестов, которые он производит, и по запутанности заговоров, которые он раскрывает. Однако прокурору редко удается добыть достаточно улик, чтобы вынести законный приговор тем, кого он подозревает и решил привлечь к суду. Но это не имеет никакого значения. Прокурор обращается с предположениями как с бесспорными фактами, с подозрениями как с уликами, личную дружбу толкует как принадлежность к сообществу, визиты вежливости - как доказательство участия в мнимом заговоре. Словом, процесс "состряпан". Иногда все это несколько похоже на детскую игру в "вопросы и ответы". Люди, никогда прежде не встречавшиеся, обвиняются в том, что принадлежат к одному тайному обществу, провинность одного присваивается другому; человек обвиняется в подстрекательстве к делу, которое он всячески старался предотвратить. Но ведь это сущие пустяки, не стоящие серьезного внимания! Так обвинительный акт составляется без всякого обоснования. Главная задача - собрать достаточное число лиц, предположительно замешанных в одном и том же дьявольском заговоре, и всех вкуче судить.

А судилище, перед которым они предстанут, каково оно, как оно действует? Моих читателей может заинтересовать вопрос, из кого состоит суд, рассматривающий дела политических преступников. Я постараюсь удовлетворить их любознательность, но прежде должен заметить, что этот вопрос представляет только академический интерес. В такой стране, как царская Россия, где власти могут делать с человеком абсолютно все, что им заблагорассудится, и до, и после суда, само судебное разбирательство становится делом второстепенным. Если история политических процессов в нашей стране и заслуживает внимания, то только как материал для характеристики произвола царского правительства, как иллюстрация его трусости, отсутствия доверия к собственным чиновникам и, более того, презрительного пренебрежения, проявляемого при малейшем пробуждении его подозрительности и малодушия, к тому жалкому фарсу, который в России именуется правосудием.

Процесс по делу Нечаева (сентябрь 1873 года), первый после обнародования новых судебных уставов, был единственным, когда судил не суд присяжных - об этом правительство и не помышляло, - а настоящий суд, с коронными судьями, выполнявшими свои судебные функции в нормальных условиях. Помимо того, это был единственный политический процесс, на котором права, предоставленные законом о гласности суда, были не более ограничены, чем обычно. Дело слушалось при открытых дверях, как и на других процессах, и газетам было разрешено публиковать отчеты о судебных заседаниях в обычных границах, допускаемых цензурой печати.

Это злополучное дело было не такого рода, чтобы привлечь симпатии общества и молодежи. Суд не грешил особой терпимостью, но оправдал тех, против кого действительно не имелось улик, и, как казалось, отнесся к ним со слишком большим вниманием, допускал вольности в ведении защиты. Более того, после вынесения приговора председатель суда, обращаясь к подсудимым, чья вина не была доказана, напомнил этим отверженным, что теперь, после оправдания, они такие же честные граждане, как и все другие. Катков, хотя

он тогда еще далеко не был тем, кем стал теперь, даже запротестовал, назвав поведение суда проституированием правосудия и извращением идеи власти. Министр юстиции граф Пален был вне себя от ярости, и спустя несколько месяцев появился "закон", изымавший политические дела из юрисдикции обычного суда и устанавливавший значительные ограничения для газетных отчетов о политических процессах.

Политические дела впредь подлежали рассмотрению суда Особого присутствия Сената в составе членов Сената, назначенных императором ad hoc*, и с участием сословных представителей от дворян, мещан и крестьян, очевидно для того, чтобы новый суд не казался слишком бюрократическим. Эти так называемые представители подбирались властями по всей империи для каждого процесса из представителей дворянства, председателей городской думы и волостных старшин.

---

* для данного случая (лат.).

И вот на первом процессе, происходившем после введения нового закона, вместе с тремя членами Сената в суде заседали черниговский предводитель дворянства, одесский городской голова и волостной старшина из Гатчины. Для того чтобы найти трех судебных заседателей, которым он мог бы поручить это щекотливое дело, востроглазому министру пришлось обыскать всю страну от Черного до Балтийского моря. Результаты показали, что труды его не пропали даром. Выбор графа Палена делал честь его проницательности. Так называемые представители сословий на самом деле никого не представляли и ничего не отражали, кроме желаний министра. Их послушность была восхитительна. Представитель крестьянства отличался усердием, пожалуй даже чрезмерным. Когда были заслушаны свидетели и закончены прения сторон, шесть судей удалились в совещательную комнату и Петере, председатель суда, обращаясь к старшине по иерархическому порядку, спрашивал его, какой приговор, по его мнению, следует вынести тому или другому преступнику.

В каждом случае этот достойный человек давал один ответ:

- На каторгу. Пошлите их всех на каторгу!

На это председатель суда заметил, что подсудимые не все в равной степени виновны и поэтому неправильно было бы присудить их всех к одной мере наказания.

Но гатчинский старшина никак не мог постигнуть смысла столь тонких различий.

- Дайте им всем каторгу, ваше превосходительство, - повторял этот новоявленный судья. - Всем подряд. Разве я не присягал судить по справедливости?*

---

* Это достоверный случай. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Министр, надо признать, не мог сделать лучшего выбора. Даже он, суровый граф Пален, остался вполне доволен. Настолько доволен, что поручил ведение следующего процесса с теми же судебными заседателями, за исключением, кажется, предводителя дворянства, которого заменили каким-то

более сговорчивым господином. Но это совершеннейший факт - старшина из Гатчины и одесский городской голова продолжали выполнять свои судебные обязанности в продолжение довольно долгого времени.

С такими судьями не могло быть не только никаких неприятностей, но даже опасений неприятностей. Они не только беспрекословно подчинялись приказам, но, затаив дыхание, прислушивались к малейшему шепоту, доносившемуся сверху. Все зависело от того, что было угодно министру. Когда поднималась волна реакции, приговоры отличались зверской жестокостью. Как только волна спадала и страх царского двора несколько умерялся, суд становился более терпимым. Однако я могу вспомнить лишь один-единственный случай, когда такое терпимое настроение суда имело какие-то практические результаты. Тогда даже Петере и его достопочтенные коллеги, как говорится, попали пальцем в небо.

Этот инцидент произошел вскоре после возвращения Александра II с турецкой кампании. Согласно официальной реляции, его величество увидел столько свидетельств преданности со стороны молодых нигилистов, работавших одни - санитарями в госпиталях, а другие, только что окончившие медицинские факультеты, - помощниками хирургов, что был глубоко тронут. Император, мол, переменял свой взгляд на молодых энтузиастов, которых его придворные описали ему как исчадия ада.

При таком положении вещей судьи были всецело за снисхождение. Но как раз в это время происходил достопамятный "процесс 193-х", и, полагая, что они предвосхищают желание государя, слуги царской справедливости хотели предоставить ему возможность воспользоваться своим правом помилования, как я об этом уже рассказывал.

Но, к несчастью, совершенно непредвиденное событие испортило столь тонко рассчитанный план угодливых судей. На следующий день после объявления приговора Трепов, целых шесть месяцев остававшийся ненаказанным за его постыдное обращение с Боголюбовым - он велел высечь его за то, что тот не снял перед ним шапку, - получил наконец по заслугам. Выстрел Веры Засулич не только поразил всю Европу, но в мгновение ока и в почти непостижимой степени изменил новые взгляды императора на молодых нигилистов, обратив его добрые намерения в самый яростный гнев. Вместо милостивой улыбки граф Пален получил страшную головомойку, которую он в свою очередь задал перепуганным членам Сената. Их ходатайство о помиловании, как читатель помнит, было с негодованием отвергнуто.

В другом случае - на "процессе 50-ти" (март 1877 года) - правительство само не смогло удержать своих позиций. Приговоры на этом суде были не ниже и не выше предела, установленного законом для такого рода преступления - ведение пропаганды, - от пяти до девяти лет каторжных работ.

Среди обвиняемых, подвергавшихся до суда особенно жестокому обращению, было несколько молодых девушек в возрасте восемнадцати - двадцати лет, принадлежавших к лучшим семействам России. На суде они возбуждали участие даже в стане своих врагов. Большинство этих девушек учились в швейцарских университетах, и перед ними открывалось блестящее будущее врачей, но, воодушевленные революционными идеями, они вернулись на родину, чтобы стать в ряды борцов за свободу. Однако непреодолимое, как казалось, препятствие

мешало осуществлению их высоких идеалов - глубокое недоверие, испытываемое рабочими людьми, лишь недавно сбросившими ярмо неволи, ко всем, кто действительно или возможно принадлежал к классу их прежних хозяев. Тогда молодые пропагандистки в своем страстном энтузиазме решили пренебречь удобствами привычной жизни и взвалили на свои хрупкие плечи тяготы, сокрушавшие даже многих женщин, привыкших к непосильному труду. Они стали

простыми работницами, трудились по пятнадцать часов в день на московских бумагопрядильных фабриках, терпели голод, холод и грязь, безропотно перенося все испытания тяжелой жизни, лишь бы получить возможность проповедовать свою новую веру как сестры и товарищи, а не как господа.

В этом подвижничестве было что-то глубоко трогательное, напоминающее мучеников первых времен христианства. Эти девушки произвели глубокое впечатление на публику, присутствовавшую в зале суда, среди которой было несколько высших сановников и придворных дам, поэтому власти сочли нужным заменить свирепые приговоры, вынесенные судом (самым тяжким преступлением пропагандисток было чтение рабочим социалистических брошюр), бессрочной ссылкой в Сибирь. Однако эта милость не была распространена на их сотоварищей. Здановича, Джабадари, князя Цицианова, Петра Алексея, обвиняемых в тех же преступлениях, осудили со всей строгостью на самую жестокую каторгу.

За исключением этих двух случаев суд и правительство храбро придерживались своей тактики. Ни разу больше они не проявляли "по принуждению милость". Ведение пропаганды карается каторгой. При этом не надо забывать, что революционная пропаганда в России лишь весьма отдаленно напоминает активность, известную под этим названием в других странах. Это не та обширная длительная общественная деятельность, как, например, политическое движение в Германии, Франции и Англии. Условия русской жизни не допускают открытой агитации. Пропаганда должна вестись тайно в частных домах, на нелегальных собраниях. Да и чаще всего пропагандист, если только он не является человеком исключительно ловким, может выполнять свое святое призвание лишь очень недолгое время - пока не попадет в руки жандармов. Как было доказано на процессе "долгушинцев", они выпустили всего две нелегальные брошюры и никто из них не был уличен в ведении пропаганды более чем два-три раза. Против Гамова имелись лишь доказательства одного-единственного проступка - передачи двум фабричным рабочим нескольких нелегальных брошюр, - проступка, за который ему вынесли безобразно жестокий приговор - восемь лет каторги.

Обвиняемым по "процессу 50-ти" повезло не больше. Софье Бардиной, хотя она была одной из самых активных революционерок, не приписали более серьезной вины, чем чтение фабричным рабочим в двух-трех случаях социалистических книжек. Однако за эту ничтожную провинность суд приговорил ее к девяти годам каторжных работ, замененных впоследствии особой милостью царя бессрочной ссылкой в Сибирь.

Привлечение к суду людей, без малейших оснований подозреваемых в нелегальной деятельности или организации тайного общества и обвиняемых лишь в ведении пропаганды, всегда почти кончается вынесением столь же свирепых

приговоров. В сентябре 1877 года Мария Бутовская, обвиняемая в том, что она дала рабочему одну книгу, была приговорена к семи годам каторжных работ. Малиновский, рабочий, осужденный за ведение пропаганды, был приговорен судом к десяти годам каторги. Дьякова и Сирякова - хотя их и судили вместе, но они не имели сообщников - приговорили к той же мере наказания за подобные же провинности.

За несколько слов, высказанных в пользу социальной или политической реформы, человека присуждали к той же мере наказания - десять лет каторжных работ, которая предусматривалась сравнительно мягким русским уголовным кодексом за предумышленное убийство без отягчающих вину обстоятельств или за разбой с насилием без смертельного исхода.

Глава XVII

ВОЕННЫЕ ТРИБУНАЛЫ

В таких условиях проводились в России политические процессы на протяжении всего периода пропагандистской деятельности, то есть в первые пять-шесть лет революционного движения.

Когда начались покушения на царских сановников, ознаменовавшие наступление террористического периода, правительство немедленно отменило действующий закон и упразднило эту удивительную судебную машину - знаменитую Сенатскую палату. Зачем сие было сделано, почему достопочтенные старцы, восседавшие в Особом присутствии, были признаны недостойными доверия - нелегко догадаться. Сенатская палата была послушна и покорна, беспрекословно подчинялась указаниям сверху; ее громогласные назначения, ее репутация суда, "представляющего три сословия", - все говорило в ее пользу. Со стороны легко можно было принять это подобие суда за настоящий суд, вполне заслуживающий свое претенциозное название. Действительно, после упразднения Сенатской палаты правительство больше не удовлетворялось осуждением революционеров на каторгу. В твердой решимости отвечать на красный террор белым террором оно требовало виселиц, всегда только виселиц. Но почему оно не требовало этого раньше от Петерса? Этот бойкий сенатор наверняка не ответил бы отказом, и совестливый старшина, несомненно, воскликнул бы: "Пошлите их всех на виселицу!", как он раньше кричал: "Отправьте их всех на каторгу!" А учтивый и образованный господин Новосельский, одесский городской голова, вероятно, сказал бы, что он слишком благовоспитан, чтобы не соглашаться с его превосходительством. Если бы все-таки случилось, что эти господа испытывали угрызения совести или проявили какие-то гуманные чувства - а это крайне неправдоподобно, - правительство легко могло бы заменить их своими верными лакеями, способными на все. Вот и впрямь невозможно найти разумную причину изъятия политических дел из ведения гражданского суда. Очевидно, просто надеялись, что нигилисты будут устрешены грозным зрелищем военных судов, но эта надежда могла бы исполниться только в том случае, если бы нигилисты питали хоть малейшее

доверие к прежнему суду. Однако дело обстояло как раз наоборот, и вывод напрашивается сам собой.

В сущности, этот вопрос не имеет особого значения. Каковы бы ни были побуждения правительства, это факт, что после 9 августа 1878 года определенную категорию политических преступников, а после 5 апреля 1879 года, когда территория России была разделена на шесть сатрапий во главе с военными диктаторами, всех политических судили исключительно офицеры армии

- единственное сословие в стране, которое правительство сочло правомочным отправлять правосудие*. Роль министра юстиции взяли на себя генералы и другие высокие военные чины.

---

* Только два процесса из шестидесяти одного - суд над цареубийцами 13 марта и суд над Соловьевым - происходили в Верховном уголовном суде, тоже чрезвычайном суде по делам о государственных преступниках. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Но не тот полководец хорош, который, действуя против врага, идет проторенной дорогой. Настоящий полководец обладает даром маневрировать, приспособливаться к местным условиям в различных стадиях кампании. Вполне естественно, что наши доблестные генералы, превращенные в сатрапов и призванные сражаться против нигилистов, должны воевать по этим же принципам разумной военной тактики. Нынешняя политическая юрисдикция лишена единообразия времен Палена, который, как истинный немец, питал страсть к системе, методичности и раз навсегда установленным формам. Состав суда меняется в зависимости от вкуса, капризов и воззрений тех генералов, которые его назначают. Обычный военный трибунал составляется из офицеров различных чинов, и они делятся на две категории. Председатель и два помощника являются постоянными членами трибунала. Остальные подбираются для

каждой сессии из строевых офицеров. Генерал-губернаторы порой оставляют состав суда неизменным, а иногда заменяют его частично другими офицерами, назначенными *ad hoc*. Подсудимым разрешается иметь адвоката, но только из офицеров - кандидатов и членов Судейского присутствия, официально подчиняющихся прокурору как своему начальнику. В Киеве, например, заключенные не могут иметь гражданских защитников, независимых от властей, хотя законом это допускается. А в Петербурге на "процессе 14-ти" подсудимым разрешили иметь официальных адвокатов, но последние получили доступ к материалам следствия только за два часа до начала суда. Все члены этого военного трибунала были назначены правительством *ad hoc*.

В ряде случаев, когда некоему генералу захотелось вдруг поразить воображение своих друзей и недругов каким-либо чрезвычайным по свирепости приговором, он с солдафонской бравадой несся прямо к цели, одинаково презирая юридические тонкости и судебные прецеденты. Так, Млодецкого, совершившего покушение на Лорис-Меликова, судили, приговорили и казнили в один день. Трибунал едва ли удосужился задать подсудимому хотя бы один вопрос. Халтурина и Желвакова, убивших генерала Стрельникова (о котором я

рассказывал в предыдущей главе), любимца царя, присудили к той же мере наказания - казни. В глухую ночь их подняли с постели, привезли в частный дом, где они увидели несколько офицеров, назначенных генералом Гурко. Эти офицеры, как им объявили, были их судьями. Пятнадцать минут спустя Халтурин и Желваков услышали приговор, а на другой день они были повешены.

Однако, если эти суды несколько различаются по форме и методам процедуры, все они схожи в одном существенном пункте, а именно: в пассивном повиновении приказам начальства. Старые судьи подчинялись министру, как и полагалось делать чиновникам; солдат обязан повиноваться своему генералу, и последний был бы весьма удивлен, если бы тот так не сделал. Хорошо известно, что приговоры предписываются заранее. Поэтому они различаются не в зависимости от степени виновности подсудимого, а в соответствии со взглядами генерал-губернатора той губернии, где происходит суд. Мы знаем, например, совершенно достоверно, что приговоры, которые предполагалось вынести по делу Дробязгина, Майданского и других (декабрь 1879 года), не превышали ссылки в Сибирь и одного или двух сроков каторжных работ. При обычных обстоятельствах этого было бы вполне достаточно, чтобы удовлетворить даже кровожадность царской юстиции, ибо наиболее серьезно скомпрометированного обвиняемого судили лишь за недоказанное и весьма проблематичное участие в покушении (не имевшем смертельного исхода) на жизнь шпика; за эту провинность в более поздний период главный виновник получил бы четырнадцать лет каторжных работ*. Но за несколько дней до суда было совершено покушение Гартмана (19 декабря 1879 года).

---

* Это был Лев Дейч, тайно выданный России великим герцогством Баден при условии, что его будут судить гражданским судом как обыкновенного уголовного преступника. Обещание было нарушено, и Дейча судил военный трибунал. Однако, приняв во внимание исключительные обстоятельства дела, суд не вынес ему высшей меры наказания. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Охваченное дикой паникой, правительство решило устроить показательный суд в устрашение другим.

Генерал Тотлебен (или, вероятнее всего, Панютин) отдал приказ, чтобы обвиняемым был вынесен смертный приговор. Однако преступление, в котором они обвинялись, по закону нельзя было карать смертью, да и доказательства были не очень убедительны. Выполнить приказ начальства - если вообще хотели сохранить хоть какую-то видимость законности - было не так-то легко. Но суд оказался на должной высоте. Он нашел выход из затруднительного положения в клаузуле об "аккумулятивных приговорах". В решении суда - его можно прочитать во всех газетах того времени - рядом с именем каждого подсудимого записаны провинности, за которые в обычных условиях было бы более чем достаточно дать несколько лет ссылки в Сибирь. Затем эти приговоры были соединены воедино, и в итоге получилось - смерть! Это решение суда и судебное толкование мотивов вынесенных приговоров представляют один из самых невероятных случаев в истории русского правоправедения.

Дело Лизогуба (август 1879 года) еще более необычайное, ибо подсудимый не принадлежал к террористической партии и вообще не совершал никаких

преступных действий ни как главный виновник, ни как соучастник. Это был богатый помещик, и самое большое его преступление состояло в том, что он отдавал свое состояние на нужды революции. Он был арестован по доносу своего управляющего Дриго, бывшего его друга и поверенного, потом продавшегося правительству за обещанные ему остатки от состояния Лизогуба. Власти, надеясь и в дальнейшем воспользоваться услугами предателя, не раскрыли его имени. Дриго не появлялся на суде в качестве свидетеля против Лизогуба, и его показания не упоминались в обвинительном заключении. Материалы были неофициально переданы судьям Панютиным до начала суда, он же

и объявил судьям, что Лизогуб должен быть казнен. Приказ был выполнен. Лизогуба приговорили к смерти. 10 августа 1879 года он был повешен.

Лет пять назад, точнее говоря, 23 февраля 1880 года, в Киеве, где властвовал генерал Чертков, состоялся суд над юношей-гимназистом; его звали Розовский. При обыске в его комнате полиция нашла прокламацию Исполнительного комитета.

- Прокламация принадлежит вам? - спросил один из жандармов.
- Да, она принадлежит мне.
- Кто дал ее вам?
- Этого я не могу сказать. Я не шпион, - ответил юноша.

В обычное время его выслали бы в Сибирь в административном порядке, то есть без суда. Возможно даже, что он, как несовершеннолетний, - ему было всего девятнадцать лет - отделался бы ссылкой в одну из северных губерний. Но пятого числа того месяца произошел взрыв в Зимнем дворце. Генерал Чертков был в такой же дикой ярости, как генерал Тотлебен. Надо было дать устрашающий урок, и юноша заплатил своей жизнью за деяния других. Его приговорили к смертной казни, и он умер на эшафоте 5 марта 1880 года.

В Харькове генерал Лорис-Меликов был одержим стремлением превзойти патриотический пыл своих коллег. Но если в других городах политических процессов было хоть отбавляй, в его губернии - никаких. После 5 апреля 1879 года, когда были созданы шесть сатрапий, в Харькове состоялся один-единственный политический процесс, и то два главных обвиняемых не были нигилистами. Однако дело было весьма примечательное. Два бежавших из тюрьмы уголовника, переодетые жандармами, явились в Харьковскую тюрьму с поддельным ордером, подписанным жандармским генералом Ковалинским, о выдаче

им политического заключенного Фомина, так как его требует к себе следователь. Все документы были в порядке, а подпись Ковалинского так хорошо подделана, что с первого взгляда генерал сам признал ее своей. Но план побега Фомина провалился вследствие предательства чиновника, у которого были приобретены ордерные бланки, и мнимые жандармы попали в руки полиции. Однако организаторов побега вовремя предупредили, и они благополучно скрылись. Только один из предполагаемых соучастников был арестован - студент Ефремов, в доме которого встречались заговорщики. Но он не имел никакого понятия о их делах, никогда не присутствовал на их встречах и отрицал всякое участие в подготовке побега Фомина. Это было вполне правдоподобно, ибо для русских студентов самое обычное дело

предоставить свою комнату в распоряжение приятелей. Кроме того, вполне вероятно, что революционеры, чтобы не подвергать хозяина квартиры опасности, не доверили ему свою тайну. Перед тем как уйти из комнаты, они из осторожности сожгли бумагу, на которой упражнялись в подделывании подписи Ковалинского. Но было сделано одно роковое упущение. Они не догадались помешать кочергой сожженные клочки бумаги, кучкой лежавшие в печке. Когда пришли жандармы, они, по своему обыкновению, все обшарили и, вытащив из печки клочок полусгоревшей бумаги, смогли разобрать на нем имя генерала. Клочок показали Ефремову, и тот, ничего не подозревая, опрометчиво прочел имя вслух как раз в тот момент, когда роковой клочок распался. Это было единственное доказательство приписанной Ефремову вины - его соучастия в попытке освобождения Фомина. Но так как полиции нужен был козел отпущения, то Ефремов был приговорен к смертной казни, и Лорис-Меликов утвердил решение суда. Однако приговор не был приведен в исполнение: Ефремов просил о помиловании, отчего другие всегда с презрением отказывались, и, принимая во внимание его раскаяние, казнь была заменена двадцатью годами каторжных работ.

Эти примеры с избытком доказывают, что военные трибуналы, которым вверено судить политических заключенных, являются лишь узаконенными поставщиками палача; их обязанности строго ограничены обеспечением жертв для эшафота и каторги. Распоряжения, получаемые от начальства, они рабски выполняют. Их назначение - облачать приказы властей в форму статей и параграфов закона и придавать своему судопроизводству видимость законности.

В процессе Ковальского, 2 августа 1878 года*, первого революционера, приговоренного к смертной казни, судьи, глубоко тронутые речью его защитника Бардовского, на мгновение усомнились, стали советоваться друг с другом, как поступить, и, наконец, решили испросить указаний Петербурга. Была послана соответствующая телеграмма, и до получения ответа суд примерно на три часа отложил вынесение решения. Ответ был резко отрицательный и со всей строгостью подтвердил предыдущий приказ. Теперь уж не могло быть колебаний. Смертный приговор был должным образом вынесен, и Ковальский должным образом казнен.

---

* Суд над Ковальским происходил до принятия закона от 9 августа, но его по особому распоряжению судил военный трибунал. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Разве Стрельников не хвастался, что трибуналы будут делать все, что он пожелает? Однако вплоть до последнего времени еще оставался какой-то контроль, который, если и не служил сдерживающей силой против деспотизма правительства, все же заставлял его ставленников соблюдать известные внешние приличия, - то была гласность суда. Разумеется, не та гласность, к которой привыкли в других европейских странах, ибо в методах русского царизма почти всегда есть что-то двусмысленное, и уступки, сделанные одной рукой, более чем наполовину отнимаются другой. Для предупреждения каких-либо сочувственных демонстраций публику проверяли с особой тщательностью. На суде разрешалось присутствовать только по входным

билетам, подписанным председателем суда. Известное количество билетов выдавалось представителям печати, и щедрость председателя суда всегда служила проверкой его либерализма.

Но газеты, если они не хотели рисковать немедленным запрещением, не могли публиковать собственных отчетов о ходе процесса, даже самых лояльных и малосодержательных. Приходилось ждать получения официального текста, подправленного, подчищенного, прикрашенного министром и полицией. Печать не вправе была ничего изменять в этом извращенном отчете и ничего добавлять к нему*.

---

* Благодаря этому правилу возникла курьезная процедура. Так как официальный "Правительственный вестник" заставлял прессу чрезмерно долго ждать подробностей процесса, вызвавшего большой интерес у публики, одной газете - если не ошибаюсь, это были "Петербургские ведомости" - пришла остроумная идея, и ею потом воспользовалась почти вся печать. Газета описывала, так сказать, внешнюю сторону процесса. Несколько дней подряд она занимала своих читателей живым описанием поведения подсудимых, их внешнего вида, выражения лиц, впечатления, которое они производили на публику, и множеством других незначительных подробностей, не проронив ни слова о самом существенном - обвинительном заключении, показаниях свидетелей и состязании сторон, пока не было получено разрешение печатать официальный отчет, прошедший полицейскую проверку (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Так как на процессы допускались представители отечественной печати, то в этом нельзя было отказывать и корреспондентам иностранных газет, всегда более настойчивым и смелым, чем их русские коллеги. Телеграммы иностранных корреспондентов, правда, могли быть задержаны, а письма перехвачены на почте. Но они наловчились отправлять свою корреспонденцию неведомыми полицией путями, и так или иначе их сообщения обычно доходили по назначению и появлялись в печати. Усилия, прилагаемые правительством, чтобы ограничить гласность суда внутри страны и воспрепятствовать публикации неприятных сведений за границей, показали, как сильно оно было обеспокоено тем, что эти меры удушения гласности оказались практически бессильными.

Со времени суда над цареубийцами - Софьей Перовской, Желябовым и другими - последние остатки этой так называемой гласности были уничтожены. Все последующие политические процессы происходили при закрытых дверях. Непричастным к суду лицам в зале не разрешается присутствовать. Не допускается никаких исключений из этого правила даже для царских чиновников; и хотя вряд ли эти господа питают особенные революционные симпатии, но они могут что-то услышать, и это вдруг повлияет на их лояльность или смутит моральный дух. На последнем процессе по "делу 14-ти", в октябре 1884 года, в зал судебного заседания не были допущены даже ближайшие родственники подсудимых. Публика в зале была представлена военным

и морским министрами и пятью высшими чиновниками, отличающимися сверхъестественной верноподданностью. Все дело велось в таком страшном секрете, что, как сообщал корреспондент "Таймс", жители соседних домов не

подозревали даже о происходившем в здании суда политическом процессе.

Таково сейчас положение в нашей стране.

Для политических преступлений в России нет ни суда, ни пощады. И никогда не было. Обыкновенные нарушения закона подлежат суду присяжных, но только один-единственный раз царское правительство рискнуло обратиться к представителям общественной совести в политическом деле. Это был процесс Веры Засулич. Однако, как всем известно, на этом суде власти сильно обожглись, и вряд ли этот опыт когда-либо будет повторен. Суд всегда был органом исполнительной власти, он только по форме отличается от полиции, жандармерии и других органов государственного управления. Все они устроены по одному и тому же деспотическому принципу. Суд с его церемонностью и помпой не более как дань, уплачиваемая русским деспотизмом современной цивилизации.

А теперь правительство с истерической нервозностью постепенно лишает свой суд всех атрибутов, которые придавали ему внешнее подобие правосудия. Нынешние трибуналы - это полиция, жандармерия, бюрократия во всей их обнаженности. Это не только варварски, позорно, деспотично, это просто глупо. Русское правительство можно уподобить лавочнику, который, выставив в витрине товары с виду хорошего качества, постепенно заменяет их протухшими продуктами, что легко обнаружит всякий, кому бог дал глаза и нос. Прошу прощения за малопривлекательное сравнение, но, право же, я не нашел лучшего для данного случая. Политика царского правительства может лишь дискредитировать его в общественном мнении, не производя никакого впечатления на его врагов. Ибо если уж решено, как говорят французы, "бросить курицу в горшок", то не все ли ей равно, под каким соусом ее съедят.

Что касается революционеров, то вопрос о политической юрисдикции не имеет для них ни малейшего значения, да и вообще у русских эта проблема не вызывает к себе никакого, или почти никакого, внимания. Я остановился на ней только потому, что она, естественно, представляет большой интерес для моих английских читателей. В европейских странах, где суд является верховной, если не единственной, властью, посредством которой в последней инстанции регулируются отношения между всей массой граждан, представляемой государством, и каждым отдельным гражданином, правильный состав суда и высокая степень необходимой гарантии беспристрастности его суждений являются вопросом величайшей важности. Но в России, где полиция может ни в грош не ставить решение судьи, суд может интересовать вас только как политическая трибуна, с которой можно открыто высказать свои взгляды. Но сам по себе вопрос о составе суда, как это должно быть в настоящем суде - органе, правомочном решать судьбу человека, не играет никакой роли.

Какое значение имеет для вас, что суд вынесет легкий приговор, если по истечении его срока полиция назначит вам новый, гораздо более длительный? Какая польза от того, что вас оправдают "с незапятнанной репутацией", если полиция арестует вас прямо у выхода из суда, снова заточит в тюрьму и отправит в сибирскую ссылку? Что толку, что приговор к двадцати годам каторги будет заменен пятью годами, если тюремщики бросят вас в мрачный страшный застенок, в котором человек, не обладающий сверхъестественным

здоровьем, не имеет ни малейшего шанса выжить даже более короткий срок?

Чтобы получить представление о том, как правительство расправляется со своими врагами, нужно обратиться не к суду; надо узнать, как с ними поступают после признания их виновными и вынесения приговора.

Глава XVIII

ПОСЛЕ ПРИГОВОРА

Предположим, что заключенный осужден на каторгу на столько лет, сколько читателю угодно ему дать, ибо в действительности это не играет никакой роли, это только частность. Приговор зачитан со всеми церемониями, предписанными законом, и суд свершился. Но именно в этот момент, когда, казалось бы, судьба заключенного уже решена, для него и для его близких встает мучительный вопрос: что теперь власти с ним сделают?

Но, собственно, почему? А приговор? Неужели русское самодержавие не останавливается перед тем, чтобы сразу же изменить меру наказания, назначенную судьями, и наложить кару, вовсе судом не предусмотренную? Пока еще нет. Для этого достаточно времени впереди. Пока еще приговор в силе. Но в России, как всем хорошо известно, имеется каторга и каторга. Тюремь и тюремь. Очень большая разница - заточат ли тебя в Шлиссельбург или в централ, в Трубецкой бастион или в сибирский острог.

Поэтому те, кого тревожит судьба заключенного, его родные и друзья, пускают в ход все, чтобы добиться для него наивысшего блага - ссылки в Сибирь. Первую попытку обыкновенно делают родители, и прежде всего мать, - ей скорее удастся кое-что исхлопотать у властей. Если родители бедны, товарищи сына собирают между собой достаточную сумму для поездки в Петербург. Если они, кроме того, малообразованны и не имеют никаких связей в бюрократическом мире, их соответствующим образом наставляют и советуют обратиться к такому-то чиновнику, который не совсем еще сердцем крут: он, может быть, вдруг выслушает мольбы и согласится помочь их сыну. А то советуют также обратиться к некоей добросердечной даме, имеющей за кулисами связи в высоких сферах; она, возможно, будет расположена употребить свое влияние в пользу несчастного узника.

После матери некоторым успехом может увенчаться ходатайство жены. Если у заключенного нет жены - а политические узники чаще всего молоды и неженаты, - роль заступника берет на себя невеста. В невестах никогда нет недостатка. Если у политического нет ни отца, ни матери, ни сестер, ни братьев и никого, кто ему еще дороже, кто посещал бы его, заботился о нем, хлопотал за него, друзья сразу же обеспечивают его "невестой". Лишь очень редко молодая девушка в подобных обстоятельствах откажется играть эту тягостную и опасную роль, опасную потому, что она означает сочувствие революционерам и их идеям, а это может привлечь к девушке нежелательное внимание полиции со всеми проистекающими отсюда последствиями. Если

заклученный не слишком серьезно скомпрометирован, низший чиновник, в данном

случае вершитель судеб, смотрит сквозь пальцы на эту ставшую теперь привычной уловку и дает импровизированной возлюбленной разрешение навещать

своего любимого, приносить ему книги и подчас бутылку вина. На ее долю выпадает также мучительная и тяжкая обязанность одной или вместе с его матерью ходатайствовать о смягчении приговора или о переводе узника в менее гибельное место заключения.

Чтобы добиться этой цели, делаются невероятные усилия, нажимают на все пружины. Мать, сестра, жена или невеста, а также друзья - все включаются в эту борьбу за спасение близкого человека и просят, умоляют, изводят по очереди прокурора, чиновников, полицейских, жандармов и всех, кто облечен властью и к кому удастся проникнуть. Получив отказ в одном месте, они делают попытку в другом. В течение нескольких дней, а иногда недель радость надежды сменяется мукой отчаяния. Наконец они могут вздохнуть с чувством облегчения и благодарности. Их усилия принесли плоды, мольбы услышаны: есть распоряжение сослать заключенного, ради которого было потрачено столько сил и энергии, на каторгу в Сибирь, в страну лютых морозов и нечеловеческих страданий, беспощадных надсмотрщиков, жестоких наказаний и каторжного труда в рудниках, где узники по рукам и ногам скованы обжигающей холодом железною цепью. А отец и мать, невеста и друзья - все этим очень довольны, поздравляют друг друга с удачей и верят, что дорогой им узник родился под счастливой звездой!

В дальнейшем я подробнее опишу радости, ожидающие этих баловней судьбы в ссылке на ледяном севере. Пока же будем сопровождать тех несчастных, которые отправлены в одну из двух центральных каторжных тюрем, расположенных невдалеке от Харькова, на нашем прекрасном юге, на Украине, справедливо названной русской Италией. Первая из этих тюрем находится в Ново-Борисоглебске, другая - в Ново-Белгороде близ деревни Печенеги. Я расскажу о втором центре, так как существуют подлинные документы, подробно рисующие жизнь заточенных там политических. Эти документы - бесценные записки двух заключенных, которые сами пережили и были очевидцами

всего того, что описали. Одни записки относятся ко времени до 1878 года, в других рассказ начинается с того момента, когда прервались первые, и доводится до 1880 года. Обе тетрадки, несомненно, достоверны. Они велись тайно день за днем в полумраке камер и тайно же были вынесены из тюрьмы по одному из тех подпольных путей, которые всегда находятся в царской России вопреки бдительности тюремщиков и полиции.

Первые записки были закончены и отосланы в июле 1878 года и немедленно напечатаны в подпольной типографии "Земли и воли" под названием "Заживо погребенные". Вторые под названием "Надгробное слово Александру II" были отосланы из Ново-Белгородской тюрьмы примерно в середине 1880 года. Они множество раз переписывались и распространялись в рукописи во всех крупных городах империи. Несколько месяцев назад "Вестник Народной воли" напечатал записки *in extenso**.

---

* полностью (лат.).

Ново-Белгородский каторжный централ находится возле самой деревни Печенеги и состоит из нескольких зданий, окруженных высокой стеной, полностью отрезающей тюрьму от окружающего мира. Однообразность этой стены

нарушается широкими воротами - единственными, через которые можно проникнуть в этот мрачный приют горя и страданий. На большой доске, прикрепленной к воротам, начертано: "Ново-Белгородская каторжная центральная тюрьма". Посреди ограды, примерно на расстоянии пятидесяти шагов от наружной стены, чтобы затруднить побег посредством подкопа, высится громада главного корпуса тюрьмы. Повернув за угол этого здания, любопытствующий посетитель или вновь прибывший арестант видит в дальних углах двора два одноэтажных строения, гораздо меньших, чем главный корпус. В каждом из них ворота. На фронтонах вырезаны надписи: "Правые одиночки" и "Левые одиночки".

Эти два корпуса предназначены для государственных преступников.

В отличие от Петропавловской крепости обитатели централа не только политические заключенные. В этой каторжной тюрьме содержатся также уголовники самого худшего пошиба - закоренелые злодеи, которых правительство не отправляет в Сибирь из опасения, что они оттуда сбегут. Огромное главное здание тюрьмы сплошь заполнили преступники такого рода. Они составляют три четверти всех арестантов централа. Только сравнивая участь двух категорий заключенных и обращение с ними тюремщиков, можно правильно оценить "нежную заботу" и "сердечную доброту" правительства по отношению к политическим узникам.

Уголовники живут и работают все вместе; их ум и руки одинаково заняты. Они находят утешение в близком им по духу обществе друг друга, и, помимо лишения свободы, им не на что особенно жаловаться. Но политические заключенные осуждены на полное одиночество. Каждый из них живет в своей маленькой одиночной камере. Даже на дворе он одинок, ибо, для того чтобы политические по возможности меньше виделись, их выводят на прогулку в разное время и в три разных двора. Попытки обменяться несколькими словами со случайно встреченным товарищем строжайше запрещены. Нельзя издать восклицание или повысить голос в этой могиле для живых.

В шести камерах из тридцати, имеющих в обеих "одиночках", заключены шестеро уголовников, разумеется, самые отъявленные негодяи из всей коллекции: изменники родины, приговоренные к пожизненной каторге*, профессиональные бандиты и убийцы, загубившие несколько душ. Однако даже с этими чудовищами обращение более гуманное, чем с политическими. Уголовники целый день на свободе, их запирают в камерах только на ночь. Их не пытаются, за ними не следят, им не мешают общаться друг с другом. Как бы отвратительны ни были их преступления, гнет не так тяжок, бремя - посильное.

---

* Смертная казнь не за политические преступления была отменена

императрицей Елизаветой Петровной в 1753 году и не применялась в России уже более ста лет. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Когда в июле 1878 года политические заключенные Ново-Белгорода, доведенные до глубочайшего отчаяния, решились на страшное средство - отказались от пищи и начали самую длительную и мучительную голодовку, вписанную в печальную летопись русских тюрем, они требовали всего-навсего дозволения работать всем вместе в тюремных мастерских, получать передачи от близких, читать любые книги, допущенные "цензурою русскою, а не смотрительскою". Словом, они просили приравнения их к убийцам, грабителям, поджигателям, ибо уголовники пользовались всеми этими привилегиями, за исключением чтения книг, что им, впрочем, было совершенно не нужно по причине их поголовной неграмотности.

Однако смотритель тюрьмы и харьковский генерал-губернатор князь Кропоткин (двоюродный брат Петра Кропоткина, узника Клерво) спокойно взирал на то, как заключенные выносили муки голода в течение восьми дней - с 3 по 10 июля. Когда они от страшного истощения уже не могли встать со своих коек и каждый час приближал их к смерти, Кропоткин, опасаясь катастрофы, которая потрясла бы всю Россию, уступил и обещал исполнить их требования. Но это была бессовестная ложь, чтобы заставить узников прекратить голодовку. Обещание было нарушено и всякая надежда отнята. Государственным преступникам было отказано в привилегиях, предоставленных убийцам и ворами. Они по-прежнему оставались париями среди отверженных.

И в чем, позволительно спросить, заключались преступления этих людей? Их вина, наверно, огромна. Чтобы заслужить столь суровое наказание, столь жестокое обращение, они должны быть закостенелыми преступниками, самыми страшными террористами. Ничего подобного. В следующей главе я опишу участь террористов, чьи проступки сочли недостаточно тяжкими, чтобы передать их в руки палача. Но в центре находятся одни лишь пропагандисты, мирные певцы зари возрождения своего отечества, цвет благородного поколения семидесятых годов - первого выросшего и взлелеянного в России, свободной от позора рабства, поколения, унаследовавшего от печального прошлого, трусливого и бессильного, глубокую любовь и острую жалость к страдающему, веками угнетенному народу и отдавшего отчизне всю страстную преданность, весь благородный пыл души, равного чему не было во все времена и во всем мире.

Первым среди этих борцов за свободу был Ипполит Мышкин, герой "процесса 193-х", правительственный стенограф и владелец типографии, в которой он печатал революционную литературу. Представ перед судом, Мышкин показал себя оратором необычайной силы. Председатель суда был поставлен в тупик его меткими ответами и необычайной находчивостью. Многочисленная публика, наполовину состоявшая из должностных лиц, как зачарованная, ловила каждое его слово; волшебством его красноречия люди на миг превращались в его восторженных поклонников и друзей. Речь Мышкина на суде 15 ноября 1877 года была событием. Еще вчера никому не известный, он этим единственным подвигом стал знаменит во всей стране. Его имя живет и поныне. В комнатах сотен одиноких студентов и многих восторженных молодых девушек на стене рядом с портретом Софьи Перовской чаще всего можно увидеть фотографию этого

молодого оратора, с его одухотворенным лицом, высоким благородным лбом, большими темными глазами, гордой и дерзкой осанкой.

Полной противоположностью Мышкина был его соратник Плотников - спокойный, скромный юноша, бывший студент. Он не совершил никакого замечательного подвига; его политическая жизнь была очень короткой. Член пропагандистского кружка "долгушинцев", о котором я уже упоминал, он попался, когда в одной деревне Московской губернии передавал крестьянам несколько нелегальных брошюр. Но после ареста его необычайное мужество и мученический фанатизм создали ему славу даже среди людей его круга, которые все показали России благородные примеры отваги и решимости.

"Что касается Плотникова, - заявил на суде прокурор на бюрократическом языке своей обвинительной речи, - то, признавая преступления, в которых его обвиняют, он при этом руководствовался не духом раскаяния, а порочностью своего ума; порочностью, доходящей до фанатизма и исключаящей всякую надежду на раскаяние". Более восторженного панегирика нельзя было посвятить человеку, преданному великой идее.

Товарищ по борьбе и друг Плотникова Лев Дмоховский, старейший член долгушинского кружка, был богатый помещик из Харьковской губернии, человек ученый и с золотым сердцем. Повсюду - в обществе своих молодых товарищей, в центре, на каторге, куда его отправили умирать, - он всегда был верным другом, мудрым советчиком и в случае необходимости справедливым судьей для всех, с кем ему приходилось встречаться и кто нуждался в его помощи. Преступление Дмоховского состояло в том, что он нелегально, собственными руками напечатал две социалистические брошюры, за что его приговорили к каторге на восемь лет.

В центре находились также два кавказца - братья Джабадари - и их сводный брат Зданович, сын ссыльного поляка и черкешенки. Все трое деятельно занимались революционной пропагандой среди московских и петербургских рабочих, и все трое были столь же горячи и смелы, как воины их благородной родины. Они получили по девять лет каторжных работ.

Следующими в списке мучеников были Бочаров и Чернавский - двое юношей, из которых один был осужден на десять, а другой на пятнадцать лет каторги за участие в мирной демонстрации на Казанской площади.

Петр Алексеев - еще одна жертва царского правосудия. Он был сыном крестьянина, и его яркая, смелая речь на суде поразила судей и прозвучала в сердцах его друзей как боевой клич. Осужденный за распространение "подрывных идей" среди своих товарищей-рабочих, Алексеев получил десять лет каторги.

Донецкий, Герасимов, Александров, Елецкий, Папин, Муравский - их тени проходят перед нами в этой обители скорби. Замечательный ум этих людей, вся их безграничная любовь к труженикам, стремление облегчить участь униженных и угнетенных похоронены в каменном склепе, осуждены на гибель и смерть.

В зловещем застенке имеются обитатели, о которых я еще не упоминал. Это смотритель тюрьмы и ее злой дух Грицылевский. Он проявил специфические таланты и приобрел свою репутацию в Польше, работая под начальством Муравьева-вешателя. Тогда он проливал кровь поляков. Теперь он сосет кровь русских. Любопытно отметить в этой связи особое пристрастие правительства к

палачам Польши. Панютин, Грицылевский, Копнин (ставший потом

преемником Грицылевского), как и толпа тюремщиков в Сибири, - все они стяжали себе славу в Польше.

Выдвинутый по особой милости князя Кропоткина на выгодный и почетный пост начальника Ново-Белгородского централа, Грицылевский доказал на деле, что он вполне понимает, что от него требуется. Бесчисленными мелочными придирками, изобретенными с единственной целью изводить заключенных, и беспредельной жестокостью он превратил их жизнь в сущий ад. Свидетельств его тирании более чем достаточно.

Однажды, в февральский вечер 1878 года, Плотников шагал взад и вперед по своей маленькой камере, вполголоса читая наизусть стихи любимого поэта, как вдруг дверь с шумом отворилась и на пороге появился Грицылевский.

- Как ты смеешь декламировать! - прогремел он в ярости. - Или тебе не известно, что здесь должна быть мертвая тишина! Я тебя закую!!

- Я уже пробыл в кандалах "испытываемый срок"*, и потому вы, господин смотритель, не имеете законного права заковать меня, - вежливо ответил арестант. - Притом я болен - спросите у доктора.

---

* Обычно несколько лет, в течение которых с узником обращаются наиболее сурово. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

- Так ты еще рассуждать!!! - крикнул бешеный цербер. - Взять его, заковать! Я тебя проучу! Ты будешь знать, как рассуждать со мной!

Беднягу выволокли из камеры, потащили в контору и заковали в кандалы.

Подобный же инцидент, жертвой которого оказался Александров, произошел в 1877 году. В июньские сумерки где-то вдали раздалась вдруг крестьянская песня. Эта песня нашла печальный отклик в наболевшей душе узника. Он на минуту забылся и совершил тяжкий проступок - запел. Оповещенный об этом чрезвычайном событии, всемогущий властитель тюремного царства собственной персоной явился на место преступления. Виновник давно уже замолк и лежал в постели, то есть на куске войлока, без одеяла и подушки. Он встал.

- Тебе кто дозволил петь? А?.. Разве ты забыл, кто ты такой и где ты находишься? Так я тебе напому!!

Растерявшийся заключенный не успел еще вымолвить слово, как смотритель ударил его кулаком по лицу, сопровождая свой трусливый подвиг градом ругательств.

В другой раз смотритель набросился на Герасимова, бывшего студента.

- Как ты смеешь буяннить? - кричал он.

- Да я, господин смотритель, не буяню, - спокойно ответил Герасимов.

- А как ты обращаешься с надзирателем? Разве ты смеешь говорить надзирателю "ты"? Ты знаешь, что он твой непосредственный начальник? Ты обязан относиться к нему с полным уважением и благоговением. Слышишь? С полным благоговением. Ты не должен забывать, что ты не человек, а каторжник; не на воле, а на каторге. Ты не имеешь права требовать, чтобы к тебе относились как к человеку. Если перед тобой поставили палку и приказали слушаться, то ты должен исполнить это беспрекословно. Смотри!

Если только ты еще раз позволишь себе такие выходки, то я тебе шкуру всю сдеру! Понимаешь? С головы до пяток, всю, всю шкуру спущу! Помни, помни это! Всю шкуру!

За какую же провинность излился на голову бедняги весь этот зловонный поток брани и отвратительных оскорблений? За то, что он до сих пор еще не привык относиться с благоговением к простому, безграмотному солдату, надзирателю, и на его вопрос: "Что тебе надо?" - дерзнул сказать: "Дай воды"* , вместо того чтобы сказать: "Дайте, пожалуйста, воды".

---

* "Тыкание" тюремщиками заключенных - всеобщее явление, но сам заключенный не смеет обратиться на "ты" ни к одному должностному лицу, даже к простому тюремному надзирателю. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Казалось бы, прогулка составляет не обязанность, а удовольствие и заключенные вправе сами решать, гулять им или нет. Между тем, когда однажды тот же Герасимов сначала замешкался, а потом, раздраженный грубым понуканием надзирателя, вовсе отказался от прогулки, смотритель, узнав об этом непослушании, сделал виновнику следующее отеческое наставление:

- Ты почему не слушаешься надзирателя? Тебя посадили - сиди, приказывают идти - иди, говорят что - слушай! Вот все, что ты можешь здесь делать. За непослушание я тебя плетью отдеру!

Не хочу утомлять моих читателей перечислением других подобных же эпизодов. Но попрошу их остановиться на несколько минут в этой последней камере. Здесь помещается пожилой человек. Если бы он явился перед вами не с полуобритой головой, без усов и бороды - дикая, бессмысленная мера, такая же, как уродование лица, - вы заметили бы в его волосах седину. Вот он, закованный в кандалы, в серой арестантской куртке, сидит у стола, погруженный в свои горестные думы. Вдруг сзади него раздается грубый голос: "Здравствуй".

Он встает и, слегка наклонив голову, отвечает: "Здравствуйте, господин смотритель!"

Можно ли было ответить учтивее и скромнее? И все же спокойное приветствие приводит смотрителя в бешенство, и он обрушивается на старика с руганью:

- Как ты смеешь, болван, так отвечать? - орет он. - Или ты думаешь, что ты у себя дома?

А дело в том, что по военному уставу солдату не положено отвечать на приветствие офицера просто по-человечески. Он должен выкрикнуть: "Здравия желаю, ваше высокоблагородие!" За такое преступление Елецкого - ибо это был он - бросили в карцер.

Имеет ли читатель хоть малейшее представление о том, что такое карцер в центральной тюрьме? Это клетки, отгороженные в ретирадном месте, по абсолютной тьме и по величине напоминающие без преувеличения гробы, впрочем, даже для мертвеца среднего роста такой гроб был бы, пожалуй, тесен. Живые могут поместиться в клетке только согнувшись. Узник, даже физически крепкий человек, отсидевший в этой вонючей, тесной дыре несколько дней, после выхода из нее едва держится на ногах от головокружения и

выглядит так, как будто он перенес тяжелую болезнь.

Даже если заключенные ничем не провинились, Грицылевский не оставляет своих жертв в покое. Просто по злобе или вообще без всякой причины он беспрестанно терзает и мучает их. Однажды, обходя камеры, он увидел на столе у заключенного учебник французского языка, который сам дозволил ему держать у себя.

- Что такое! - вскричал он с циничным смехом. - Ты, должно быть, хочешь в Швейцарию, потому и понадобился тебе французский язык.

И он унес книгу, отняв у несчастного единственное утешение, лишив его дела, занимавшего его ум и помогавшего ему выносить тяжесть одиночества. Если бы спросить самодура, зачем он это сделал, почему так грубо лишил узника ранее оказанного тому блага, он лишь ответил бы, что такова была его воля. Это был внезапный каприз показать арестанту свою власть. Он в дурном расположении духа или ему дома не угодят - и он приказывает, чтобы у больных одиночников отобрали постель (больным дается соломенный тюфяк, суконное одеяло и подушка) и оставили им только тощий войлок - обычную постель заключенного в Ново-Белгородском центральном.

Но это, скажете вы, просто тиранические выходки малограмотного, грубого солдафона, развращенного бесконтрольностью своей деспотической власти. Начальству, разумеется, ничего не ведомо о его бесчинствах; если бы оно знало, то им, несомненно, положили бы конец.

Давайте же, в таком случае, поднимемся на ступеньку выше.

Лицом, стоящим непосредственно над смотрителем тюрьмы, является губернатор. Однажды Грицылевский за какое-то незначительное нарушение тюремных правил приказал заковать в кандалы политического заключенного, больного чахоткой, который, кроме того, уже отбыл свой "испытываемый срок". Возмущенные этой расправой, его товарищи дерзнули заявить смотрителю, что они будут жаловаться на его невыносимо грубое, бесчеловечное обращение с заключенными губернатору. Грицылевский не мог задержать жалобу, адресованную вышестоящим властям, но ничего не мешало ему наказать за то, что ее написали. Он отнял у узников книги, некоторых вовсе лишил прогулки, для других сократил ее и, наконец, приказал заколотить в камерах вентиляционные отверстия над дверьми. Когда один из больных, Сиряков, стал жаловаться, что ему нечем дышать, Грицылевский сказал: "Тем скорее он издохнет!"

Но интереснее всего было решение губернатора. Признав, что смотритель действительно не имел права заковывать в кандалы заключенного, отсидевшего "испытываемый срок", губернатор предписал арестантам, подписавшим жалобу, за оскорбление смотрителя надеть наручники и посадить в карцер на время от одних суток до трех!

Поднимемся еще выше.

Летом 1877 года в Ново-Белгородскую тюрьму приехал министр юстиции. Между прочим он зашел в камеру Плотникова, уже умиравшего от чахотки. Узник сказал ему, что если не будут изменены нынешние невыносимые условия для политических, то они очень скоро перейдут из этой временной могилы в могилу вечную. На это граф Пален с особенной расстановкой и со своим немецким акцентом ответил: "Так вам всем и надо! Страдайте! Вы сделали много зла для

России!"

В тот период, не надо забывать, русские социалисты занимались исключительно только распространением социалистических брошюр. В каторжный

центр, в сущности говоря, не был отправлен ни один террорист. Последняя группа политических заключенных, перед которой открылись ворота Белгородской тюрьмы, была осуждена по процессу Ковальского - Свитыч, Виташевский и еще два революционера*.

---

* Чтобы быть вполне точным, я должен сказать, что эти люди, строго говоря, не могут быть названы пропагандистами. Но с другой стороны, они, безусловно, не были террористами. Правильнее будет сказать, что они были больше чем пропагандисты, но и не террористы. Они выдвинулись в короткий промежуток времени, между концом пропагандистского и началом террористического периода. Прежде чем решиться устраивать покушения на прислужников самовластья, карая их за действия, какие я выше описывал, и тем самым навлечь на своих товарищей новые жестокости, революционная партия постановила перейти к самообороне, оказывать сопротивление полиции при арестах. Это было время, когда защита с оружием в руках конспиративной квартиры была вменена революционерам в обязанность. Свитыча и Виташевского судили за участие в одном из таких актов самозащиты (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

С наступлением террористического периода положение новобелгородских политических заключенных стало еще невыносимее. Правительство рассматривало их как заложников, и после каждого удара, нанесенного террористами, оно обрушивало на обреченные головы узников весь свой бессильный гнев.

- Вы мне за это дорого заплатите! - говорил смотритель тюрьмы в каждом таком случае.

После убийства Мезенцова у политических отняли все книги. После убийства генерал-губернатора Кропоткина их заковали в кандалы. А когда еще кого-то убили, выселили из Харьковской губернии родителей политических заключенных без права возвращения в свои дома. После первого покушения на императора некоторые из этих несчастных были сосланы в Сибирь.

Узников непрестанно пытали мелочным злом и глумлением, закрывали, например, вентиляционные отдушины в камерах. Под конец все душники были наглухо заколочены, и узники едва могли дышать. Казалось, смотритель хотел удушить их. Так их наказывали за провинности, совершенные другими.

Собственно говоря, режим, установленный в каторжном центре, в основном, тот же, что и в Доме предварительного заключения. Та же полная изоляция узников, лишение их движения, возможности заниматься полезным трудом, физическим и умственным. И последствия тоже одинаковы: утраченное здоровье, чахотка, цинга, общее расстройство всего организма. Разница в том лишь, что заключенные, ожидающие суда, еще питают надежду на оправдательный

приговор, да и на суде они могут рассказать об истязаниях, заклеить своих мучителей. Но заключенным в тюрьмах такого утешения не дано. Для них нет

больше надежды: протестовать они не могут, а жалобы служат лишь тому, чтобы увеличить их невзгоды. Отданные во власть тюремщиков, они имеют один удел - сносить нечеловеческую жестокость и грубые надругательства. В Петербурге заключенные, находящиеся под предварительным следствием, могут, кроме того, тайно сообщаться со своими близкими на воле, им придает силы будущая встреча лицом к лицу с их врагами, - так воинам вселяет смелость нетерпеливое ожидание скорой битвы. Но у узников тюрьмы нет этих преимуществ. Отрезанные от общества людей, угнетенные убийственным однообразием своего беспросветного существования, физически и умственно обессиленные, им нечего больше ожидать, кроме новых мучений и безвременной смерти задолго до того, как истечет срок их заточения.

Я уже обращал внимание моих читателей на то, как действует на здоровье и на психику узников система одиночного заключения в Доме предварительного заключения. В Ново-Белгороде, где условия неизмеримо тяжелее, одиночное заточение - настоящее бедствие. В тюрьме постоянно свирепствуют чахотка и тиф. Если половина или три четверти арестантов выживают, то это происходит не по причине заботливого ухода за больными со стороны тюремщиков, наоборот, они делают все, чтобы сократить их дни, но благодаря прекрасному климату и благодатному воздуху благословенной Украины, страны их неволи. И все же из двадцати молодых мужчин в возрасте от двадцати трех до тридцати лет шесть человек умерли после четырех лет заточения в централье. Из них пятеро погибли в стенах тюрьмы, шестой, Лев Дмоховский, - на пути в сибирскую ссылку.

Но самый страшный бич для узников одиночного заключения, бич, против которого благоприятные климатические условия не спасение, - это умопомешательство. В то время когда автор упомянутых мной вторых записок заканчивал свою тетрадь, в правосторонних одиночках, одну из которых он занимал, из четырнадцати заключенных было пять душевнобольных, то есть более трети. Он записал их имена: Плотников, Донецкий, Бочаров, Боголюбов и Соколовский. Двое были тихие сумасшедшие, у троих было буйное помешательство. Они наполняли клетки тюремного здания неистовыми воплями и диким ревом, душераздирающим плачем и безумным хохотом. Словами нельзя описать и воображение бессильно нарисовать весь ужас пребывания в этом доме умалишенных тех, кто, хоть и сохранил еще здравый ум, живут в страхе, что их постигнет участь больных товарищей. Они постоянно видят нависшую над ними тень рокового недуга. Но все настойчивые и упорные усилия добиться перевода душевнобольных в психиатрическую больницу в течение долгого времени оставались тщетными и полностью так и не увенчались успехом. Бочаров, один из самых тяжелых психически больных, - он страдал буйным помешательством - многие месяцы оставался в своей конуре, прежде чем его увезли, и это произошло лишь после усиленных домогательств со стороны заключенных и врача. Смотритель распорядился наконец отправить Бочарова из Ново-Белгорода, но не в психиатрическую больницу, а в соседний Борисоглебский каторжный централ, где он вскоре после этого умер.

О Гамове тюремные власти вообще не сочли нужным побеспокоиться, и он умер в состоянии умопомешательства в своей камере. Плотников, правда, был переведен в сумасшедший дом, но только после того, как стал совершенно

безнадежным и ему недолго оставалось жить. Он скончался через несколько недель после того, как его увезли из тюрьмы.

Но это еще не самое худшее. Обращение тюремных надзирателей с несчастными психически больными неслыханно варварское. Приступ умопомешательства карается так, словно это акт умышленного неповиновения. Их пинают ногами, надевают наручники и, если они все же продолжают шуметь, с яростью швыряют на пол камеры и заставляют там лежать. Все это доносится до слуха других узников, и они становятся еще более несчастными от столь ужасных мучений своих товарищей, от жестокости тюремщиков, от сознания невозможности ни предотвратить мучения, ни отомстить за жестокость.

Психически больным нет никакой пощады; они так же должны соблюдать режим, выполнять те же правила, что и здоровые, и они подвергаются тем же наказаниям за небрежность или непослушание. У Боголюбова, того самого Боголюбова, который по распоряжению Трепова подвергся истязанию розгами и был отомщен выстрелом из револьвера Веры Засулич, приговоренного за участие в демонстрации на Казанской площади к пятнадцати годам каторги, была навязчивая идея, что все вокруг в заговоре, чтобы убить его. Однако его брили так же, как и других. Когда явился цирюльник, бедняга закричал от страха, сопротивляясь с неистовством отчаяния. Но ничего не помогло. Надзиратели душили и связали его и наконец насильно побрили.

Когда в апреле 1879 года генерал, посланный новым губернатором для официального инспектирования Белгородского централа, обратился к заключенным со стереотипными вопросами: "Имеете ли что-либо заявить? Есть ли жалобы?" - один из кавказцев, князь Цицианов, сказал ему:

- Да, генерал. Я прошу о милости, которую вы легко можете мне оказать. Я прошу присудить меня к смертной казни. Жить здесь означает умирать медленной смертью, и это больше, чем я могу вынести. Умоляю вас положить конец моим страданиям. Прошу вас дать мне умереть.

Этот ответ, который я привожу слово в слово, подводит итог всему, рисует нам всю страшную картину. Комментарии излишни.

Теперь мы оставляем каторжный централ с его ужасами и муками, с его страдальцами-узниками и тиранами-тюремщиками; и я предлагаю читателю сопровождать меня в другие места действия. Но советую ему крепко взять себя в руки, ибо следующий мой рассказ еще страшнее предыдущего.

Глава XIX

ТРУБЕЦКОЙ БАСТИОН

На берегу Невы, прямо напротив Зимнего дворца, высится русская Бастилия - Петропавловская крепость. Каменную громаду, широкую и плоскую, венчает суживающийся кверху тонкий шпиль, точно конец гигантского шприца. Крепость делит город на две части, и в течение дня ее ворота открыты; прохожие свободно проходят через мрачную узкую теснину извилистых сводчатых

подвалов с образами святых и зажженными перед ними лампадами в углах. Здесь помещаются караульные крепости. Но после захода солнца ворота наглухо затворяются, и, когда ночь опускается над столицей и тысячи огней заливают набережные стремительной Невы, одна лишь крепость окутана мглой, словно огромная черная пучина, всегда разверстая, готовая поглотить все, что есть самого благородного и чистого в этом несчастном городе и в стране, проклятием которой она является.

Ни один живой звук не нарушает мертвой тишины, висящей над этим приютом отчаяния. Однако и зловещая цитадель имеет свой голос. Он звучит далеко за стенами этой огромной могилы неизвестных мучеников, похороненных ночами во рвах, далеко от казематов, где лежат те, чей черед еще не наступил. Каждые четверть часа огромные часы на колокольне отзванивают томительно-однообразную, раздражающую мелодию, всегда одну и ту же: "Господи, помилуй".

Здесь воистину алтарь деспотизма. С самого своего основания Петропавловская крепость была главной политической тюрьмой империи. Но ее вынужденные обитатели резко различались по своему положению и воззрениям. В прошлые века главными пленниками цитадели были участники дворцовых заговоров, пребывавшие в ней на пути в Сибирь или на эшафот. Одним из первых был злосчастный царевич Алексей, сын Петра Великого, наследник престола. В крепости вам и посейчас показывают камеру, где беднягу пытали и задушили по приказу отца. Позднее сюда сажали генералов, членов Сената, князей и княгинь. Здесь была также заточена знаменитая княжна Тараканова, погибшая во время наводнения, когда вода затопила подземные застенки крепости. После окончательного упрочения нынешней династии, в конце прошлого века, дворцовые заговоры и перевороты прекратились. Крепость оставалась пустой до 1825 года, когда она приняла в свои стены цвет русского дворянства и армии - декабристов, героев, стремившихся не к свержению деспота, чтобы себя поставить на его место, а к уничтожению самого принципа самодержавия.

Но вот через два поколения картина снова меняется. Недовольство существующим строем углубилось и охватило широкие слои общества. Уже не армия, а лучшие люди русского народа поднимаются на борьбу с деспотизмом. Это не отдельная атака, а беспощадная война без передышки и перемирия между русским народом и его правительством. Крепость снова переполнена узниками. За последние двадцать лет через ее каменные казематы прошли сотни борцов, а за ними последуют еще сотни, без конца и края.

Однако вплоть до последнего времени Петропавловская крепость считалась скорее "предварительной", чем каторжной тюрьмой. Обвиняемых в политических преступлениях держали в крепости до суда, а затем обычно отправляли в сибирскую каторгу. Тем не менее здесь во все времена пребывало известное число заключенных - и они подвергались наиболее суровому и строгому надзору, - брошенных сюда без всякой формальности судебного приговора, просто по личному указу царя; их держали в казематах крепости долгие годы, часто всю жизнь.

В Алексеевском равелине находится - или находилась в 1883 году - таинственная узница, женщина, умирающая от чахотки. Ни один человек, даже

тюремщики и политические заключенные, ничего о ней не знает - ни о ее преступлении, ни даже ее имени, и она в тюремном реестре значится под номером своей камеры.

В не очень отдаленном прошлом, прежде чем царская бюрократия преуспела в уничтожении всякой индивидуальности, даже в чертах самого деспотизма, число таких таинственных узников было значительно больше, нежели теперь. Крепость с ее мрачными подземельями всегда готова была поглотить всякого, кто стал неуютен кому-нибудь из царских временщиков. Ибо России, христианнейшему государству, не подобало перенимать у Востока дикий обычай зашивать неуютных людей в холщовые мешки и выбрасывать их в море.

С течением времени и усилением деспотического режима Петропавловскую крепость стали использовать более часто и регулярно, и ее преимущества были высоко оценены. Все внимание обращалось на то, чтобы узники, погребенные в ее мрачных глубинах, хранилищах зловещих и позорных тайн властителей и их опричников, никогда не получили возможность открыть эти тайны ни одной живой душе. Отсюда практика скрывать личность заключенного под номером, словно под железной маской, утаивать его имя, его происхождение, его прошлое. Практика, надо сказать, стародавняя! Наши историки, допущенные для научных изысканий к архивам полиции, часто обнаруживают указы о заточении в крепость лиц, об имени и деле которых коменданту крепости под страхом строжайшей кары запрещено было узнавать. Стражники, приносившие пищу такому

таинственному узнику, входили в камеру в страхе и убегали оттуда со всех ног, боясь, как бы случайно оброненное им слово не привело их в камеру пыток никому не доверявшей Тайной канцелярии.

Неудивительно, что об этих вселяющих ужас казематах всегда ходило множество фантастических слухов, странных преданий и народное воображение добавляло легенду к легенде. Одна из них возникла по поводу восстания декабристов. Народ верил, что им покровительствовал старший брат царя, великий князь Константин, наследник престола, которому страна присягнула прежде, чем стало известно, что он тайно отрекся в пользу Николая. Так родился миф о заточенном в крепости великом князе, дряхлом, седом старике, с длинной белой бородой, доходящей ему до колен. И живет он одной лишь мечтой - освободить крестьян от рабства. Уже многие годы после того, как подлинный Константин, который вел разнузданную и распутную жизнь, отправился к праотцам, легенда все еще жила в народных сказках.

Но дух времени и толпы узников в крепости не порождают больше призраков, мифы и легенды уже не возникают. Вполне хватает реальностей. С другой стороны, порядки и нравы, насаждавшиеся в течение полутора столетий, передавались тюремщиками из поколения в поколение, и все они прониклись верностью режиму. В них царское правительство обладает непревзойденным штатом охранников, столь же вышколенных для исполнения своих обязанностей, как немые рабы какого-нибудь султанского сераля.

Крепость отличается от большинства других застенков тем, что все в ней поставлено на военную ногу. Здесь нет штатских или наемных смотрителей и надзирателей, как в домах предварительного заключения и каторжных тюрьмах. Все обязанности тюремщиков выполняют солдаты и жандармы, и над их головой

всегда висит дамоклов меч военного устава. Охрана узников, подвергаемых строгой изоляции в одиночных камерах, доверяется стражникам, тщательно подбираемым среди других с помощью системы соглядатайства и взаимного шпионажа. Это тем легче, что Петропавловская крепость, как все подобные крепости, построенные по планам Вобана, состоит из бастионов, куртин и рavelинов, представляющих совершенно отдельные тюрьмы со своим смотрителем,

часовыми и служителями. Тюремная стража никогда не меняется, ведет замкнутую жизнь и не общается с другими стражниками крепости, не принадлежащими к их отделению.

Петропавловская крепость отличается не только своей военной организацией, но и строгостью надзора и суровостью дисциплины. В то время как в большинстве тюрем считается достаточным не допускать общения политических арестантов между собой, в крепости им не дозволено разговаривать даже со служителями. Последним запрещено отвечать на самый простой и невинный вопрос политического узника. Дружеское приветствие, замечание о погоде, вопрос: который час? - все равно никакого ответа. Молча они подходят к вашей дверной форточке, молча подают вам еду, молча уходят. В час, установленный для прогулки, они молча отпирают двери и молча ведут вас на предназначенный для прогулки дворик. Молча они следят за вами, пока вы делаете свой "одиночный моцион", и по истечении положенного времени снова отводят вас в камеру, ни разу так и не проронив ни слова. "Они" - потому, что их всегда двое, ибо служителю строжайше запрещено подходить к дверной форточке заключенного, а тем более входить к нему в камеру иначе, как в присутствии жандарма. Преимущества такого правила очевидны: этим осуществляется система контроля над заключенными и служителями, а также взаимного шпионства среди стражников крепости, что составляет одну из характерных особенностей русской Бастилии.

Огромные размеры крепости и ее своеобразная архитектура дают властям возможность добиться цели, которую они тщетно пытались достигнуть в других тюрьмах, - полностью изолировать узников, исключить всякое общение между ними. В Доме предварительного заключения множество железных труб, проходящих по всему зданию, позволяет заключенным обмениваться вестями, даже находясь на значительном расстоянии друг от друга. А в каторжном центре камеры так малы и стены так тонки, что просто невозможно помешать узникам разговаривать при помощи постукивания, а когда они случайно встретятся, обменяться несколькими словами. В крепости положение совершенно другое. Стены казематов, построенных из бетона и камня, такой толщины, что стук сразу становится слышен, и поэтому такая связь почти невозможна. Чтобы совершенно ее устранить, одно время, это было в 1877-1878 годах, предлагалось обить стены войлоком и таким образом полностью заглушить всякий звук. Но в результате этой меры, не говоря уже о том, что она обошлась бы очень дорого, камеры стали бы суше и теплее, а потому удобнее для заключенных, поэтому от нее отказались в угоду другому плану, свободному от таких недостатков. Арестантов стали помещать в каждую вторую камеру, а смежные либо оставляли пустыми, либо сажали туда жандармов. Пришлось, правда, несколько ограничить число заключенных, но крепость

достаточно велика, а зато камеры теперь были прочно изолированы. В отношении тех узников, которых хотели наглухо заточить в казематы, кроме того, принимались еще особые меры.

Некоторое представление о том, как непроницаемо замуравывают этих узников, как крепко царская тюрьма для государственных преступников хранит свои тайны, дает пример Нечаева, выданного Швейцарией русскому правительству. Его, как уголовного преступника, приговорили к двадцати годам каторги, но не отправили в Сибирь, а заточили в Петропавловскую крепость. Это было в 1872 году. И так наглухо он был заточен и строго охраняем, что целых шесть лет никто из его друзей не знал, что с ним стало, хотя, встревоженные его судьбой, они непрестанно наводили справки, и за это время сотни арестованных политических попадали в крепость и уходили из нее. Только в 1880 году через посредство Ширяева, помещенного в Алексеевский равелин, было раскрыто место заточения Нечаева. У Ширяева были тайные связи с волей, и Нечаеву, тоже замураванному в этом равелине, удалось послать ему весточку через расположенного к нему служителя.

Как легко можно себе представить, обращение с политическими заключенными в русской Бастилии, отнюдь не чрезмерно снисходительное, не стало человечнее в последний период террора, то есть как раз в то время, когда ее мрачные казематы наполнились наибольшим числом узников.

Если в каторжном центре, на расстоянии тысяч километров от места действия революционеров, заключенных заставляли "дорого заплатить" за каждый террористический акт, то можно не сомневаться, что узникам петербургских застенков доставалось не меньше. Наоборот, им приходилось еще гораздо тяжелее. Они подвергались неслыханным издевательствам и истязаниям, что рассматривалось как свидетельство верности престолу и служебного усердия. А если бы узники дерзнули подать жалобу, то на нее либо не обратили бы внимания, либо ответили бы оскорбительным смехом и циническим глумлением.

Но и в преисподней есть дно. В пыточном застенке, каким стала крепость в последние годы, устроили темницу, поистине человеческую бойню, чудовищность которой превосходит все, что могут представить себе мои читатели, - Трубецкой бастион. Это не Дом предварительного заключения, где люди, навлекшие на себя подозрение полиции, ожидают суда и следствия, но казематы, где отбывают наказание осужденные пожизненно или на очень длительные сроки, каторжный острог, куда бросают тех, для кого сибирская каторга или клетки центра считаются недостаточно суровыми. Сюда отправляют также тех террористов, которых не повесили, - их слишком много и всех не перевешаешь. Оборудованная для своей нынешней цели в конце 1881 или начале 1882 года, эта тюрьма в тюрьме сразу была поставлена под жесточайший надзор, были приняты все предосторожности, чтобы не допустить проникновения на волю сведений о том, что творится за этими мрачными стенами. Однако в 1883 году три письма от узников прошли через все преграды и попали в руки их товарищей. Эти письма потрясли всю просвещенную Россию, наполнили ее возмущением и жалостью. Так была приподнята завеса над дикими зверствами, равных которым в Западной Европе знавали только много веков назад. Два письма были коротки и написаны второпях - душераздирающие крики отчаяния и

боли. Третье письмо - самое значительное и длинное - содержит много подробностей. Оно сразу же было напечатано в подпольной типографии "Народной воли" под названием "Каторга и пытки в Петербурге в 1883 году". И хотя автор письма ухитрился достать перо и бумагу, ему пришлось писать собственной кровью, и он добывал ее, за отсутствием ножа кусая себя в руку. Это старый обычай в русских тюрьмах, и мы часто получаем весточки, написанные не только метафорически, но буквально кровью узников. Вот это кровью написанное письмо так глубоко взволновало петербургскую интеллигенцию. Несколько выдержек из него было опубликовано в газете "Таймс" в июне 1884 года. И этому письму - я сам держал его в руках, - дополненному деталями, почерпнутыми из двух других писем, я обязан сведениями о жизни узников в Трубецком бастионе.

Политических заключенных обычно отправляют в Трубецкой бастион через несколько недель после приговора. В один прекрасный день, возможно, как раз в то время, когда вы больше всего рассчитываете на ссылку в Сибирь, вам вдруг объявляют, что вы должны переменить камеру. Вам приказывают надеть арестантскую одежду, самой важной частью которой является серая куртка, украшенная желтым бубновым тузом. В сопровождении двух жандармов - одного впереди, а другого сзади - вас ведут через лабиринт переходов, коридоров и подвалов, пока вы не дойдете до двери, открывающейся словно в стену. Здесь часовые останавливаются, дверь открывается, и вам приказывают войти. Одну-две минуты вы ничего не видите - такой здесь царит глубокий мрак. На вас повеет таким холодом, что вы сразу продрогнете до костей, и вас обдаст затхлым запахом сырости и гнили, как в склепе или непроветриваемом погребе. Свет проникает сюда только из слухового окошка, выходящего на контрэскарп бастиона. Стекла темно-серые, так как покрыты толстым слоем пыли, лежащей на них будто целую вечность.

Когда глаза привыкнут к темноте, вы осознаете, что находитесь в каземате размером в несколько шагов по диагонали. В одном углу кровать с соломенным тюфяком, прикрытым грязным, тонким, как бумага, одеялом. В ногах кровати высокое деревянное ведро с крышкой. Это параша, которая будет отравлять вас своим отвратительным зловонием. Узникам Трубецкого бастиона не дозволено покидать свой каземат ни для каких надобностей ни днем, ни ночью, за исключением установленной прогулки, и параша часто остается неопорожденной несколько дней кряду; вы вынуждены жить, спать, есть и пить в воздухе, отравленном гниением и убийственным для здоровья. В вашей прежней камере вы имели несколько самых необходимых предметов, обычно считающихся обязательными для людей, уже вышедших из состояния дикости, таких, как гребенка, щетка, кусочек мыла. Разрешалось также иметь несколько книг и немного чаю и сахару, доставляемых вам, разумеется, за ваш счет. Здесь вам отказывают даже в этих жалких предметах роскоши; по правилам Трубецкого бастиона заключенным запрещается обладать чем-либо не выданным тюремной администрацией. А так как она не выдает ни чая, ни сахара, ни щетки, ни гребенки, ни мыла, то вы всего этого лишены.

Но хуже всего отсутствие книг. Книги не дозволено получать с воли ни в одной части крепости. Обыкновенные заключенные крепости все годы своего одиночного заточения должны довольствоваться книгами, содержащимися в

тюремной библиотеке, - несколько сот томов, состоящих большей частью из журналов, восходящих к первой четверти века. Но обреченные узники Трубецкого бастиона - обреченные на участь в тысячу раз хуже смерти - не могут получать никаких книг. "Они не могут даже читать Евангелие", - говорится в письме. Никакие занятия, ни умственные, ни физические, не нарушают томительного однообразия их жизни. Малейшее развлечение, ничтожнейшая забава так же строго караются, как если бы это была попытка ограбить тюремщиков, подвергающих свои жертвы всей мере страданий, которую они способны вынести. Когда один узник, Зубковский, сделал кубики из хлеба, чтобы повторить геометрию, жандармы отняли их у него на том основании, что тюрьма не место для развлечений.

Согласно правилам, заключенный Трубецкого бастиона пользуется прогулками наравне с другими заключенными крепости. Но в действительности каторжан выводят подышать воздухом только на десять минут - никогда не больше - в сорок восемь часов. Часто прогулки совершенно отменяются в продолжение трех-четырех дней без всякой причины, только из-за нерадивости служителей.

Пища, установленная для выдачи арестантам, совершенно недостаточна и очень скверного качества. Но как бы она ни была плоха, заключенные ее не получают: поставщики продовольствия (они же администрация тюрьмы), чтобы сэкономить на отпущенном властями довольствии, покупают самые худшие и дешевые продукты, какие им только удастся достать, разумеется, кладя себе разницу в карман*. Мука всегда тухлая, мясо редко свежее. Чтобы придать больше веса хлебу, его так плохо пропекают, что даже корка несъедобна, и, если хлебный мякиш шлепнуть в стену, он прилепится к ней, как известка. Вот состав пищи узника Трубецкого бастиона: три фунта ржаного хлеба вышеописанного качества; утром - кружка мутного желтоватого кипятку, якобы чаю; в одиннадцать - полкружки квасу; в двенадцать - обед, состоящий из миски щей, сваренных из хлебных крошек и кислой капусты и нескольких кусочков мяса, плавающих в щах и никогда не превышающих двадцати граммов, каша из протухлой кукурузной муки; к ужину - те же кислые щи, сильно разбавленные водой и без малейших признаков мяса.

---

* В старое время дело обстояло иначе. Крепость являлась тогда аристократической тюрьмой, и заключенные получали обед из трех блюд, с белым хлебом и даже вином; белье было тонкое и чистое. Так это по привычке продолжалось еще некоторое время после того, как на место аристократических узников пришли первые нигилисты. Но к концу последнего царствования крепость была демократизирована и поставлена на ту же ногу, что и другие тюрьмы. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Тюрьма плохо отапливается, и узники мерзнут так же жестоко, как голодают, - мучительное испытание в зимнее время на 60 градусах северной широты. В камерах всегда холод, стены сырые. Когда смотритель тюрьмы делает обход, он никогда не снимает меховой шубы. Заключенные же, у которых нет шуб, коченеют даже в постели, и в продолжение всей долгой зимы руки и ноги у них как ледяные. Но и летом узникам не многим лучше, ибо в теплые месяцы

в Петербурге, построенном на болоте, более нездоровый климат, чем в остальное время года.

Отвратительные санитарные условия в крепости, сырость в камерах, отсутствие солнечного света, постоянное зловоние, исходящее от параши, скудная и скверная пища - летом она еще худшего качества, чем зимой, - увеличивают мучения узников и роковым образом отражаются на их здоровье. Смертность среди них ужасающая. Самые крепкие не в силах сопротивляться губительному воздействию тюремного заточения. Они вянут, как цветы, лишённые воды и воздуха. Тело у них исхудалое, а лицо одутловатое и покрытое пятнами, руки и ноги, особенно руки, непрестанно нервно дрожат.

Казалось бы, от отсутствия книг и постоянной темноты в камере у узников должно сохраниться зрение. Но как раз наоборот. Глаза у них воспалены, веки опухли и с трудом раскрываются. Но самые губительные и частые болезни, вызывающие смертность и самые жестокие страдания, - это дизентерия и цинга, причем причиной обоих недугов является исключительно недостаточная и нездоровая тюремная пища. Однако захворавшим этими болезнями дают ту же еду наравне со всеми: тот же сырой черный хлеб, ту же бурду вместо чая, те же кислые щи, что для больных хуже яда. Неудивительно, что при таких условиях больной, лишённый всякого ухода, теряет силы и быстро умирает. У него отнимаются ноги, он не может больше дойти до параши, служители отказываются менять солому на его кровати, и больной остается лежать и гнить в собственных испражнениях. Но кошмары Трубецкого бастиона не поддаются описанию. Только Данте было бы под силу изобразить этот ад.

"Если бы вы видели наших больных! - восклицает автор написанного кровью письма. - Год тому назад цветущие юноши, здоровые и сильные, теперь это сгорбленные, дряхлые старики, ноги им не служат более. Многие уже не встают с постели и преданы гниению до того, что они живые издают трупный запах!"

Но врач? Неужели нет врача? - спросите вы. Их два. Один старший, другой младший. Старшему лет восемьдесят, и он уже никуда не годен. Он приезжает в крепость лишь изредка. Младший врач молод и, вероятно, питает добрые намерения, но у него не очень решительный характер, и он весь во власти страха перед жандармами. При посещении больных его всегда сопровождают жандармы, которые не спускают с него глаз, как бы он тайком не передал письма заключенному. Он входит в камеру с беспокойным видом, будто чего-то боится, не смеет подойти к кровати больного не только прослушать его, но даже сосчитать пульс. Поставив больному несколько вопросов, он изрекает свой приговор, который почти всегда облекает в одни и те же слова: "От вашей болезни нет лекарства".

И что может он, в сущности, сделать, что еще может он сказать? Ведь по правилам Трубецкого бастиона больным нельзя оказывать никакой помощи. Им не полагается лазаретных порций, для них нет лазаретной прислуги. Вдобавок ко всему, вода из заржавленных труб так отвратительна, что, если бы даже все другие условия были благоприятны, из-за одной воды больной не может надеяться на выздоровление.

"Не находят к себе снисхождения даже умалишенные, - говорится в другом письме, - а вы можете себе представить, сколько их на нашей голгофе.

Считают излишним отправлять их в больницу для излечения и справляются с ними здесь по-своему. По целым дням вы слышите исступленные крики над собой или где-нибудь в отдалении; это ударами истязают умалишенного, привязанного горячечной рубашкой к кровати".

Следующая выдержка из правил Трубецкого бастиона полностью подтверждает жалобы узников на жестокий режим в этом застенке и на варварское обращение со стороны тюремщиков.

"Заключенные каторжники вполне подчиняются администрации крепости. За проступки администрация крепости может присудить к содержанию в карцере от одного до шести дней на хлебе и воде или присудить к плетям, но не более двадцати ударов, к розгам, но не более ста ударов..."

За менее важные преступления (попытка к бегству, сопротивление начальству) военный суд приговаривает заключенных "к шпицрутенам до восьми тысяч ударов, к плетям до 100 ударов, к розгам до 400 ударов".

И вот политические узники Трубецкого бастиона, в большинстве интеллигентные и образованные люди, принадлежащие к цвету русского общества, всегда видят перед собой перспективу быть подвергнутыми телесному наказанию в жесточайшей, унижайшей форме. "У нас есть полное основание думать, - говорится в одном из упомянутых писем, - что Златопольского за тайную переписку при содействии жандарма драли плетью".

"Возможно ли оставаться спокойным, - восклицает автор другого письма, - когда опасность такого поругания постоянно висит над твоей головой, когда каждый услышанный тобой крик заставляет себя почувствовать, будто одного из твоих друзей дерут плеткой у тебя на глазах!"

Но и это еще не худшее. В Трубецком бастионе сидят и женщины.

"Положение женщин здесь особенно ужасно, - продолжает автор письма. - Наравне с нами они отданы во власть служителей и жандармов; их полу не оказывается ни малейшего внимания. Их постели, как и наши, ежедневно разрываются при обысках. Их белье прямо на теле рассматривается целой сворой солдат и жандармов во всякое время. И это еще не все. Жандармы могут входить в их камеры днем и ночью, как им будет угодно. Правда, служитель или жандарм в одиночку не имеет права входить в их камеры, как и в наши, но разве они не могут стукнуться? Между ними царит самая трогательная дружба. Случаи насилия весьма возможны, и попытки к ним бывали нередко!"

Совсем недавно молодая девушка Л.Терентьева, одна из осужденных по одесскому процессу, умерла внезапно какой-то загадочной смертью. Ее будто бы нечаянно отравили, дав ей яд вместо лекарства. Однако были слухи, что несчастную девушку изнасиловали и затем отравили, чтобы скрыть преступление. Во всяком случае, ее смерть долгое время утаивалась от высших органов полиции и жандармерии и не было произведено никакого расследования. Оба врача остались на своих местах.

Такова трагедия жизни политических каторжан в Трубецком бастионе!

Отрезанные от всего мира, окруженные изуверскими и гнусными тюремщиками, которые всегда хранят молчание, открывая рот лишь для того, чтобы ответить грубостью и оскорблением на самый невинный вопрос, узники под конец в страхе замыкаются в своем угрюмом безмолвии, живя в своих одиночных склепах без мыслей, без надежды, без будущего. Потеряв

возможность общаться с товарищами, "заточник" постепенно теряет счет дням, затем неделям и месяцам. Если он болен и не выходит на прогулку, он перестает замечать даже времена года, ибо, какова бы ни была погода на дворе, его мрачная клетка всегда остается холодной, темной и сырой. Так живет он в хаосе времени, и конец наступает лишь с умопомешательством или смертью.

Однако это еще не все, что можно рассказать об ужасах Трубецкого бастиона.

Есть еще казематы в подвальном этаже крепости - мрачные подземелья ниже уровня Невы, настоящие каменные склепы, полные мглы даже в полдень и кишасшие отвратительными насекомыми. Это камеры смертников, предназначенные

царским правительством для тех, кого оно больше всех ненавидит и кого обрекло на смерть: одних - во мраке одиночества, других - при свете дня - на эшафоте. Что же говорится в письме об этом кромешном аде?

"Оконца этих казематов находятся на уровне земли и затапливаются, когда поднимаются воды реки. Они заслонены толстыми прутьями решетки и облепившей их грязи, и если в лучшие камеры крепости никогда не заглядывает луч солнца, то легко вообразить, какая здесь царит тьма. Стены покрыты плесенью, и по ним струятся грязные потоки воды. Но что в них поистине ужасно - это крысы. В каменном полу оставлены большие отверстия для прохода крыс. Мы выражаемся так потому, что, если бы повреждения в полу были случайны, их легко было бы исправить, тогда как все ваши заявления и просьбы произвести починку пола остаются без последствий, и крысы врываются постоянно в камеру, поднимают отвратительную возню, стараясь взобраться на вашу кровать. В этих отвратительных клетках приговоренные к смерти проводят свои последние часы. Здесь свои последние ночи провели Квятковский, Пресняков, Суханов.

Теперь, между прочим, сидит здесь женщина с грудным ребенком. Это - Якимова! День и ночь стережет она ребенка, чтобы его крысы не съели..."

Но, слышу я восклицания моих читателей, возможно ли это? Возможно ли, чтобы в конце XIX века в великой столице, хоть внешне похожей на цивилизованный город, могли совершаться столь чудовищные, столь вопиющие злодеяния? Письма, написанные людьми истомленными, переживающими адскую

агонию, не преувеличены ли в них бессознательно эти тяжкие страдания?

Я был бы рад так думать. У меня нет желания рисовать излишне мрачными красками. Но слишком много прямых и косвенных свидетельств тому, что безымянные узники, к несчастью, написали своей кровью одну только правду*.

---

* Напомню, что выдержки из приведенного письма, опубликованные в "Таймсе", обошли всю европейскую печать, но русское правительство не посмело ни оспаривать его достоверность, ни опровергнуть изложенные в нем факты. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

С 25 до 30 октября 1880 года в Петербурге происходил суд над шестнадцатью террористами. Шесть человек были приговорены к смертной казни

и восемь - к каторжным работам на различные сроки. Двое из осужденных на смерть были казнены, а четверым приговор был заменен каторгой. Когда прокурор Акшарамов сообщил им, что императору угодно было смягчить наказание и заменить казнь бессрочной каторгой в крепости, эта весть была встречена с разочарованием и гневом; тогда прокурор смущенно заметил, что он, к сожалению, не может изменять указы государя.

Пророческое чувство не обмануло осужденных. Большинство этих молодых, полных сил юношей либо умерли, либо сошли с ума, не пробыв в крепости и двух лет. Исаев, Окладский, Цуккерман и Мартыновский психически больны, Ширяев - мертв, Тихонов - умирает.

Из всех этих фактов можно сделать лишь один вывод.

Каким же должен быть политический строй, если его деяния порождают столь страшные последствия! Не будь даже кровью написанных писем, поведавших нам о них, у нас не могло бы быть никаких сомнений.

Другой факт. 26 июля 1883 года в Москву из Петербурга прибыла группа политических, мужчин и женщин, находившихся в заключении в Петропавловской

крепости и приговоренных к ссылке в Сибирь. Привожу рассказ очевидца - человека, заслуживающего абсолютного доверия, - описавшего, в каком состоянии находились эти люди после одного года заточения в казематах Трубецкого бастиона. Добавлю лишь, что их преступления, несмотря на вынесенные им свирепые приговоры, не считались особенно важными.

"Прибытие петербургского поезда вызвало большое смятение среди должностных лиц и всех, кто был на вокзале. Большинство узников не могли выйти из вагона без посторонней помощи, некоторые были даже не в силах двигаться. Конвойные хотели пересадить их прямо в наш поезд, чтобы скрыть от публики их состояние. Но это оказалось совершенно невозможным. Шесть узников сразу упали без чувств. Другие еле могли стоять на ногах. Начальник конвоя распорядился принести носилки. Но носилки нельзя было втащить в вагон, и конвойным пришлось поднять лежащих без сознания и вынести их на плечах, как мертвецов.

Первым вынесли из вагона Игната Волошенко (он сначала был приговорен к десяти годам каторги по процессу Осинского, затем к пятнадцати годам каторги за попытку к бегству из Иркутска, впоследствии он был переведен на Кару и наконец в Петропавловскую крепость, где его продержали год). Трудно представить себе ужасный вид и состояние этого человека. Весь пораженный цингой, он больше походил на разлагающийся труп, чем на живое существо. Раздираемый ежеминутно конвульсиями, умирая... Но хватит. Я совершенно не в силах писать о нем более.

После Волошенко вынесли Александра Прибылева (осужденного по процессу 17 июня 1882 года к пятнадцати годам каторги). У него не было цинги, но длительное голодание и полное расстройство нервной системы так ослабили его, что он не мог стоять на ногах, то и дело теряя сознание.

Затем несли Фомина (бывший армейский офицер, приговоренный к пожизненной каторге)*. Он походил на мертвеца, и в течение двух часов несколько врачей тщетно пытались привести его в чувство. Только уж к вечеру его удалось немного подкрепить, чтобы отправить в дальнейший путь.

---

* В 1882 году он был в Женеве - цветущий человек, воплощение здоровья. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Следующим за Фоминым шел Павел Орлов (сначала присужденный к десяти годам каторги, затем к двадцати пяти годам за попытку к бегству и заточенный вместе с Волошенко в крепость, где его продержали год). Ему было всего двадцать семь лет, и, прежде необыкновенно рослый и крепкий, он был теперь неузнаваем. Он весь согнулся, как глубокий старик, одна нога у него была так сильно искалечена, что он едва передвигался. У него была цинга в самой ужасной форме: кровь непрестанно сочилась из десен и стекала с губ.

Пятая была женщина, Татьяна Лебедева*. Вынесенный ей смертный приговор (15 февраля 1882 года) был заменен вечной каторгой. Но для Татьяны тюремное заключение - будь то длительное или кратковременное - уже было не страшно. Ее дни были сочтены. Величайшим благодеянием, которое могли оказать Татьяне, было бы ускорение ее смерти. Она не только была в последней стадии чахотки и вся разрывалась от неистового кашля, но, снедаемая цингой, потеряла почти все зубы, и десны сгнили, оставив челюсти совсем оголенными. Она походила на скелет, покрытый пергаментно-желтой кожей, и единственно живыми на ее лице были все еще лучистые черные глаза.

---

* Ей было лет двадцать восемь. Хотя и хрупкого сложения, она до ареста, в 1881 году, отличалась превосходным здоровьем. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

За Лебедевой шла Якимова, держа на руках своего восемнадцатимесячного младенца, рожденного в Трубецком равелине. Самые бездушные из присутствующих не могли без жалости смотреть на бедного ребенка. Казалось, будто он вот-вот вздохнет в последний раз. Но сама Якимова не казалась сломленной ни физически, ни нравственно и, несмотря на предстоящую ей бессрочную каторгу, держалась спокойно и твердо".

Ввиду этих свидетельств нельзя обманывать себя надеждой, что картина, нарисованная в письмах из Трубецкого бастиона, хоть в малейшей степени преувеличена, пусть даже бессознательно.

х х х

Если условия предварительного заключения и приемы производства дознания, в сущности, являются воспроизведением пыток средневековья, то режим каторжных тюрем - совершенно новая и самобытная система, порожденная жестокостью и подлостью царского правительства. Слишком трусливое, чтобы устраивать массовые публичные казни мужчин и женщин, оно убивает медленной, но не менее верной смертью тех, от кого оно по политическим причинам или из мести решило избавиться. Средством являются пытки, повторяемые изо дня в день, целью - верная смерть. Ведь если одиночное заключение в

Ново-Белгородском централье, как сказал Цицианов, - и этому имеется достаточно доказательств - является медленной смертью для узника, то это, разумеется, не относится к тем, кто замурован в каменных погребах Трубецкого бастиона.

Это зловещий факт, что описанная нами система карательного и каторжного заточения перестала быть исключением; она распространилась на все тюрьмы империи и теперь составляет неизменную политику царского правительства по отношению к политическим узникам. Начиная с 1878 года уже ни один политический заключенный не был отправлен в каторжный централ, и ныне в Сибирь ссылаются только заключенные, чьи провинности невелики. Из террористов только те, кто виновны в покушениях на царских чиновников, и особенно женщины, отправляются на каторгу в отдаленные северные губернии, но не раньше, чем они, как Татьяна Лебедева, доведены заточением в крепости до преддверья смерти. Но есть и исключения: Гесю Гельфман, Людмилу Волкенштейн и Веру Фигнер оставили в крепости. Гесю там и умерла.

Те же террористы, что были замешаны в заговорах против императора, - а их, конечно, большинство - были все заточены в крепости. Но со сколькими из них уже покончено или с ними собираются покончить - этого мы не знаем и не можем узнать, ибо это одна из тайн тюрьмы.

Петропавловская крепость велика. Но есть предел всему, даже вместимости российской Бастилии, и, чтобы удовлетворить все растущую потребность в казематах, правительство Александра III решило соорудить для своих политических арестантов еще один ад - Шлиссельбургскую крепость. Шлиссельбург - второй Трубецкой бастион, не хуже, да и что, собственно, может быть хуже? Что же еще мог придумать царизм? Сжигать своих узников живьем или поступать с ними так, как иногда поступали со своими врагами римские императоры, - бросать их в ямы с ядовитыми змеями?

Но Шлиссельбург имеет в глазах правительства одно бесценное преимущество: кошмары, творимые в стенах этой крепости, не могут быть преданы огласке, как это бывало в Трубецком бастионе. Ибо Шлиссельбург не стоит посреди большого города, где тысячи сочувствующих сердец стремятся снести с заключенными и, невзирая на всю бдительность властей, это им подчас удается. В Шлиссельбурге сама природа - лучший страж, ибо новый Замок Отчаяния представляет собой просто огромную гранитную скалу, всю сплошь в укреплениях и окруженную водой. Никакие вести оттуда не доходят, никакие тайны не удастся вырвать у этой проклятой тюрьмы. Входящие, оставьте упования! Если из Петропавловской крепости на волю проникало множество тайных писем, если рavelины, свирепо охраняемые, даже Алексеевский и Трубецкой, уступая настойчивости и упорству, выдавали свои тайны, то от шлиссельбуржцев, хотя они и томятся там годы и годы, не дошло ни одной строки, ни одного слова - одни лишь смутные слухи, меж тем именно туда брошены благородные герои последнего процесса - подполковник Ашенбреннер, штабс-капитан Похитонов и поручик Тихонович. В Шлиссельбург заключены и четырнадцать пропагандистов, недавно вернувшихся с сибирской каторги.

Там также, позволю себе добавить, был заточен на два года человек, имени которого я не хочу назвать, друг моей юности, мой соратник в борьбе.

Накануне своего перевода в Шлиссельбург он из мрака Трубецкого бастиона прислал нам гордые прощальные слова: "Боритесь, пока не добьетесь победы. Для меня отныне существует лишь одно мерило: чем больше они меня пытаются в каземате, тем лучше, значит, идет борьба на воле".

Но какая же злобная брань, какие новые пытки открывали ему правду об успешной борьбе его товарищей? Все ли еще он слышит о них? Или, может быть, он вместе со многими другими пребывает уже там, где больше не из-за чего страдать, не о чем больше узнавать?

Глава XX

СИБИРЬ

Сибирь! При этом слове холодная дрожь пробирает вас до костей, и, когда мы думаем о несчастных ссыльных, затерянных в ледяной пустыне и осужденных на вечную каторгу в кандалах, наше сердце исходит горем и состраданием. Однако, как мы уже видели, слово "Сибирь" будит у многих надежду и дает утешение. Для них Сибирь - обетованная земля, где ждет их покой и безопасность. Мы знаем также, что те, кого туда отправляют, хоть они уже и доведены до крайнего истощения, но палачи пока еще не намерены полностью с ними расправиться.

Что же представляет собой этот рай для погибших душ, загадочные сибирские места ссылки, превращенные причудливой волей судеб в курорт для нигилистов, в санаторий для революционеров, как в мифе о царстве Плутона его жидкий огонь превратился в прохладный, освежающий напиток.

Давайте же на крыльях фантазии пересечем Уральские горы и, летя все дальше и дальше от рубежей Европы, пронесемся над озером Байкал и спустимся в Забайкалье, на берег реки Кары. Посмотрим, какова там жизнь сибирских политических каторжников.

Однако, если мы путешествуем как простые смертные, да еще как арестанты, мы из Иркутска едем по Забайкальской железной дороге, проезжаем Читу и Нерчинск, стяжавших печальную известность своими "каторжными рудниками", и прибываем в Сретенск. Здесь вас сажают на судно Амурского пароходства, и вы плывете по реке Шилке, одному из притоков Амура, до деревеньки Усть-Кара, где расположено несколько арестных домов для уголовников и женская тюрьма для политических. Эти тюрьмы все стоят особняком вдоль берега реки на расстоянии восьми - двенадцати верст одна от другой. Они находятся под общим управлением одного коменданта. Но политическая тюрьма, состоящая из четырех корпусов, имеет свое особое управление и собственную администрацию. В восемнадцати верстах от Усть-Кары, вверх по течению реки, находится тюрьма Нижняя Кара. Далее следует Верхняя Кара и примерно на том же расстоянии еще выше по реке - "Амур", то есть тюрьма на реке Амур.

Политическую тюрьму можно сразу же узнать. Обычные остроги, то есть те, что предназначены для уголовников, окружены частоколом лишь с трех

сторон, а четвертая не ограждена и окнами выходит на дорогу. Политические остроги построены иначе. Сооруженные посреди двора, они окружены со всех сторон столь высоким частоколом, что за ним виднеется только крыша. Когда впервые было предложено построить эти тюрьмы, архитектор проектировал их по плану, обычному для таких сооружений в Сибири. Но генерал Анучин, бывший в то время губернатором Восточной Сибири, издал указ огораживать все политические тюрьмы высоким частоколом, чтобы для заключенных горизонт был

ограничен лишь деревянными стенами их мрачной обители. Он считал, что для политических каторжан этого вполне достаточно.

Политические тюрьмы на Каре были сооружены в то же время, что и Харьковский централ. Их первыми обитателями были Бибергаль, Семяновский и еще несколько человек из первых пропагандистов 1872 и 1873 годов. За ними на Кару были отправлены заключенные, приговоренные по "процессу 193-х" за менее тяжелые преступления к ссылке в Сибирь, - Синегуб, Чарушин и другие.

С 1879 года и позже политические каторжане уже начали прибывать толпами. В 1882 году привезли двадцать восемь "централистов", то есть узников Харьковского централа, освобожденных Лорис-Меликовым из каторги, которая страшнее, чем вавилонское рабство. В мае того года на Каре находилось более ста политических каторжан, не считая женщин.

В начале их пребывания на Каре с политическими обращались совершенно так же, как с другими арестантами в сибирских каторжных тюрьмах. Единственной разницей было то, что уголовникам в течение дня разрешалось свободно разгуливать по двору, а политические были заперты в своих камерах и днем и ночью, кроме, разумеется, тех часов, когда они работали в рудниках.

Золотые промыслы на Каре являются личной собственностью императора. Работа каторжан заключается в том, что они снимают с золотоносного песка покрывающий его верхний слой земли. На Каре, как вообще в сибирских тюрьмах, существует благоприятное для каторжан правило. После проведения в тюрьме "на испытании" трети своего срока им разрешается присоединиться к "вольной команде", то есть к поселенцам. Это давало им возможность жить на воле, в городах и деревнях, при условии, что они оттуда не отлучатся. Сначала политические пользовались этой привилегией наряду с уголовниками. Таким путем были условно освобождены Синегуб, Чарушин, Семяновский и другие.

Для уголовников обычным делом было воспользоваться своей сравнительной свободой и совершить побег, чтобы присоединиться к многочисленным разбойничьим шайкам, заполнявшим большие дороги Сибири. Но тюремным властям

никогда не приходило в голову отнимать на этом основании у остальных их привилегии, сделать всех вместе и каждого в отдельности ответственными за бегство товарищей. Однако в отношении политических принимались особые меры предосторожности. Вольным командам политических было объявлено, что при первой же попытке к бегству кого-нибудь из их числа система вольных команд для них будет упразднена. Но, с другой стороны, власти обещали, что, до тех пор пока они будут честно соблюдать правила, они будут пользоваться и этой,

и всеми другими привилегиями. Заключение, правда, не взяли на себя формальных обязательств, но фактически добросовестно выполняли условие. Ни разу за время существования системы вольных команд не происходило каких-либо беспорядков или попыток к бегству. Вопреки этому власти нарушили слово и отменили привилегии.

Их вероломство было спровоцировано Лорис-Меликовым. Притворяясь, будто он желает облегчить участь политических заключенных, надевая личину человека чрезвычайно благожелательного и гуманного и препровождая под барабанный бой политических узников из Харькова и Мценска на Кару, диктатор одновременно издает новые инструкции для политических каторжан. Система вольных команд для политических была отменена. Строжайше воспрещалась переписка с родными и друг с другом.

Людам, уже отпущенным, пусть условно, на волю и живущим в ожидании постоянной, если даже несколько урезанной, свободы, пришлось опять вернуться в тюрьму. Это было бесчеловечно и возмутительно. Но, как бы болезненно они ни переживали совершенную по отношению к ним несправедливость, им пришлось покориться своей судьбе. Перед расставанием и возвращением в тюрьму они собрались все вместе к ужину. Вечер был печальным, на душе очень тяжело. Для одного из них это действительно была "последняя вечеря" и закончилась страшной трагедией. Семяновский, обезумев от горя, в глубоком отчаянии пустил себе пулю в лоб. Для него, больного, нервного, нравственно сломленного от длительного заточения, мысль о возвращении в тюрьму была невыносима. Он предпочел смерть. Человек высоких моральных принципов и большой культуры, в прошлом петербургский

присяжный

поверенный, Семяновский был осужден в октябре 1876 года к долгосрочной каторге за пропаганду. Начальник тюрьмы послал в Петербург телеграмму о его трагической смерти. Но она не произвела там никакого впечатления. Семяновского похоронили, а его товарищи снова были брошены за решетку.

И это еще не все. Они не только опять были в заключении, но их теперь постоянно подвергали нестерпимым издевательствам, изводили всяческими мелкими придирками. Новые ограничения были введены для посещений их любящих

жен, последовавших за ними в эту далекую, унылую страну. Больным стало труднее попасть в больницу. Но самым мучительным для заключенных было лишиться единственного утешения, которое давал труд.

Им запретили работать на промыслах. Весной 1882 года им было отказано в этой великой привилегии - мера, сделавшая их участь еще горше. Самый тяжелый труд, даже работа в рудниках, - более легкое наказание, чем неподвижное, томящее однообразие их жизни в четырех стенах острога. Физическая работа не только была полезна для здоровья, но благодаря ей не так медленно и тоскливо текло время. Однако все усилия заключенных добиться допущения к каторжной работе, несмотря на то что они были приговорены к ней судом, оказались тщетными. Казалось, царские власти были полны решимости заморить их, заставить погибнуть от недостатка воздуха и движения, как их товарищей в каторжных централах. Если вспомним, что большинство этих страдальцев были осуждены на очень длительные сроки каторги - двадцать,

тридцать и даже сорок пять лет, то легко себе представить, как глубоко они тосковали по свободе, как страстно мечтали о побеге. Неудивительно, что с этого времени попытки к бегству участились. Как тюремщики расправлялись с заключенными за эти попытки к бегству, мы расскажем в следующей главе.

Глава XXI

КРУГОВАЯ ПОРУКА

В ночь на 1 мая 1882 года стражники политической тюрьмы Нижняя Кара заметили человека, вылезавшего из окна мастерской, выходящего в поле. Они дважды стреляли в него, но оба раза промахнулись. Подняли тревогу, сделали проверку. Оказалось, что восемь человек, среди них Мышкин, бежали. Извещенный по телеграфу о случившемся, министр внутренних дел расвирепел; губернатор Забайкалья генерал Ильяшевич даже испугался, что немедленно слетит со своего поста за притупление бдительности. Только за десять дней до этого он обследовал тюрьму вместе с членом Сената Галкиным-Врасским и сообщил в Петербург, что там все в полном порядке. Дрожа за свои должности и спасая репутацию, местные власти решили спровоцировать "бунт" заключенных, затем этот "бунт" "подавить" и таким путем искупить свою нерадивость, приведшую к побегу политических каторжан. Тогда можно будет оправдаться тем, что тюремные правила, дескать, недостаточно строги и за такими непокорными арестантами надзор должен быть гораздо беспощаднее.

4 мая заключенным без дальнейших объяснений было приказано обрить головы. Они возразили, что, согласно правилам, им разрешается не брить волос, а так как правила предписаны министром внутренних дел, то только он один, а не начальник тюрьмы имеет право их изменять.

6 мая политическим каторжанам официально объявили, что с ними больше не будут грубо обращаться, все остается по-старому и они могут успокоиться. Так прошло пять дней, и заключенные начали забывать об инциденте. Но они считали без хозяина. На 11 мая был назначен "бунт" и его "подавление". Около трех часов утра шестьсот казаков под началом самого генерала Ильяшевича и его помощника полковника Руденко окружили тюрьму, поставили

у

всех выходов часовых, а главным силам отдали приказ броситься на спящих узников, которых, кстати сказать, было всего восемьдесят четыре человека.

Их вытащили из кроватей и стали обыскивать. Перерыли все до мелочей; книги, одежду, гребенки, щетки хватили и бросали как попало в угол. Затем заключенным приказали надеть арестантскую одежду и вывели во двор. Здесь двадцать семь "подстрекателей" и "зачинщиков бунта" схватили и отправили под конвоем в Верхнюю Кару, находящуюся в пятнадцати верстах. В продолжение всего пути казаки, побуждаемые офицерами, грубо измывались и зверствовали над каторжанами, а когда некоторые пытались защищаться, полковник Руденко крикнул: "Свяжите им руки на спине и, если кто надерзит, ударьте его прикладом по голове!"

Между тем казаки мародерствовали в Нижней Каре. Перед тем как начали "операцию", полковник Руденко обратился к казакам со следующими словами: "Если я прикажу избивать их - будете избивать. Если прикажу стрелять в них - будете стрелять. Если захватите тюрьму, все, что там есть, будет ваше". И казаки, одолев спящих каторжан, бросились грабить их имущество. Офицеры, чтобы не отставать от своих солдат, захватили лучшие вещи, утаскивая даже столы, стулья, табуретки, сделанные заключенными собственными руками в подарок своим друзьям.

Каторжане остались в пустой камере, не имея больше никакой одежды, кроме серых арестантских халатов. Когда появился помощник начальника тюрьмы полковник Бутаков, один из заключенных спросил его:

- Неужели мы останемся в таком положении навсегда?

- Да, навсегда! - ответил Бутаков. - С вами раньше хорошо обращались, но теперь, после побегов, мы убедились, что ваше поведение...

На это заключенный Орлов заметил, что тюремная администрация спровоцировала побег, а не заключенные и, во всяком случае, несправедливо заставляя оставшихся страдать за тех, кто бежал.

Вполне скромный и вежливый ответ Орлова привел помощника начальника тюрьмы в такое бешенство, что он приказал казакам схватить его, избить и бросить в карцер. Несколько товарищей хотели помешать истязанию Орлова, но он умолял их не оказывать сопротивления казакам. Как только его выволокли за дверь, Бутаков бросился на него с кулаками, приказав казакам драть его плетками.

Вскоре после этого - заключенные как раз обедали - появился сам начальник тюрьмы. Он оглядел их и крикнул: "Встать!" Некоторые повиновались недостаточно быстро. "Поднимите их на ноги плетками!" - снова крикнул самодур, и началось всеобщее избиение. "Вот как нужно их муштровать!" - сказал начальник тюрьмы, с большим удовлетворением выходя из камеры после учиненной им расправы.

В другой камере устроили такое же побоище под командованием капитана, начальника стражи. Когда он вошел, студент Бобков лежал на нарах. Капитан, повернувшись к казакам, приказал "стащить его за волосы". И так его и стащили за волосы.

Родионова, совсем еще юношу, избивал сам начальник тюрьмы, а когда он устал, то передал свою жертву казакам, приказав "дать ему столько, сколько он может вынести". После этого Родионова заточили в карцер на тридцать суток.

Это происходило в Нижней Каре. Но тем, кого отправили в другие две тюрьмы, повезло не больше. Только однажды в тюрьме Верхняя Кара солдаты, надо отдать им справедливость, решительно отказались избивать политических каторжан. Но в Амурском остроге тюремщики были не менее жестоки, и это подсказало Герасимову следующую остроуту: "Нас бьют дважды в день, а кормят единожды".

Летом 1882 года тюрьма Нижняя Кара была перестроена по новому плану. Большие общие камеры были разделены на маленькие клетки, где пять-шесть человек спали на одних нарах, так тесно прижатые друг к другу, что нельзя было сделать ни одного движения. Заключенных, ранее рассованных по другим

тюрьмам, теперь вернули обратно, кроме четырнадцати человек, отправленных, как "подстрекателей", в Шлиссельбург, и на всех надели кандалы. Трех даже приковали цепями (цепи скреплялись заклепками) к тачкам, которые они постоянно должны были таскать за собой. Чтобы сделать побег заключенных еще труднее или, вернее, чтобы беглецов легче было поймать, всем каторжанам обрили левую половину головы - операция, которую проделали с некоторой церемонией. Власти, видимо, опасались, что такое унижение может вызвать бунт. Заключенных по очереди вызывали в контору, и они думали, что их снова хотят допросить о побеге. В конторе жертву окружали солдаты, которые предлагали добровольно подчиниться, не то свяжут руки и обреют голову насильно. В таких условиях никто, конечно, и не пытался сопротивляться.

Заключенные сами выполняли всю работу в тюрьме: мыли полы в камерах, стирали свое белье, готовили еду.

Но их ни на минуту не оставляли одних, они постоянно находились под неусыпным наблюдением стражников.

Как бы для того, чтобы наполнить чашу страданий до краев, к ним поместили уголовника, по имени Циплов.

Он несколько раз передавал письма, которыми обменивались политические узники, и тюремная администрация решила, что за этот проступок он заслуживает их общества. Циплов отнюдь не был в восторге от этой перемены и умолял вернуть его к уголовникам. Но у начальника тюрьмы были свои расчеты. Однажды Циплова вызвали в контору, обвинили в каком-то незначительном и стародавнем нарушении дисциплины и приказали его высечь. Он надлежащим образом был наказан под личным наблюдением самого коменданта Калтурина. Что все это означало, каторжане очень хорошо поняли. То было предупреждение, сделанное в наиболее убедительной форме, что политические не будут больше освобождаться от телесных наказаний.

Тем временем все беглецы были пойманы (Мышкина схватили во Владивостоке в тот самый момент, когда он поднимался на борт американского корабля, направлявшегося в Сан-Франциско), и вскоре прошел слух, что они будут публично высечены. Переполненная чаша страданий хлестнула через край. Чем подвергаться новым унижениям, лучше умереть. И, несмотря на желание довольно значительного меньшинства избрать более активную форму протеста, было решено устроить голодный бунт.

Началась длительная голодовка - страшное испытание для людей, ослабленных лишениями и тюремным заключением. Все легли на нары и отказались принимать пищу. Вскоре они пришли в состояние полного упадка сил. Через семь дней они почти потеряли способность говорить и на переключке, повторяющейся трижды в день, не могли уже называть свое имя. Тюремная администрация сначала рассчитывала, что измученные голодом каторжане откажутся от своего бунта. Теперь тюремщики увидели, что положение стало критическим. Они входили в камеры, молча смотрели на живые трупы и с мрачными физиономиями, по которым видно было, что они изрядно обеспокоены, снова выходили. Затем явился комендант Калтурин и, спросив узников, чего они хотят, записал их требования и обещал снести по телефону с губернатором Ильяшевичем. Он ответственно заверил их, что дошедшие до них слухи неверны и будто никто не намеревается изменять

правила, запрещающие телесные наказания для политических.

Все же от генерала Ильяшевича не было получено никакого подтверждения, и голодовка продолжалась. Однако надо было положить ей конец: голодающие были при смерти. У них начались судороги, бессонница, дизентерия. Те, кто с самого начала возражали против голодного бунта и не участвовали в нем, теперь заклинали своих товарищей прекратить голодовку, пока не поздно. Их уговоры и, кроме того, одно чрезвычайно важное обстоятельство, о котором наш корреспондент не считал возможным сообщить, заставили наконец каторжан отказаться от голодовки на тринадцатый день после ее начала. Эта страшная борьба, столь губительно отразившаяся на здоровье большинства каторжан, имела своим результатом всего лишь несколько уступок и не очень определенное заверение со стороны администрации, что они не будут подвергаться телесным наказаниям.

Так палачи-тюремщики отомстили каторжанам за неудавшийся побег их товарищей. Но это была еще не вся мера наказания. Шестнадцать человек, у которых ко времени так называемого бунта 11 мая кончился срок тюремного заключения и которые, согласно правилам, имели право стать свободными поселенцами в Сибири, задержали в тюрьме еще на год. Так поступили и с политическими заключенными, находившимися в других тюрьмах (Квятковский, Зубрилов, Франжоли) и ничего не знавшими о побеге. В 1883 году они были освобождены и первыми отправлены на свободное поселение в Прибайкалье. Но когда новый комендант политических тюрем Шубин довел до сведения Ильяшевича, что каторжане Кары все еще проявляют "непокорный дух", губернатор приказал поселенцев и еще тринадцать каторжан, чей срок уже истекал, "с целью преподать им урок" выслать в якутскую деревню на Крайнем Севере, в район полярной ночи, где жизнь среди полудиких якутов еще более жестока, чем в тюрьме. Это то, что в России называют "круговой порукой".

Среди поселенцев была одна молодая девушка, Мария Кутитонская. Вскоре после "бунта 11 мая" она была освобождена из тюрьмы и водворена в одном городе той же губернии. Это означало, что она могла свободно ходить по городу, но не имела права отлучаться. Геройская девушка решила сама отомстить за надругательства тюремщиков над ни в чем не повинными, беспомощными узниками. Она достала маленький револьвер и тайно отправилась в Читу, где находился губернатор генерал Ильяшевич. По дороге ее арестовали как беглянку и повезли в Читу, куда она и стремилась. Прибыв в город, она попросила допустить ее к генералу, говоря, что хочет лично объяснить ему, почему покинула Акшу. Ничтоже сумняшеся, жандармы повезли ее прямо в губернаторский дворец. Когда генерал вышел из своего кабинета, Мария вытащила револьвер и со словами: "Вот вам за 11 мая!" - выстрелила в него в упор. Пуля попала Ильяшевичу в живот, он упал тяжело раненный. Марию схватили и бросили в тюрьму. Ее потом судили и приговорили к смертной казни, но правительство предпочло заменить ей казнь вечной каторгой. Однако едва ли нужно говорить, что это покушение почти никак не отразилось на судьбе каторжан в Каре. Изуверства и глумления над политическими узниками не прекращались.

Такова жизнь в политических тюрьмах Сибири - в обетованной земле, куда

устремлены тоскующие взоры осужденных на каторгу революционеров.
Бесспорно,

Сибирь не столь страшна, как крепость. Но, с другой стороны, сибирская ссылка почти ничем не лучше, чем заключение в центральной каторжной тюрьме. Если в центре пытки, которым подвергаются заключенные, носят более постоянный и систематический характер, то в сибирских острогах каторжане еще менее защищены от произвола и бесчеловечных издевательств надзирателей и стражников. Долголетняя безнаказанность, отсутствие всякого контроля, исступленно жестокие традиции деспотизма превратили тюремщиков наших северных острогов в подлинных тиранов. "Для тебя я начальник, царь и бог" - вот неизменный окрик этих церберов в обращении с каторжанами.

Недостаток места не позволяет мне сообщить и сотой доли известных нам фактов о зверствах тюремщиков, об издевательствах над жертвами деспотизма во всех тюрьмах Сибири. И на сколько же больше тех фактов, о которых мы ничего не знаем и никогда не будем знать!

Но я хотел бы рассказать еще об одном эпизоде, дающем представление об обращении царских опричников в Сибири с женщинами, попадающими в их руки;

он слишком типичен, чтобы я мог о нем умолчать.

В данном случае жертвой произвола полиции оказалась Ольга Любатович, одна из героинь "процесса 50-ти", привлечших к себе, как помнит читатель, столь живые симпатии публики в зале суда. 30 августа 1883 года Ольга, которая однажды уже бежала из Сибири, добралась до Женевы и возвратилась в Россию лишь с тем, чтобы вторично попасть в руки полиции, следовала со своими товарищами через Красноярск по пути к месту своей ссылки в Восточной Сибири. В Красноярске полицмейстер приказал ей переодеться в арестантское платье. Но так как Ольга была приговорена к административной ссылке, а не к каторге, она имела право носить собственное платье; это она и попыталась объяснить полицмейстеру. Однако при первых же ее словах этот самодур пришел в дикую ярость и крикнул, что она не только сменит свое платье, но и сделает это немедленно, тут же в конторе, на глазах у всех. Ольга наотрез отказалась исполнить это чудовищное требование. Произошла дикая сцена. По знаку полицмейстера на беззащитную женщину бросилось несколько жандармов, стали избивать ее, рвать на ней одежду, таскать за волосы. Пока Ольга держалась на ногах, она кое-как защищалась, но один из надзирателей ударом сапога сбил ее с ног. Что далее последовало, лучше описать ее собственными словами:

"Я впала в какое-то оцепенение. Помню отрывочно, как тяжелый сапог надзирателя ударил со всего размаха в мою обнаженную грудь; кто-то рвал мои волосы, бил по лицу; и, наконец, я, обнаженная, распятая на полу в присутствии мужчин, пережила весь ужас и стыд изнасилованной женщины. Испугавшись дела рук своих, "храбрые" подлецы бежали, а когда я пришла в себя, то увидела вокруг только бледных, взволнованных товарищей и Фаню Морейнесс, корчившуюся на полу в истерических судорогах".

Но полно! Страдания нигилистов воистину беспредельны, и, будучи благороднейшей жертвой, когда-либо принесенной патриотами на алтарь освобождения отчизны, эти страдания достойны самого горячего сочувствия и

благоговения. Однако по сравнению с испытаниями и бедствиями всей России это всего только капля, горькая и жгучая, но капля, и не сопоставить ее с океаном, в котором она составляет лишь малую часть.

Давайте же исследуем этот океан.

Часть третья

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ССЫЛКА

Глава XXII

НЕВИНОВЕН - ПОТОМУ НАКАЗАН

Мы описали полный цикл судебной процедуры в царской России - от ареста до Сибири, но она далеко не включает всех карательных средств, применяемых правительством в его борьбе против революции.

Суд по самому своему назначению должен иметь дело с фактами. Какими бы они ни были жестокими, как бы судьи ни жаждали выполнять повеления начальства, приписывать ложные побуждения и карать незначительные нарушения закона драконовскими мерами наказания, они все же вынуждены на чем-то основывать свои обвинения. Другими словами, они не могут осудить человека только потому, что он невиновен. Если у него найдут революционную листовку или он предоставил свою квартиру для революционных целей, его могут приговорить к смертной казни. Но если невозможно уличить его ни в одном проступке или приписать двусмысленные речи и неблагонамеренное поведение, суд обязан вынести оправдательный приговор. Это зависит не от качеств судей, а от назначения самого суда.

Поэтому обычные методы обвинения, по существу, ограничены. Они могут применяться лишь против обвиняемых, проявивших явные признаки враждебности по отношению к существующему строю, открыто или тайно выступавших против правительства.

Но как же поступать с теми, кто не совершали никаких подобных преступлений, однако же есть все основания полагать, что они рано или поздно способны их совершить?

Приведем пример. Человека, имевшего тайные сношения с революционной партией и навлекшего на себя подозрения, арестовывают, допрашивают и, как обычно, в досталь истерзав его, держат несколько месяцев в тюрьме. Но ни в показаниях, ни каким-либо другим путем нельзя найти ни малейших улик против него. Нет никаких оснований считать его скомпрометированным: при всей изобретательности полиции невозможно включить такого человека в обвинительный акт по делу его предполагаемых сообщников и друзей.

Приходится выпустить его на поруки, и он вызывается в суд просто как свидетель. Но своим поведением на допросе и суде, стремлением давать показания не против подсудимых, а, наоборот, в их пользу, этот человек ясно показал, что он единомышленник в душе, если и не соратник на деле.

В другом случае прокурору, возможно, и удалось собрать какие-то жалкие крохи сомнительных улик, и он включает арестованного в обвинительное заключение. Но улики так маловероятны, что у суда при всем его желании уважить прокурора нет другого выбора, как либо оправдать подсудимого, либо вынести ему условный приговор. Однако имеются все основания предполагать, что арестованный такой же "злонамеренный", как и его друзья, которых удалось упечь на каторгу. Кто может поручиться, что отсутствие доказательств не чистая случайность? И даже если он до сих пор ничего не совершил - о чем это говорит? Лишь о том, что ему не представился случай, вот и все! Будучи революционером по убеждениям, он непременно начнет действовать при первой же возможности. Это всего только вопрос времени. Разумеется, его надо освободить из-под стражи, но только с тем, чтобы в случае необходимости немедленно снова арестовать.

Разве полиция позволит людям, уже попавшим в ее сети, уйти с миром? Это было бы так же нелепо, как дать военнопленным вернуться во вражеский стан. Такое совершенно недопустимо.

Но оставим юридические соображения законникам и рассмотрим вопрос с другой, общечеловеческой, точки зрения. Возьмем человека настолько безупречного, что его нельзя ни арестовать, ни вызвать в качестве свидетеля. Но "на основании полученных сведений", то есть донесений филеров, полиция убеждена, что он социалист. Когда существует такая уверенность, то отсутствие доказательств уже никого не смущает. Полиция и прокуроры очень высокого мнения о честности и прямоте русских революционеров и твердо знают, что у них хватит мужества защищать свои убеждения и действовать только по велению совести. Недостаток улик служит лишь тому, чтобы усилить подозрения полиции.

Тот, кто имел дело с нашими прокурорами и жандармами, не мог не слышать десятки раз стереотипную фразу: "Мы очень хорошо знаем, что нет улик против имярек - вашего мужа, брата, сестры или друга, но это лишь делает их еще более опасными; они так ловко все устроили, что полиция ничего не может найти". Раз обнаружили волка под овечьей шкурой, то надо принять все меры, чтобы обезвредить врага порядка и общества. Если бы слова "порядок" и "общество" применялись в их общепринятом значении, правительство любой страны, возможно, сочло бы целесообразным выждать немного и до некоторой степени уступить соображениям общей пользы и благопристойности. Но если "порядок" означает собственную шкуру, а "общество" - собственный карман, то это уж становится психологической невероятностью. Правительство, хозяйничающее в государстве, как в завоеванной стране, правительство, окруженное со всех сторон врагами, естественно, направляет все свои помыслы на обеспечение собственной защиты, обладая тем более неограниченными возможностями обеспечить эту защиту наилучшим образом. И такое правительство неизбежно должно было дополнить обычное судопроизводство еще другой, более быстродействующей и хитрой,

системой, предназначенной возместить потери и исправить ошибки, то есть осуществить то, что, по сути своей, разумеется, не способна была сделать прежняя система.

Новая система известна под названием "административная процедура". Она предусматривает разделение функций. Суд карает, правительство принимает предупредительные меры. Суд имеет дело с преступниками, правительство - с намерениями. Суд обыскивает жилища и карманы, правительство заглядывает в души и читает мысли.

Когда власти решают, что человек злонамеренный, они ставят его под надзор полиции.

В этом, само по себе, нет ничего необычайного или исключительного. Во всяком случае, на континенте вполне в порядке вещей установить за человеком полицейское наблюдение. Но там под надзор ставят только преступников, уже находившихся под судом и следствием и осужденных. Между тем у нас слежке подвергаются люди, оправданные судом или даже никогда не бывшие под судом и ни в чем не обвиняемые.

Но как бы велика ни была разница, это еще не все. Есть надзор и надзор. В обычном понимании это слово означает, что полиция будет за вами следить. Как они будут следить - это их дело и дело их агентов. Все, что от вас требуется, - это осведомить их о всяком изменении вашего адреса. В России, однако, все обстоит совершенно иначе. От человека, находящегося под надзором, требуют, чтобы он максимально облегчал шпиикам выполнение их задачи, дабы им было удобно и не слишком обременительно следить за ним. Предположим, например, что приказано поставить под полицейский надзор человека, живущего в Одессе. Полиция в этом случае непременно заявит, что она не сможет установить за ним строгую слежку, если его не переселят в некое другое место на расстоянии нескольких тысяч верст или более от Одессы. На этом основании одессит будет незамедлительно отправлен в означенное место, и его заставят оставаться там до тех пор, пока полиция с ним окончательно не расправится. Поэтому полицейский надзор в России - это лишь другое название для административной ссылки.

Право устанавливать за человеком слежку в качестве исправительной меры по русскому уголовному кодексу, как и по французскому и германскому кодексам, принадлежит исключительно суду. Но царское правительство осуществляет эту меру совершенно произвольно и без малейшего зазрения совести. Оно с одинаковым безразличием отправляет в ссылку людей, оправданных судом, свидетелей, дававших правдивые показания, и граждан, по каким-то непостижимым причинам подозреваемых в тайном сообществе.

Из всего этого напрашивается следующий вывод: для русских подданных возможность быть высланными в места не столь отдаленные ограничивается исключительно только волей жандармов и полиции. Кроме того, под тем предлогом, что поведение ссыльного было не вполне удовлетворительным, срок его изгнания может быть продлен до бесконечности. Так, по делу общества "нечаевцев" осенью 1871 года, когда из восьмидесяти семи подсудимых тридцать три были осуждены, а тридцать четыре оправданы, последних всех без исключения выслали. Та же участь постигла многих свидетелей, хотя прокурор не осмелился даже предъявить им никаких обвинений. Среди высланных была,

как известно, и Вера Засулич. Она провела в ссылке несколько лет и обрела свободу, лишь совершив побег. Родственник Веры Засулич и один из свидетелей на процессе, Никифоров, тоже был выслан, и, хотя с тех пор прошло уже четырнадцать лет, он все еще не вернулся.

Административная ссылка играла важную роль и в первый период революционного движения. Ссылка в Сибирь стала таким обычным явлением, что при упоминании о людях, оправданных по тому или другому политическому процессу, сразу же спрашивают: "А куда их сослали?" В этом вопросе нет ни тени иронии или сомнения, это самый естественный вопрос на свете. Наоборот, если бы их не сослали, то это, безусловно, вызвало бы удивление.

Полиция нередко играет со своей жертвой, как кошка с мышью. В 1878 году Александр Ольхин, петербургский присяжный поверенный, заподозренный в секретных сношениях с революционной партией, был выслан в Холмогоры, Архангельской губернии, хотя против него не имелось ни малейших улик. Два года спустя полиция вообразила, что нашла доказательства его вины. Он был возвращен в Петербург и предстал перед судом. Но полиция слишком поторопилась. Улики оказались недостаточными даже для самого сговорчивого суда. Ольхина судили по процессу Мирского в ноябре 1879 года, и он был признан невиновным. Однако оправдательный приговор не возымел никакого действия на полицию. Ольхина снова выслали, и вторая его ссылка была тяжелее первой.

В заключение я хотел бы назвать одно широко известное имя - князя Александра Кропоткина, брата князя Петра Кропоткина. Александр Кропоткин был математик и астроном и никогда не занимался политикой. Его вина заключалась в родстве с Петром Кропоткиным, и, кроме того, он не выказывал достаточного почтения жандармам. Осенью 1876 года на почте перехватили его письмо, предназначенное, как подозревала полиция, для одного политического эмигранта, с которым Александр Кропоткин познакомился во время своего путешествия за границу. У него произвели обыск. Не было обнаружено ничего подозрительного, но князь был так неосторожен, что не скрыл своей досады по поводу вторжения в его дом, обращался с прокурором и жандармами недостаточно любезно и, как говорят, сказал им несколько теплых слов. Заключение в тюрьму не изменило его поведения, и в конце концов его сослали в Сибирь. Это произошло девять лет назад, Кропоткин все еще в Сибири, его силы надломлены, и он лишился единственного сына.

В те годы людей еще отправляли в ссылку при помощи всяких хитростей. В то время как формально за ними устанавливался полицейский надзор в качестве предупредительной меры, фактически их высылали в самые отдаленные края империи и там содержали под стражей. Таким образом, совершалось двойное правонарушение.

Во-первых, этих людей карали без суда и следствия, что само по себе неслыханное беззаконие; во-вторых, их не только подвергали надзору без всяких оснований, но этот надзор, тоже без всяких на то оснований, юридической казуистикой превращался в приговор к бессрочной ссылке. В уголовном кодексе, надо сказать, нет статей, предусматривающих административную высылку. Однако это обстоятельство никого не интересует, и, за исключением правоведов, мало кто над ним задумывается.

Однако с 1879 года всякая стеснительность была отброшена, и в течение шести лет административная ссылка была признанным средством надежной защиты

порядка и совершенно официальным установлением в России. 2 апреля того года Соловьев совершил покушение на жизнь императора. Через три дня, 6 апреля, был издан новый закон, по которому вся Россия была разделена на шесть военных округов под деспотической властью шести генерал-губернаторов, облеченных каждый в своем округе чрезвычайными полномочиями.

Местным гражданским властям было повелено оказывать царским сатрапам такое же абсолютное повиновение, какое во время войны оказывается главнокомандующему, и они пользовались такой же диктаторской властью над населением, как главнокомандующий. В их полномочия входило: а) высылка в административном порядке всех лиц, чье дальнейшее проживание в данном округе может считаться вредным для общественного порядка; б) заключение в тюрьму людей по собственному усмотрению и невзирая на положение и звание, когда они сочтут это необходимым; в) запрещение или временное закрытие газет и журналов, идеи которых покажутся им опасными, и г) принятие всех мер, какие они сочтут нужными, для поддержания спокойствия и порядка в подчиненных им округах.

И это называется в России законом!

С апреля 1879 года административная ссылка стала уже вполне законной. А когда шесть сатрапий были уничтожены и страна приведена "в состояние безопасности" (читай "осады"), чрезвычайные полномочия генерал-губернаторов были присвоены всем губернаторам.

С этого времени административная ссылка приняла массовый характер и стала столь излюбленным оружием самодержавия в его борьбе с народом, что фактически судебная процедура все больше и больше отходит на задний план.

Когда за покушением Соловьева последовало несколько других покушений, самодержавие охватило настоящий пароксизм страха и ярости. Оно почувствовало, что почва колеблется у него под ногами, и усилило террор и репрессии, чтобы с корнем вырвать бунтарский дух. Для этой цели ссылка была гораздо более действенным оружием, чем суд с его формальностями, процедурами и проволочками. И по малейшему подозрению, действительному

или

мнимому, по малейшему признаку или по самому необоснованному побуждению эти

меры произвольно применяли направо и налево. Она стала чумой, опустошавшей русскую землю.

Однако я пришел бы в большое затруднение, если бы меня попросили более или менее точно определить признаки и основания, являющиеся, с точки зрения администрации, достаточными для назначения столь суровой кары, как ссылка. Все имеет свое мерило, даже уязвимость русской полиции. В химии есть вещества, наличие которых проявляется благодаря очень сильной реакции, но обнаружить их не удастся даже при помощи самых чувствительных весов. Так и с полицией. За исключением тех случаев, когда причиной является личная антипатия или месть, - а такие случаи далеко не единичны - полиция, прежде чем оторвать человека от семьи, от занятий, лишить его средств к жизни и

отправить на другой конец империи, должна что-то иметь против него. О том, каким бывает это "что-то", мы сможем составить себе приблизительное понятие по случаям, действительно имевшим место и дающим некоторое представление о причинах, заставивших полицию отправить этих людей в изгнание. Но во многих случаях невозможно даже догадаться об этих причинах, и я умышленно ограничиваюсь теми эпизодами, когда сосланные занимали высокое общественное положение, ибо с ними власти обычно несколько больше считаются, чем с простым людом.

Начнем с Петрункевича, помещика, члена черниговского земства и председателя мирового суда в своем уезде. В мае 1879 года Петрункевича арестовали по приказу министра внутренних дел, и основанием для этого послужили опасные мнения, выраженные в официальном докладе местного земства, составленном комиссией под его, Петрункевича, председательством, в ответ на министерский циркуляр. Его арестовали среди белого дня при выполнении служебных дел. Не разрешив ему даже попрощаться с семьей, его спешно отправили в Москву, а оттуда выслали в Варнавино, Костромской губернии.

Примерно в то же время был арестован доктор Белый, санитарный инспектор черниговского земства.

Так как его имя не значилось под злополучным докладом и он не принимал участия в заседаниях земства, то о его "злонамеренности" нельзя было заключить по действиям или словам, а приходилось угадывать их по интуиции, прочесть в его душе. Эту обязанность взял на себя приходский поп Ивангорода - обязанность, к которой священники часто питают явное пристрастие. Он объявил доктора Белого "злонамеренным и подозрительным" на том основании (привожу его слова буквально), что "доктор был лично знаком с Петрункевичем, часто его навещал (в чем, разумеется, не было ничего необычного, так как они жили всего в нескольких верстах друг от друга) и разделял его взгляды, порочность которых была общеизвестна". Поп утверждал далее, что доктор Белый выказывает явную склонность к обществу простых крестьян: он редко ездит в город, где бы мог найти хорошее общество, предпочитая оставаться в деревне, среди крестьян; он не проявляет достаточной заботы о здоровье местного дворянства и пренебрегает своими больными - помещиками, для того чтобы больше времени уделять больным из простого народа; в его больнице находятся две молодые женщины, из которых одна носит русское национальное платье (это Боголюбова, бывшая сестрой милосердия в русской армии на Балканах; она была арестована через несколько дней после ареста доктора Белого и выслана неизвестно куда).

Поскольку факты, приведенные попом, не оставляли никаких сомнений в "злонамеренности" доктора, местный пристав Малахов 19 июля арестовал его. Сначала его отправили под конвоем в Вышний Волочок, затем выслали в Восточную Сибирь - не более не менее!

Известный публицист и журналист Южаков, сын генерал-майора и богатого помещика в Южной России, был выслан Тотлебенем в Восточную Сибирь по следующим причинам: во-первых, он принадлежит к неблагонадежной семье, где все члены (за исключением генерала) придерживаются порочных идей (мать Южакова была арестована и десять дней содержалась в тюрьме за отказ назвать

имя человека, дававшего ей социалистический журнал; его сестра была в тюрьме и теперь находится в Сибири); во-вторых, под его влиянием в "Одесском вестнике" после покушения 2 апреля не были напечатаны некоторые передовые статьи, направленные против социалистов!

Чиновник одесской городской управы Ковалевский был выслан в Восточную Сибирь за то, что, во-первых, был мужем своей жены (Ковалевская, живя в Киеве отдельно от мужа, была там замешана в деле террористов и присуждена в мае 1879 года к каторге), во-вторых, заявил в присутствии своих сослуживцев в городской управе, что не очень высокого мнения о правительстве, и, в-третьих, оказывал дурное влияние на своих друзей.

Дело Белоусова, преподавателя киевской гимназии, еще интереснее. Он был арестован летом 1879 года, уволен с должности и выслан на Дальний Север - и все это "по чистому недоразумению", как говорят у нас в России. Единственным прегрешением бедняги была его фамилия - Белоусов, ибо он был однофамильцем человека, с которым полиция его спутала. Дело в том, что за пять лет до этого другой Белоусов был обвинен или заподозрен в ведении пропаганды среди киевских рабочих, но ему удалось бежать. И вот Белоусову пришлось расплачиваться за грехи своего тезки, которого он не знал и никогда в глаза не видал. Еще в 1874 году его вызывали в полицию по такому же недоразумению, но, так как ошибку тогда удалось разъяснить, его отпустили якобы с "незапятнанной репутацией". Однако в 1879 году ему меньше повезло. На этот раз полиция, разбирая, очевидно, старые списки, нашла в них его имя и отправила в бессрочную административную ссылку.

Надо заметить в скобках, что такого рода *qui pro quo** довольно обычное явление в России. В Харькове, например, студент по фамилии Семеновский был арестован под тем предлогом, что три года назад судили и приговорили за пропаганду адвоката с такой же фамилией. Далее, в Одессе полиция искала некоего Когана. Но так как там было "два волка в одном овраге", она вначале колебалась, кого из них взять, но преодолела это затруднение, забрав обоих.

---

* недоразумение (лат.).

Однако продолжим историю Белоусова. Когда киевскому губернатору генералу Черткову разъяснили ошибку и попросили отменить приговор, вынесенный, как оказалось, ни в чем не повинному человеку, генерал ответил: "Я вполне верю, что вы говорите правду. Но в такое беспокойное время, как сейчас, власти не могут себе позволить делать ошибки. Так что пусть отправляется в ссылку, а через некоторое время он может обратиться ко мне с прошением о пересмотре приговора".

И в заключение еще один эпизод. Исидор Гольдсмит на протяжении восьми лет был редактором двух влиятельных русских ежемесячников. Когда в 1879 году свирепствование царской цензуры заставило его уйти с литературного поприща, он поселился в Москве, родном городе своей жены (она принадлежит к известной семье Андросовых), и занялся адвокатурой. Но тут начались ставшие уже обычными неприятности, расстроившие его планы и повлекшие за собой для обоих супругов нескончаемые бедствия. По доносу шпиона их обвинили в том, что они приехали в Москву - как бы вы думали зачем? - для организации

центрального революционного комитета. За этим, само собой разумеется, последовали обыск и арест. Хотя при обыске не было обнаружено ничего, что оправдывало бы донос шпика и действия полиции, все же было начато формальное следствие.

При обычных обстоятельствах арестованных продержали бы в тюрьме с полгода, пока продолжается расследование. Но так как у Гольдсмитов были друзья в высоких сферах, да и нелепость обвинения была совершенно очевидна, московского генерал-губернатора князя Долгорукого удалось упротить лично ознакомиться с их делом. В итоге, вместо того чтобы запереть Гольдсмитов за решетку, их посадили под домашний арест в собственной квартире. Но 24 сентября их вторично арестовали и без дальнейших проволочек отправили под конвоем в Архангельск. После двухмесячного пребывания там они были водворены в городке Холмогоры, Архангельской губернии. Перед тем как их увезли из Архангельска, Гольдсмиты посчастливилось узреть документ, в котором были изложены причины принятых против него и его жены полицейских мер. В этом документе было написано буквально следующее:

"Московское жандармское отделение обвинило господина Исидора Гольдсмита и его жену Софью в том, что они приехали в Москву с намерением составить план устройства центрального распорядительного кружка московских социалистов. После тщательного домашнего обыска и осмотра для обнаружения доказательств обвинение, выдвинутое против означенных лиц, было признано лишенным всяких оснований. В результате этого министр внутренних дел и начальник жандармского отделения распорядились выслать Исидора Гольдсмита и его жену Софью в Архангельск и там поставить под надзор местной полиции".

Ну разве это не железная логика? Эти люди невиновны, поэтому их надо наказывать, - вывод столь невероятный и дико нелепый, что непосвященному человеку извинительно было бы приписать его ошибке при переписке. Но нашему читателю, уже начинающему постигать дух и сущность царской бюрократии и успевшему ознакомиться с нравами и обычаями чиновничьей России, не трудно будет заполнить кажущийся пробел, образовавшийся вследствие отрыва силлогизма от вывода в этом примечательном и, к несчастью, отнюдь не исключительном документе.

Так как обвинение ложное, в сущности, заявляет Третье отделение, то нет основания для формального судебного преследования. Но так как к людям, однажды уже обвинявшимся, всегда следует относиться с подозрением, то, в соответствии с обычной в таких случаях практикой, этого господина и его жену надо выслать.

Повторяю, приведенные мною случаи не являются ни исключительными, ни чрезвычайными. Изгнанники, о злоключениях которых мы рассказали, имели возможность прямо или косвенно узнать, какие причины послужили поводом к их высылке. Во всех случаях причины были политические. Но при всем том у полиции остается полный простор для приведения в действие более темных побуждений и учинения расправы для удовлетворения тайной злобы или личной мести. Ибо полиция не только ограждает и поддерживает своих агентов - профессиональных шпионов, но всемерно поощряет также добровольные доносы шпионов-любителей. Человек, которому предъявлено обвинение, никогда, ни при каких условиях не должен узнать имя автора доноса. Обвинение так

составлено, чтобы ввести вас в заблуждение и, насколько возможно, не дать догадаться, кто ваш тайный враг. Например, по утверждению полиции, у нее имеются доказательства, что вы распространяли революционные листовки. Но где, когда и при каких обстоятельствах вы это делали, они вам не скажут, а также не выдадут имя своего осведомителя. Большинство высланных так и не узнали, что явилось причиной их изгнания и в чем, собственно, они провинились. Через несколько лет они, возможно, каким-нибудь косвенным путем узнают, что обязаны своим несчастьем негодяю, которому когда-то угрожали судом, или шантажисту, тщетно пытавшемуся вымогать у них деньги.

Как я уже имел случай заметить, сенаторская ревизия, назначенная Лорис-Меликовым, обнаружила такое великое множество случаев высылки людей

по ложным доносам, что само правительство ужаснулось. Так, по крайней мере, утверждали подцензурные газеты. То, что этих случаев было множество, мы охотно верим. Было бы удивительно, если бы при существующем порядке дело обстояло иначе. Но насчет ужаса, охватившего правительство, позволительно сомневаться. Во всяком случае, он длился недолго и вскоре был забыт перед лицом большего ужаса, внушаемого страшным призраком революции. Ибо система

высылки в административном порядке в полной мере процветает и поныне, и в каждом городе царской империи лучших, отважнейших и способнейших людей продолжают отрывать от трудов, необходимых для них и полезных для общества, и отправлять на беспросветную жизнь в изгнании.

Но что все-таки представляет собой эта административная ссылка?

Мы знаем, что на обыкновенном человеческом языке это означает просто высылку. Мы знаем также, каким бывает надзор, осуществляемый полицией в континентальных странах над уголовными преступниками, когда считается, что их вина еще не вполне искуплена понесенным наказанием, - тягостная, оскорбительная система, приводящая лишь к увеличению преступности, и она резко осуждается крупнейшими авторитетами в тех странах, где применяется.

Но русская система политической ссылки - это *sui generis*. Человек, высланный в административном порядке, гораздо хуже преступника. Преступление, которое он якобы намеревался совершить, заключалось в разговорах, словах. И он хуже преступника потому, что является источником заразы. Когда тыходишь к человеку, он с тобой разговаривает, а раз это лицо злонамеренное и его политические убеждения опасны, то, если дать ему волю, он неизбежно будет отравлять своим ядом всех, с кем приходит в соприкосновение. Поэтому его необходимо изолировать, даже в месте его изгнания. Мало того. Образованный человек может заразить даже на расстоянии. С помощью писем или через печать он может развратить людей, которых никогда не видал. Поэтому его необходимо отрезать от всего мира.

Вот полиция и действует на основе этих принципов. Приведу несколько выдержек из Правил для лиц, ссылаемых в административном порядке. Согласно этим Правилам от 12-25 марта, "запрещается: 1) всякая педагогическая деятельность; 2) принятие к себе учеников для обучения искусству и ремеслам; 3) чтение публичных лекций; 4) участие в публичных заседаниях ученых обществ и вообще всякого рода публичная деятельность"!

Далее, им не дозволяется работать печатниками, литографами, фотографами, библиотекарями или служить в подобных заведениях в качестве агентов, служащих, мастеров или простых рабочих; запрещается заниматься продажей книг или других печатных материалов (статья 24).

Все другие занятия (?), дозволенные законом (скажем, физический труд, для которого большинство политических ссыльных мало пригодны), разрешаются, но местный губернатор может воспретить избранное ссыльным занятие, если последний использует его в злонамеренных целях или вследствие особых обстоятельств оно может представить угрозу общественному порядку (статья 28).

Статьей 21 запрещается использование ссыльных на государственной службе или в местных общественных учреждениях, кроме как переписчиками, и то по специальному разрешению министра внутренних дел. Статьей 27 врачебная и фармацевтическая деятельность тоже разрешается лишь по специальному разрешению министра. А так как разрешение министра получить не легче, чем добиться отмены приказа о высылке, эти запреты практически ничем не ограничены.

Но если правительство лишает ссыльных почти всякой возможности обеспечить себе средства к жизни, то справедливость требует, чтобы оно их содержало. Оно так и делает, некоторым образом, конечно. Ссыльным выплачивается пособие от казны - шесть рублей в месяц; в северных губерниях, где жизнь дороже, - восемь рублей. Но столько получают лишь высланные из привилегированных сословий. Те, кто принадлежат к непривилегированным сословиям, получают ровно половину. Как можно себе представить, этого хватает лишь на жизнь впроголодь.

Приведу еще статью 37 Правил, которая звучит как злейшая ирония: ссыльные, уклоняющиеся от работы от лени, праздности или вследствие дурного поведения, лишаются казенного пособия!

Но любопытнее всего статья 29. Она гласит: "Министр внутренних дел уполномочен запретить непосредственное вручение поднадзорному писем, которые должны передаваться почтой начальнику местной полиции или жандармского отделения. После этого письма могут быть переданы ссыльному, если в них не обнаружено ничего предосудительного. В противном случае конфискованные письма препровождаются в жандармское отделение. В таком же порядке письма от ссыльного предварительно прочитываются означенными властями".

На деле, как мы прекрасно знаем, эти правила применяются в обратном смысле: вся переписка ссыльных отдается под особый контроль местной полиции. Исключения из этого правила чрезвычайно редки.

Не трудно представить себе, какова жизнь в подобных условиях. Но для иллюстрации и с целью облегчить течение моего повествования я, с разрешения читателя, опишу жизнь в ссылке группы моих друзей. Те, кто расположены доверять лишь собственному воображению, могут, конечно, пропустить следующую главу. Так оставим же в стороне законы, правила и параграфы и обратимся на мгновение к существам из плоти и крови, изучим глубоко интересную и малознакомую сторону человеческой жизни.

ЖИЗНЬ В ССЫЛКЕ

Ранним июньским утром 1879 года ссыльные Городишка, маленького, жалкого городка на берегу Белого моря, собрались на пристани. Их было человек тридцать, и все они были непохожи друг на друга по виду и по физическому состоянию: молодые и старые, здоровые и дряхлые, одни были одеты по-городскому, другие - по-деревенски: в пальто, холщовых блузах, пледах, куртках. Они расхаживали взад и вперед по пристани, стояли, прислонясь к перилам, сидели на тюках и стояли небольшими группами, разговаривая с рассеянным видом людей, думающих о чем-то другом. Время от времени они с любопытством и нетерпением вглядывались в даль, вверх по реке. Оттуда должен прийти пароход, которого они ждали.

В Н-ске, университетском городе на юге России, произошли серьезные беспорядки. Возникнув в университете, как чаще всего бывало, из-за недоразумения с профессором, волнения быстро охватили весь город. Человек сто студентов были исключены из университета. Большая часть из них и еще несколько человек, которых арестовали, но не считали удобным дольше держать в тюрьме, были отправлены прямехонько в ссылку. По установившемуся обычаю, их разделили на небольшие группы: "зачинщиков" распределили по различным городкам Сибири, а менее скомпрометированных отправили в Приморье. Одна из этих групп должна была прибыть в Городишко - событие, с которым наши ссыльные горячо поздравляли друг друга. Может, и нехорошо было радоваться чужому несчастью, да и прибавление еще шести человек к трем десяткам умирающих с тоски людей не сулило особого веселья. Но жизнь этих тридцати была до того невыносимо скучной, что на любое новое событие, даже самое незначительное, смотрели как на счастье. Ведь новые товарищи придут отсюда, "с воли", как почти в насмешку говорят русские люди. Во всяком случае, они привезут с собой струю новой жизни, как бывает, когда тюремная дверь, приоткрывшись на миг, выпускает в камеру дуновение свежего воздуха. Поэтому ссыльные были так рады и готовили своим новым братьям радушную встречу.

Им пришлось долго ждать, так как от волнения собрались на причале часа за два до прибытия парохода, который, как водится в России, еще и опаздывал. Но долготерпение вошло уже в привычку у этих людей, вынужденных покориться воле провидения, и у них и в мыслях не было роптать.

Молодой одессит Урсич, недавно сосланный за участие в демонстрации, взобрался с биноклем в руках на верхушку штабеля дров. Стоявшие внизу то и дело окликали его, спрашивая, не видно ли парохода.

Наконец, уже около трех часов пополудни, Урсич издал долгожданный крик: "Идет!" Далеко на горизонте показалась чуть заметная черная полоска, и над нею поднимался тонкий серый дымок. Несомненно, это был пароход. Но такой маленький, что возникло сомнение - тот ли? Может быть, это какое-нибудь другое судно? Бинокль переходил из рук в руки, каждый

старается получше разглядеть, но никто не может решить: бинокль недостаточно силен.

- Ушимбай-султан! - позвал один из ссыльных. - Влезай скорее наверх!

В ответ на зов сквозь толпу проталкивается странная фигура, рослая и крепкая, в длинном желтом халате, со смуглым безбородым лицом, узкими монгольскими глазами, широким плоским носом и квадратной головой, покрытой короткими и жесткими, как конская грива, черными волосами.

Это был Ушимбай-султан, настоящий султан, а не прозванный так в насмешку или в шутку. Столь громкий титул носят все вожди киргизских кочевых племен, живущих на территории империи, и он признается русскими властями, а после двадцати лет службы бродячие султаны получают чин прапорщика русской армии. Однако вместо скромных погон прапорщика им разрешается носить майорские эполеты с длинными кистями, имеющие весьма эффектный вид на их традиционном халате. Но аллаху не угодно было даровать Ушимбаю этот вожделенный знак отличия. Однажды ночью, когда он и несколько его соплеменников тайком угоняли стадо баранов, принадлежавших гарнизону, казаки поймали их на месте преступления. Попавшего к ним в руки султана заковали в кандалы, отвезли в ближайший город и затем сослали административным порядком в северную губернию.

Ушимбай двигался вразвалку, особой походкой, присущей человеку, проведшему большую часть жизни в море или на коне.

- Взбирайся наверх, султан, и скажи, что ты там видишь! - призывал его владелец бинокля.

Ушимбай утвердительно кивнул и с охотой исполнил просьбу. Он так и знал, что без него не обойдутся; его лицо расплылось в широкой улыбке, и под желтой кожей показались два ряда великолепных крепких белых зубов.

Презрительно отстранив рукой предложенный ему Урсичем бинокль и устремив на горизонт узкие щелочки глаз, в которых словно прятались два блестящих черных жучка, он с минуту пристально вглядывался и затем объявил, что идущее вдали судно, несомненно, ожидаемый пароход. Он сообщил далее, что на палубе стоят три человека и один из них в белой шляпе и смотрит в такую же штуку, как та, которую ему давал Урсич.

Такие подробности показались всем просто невероятными, и слова киргизского вождя были встречены недоверчивым смехом, видимо рассердившим его.

- Ты, русский, ничего не видишь; киргиз все видит. Ты слепая курица! - воскликнуло это дитя природы с высоты своего наблюдательного пункта, обращаясь к людям, стоявшим внизу, и говоря им "ты", по обычаю своего народа.

Выходка Ушимбая вызвала веселые возгласы. Султан с большим достоинством спустился вниз и, усевшись, стал напевать киргизскую победную песню, состоявшую всего из двух нот, которые он до бесконечности повторял в медленном ритме и так монотонно, будто это была похоронная.

Глаза Ушимбая не обманули его, и через пятнадцать минут все в этом могли убедиться с помощью бинокля. Пароход был именно тот, которого ожидали, и на палубе действительно стояли трое. Вскоре к ним присоединились еще двое, и их арестантская одежда, даже если бы возле них не было

полицейского конвоя, обличала в них ссыльных. Когда пароход обогнул наконец лесистый мыс, закрывавший вид, и появился во всей своей величественной красе, рассекая черным носом белопенистую воду, над пристанью поднялись приветственные крики и ссыльные шумной толпой ринулись к причалу.

Пассажиры сошли на берег и сразу очутились посреди веселой возбужденной толпы ссыльных. Все обменивались приветствиями, и спустя несколько минут приезжие и старожилы уже познакомились друг с другом и чувствовали себя давними друзьями. Трое из новоприбывших были студенты; когда каждый по очереди сообщил о причине своей ссылки, встречающие узнали, в чем заключались проступки их молодых товарищей: они поставили свои подписи под какой-то петицией. Двое других были старше по возрасту; один из них представился со словами: "Подкова Тарас, адвокат, - за рубашку".

- Вот как, недорого же ты берешь за адвокатуру - всего-навсего рубашку! - засмеялись вокруг.

- Да нет, не то, - меня сослали за рубашку.

В этом ответе сказался малороссийский юмор Подковы, ибо он обвинялся в украинском сепаратизме, и уликой против него, по утверждению доносчика, послужило то обстоятельство, что он имел обыкновение носить вышитую малороссийскую рубашку, какую носят крестьяне на его родине.

Другу Подковы, доктору Михаилу Лозинскому, меньше повезло. Ему так и не удалось узнать, за что его выслали из родного города.

- Может быть, со мной поступили так из внимания к этим господам, - сказал он, с улыбкой указывая на своих товарищей. - Полиция не считала себя вправе отправлять их в столь далекое путешествие без собственного врача!

Когда с полицейскими формальностями было покончено, новоприбывших пригласили в одну из коммун, где для них был приготовлен скромный, даже весьма скромный, обед. Он состоял из свежей рыбы с хреном, специально принесенным за шесть верст из монастыря, единственного места, где выращивали эту кулинарную редкость. На десерт подали блюдо из моркови, тоже редкий гастрономический деликатес в этом ледяном краю. Все блюда запивали желтой водицей, именуемой чаем, из казавшегося неистощимым пузатого самовара.

Во время трапезы все время шла оживленная беседа, главным образом, конечно, о новоприбывших товарищах. Доктор был в ударе. С типично польской живостью - хотя он и родился на левом берегу Днепра и обрусел, но по происхождению был поляк - Лозинский описывал комические подробности своего предварительного заключения и учиненного ему допроса и позабавил всех анекдотами о н-ских жандармах и их "подвигах".

Одного из приехавших студентов, Оршина, попросили рассказать о студенческих беспорядках. Подкова говорил мало. Это был начинающий адвокат, человек одаренный и многообещающий, но в кругу незнакомых людей он был застенчив и молчалив. Оршин, познакомившись с ним ближе в дороге и очень к нему привязавшийся, сказал, что Подкова, после того как выскажется, напоминает разряженную электрическую иглу.

Ссыльные расстались лишь поздно ночью. Но так как новоприбывшие не успели еще рассказать всех новостей и не исчерпали всего своего запаса предположений, мнений и догадок, то коммуны, большие и малые, завладели ими

точно военнопленными и увели к себе. Однако распределение происходило полюбовно, и каждая коммуна получила своего гостя.

Но что представляет собой коммуна? - спросит меня читатель.

Коммуна - это обычное явление в русской студенческой жизни. Во всех университетах и высших учебных заведениях большинство студентов устраиваются группами по восемь - двенадцать человек. Они сообща нанимают комнаты, имеют общую кассу и живут вместе в полном братстве. Каждый вносит в кассу все, что получает из дома или зарабатывает уроками, не зная и не думая о том, вносят ли его товарищи больше или меньше, чем он. Только благодаря такой системе множество бедных студентов получают возможность учиться в столице и существовать, часто на весьма скромные средства. Но как бы полезна ни была такая взаимопомощь для русских студентов, для ссыльных она является просто вопросом жизни и смерти. Не будь братского объединения и содружества, сотни ссыльных ежегодно погибали бы от голода и лишений.

х х х

Если бы царское правительство так не одурело от страха, оно, разумеется, прекратило бы свои гонения на "подозрительных" и ссылку их на гибель в такие дыры, как Городишко.

Представьте себе город, население которого составляет "около тысячи жителей", обитающих в ста пятидесяти - двухстах домиках, расположенных двумя рядами вдоль реки и образующих единственную улицу. Домики разделяются

короткими переулочками, ведущими к лесу и реке. Все домишки деревянные, за исключением церкви, построенной из кирпича. Если вы влезете на колокольню, чтобы обозреть окрестности, то увидите по обе стороны далеко простирающиеся густые сосновые леса с широкими прогалинами у реки, где чернеют пни вырубленных деревьев. Если время зимнее, вам незачем подниматься так высоко, ибо вы заранее знаете, что увидите лишь бескрайний снежный океан, по холмистой поверхности которого чаще бегут голодные волки, чем самоедские сани. В этом суровом климате, почти за полярным кругом, о сельском хозяйстве нечего и помышлять. Хлеб привозится издалека и потому очень дорог. Местные жители занимаются рыболовством, охотой и обжиганием угля; лес и река служат единственными источниками их существования. Из всех обитателей Городишка, наверное, не более десятка умеют читать и писать, это чиновники, да и те наполовину из крестьян. В этой ледяной пустыне не тратят время на бюрократические формальности. Если бы вам вдруг понадобилось обратиться к главному из местных начальников, вам, вероятно, сказали бы, что он уехал с товарами, так как одновременно исполняет обязанности возницы. Когда он через две-три недели вернется домой и своими большими толстыми пальцами подпишет ваши бумаги, то после этого с удовольствием и за скромное вознаграждение отвезет вас в нужное вам место.

У этих чиновников умственный горизонт ненамного шире, чем у окрестных крестьян. Ни одного образованного, культурного человека не заставишь

служить в такой глухой дыре. Местные чиновники - люди либо никуда не годные, либо они попали сюда в наказание, так как служба здесь и для них самих не что иное, как ссылка. А если среди них окажется какой-нибудь честолюбивый молодой карьерист, он тщательно будет избегать общества ссыльных, ибо добрые отношения с политическими партиями непременно навлекут на него подозрения начальства и испортят всю его будущность.

х х х

В течение первых десяти - двенадцати дней новоприбывшие еще не успели найти себе постоянное жилье. Их новые друзья хотели ближе познакомиться с ними, да и сами они хотели лучше узнать старожилов. Так они и жили сначала в одной коммуне, потом в другой, переходя с места на место и живя где придется. Через некоторое время трое из них - Лозинский, Тарас и Оршин - вместе с одесситом Урсичем образовали собственную коммуну. Они наняли маленькую квартирку, каждый по очереди занимался стряпней, и всю домашнюю работу они, разумеется, делали сами.

Первый и самый трудный вопрос, вставший перед ними, естественно, был о хлебе насущном. Именно в связи с этим вопросом Тарас приобрел дурную славу у местной полиции. Ссыльные привезли с собой, как им казалось, достаточно денег, чтобы прожить до получения пособия. Но власти обманули их, заставив уплатить из собственного кармана дорожные расходы до Городишка. А так как весь их капитал находился в руках старшего жандарма, они не могли воспротивиться неожиданному вымогательству. Когда Урсич услышал об этом, он попытался утешить своих новых друзей, рассказав, что в кадетском корпусе, где он учился, с кадетами поступили еще хуже. По окончании курса каждого выпускника обязали уплатить двадцать пять рублей за розги, поломанные на нем за годы учения. Но этот анекдот, хоть и забавный, не мог утешить пострадавших. Тарас был просто в ярости; если бы он только знал, что жандармы сыграют с ним такую штуку, кричал он, то, чем отдавать полиции, лучше выбросил бы свои деньги в море.

Новоприбывшие оказались в крайне бедственном положении. У некоторых не было даже необходимой одежды. Ведь их арестовали там, где они как раз находились, - в ряде случаев прямо на улице - и тут же отправили в тюрьму; некоторых выслали, не дав даже времени подготовиться к путешествию или проститься с друзьями. Так случилось и с Тарасом. Товарищи ссыльные предоставили в его распоряжение свои скудные кошельки, но он наотрез отказался воспользоваться их добротой.

- Вам самим нужны эти деньги, - сказал он. - Правительство насильно завезло меня сюда, лишив средств к существованию, стало быть, оно должно меня кормить и одевать. Я и не думаю избавлять его от этого.

Не проходило дня, чтобы он не отпраивался в полицию требовать свои восемь рублей, но всегда получал один и тот же ответ: местные власти снесли с высшим начальством, но еще не получили распоряжений; он должен

набраться терпения. Что бы Тарас ни говорил и ни делал, это решительно ни к чему не приводило. Товарищи уговаривали его отказаться от дальнейших тщетных попыток, так как его приставания к властям только восстанавливают их против него. Но Тарас и слышать об этом не хотел.

- Нет, они должны вернуть мои деньги! - были единственные слова, которыми он достаивал своих товарищей в ответ на их дружеские увещевания.

Однажды после полудня, когда ссыльные, как обычно, отправились на прогулку, Тарас тоже вышел, но он был так странно одет, что ребятишки побежали за ним следом, а весь городок заволновался. Тарас был в одном нижнем белье, а поверх белья накинул одеяло. После того как он раз пять прошелся взад и вперед по единственной улице города, перед ним предстал исправник, которому уже успели сообщить потрясающую новость.

- Господин Подкова, да что же такое вы делаете! - вскричал исправник с негодованием. - Подумайте только! Образованный человек - и устраиваете публичный скандал. Ведь дамы могут увидеть вас в окна!

- Я не виноват. У меня нет одежды, а я не могу вечно сидеть в четырех стенах. Это вредно для здоровья. Мне необходимо гулять.

И целую неделю Тарас прогуливался в том же наряде, не обращая никакого внимания на протесты исправника, пока своим упорством не победил инертность властей и не добился своего скудного ежемесячного пособия. Но с этого времени на него стали смотреть как на "беспокойного" человека.

х х х

Быстро промелькнуло короткое лето: оно длится в том далеком северном краю всего два месяца. Почти незаметно наступила и прошла осень, затем над тундрой воцарилась долгая полярная зима с бесконечными ночами. Солнце показывалось на короткое время на южном краю неба в виде маленькой дуги в несколько градусов высотой, затем заходило за длинную снежную линию горизонта, оставляя землю погруженной в двадцатичасовую ночь, тускло освещаемую отдаленными бледными отблесками северного сияния.

Легко себе представить, что в эту пору ссыльным Городишка жилось невесело. Вынужденная праздность в обстановке, лишенной чего-либо заслуживающего внимания культурного человека, неизбежно губит способности и притупляет ум. Летом еще не так страшно. Можно собирать грибы и ягоды в окрестных лесах, и начальство изволит смотреть сквозь пальцы на некоторое нарушение правил, запрещающих ссыльным выходить за черту города. Летом можно также читать, что зимой очень трудно. Свечи дороги, а ссыльные бедны, они могут позволить себе для освещения лишь фитили, плавающие в рыбьем жире, или лучины из смолистых щепок, но их мигающий, неверный свет губительно отражается на зрении. Для этих несчастных людей зима, продолжающаяся там три четверти года, поистине пора бедствий и полного бездействия - проклятая пора! Единственный способ убить время - ходить друг к другу в гости, однако в тех условиях это жалкое и совершенно недостаточное развлечение. Правда, ссыльные живут как бы одной семьей. Они

готовы поделиться между собой последней коркой хлеба. Но всегда одни и те же лица, всегда одни и те же разговоры, всегда об одном и том же - в их жизни никогда не происходит ничего нового, и в конце концов им нечего уже больше сказать друг другу. Люди тащатся сначала в один дом, потом в другой, надеясь найти там, быть может, что-нибудь менее скучное и унылое; затем уходят разочарованные, чтобы снова повторить свои попытки в другом месте, и столь же безрезультатно. И так проходят дни, недели, месяцы...

Однажды зимним вечером группа ссыльных собралась, по обыкновению, вокруг самовара, попивая чай, устало зевая и поглядывая друг на друга в мрачном молчании. Все: их лица, движения, даже сама комната, тускло освещенная единственной свечой в грубо вырезанном деревянном подсвечнике, - выражало крайнюю тоску. Время от времени кто-нибудь с отсутствующим видом проронит несколько слов. Через минуту или две, когда говоривший уже забыл, что сказал, из темного угла вдруг доносится еще несколько слов, и наконец все сообразят, что это ответ на предыдущее замечание.

Тарас все время молчал. Растянувшись во всю длину на сосновой лавке, покрытой сухим мхом и служившей одновременно постелью и диваном, он непрерывно курил, следя с сонным видом за голубыми облачками дыма, поднимающимися над его головой и исчезающими во мраке; казалось, он вполне доволен этим занятием и своими мыслями. Возле него Лозинский раскачивался на стуле. То ли его раздражало невозмутимое бесстрашие друга, или ему на нервы возбуждающим образом действовало северное сияние, но тоска и отчаяние теснили ему грудь. Этот вечер ничем особым не отличался от других, но он казался Лозинскому особенно невыносимым.

- Господа! - воскликнул он вдруг громким, возбужденным голосом, который своим тоном, отличным от вялого тона других, сразу привлек общее внимание. - Господа, жизнь, которую мы здесь ведем, отвратительна! Если мы будем продолжать жить так празднично и бесцельно еще год или два, мы станем неспособны к серьезному труду, мы совсем падем духом и превратимся в никчемных людей. Нам надо встряхнуться, начать что-то делать. А то мы измучаемся от этого убогого, жалкого прозябания, мы не устоим против искушения заглушить тоску и начнем искать забвения в унизительной для нас бутылочке!

При этих словах кровь бросилась в лицо человеку, сидевшему напротив него. Его называли Стариком, и он был старшим в колонии как по возрасту, так и по тому, что ему пришлось выстрадать. Он прежде был журналистом, и в 1870 году его сослали за статьи, вызвавшие неудовольствие высокопоставленных лиц. Но это случилось так давно, что он, по-видимому, уже и сам забыл подлинную причину своего изгнания. Всем казалось, будто Старик так и родился политическим ссыльным. Однако его никогда не покидала надежда, и он постоянно ждал каких-то перемен в верхах, благодаря которым мог бы появиться приказ о его освобождении. Но такого приказа все не было, и, когда ожидание становилось нестерпимым, он впадал в полное отчаяние и неделями неистово пил; друзьям приходилось лечить Старика тем, что его сажали под замок. После запоя он успокаивался и в продолжение нескольких месяцев бывал не менее воздержан, чем какой-нибудь английский пуританин.

При невольном намеке доктора Старик опустил голову, но вдруг на его

лице выразилась досада, будто он сердился на себя за то, что ему стыдно, и, подняв глаза, он резко прервал Лозинского.

- Какого же черта нам тут делать, по-вашему? - спросил он.

Лозинский на миг растерялся. Он вначале не имел в виду ничего определенного. Как пришпоренный конь, он просто повиновался внутреннему порыву. Но его смущение длилось один миг. В критическую минуту у него в голове сразу возникали идеи; его и на этот раз осенила счастливая мысль.

- Что делать? - повторил он по своей всегдашней привычке. - Почему бы нам, например, вместо того, чтобы сидеть здесь как осовелые и ловить мух, не приняться за взаимное обучение или что-нибудь в этом роде? Нас тридцать пять человек, каждый знает многое такое, что другим неизвестно. Каждый может поочередно давать уроки по своей специальности. Это заинтересует слушателей и будет поощрять самого лектора.

Тут предлагалось по крайней мере что-то практическое, и поэтому сразу же началось обсуждение. Старик заметил, что такие уроки их особенно не развлекут и всем станет еще тоскливее на душе. Высказывались различные мнения за и против, и все так воодушевились, что под конец стали говорить все сразу, не слушая друг друга. Уже давно ссыльные так приятно не проводили вечер. На следующий день предложение Лозинского обсуждалось во всех коммунах и было принято с энтузиазмом. Составили план занятий, и через неделю доктор открыл курсы блестящей лекцией по физиологии.

Однако многообещающее предприятие очень скоро рухнуло. Когда в городок проникли сведения о столь небывалых и любопытных занятиях ссыльных, он пришел в страшное волнение. Исправник послал за Лозинским и с большой важностью предупредил его, что чтение лекций является нарушением Правил, строго запрещающих ссыльным заниматься всякого рода преподаванием.

Доктор рассмеялся в ответ и попытался объяснить тупому чиновнику, что соответствующая статья Правил не касается занятий ссыльных друг с другом. Если им разрешается встречаться и беседовать, то нелепо было бы запретить учить друг друга. И хотя эта статья Правил осталась для исправника не вполне ясной, он на этот раз все же прислушался к голосу разума или по крайней мере сделал вид, что соглашается с доктором. К счастью, у исправника служил секретарем молодой парень, почти окончивший курс гимназии, и поэтому на него смотрели в Городишке как на большого грамотея. Случилось так, что у секретаря был брат, участвовавший в "движении", поэтому он втайне сочувствовал ссыльным и всякий раз, когда это было в его силах, стремился оказать им добрую услугу. Юноша уже не раз помогал им, но, по понятным причинам, они редко обращались к нему за содействием, и помощь с его стороны всегда была добровольной. Он и на этот раз заступился за ссыльных и уговорил сильно колебавшегося исправника удовлетворить их просьбу. Но они не подозревали, что враждебные силы уже начали действовать и им грозила новая опасность.

В тот же день, когда вечерние тени уже опускались на Городишко, то есть между двумя и тремя часами пополудни, по единственной улице городка быстро пробежала странная фигура и направилась к серому дому рядом с церковью. Фигура вся была покрыта мехом, нижние конечности были скрыты в огромных тяжелых пимах из двойного меха - шерстью наружу и шерстью вовнутрь, напоминая медвежьи лапы. Тело было закутано в салопо - мохнатую шубу из оленьего меха, похожую на стихарь, с длинными рукавами и откидным капором; руки упрятаны в огромные рукавицы, похожие на подковообразные меховые мешки. Так как мороз доходил до сорока градусов и дул резкий северный ветер, то капор закрывал все лицо, и, таким образом, все части тела этого существа - голова, руки и ноги - были покрыты коричневой шерстью, и оно походило скорее на зверя, пытающегося ходить на задних лапах, чем на человека, а если бы оно, кроме того, опустилось на четвереньки, иллюзия была бы полная. Но так как фигура представляла собой одну из самых элегантных красавиц Городишка, подобное предположение было бы

несколько нелюбезным, если не сказать больше. Эта дама была не кто иная, как жена местного судьи, и отправилась она с визитом к попадье.

Достигнув серого домика, она вошла во двор и быстро поднялась на крыльцо. Здесь она откинула капор, открыв широкое лицо с квадратными челюстями и с глазами столь же прозрачно-голубыми, как у рыб здешнего края, одновременно она энергично отряхивалась, как собака, вылезшая из воды, сбрасывая снег, покрывавший ее меха. Затем она поспешила в комнаты и, найдя попадью дома, сняла верхнюю одежду; подружки обнялись.

- Слышала, матушка, что студенты затеяли? - возбужденно спросила судейша.

На Дальнем Севере политических ссыльных всех без различия называют "студентами", хотя настоящих студентов среди них не более четвертой части.

- Ах, не поминай их к ночи! Я так боюсь, что они сыграют со мною какую-нибудь штуку, и всякий раз, когда встречаюсь с ними на улице, не премину перекреститься под салопом. Ей-богу, правда. Только это и спасало меня до сих пор от лиха.

- Боюсь, что это больше не поможет.

- Ах, пресвятая богородица! Что ты имеешь в виду? Я прямо вся дрожу!

- Садись, матушка, все тебе расскажу. Намедни Матрена, рыбница, приходила ко мне и про все мне поведала. Ты знаешь, Матрена сдает им две комнаты, и вот она подслушала в замочную скважину. Не все она поняла, ты же знаешь, какая она дура, но все-таки поняла достаточно, чтобы об остальном можно было догадаться.

После этого судейша со множеством возгласов, оханий и отступлений повторила все те ужасы, какие узнала от любопытной рыбницы, а остальное, конечно, добавила от себя.

Студенты, мол, задумали дьявольское дело: хотели захватить город и всех, кто в нем находится, но, так как это им не удалось, они теперь в ярости. Доктор - этот поляк - у них коновод. А поляки ведь способны на все. Вчера он собрал их всех в своей комнате и показывал им такие страсти! И говорил им такое, такое! У тебя бы волосы дыбом встали, кабы услышала!

- Ах, святые угодники! Рассказывай скорее, не то помру со страху!

- Он показывал им череп - череп мертвеца!

- Ой! Ой!

- А потом показал им книгу с красными картинками, да такими страшными, что ты бы вся похолодела.

- Ой, ой, ой!

- Но ты послушай, тут было еще и пострашнее. После того как он показал им все это, говоря слова, которые православный человек и повторить не может, поляк и заявляет: "Через семь дней, говорит, у нас будет другая лекция, потом еще и еще одна, и так до семи раз. А затем, после седьмого урока..."

Тут гостя повысила голос и остановилась на миг, чтобы посмотреть, какое действие произвели ее слова.

- Ах! Ах! - стонала попадья. - Силы небесные, заступитесь за нас!

- А после седьмой лекции, говорит, мы будем сильны и могучи и сможем взорвать в воздух весь этот городишко со всеми его жителями, до последнего человека.

- До последнего человека?! Ах!

И попадья хотела было упасть в обморок, но, вспомнив о близкой опасности, взяла себя в руки.

- А исправник - что он говорит?

- Исправник - осел. А может быть, эти интриганы склонили его на свою сторону, может, он продался поляку.

- Знаешь, что мы теперь сделаем, матушка? Пойдем к капитанше!

- Да, верно. Пойдем к капитанше!

Десять минут спустя приятельницы уже были на улице, обе в том же причудливом наряде, и, если бы они пустились плясать в снегу, их легко можно было принять за пару резвых медвежат. Но слишком озабоченные судьбой родного города, они не думали о забавах. Дамы спешили еще к одной приятельнице, чтобы поскорее передать ей услышанную от рыбницы Матрены историю, едва ли что-либо утратившую от дальнейшего пересказа, скорее наоборот.

"Капитанша" была жена жандармского капитана, служившего в Городишке уже несколько лет. Пока ссыльных было мало, исправник был единственным начальством. Но когда число их возросло до двадцати и они все продолжали прибывать, сочли необходимым назначить второго начальника в лице жандармского капитана. Теперь ссыльные были поставлены под надзор двух соперничавших между собой властей, которые постоянно стремились подложить друг другу свинью и, выказывая свое великое рачение, втереться в милость к высшему начальству, разумеется, за счет несчастных жертв, порученных их заботе. С тех пор как в Городишко прибыл капитан, ни один политический ссыльный не был освобожден. Если исправник давал человеку хорошую характеристику, капитан давал плохую, если капитан благоприятно отзывался о ком-либо, то исправник, наоборот, отзывался о нем дурно.

На этот раз жандармский капитан нанес своему противнику полное поражение. С первым же курьером губернатору был послан хитро составленный донос. Ответ, содержание которого не трудно себе представить, не заставил

себя долго ждать. Исправнику было сделано строгое внушение с угрозой увольнения со службы "за небрежный надзор за политическими ссыльными" и за дозволенные им вольности.

Этот нагоняй так напугал полицейского начальника, что ссыльным не только было запрещено заниматься и читать лекции, но их поставили в условия чуть ли не осадного положения. Если в комнате одновременно собиралось слишком много людей, то полицейский уже стучал в окно и приказывал расходиться. Им запрещалось также собираться группами на улице, то есть вместе гулять, - приказ довольно трудно выполнимый в городе с одной-единственной улицей, и это приводило к постоянным недоразумениям с полицией.

х х х

В ссылке легко устанавливаются отношения близкой дружбы. Ссыльные все время подвергаются всякого рода притеснениям, они живут в обстановке всеобщего недоброжелательства и поэтому, естественно, льнут друг к другу и ищут прибежища в собственном маленьком мирке. Как это обычно бывает в учебных заведениях, тюрьмах, казармах и на кораблях, так и в ссылке люди легко сходятся, и малейшее сходство характеров и склонностей ведет к глубокой симпатии, которая может перейти в дружбу на всю жизнь.

После наступления зимы маленькая коммуна наших друзей пополнилась новым членом в лице Старика, очень к ним привязавшегося. Они жили одной семьей, но особенно близкие дружеские отношения создались между Тарасом и молодым Оршиным.

В возникновении дружбы есть что-то своеобразное и нелегко поддающееся определению. Возможно, в основе их дружбы лежала противоположность характеров: один был сосредоточен и сдержан, другой - восторжен и экспансивен. А может быть, энергичного, сильного Тараса привлекала к хрупкому юноше, мягкому и впечатлительному, как девушка, потребность помогать и покровительствовать ему. Как бы то ни было, они были почти неразлучны. Но когда другие подсмеивались над Тарасом и над его дружбой, он сердился и говорил, что это не более как привычка, и в его обращении с Оршиным часто появлялась какая-то строгость и сдержанность. Они даже не говорили друг другу "ты", как это в обычае у русской молодежи. Так, всячески скрывая свои чувства, Тарас оберегал своего друга с заботливостью преданной матери.

Однажды, в начале весны, - при однообразном течении времени ссыльным хоть и кажется, что дни тянутся бесконечно долго, но месяцы проходят быстро - оба друга возвращались с прогулки. Они в тысячный раз повторяли те же предположения о вероятности скорого окончания их ссылки и в сотый раз приводили те же доводы в поддержку своих надежд. Они, по обыкновению, обсуждали также возможности побега и, по обыкновению, решали этот вопрос отрицательно. Ни один из них в то время не был склонен бежать. Они хотели еще подождать, считая, что закон о ссылке непременно будет отменен. Оба

были социалисты, но Тарас всецело был за широкую пропаганду в обществе и в массах. Он сознавал в себе недюжинный ораторский талант, любил свое искусство и уже вкусил первые плоды успеха. У него не было никакого желания пожертвовать своими пылкими мечтами о будущем ради подпольной деятельности

члена террористической партии. Поэтому он решил выждать, хотя ему все труднее становилось переносить свое положение и все невыносимее было терпеть.

У Оршина же не было ни капли честолюбия, это чувство было ему даже непонятно. Он являл собой обычный в России тип молодого народника, восторженного почитателя крестьянства. Он хотел в свое время бросить университет, стать учителем в какой-нибудь глухой деревушке и там провести всю жизнь, не стремясь даже оказать какое-нибудь влияние на крестьян - такая возможность казалась ему пределом самонадеянности, - но приобщая их к благам культуры. Его планы были временно расстроены волнениями в университете, в которых ему пришлось принять участие, и это привело его к ссылке в Городишко. Но он не отказался от своих мечтаний. Он хотел даже использовать свой вынужденный досуг, чтобы изучить какое-нибудь ремесло, дававшее бы ему возможность сблизиться с крестьянами, которых он знал только по стихам Некрасова.

Когда друзья возвращались в город, было уже поздно. Рыбаки выходили на свой тяжелый ночной промысел. В розовом отсвете заката видно было, как они чинят сети.

Один из рыбаков запел песню.

- Как они трудятся и все же поют! - воскликнул Оршин с жалостью.

Тарас повернул голову и бросил на рыбаков отсутствующий взгляд.

- Какая чудесная песня! - продолжал Оршин. - Будто душа народа звучит в ней. Она очень мелодична, правда?

Тарас покачал головой и тихо рассмеялся. Но слова Оршина уже возбудили его любопытство, и, подойдя ближе к певцу, он прислушался. Слова песни поразили его. Это, видимо, была старинная былина, и у него вдруг зародилась новая идея. Вот новое занятие, которое поможет скоротать время: он будет собирать народные песни и предания; такой сборник, возможно, явится ценным вкладом в изучение народного песенного творчества и литературы. Он поделился своей мыслью с Оршиным, и тот нашел ее великолепной. Тарас попросил рыбака повторить песню и записал ее.

Оба легли спать в прекрасном настроении, и на следующий день Тарас отправился на поиски новых сокровищ. Он не считал нужным делать секрета из своих намерений. За двадцать лет до этого группа ссыльных открыто занималась подобными изысканиями и обогатила науку неизвестными дотоле образцами фольклора северного края. Но то было одно время, а теперь - другое. Исправник не забыл историю с лекциями. Услышав о новом замысле ссыльных, он рассвирепел и послал за Тарасом. Произошла сцена, которую Тарас не так скоро забыл. Исправник, это грубое животное, этот ворюга, посмел оскорбить его, Тараса, посмел угрожать ему тюрьмой за то, что он якобы "смушал умы" - как будто у этих тупых сплетников есть хоть капля ума! Вся его душевная гордость возмутилась против такой наглости. Он готов был

поколотить своего оскорбителя, но сдержался - его застрелили бы на месте. Это было бы слишком большой победой для этих мерзавцев. Тарас не проронил ни слова, но, когда он вышел из полицейского управления, смертельная бледность, покрывавшая его лицо, показывала, чего стоило это столкновение с исправником и как трудно было ему овладеть собой.

В тот вечер, возвращаясь со своим другом с далекой и молчаливой прогулки, Тарас вдруг сказал:

- Почему бы нам не бежать? Все равно, ведь хуже не будет.

Оршин ничего не ответил. Он не мог сразу принять решение. И Тарас его понял. Он знал, почему Оршин колебался. Ссылные, как и вообще люди, долго живущие вместе, так хорошо понимают друг друга, что ответ на вопрос часто излишен, - они угадывают и мысли, и невысказанные слова.

Оршин был в хорошем расположении духа. В Городишке открыли школу, и должна была приехать молодая учительница, которая, как говорили, будет учить детей "по-новому". Юноша с большим нетерпением ждал ее приезда. Ему приятно было представлять себе, как он познакомится с нею и будет учиться у нее педагогическим приемам. Он согласился бы теперь надолго остаться в Городишке, лишь бы ему позволили помогать ей. Но об этом не могло быть и речи.

Наконец учительница приехала. Она окончила педагогические курсы и первой должна была ввести в Городишке новую систему преподавания. Вся знать города собралась на первом уроке, и все были охвачены таким любопытством, словно школа была зверинцем, а учительница - укротительницей зверей. Оршин не удержался, чтобы тотчас же не познакомиться с нею, и, когда он навестил ее, она встретила его очень приветливо. Страстно преданная своему делу, молодая учительница была от души рада встретить человека, который разделял ее пыл и сочувствовал ее взглядам. После своего первого визита Оршин ушел от учительницы с целой охапкой педагогических книг под мышкой и затем стал часто у нее бывать. Но однажды, придя к ней, он нашел ее в слезах. Девушку без предупреждения уволили с должности "за сношения с политическими ссылными".

Оршин был в отчаянии. Он горячо протестовал против увольнения учительницы, ходатайствовал за нее, уверял, что это он во всем виноват, он искал ее знакомства и она тут ни при чем. Но все было напрасно. Власти и не думали менять свое решение, и несчастная учительница вынуждена была уехать.

Посадив девушку на пароход, Тарас с Оршиным возвращались с пристани. Тарас снова повторил вопрос, который он однажды уже поставил своему другу:

- Ну, разве я не был прав? - сказал он. - Ведь хуже не будет.

- Да, да! - страстно воскликнул юноша.

Обычно он выносил всякие несправедливости с таким терпением и сдержанностью, что это приводило Тараса просто в отчаяние. Но, очевидно, чаша наконец была переполнена.

- Если нас не освободят в эту зиму, мы убежим, - сказал Тарас. - Как вы считаете?

- Да, да, непременно!

Но зима принесла с собой лишь новые бедствия.

Был почтовый день. Писание и получение писем было единственным событием, нарушавшим однообразие застойной жизни Городишка. Ссылные, можно

сказать, только и жили от одного почтового дня до другого. Почта приходила каждые десять дней, то есть три раза в месяц. Хотя по правилам письма не всех ссылных должны были обязательно подвергаться цензуре, но фактически никто из них не был от нее избавлен. Власти мудро рассчитали, что если поставить одного в привилегированное положение, то придется поступить так со всеми, иначе вся корреспонденция будет проходить через руки привилегированного ссылного. Поэтому письма, адресованные ссылным, сначала прочитывались исправником, затем с его печатью отсылались адресатам. Разумеется, их близкие с воли не писали ничего недозволенного, точно они отправляли письма в тюрьму, - каждый понимал, что они пройдут через руки полиции. Но при полнейшем невежестве чиновников этого отдаленного края цензурирование писем вызывало бесконечные пререкания. Какой-нибудь научной фразы или иностранного слова было достаточно, чтобы возникло недоразумение, и долгожданное, горячо желанное письмо исчезало в бездонной яме Третьего отделения. Большинство недоразумений с полицией происходят именно из-за конфискации писем.

Корреспонденцию, отправляемую ссылными из Городишка, постигала та же участь. Чтобы помешать им уклониться от унизительной обязанности, у единственного в городе почтового ящика постоянно стоял на посту городской и без стеснения немедленно завладевал каждым почтовым отправлением, которое ссылный или его квартирная хозяйка пытались опустить в ящик. Несколько копеек заставили бы, конечно, этого молодца закрыть один глаз, а может, и оба. Но какой в этом смысл? Жители Городишка так редко пишут письма, что почтмейстеру прекрасно известен почерк каждого из них, а письмо ссылного он узнает с первого взгляда. Кроме того, переписка местных жителей ограничивается Архангельском - губернским городом и центром торговли и промыслов этого края. Письма же, адресованные в Одессу, Киев, на Кавказ и в другие дальние города, принадлежали исключительно ссылным.

Поэтому, чтобы избежать цензуры, приходилось идти на уловки. И вот однажды Оршину пришло на ум использовать для этой цели книгу, которую он хотел возвратить своему товарищу в Н-ск. Написав на полях большое послание, он так упаковал книгу, чтобы ее нелегко было раскрыть на исписанных им страницах. Он и раньше прибегал к этой хитрости, и всегда с успехом. Но на этот раз из-за случайности дело сорвалось и произошел страшный скандал. Вряд ли нужно говорить, что Оршин не написал ничего особенно важного. Да и что может быть у ссылного такого особенного или важного? Но дело в том, что, сочиняя письмо, Оршин был в шутливом настроении и саркастически, в нелестном свете изобразил чиновное общество Городишка, причем, как легко можно себе представить, исправник и его супруга оказались не на последнем месте. Исправник, раскрыв тайну книги, был вне себя от ярости. Он примчался

на квартиру наших друзей и, войдя, взорвался, как бомба.

- Господин Оршин, одевайтесь немедленно. Вы сейчас же отправитесь в тюрьму.

- Но почему? Что случилось? - спросил молодой человек в крайнем удивлении.

- Вы послали тайную корреспонденцию в газеты с целью выставить на посмешище официальные власти и тем самым вызвать неуважение к ним и потрясение основ существующего порядка.

Тут друзья поняли, в чем дело, и готовы были расхохотаться в лицо исправнику, но им было не до смеха. Надо было защитить товарища и отстаять свои права.

- Оршин не пойдет в тюрьму. Вы не имеете права арестовать его, - твердо сказал Тарас.

- Я не с вами говорю, и извольте молчать. А вы, господин Оршин, поторапливайтесь.

- Мы не позволим забрать Оршина в тюрьму, - повторил Тарас, глядя исправнику прямо в лицо.

Он говорил медленно и очень решительно, что всегда было признаком его сильного гнева.

Все поддержали Тараса, и начался горячий спор. Между тем другие ссыльные, узнав о случившемся, тотчас же прибежали и присоединились к протесту товарищей. Тарас встал у двери. Не слушая настойчивых просьб Оршина не подвергать себя из-за него опасности, товарищи не хотели его отпускать.

- Если вы посадите его в тюрьму, то сажайте нас всех туда, - кричали они.

- И тогда мы разнесем ваш старый барак, - сказал Тарас.

Дело начало принимать скверный оборот, потому что исправник грозил позвать жандармов и применить силу. Тогда Оршин заявил, что отдает себя в руки полиции, и друзья вынуждены были его отпустить.

Оршина продержали под стражей только два дня, но это происшествие еще более обострило отношения между ссыльными и полицией. Ссыльные мстили единственно доступным им способом. Дело в том, что исправник испытывал панический, почти суеверный страх перед критикой в газетах, и ссыльные решили нанести ему удар в самое чувствительное место. Они написали о нем юмористическую корреспонденцию, и им удалось переслать ее окольными путями в редакцию одной петербургской газеты. Корреспонденция дошла по назначению и появилась в печати. Она не только попала в цель, но и вызвала страшный переполох. Сам губернатор был разгневан и назначил расследование. Во многих квартирах ссыльных были сделаны обыски, чтобы найти "следы преступления". А так как виновников не обнаружили, то всех ссыльных обвиняли подряд и стали подвергать всякого рода мелочным придирикам, особенно в отношении переписки. Полиция требовала теперь строгого соблюдения каждого параграфа Правил, в то время как прежде допускались всякие послабления.

Первым пострадал от этих перемен Лозинский. Снова встал извечный вопрос о его праве заниматься врачебной практикой. Спор об этом шел с самого прибытия доктора в Городишко. Ему отказывали в праве лечить людей

под тем предлогом, что он может воспользоваться своей профессией для ведения политической пропаганды. Однако, когда заболел кто-нибудь из начальников или членов их семей, доктора часто приглашали; его профессиональная деятельность фактически допускалась, хотя официально ее не признавали. А теперь исправник заявил ему напрямик, что, если он не будет строго подчиняться правилам, о его неповиновении будет доложено губернатору. Он, исправник, вовсе не намерен потерять свой пост, "чтобы доставить удовольствие доктору Лозинскому".

С другими ссыльными обращались не с большей деликатностью. Установленный за ними полицейский надзор стал просто невыносим. Им не разрешалось больше гулять за чертой жалкого городка, превратившегося для них в тюрьму. Их непрестанно изводили назойливыми полицейскими посещениями,

- это было как переключка в тюрьме. Не проходило ни одного утра, чтобы не явился городской справиться об их здоровье. Через день они обязаны были являться в полицейское управление и отмечаться в особой книге. В конце концов, это была та же тюрьма, хотя и без камер, окруженная бескрайней пустыней, отрезавшей Городишко от всего мира надежнее, чем гранитные стены. Вдобавок полиция ни на минуту не спускала глаз с ссыльных. Стоило кому-нибудь из них появиться на улице, как за ним уже следили один или два полицейских. Куда бы они ни шли, кого бы ни навещали, кто бы к ним ни приходил, за ними неотступно наблюдали исправник и его жандармы.

Все это приводило ссыльных в глубокое уныние; не осталось уже почти никаких надежд на изменение их положения к лучшему. Напротив, они скорее могли ожидать ухудшения своей участи. От секретаря исправника они узнали, что в Архангельске над их головами собиралась гроза. Они навлекли на себя неудовольствие губернатора, и, возможно, некоторых из них вскоре отправят в другое место, еще дальше на север.

При таких условиях невозможно было дольше колебаться. Тарас и Оршин сообщили своим товарищам по коммуне, а затем и всей колонии, что они решились на побег. Их решение было встречено всеобщим одобрением, и еще четверо товарищей захотели присоединиться к ним. Но так как всем шестерым нельзя было бежать одновременно, условились, что они будут уходить по двое. Тарас и Оршин должны были быть первой парой, Лозинский и Урсич - второй, а третьей - двое более старых ссыльных.

В колонии теперь не говорили ни о чем другом, как о побеге. Весь общий денежный фонд был предоставлен в распоряжение беглецов, и, чтобы увеличить его хоть на несколько рублей, ссыльные подвергали себя величайшим лишениям. Конец зимы прошел в обсуждении различных планов побега и приготовлениях к великому событию.

х х х

Кроме политических ссыльных в Городишке проживали еще человек двадцать ссыльных уголовников - воры, мелкие жулики, проворовавшиеся чиновники и

тому подобная публика. С этими мошенниками обращение было куда более снисходительное, чем с политическими. Их переписка не проходила цензуру, и, до тех пор пока они были чем-то заняты, их оставляли в покое. Но они не особенно стремились работать, предпочитая жить попрошайничеством и мелким воровством. Власти, выказывавшие величайшую суровость по отношению к политическим ссыльным, весьма снисходительно относились к этим жуликам; очевидно, их связывала с ними общность интересов, да они получали от них еще и дань.

Эти уголовники - бич для всего края. Иногда они образуют целые шайки. Один город - Шенкурск - они фактически держали в осаде. Никто не смел ни приехать туда, ни выехать оттуда, не уплатив мошенникам калыма. В Холмогорах они так обнаглели, что их удалось призвать к порядку лишь после того, как туда прибыл сам губернатор Игнатъев. Он вызвал бандитов к себе и прочитал им отеческое наставление по поводу их дурного поведения. Они слушали его с величайшим вниманием, обещали исправиться, а когда уходили из губернаторской приемной, прихватили с собой самовар. Так как самовар был очень хороший, а полиции не удалось его обнаружить, ворами было отправлено мирное послание и были начаты переговоры о возвращении украденного добра. В конце концов губернатор выкупил свой самовар, уплатив ворами пять рублей.

Взаимоотношения между обеими группами ссыльных были несколько своеобразные. Жулики испытывали глубокое уважение к политическим и оказывали им разные услуги, что не мешало им, однако, при случае обманывать своих товарищей по несчастью и таскать у них деньги.

Но так как за ворами надзор был гораздо слабее, чем за политическими, Урсичу пришла в голову мысль воспользоваться их помощью для предполагаемого побега. Однако если этот план имел много преимуществ, то у него был и большой недостаток. Воры в большинстве своем были отпетые пропойцы, и на них нельзя было положиться. Все же кого-нибудь из них необходимо было привлечь к этому делу, и ссыльные долго обсуждали, как быть.

- Нашел! - воскликнул однажды Лозинский. - Я нашел нужного нам человека. Это Ушимбай.

- Султан?

- Он самый. Как раз он может нам помочь.

Доктор излечил Ушимбая от грудной болезни, которой степные кочевники всегда подвержены, когда попадают на ледяной север. С той поры султан относился к своему благодетелю со слепой преданностью пса хозяину. Ему можно было довериться: он был простой и честный, настоящее дитя природы.

Коммуна пригласила Ушимбая к чаю, и ему объяснили, чего от него хотят. Он согласился без колебаний и всей душой отдался плану побега. Так как он пользовался гораздо большей свободой, чем политические ссыльные, ему разрешили вести небольшую торговлю скотом, и время от времени он ездил по окрестным деревням, где у него были знакомые среди крестьян. Поэтому он имел возможность довести беглецов до определенного места на первом этапе их побега. Горя желанием помочь доктору и его друзьям, единственным людям в Городишке, относившимся к нему дружелюбно, добрый малый презирал опасность, угрожавшую ему за содействие беглецам.

Нет надобности рассказывать подробно о побеге, который вначале вполне удался. Ушимбай великолепно справился со своей задачей и вернулся с вестью о благополучном прибытии беглецов в первый пункт на их пути - Архангельск.

Неделя прошла спокойно. Но вдруг среди полицейских стала замечаться необычайная активность. Это был дурной знак, и ссыльные испугались, не случилась ли беда с беглецами. Предчувствие их не обмануло. Несколько дней спустя они узнали от секретаря исправника, что в Архангельске беглецы навлекли на себя подозрения жандармов; им удалось было уйти от них, но полиция снарядила за ними погоню. Через пять дней, совершенно обессиленные перенесенными страшными испытаниями, полумертвые от усталости и голода, они попали в руки жандармов. С ними обращались с крайней жестокостью; Оршина избил до потери сознания. Тарас защищался со своим револьвером, но его схватили, разоружили и заковали в кандалы. Затем обоих бросили на телегу и привезли в Архангельск, где Оршина поместили в тюремную больницу.

Это известие поразило ссыльных, как удар грома, и повергло их в глубокую скорбь. Долго они сидели в тяжелом молчании, и каждый боялся взглянуть товарищу в лицо, чтобы не увидеть на нем отражения собственного отчаяния. В следующие дни каждая вещь, каждое происшествие вызывали в памяти несчастных друзей, которые общностью страданий стали им столь близкими и родными. Только теперь, потеряв их, ссыльные поняли, как они были им дороги.

Для одного из трех оставшихся членов коммуны пережитое несчастье имело совсем непредвиденные последствия. Вечером, на третий день после получения роковой вести, товарищи уговорили Старика, глубоко подавленного случившимся, пойти навестить одного из старых друзей. Его ждали домой около одиннадцати, но наступил двенадцатый час, а его все не было. Когда ударило двенадцать, наружная дверь вдруг отворилась и в коридоре раздались неверные шаги. Это не мог быть Старик, он никогда не ходил спотыкаясь. Урсич вышел, держа свечу над головой, чтобы посмотреть, кто незваный гость, и при мигающем свете свечи увидел фигуру человека, беспомощно прислонившегося к стене. Это был Старик, мертвецки пьяный. Он впервые был в таком состоянии с тех пор, как жил в коммуне. Товарищи втащили его в комнату, и забота о нем до некоторой степени облегчила бремя их горестей.

х х х

Следующий год был отмечен многими печальными событиями. Тараса судили за вооруженное сопротивление полиции и приговорили к вечной каторге. Оршина, еще не излечившегося от ран, перевезли в селение самоедов под 70 градусом северной широты, где земля оттаивает только на шесть недель в году. Лозинский получил от него душераздирающее письмо, полное дурных предчувствий. Бедняга был очень болен. Его так измучила грудная болезнь, что он теперь ни на что не способен. "И вас тут нет, чтобы научить меня уму-разуму", - писал Оршин. Зубы, продолжал он, изменили ему и обнаруживают большую склонность исчезнуть изо рта. Это был намек на цингу, болезнь

роковую в полярных районах. В одном селении с Оршиным находился и другой ссыльный, тоже водворенный туда за попытку к бегству. Оба они вели жалкое и голодное существование, не имея часто ни мяса, ни хлеба. Оршин отказался от всякой надежды когда-либо снова увидеть своих друзей. Если бы даже ему представилась возможность бежать, он не мог бы ею воспользоваться - так он физически ослаб. Он закончил свое письмо словами: "Этой весной, надеюсь, я умру". Но он умер еще раньше назначенного себе срока. Его смерть была окутана тайной; нельзя было в точности узнать, умер ли он естественной смертью, или сам положил конец своим мукам, лишив себя жизни.

Между тем положение ссыльных в Городишке становилось все нестерпимее. После побега двух друзей издевательства тюремщиков приняли еще более злобный характер, а надежды вернуться к свободе и цивилизации почти исчезли. По мере усиления революционного брожения в стране жестокость царского правительства по отношению к тем, кто находился в его власти, приняла еще большие размеры. Чтобы устранить дальнейшие попытки к бегству, был издан указ, что всякая такая попытка будет караться высылкой в Восточную Сибирь.

Но побеги все равно совершались. Едва только полиция Городишка, устав от собственного рвения, несколько ослабила свою бдительность, как бежали Лозинский и Урсич. Это было отчаянное предприятие, ибо у них было так мало денег, что об успехе побега почти нельзя было и думать. Но Лозинский не мог больше ждать. Его каждый день могли перевести в другое место в наказание за то, что он не смог отказать матери излечить ее больного ребенка, а несчастному мужу - помочь его лежавшей в лихорадке жене.

Судьба не благоприятствовала беглецам. В пути им пришлось расстаться, и после этого о Лозинском больше не было известий - он исчез бесследно. О его участи можно было лишь гадать. Он шел по лесу пешком и мог сбиться с пути. Он мог умереть от голода или стать добычей волков, которыми кишат леса в тех краях.

Урсичу сначала больше повезло. Так как у него не хватило средств, чтобы добраться до Петербурга, он в Вологде нанялся простым рабочим и трудился там, пока не собрал немного денег, чтобы продолжать путешествие. Но в ту минуту, когда он уже входил в вагон поезда, его узнали, арестовали и впоследствии приговорили к бессрочной ссылке в Якутскую область.

Когда он под конвоем солдат вместе с товарищами по несчастью шел по омытому слезами сибирскому тракту, то недалеко от Красноярска увидел вдруг летевшую на всех парах почтовую тройку. Лицо сидевшего в карете хорошо одетого господина в треугольной шляпе показалось ему знакомым. Он взглянул на него в упор и едва мог подавить крик радости, узнав в путешественнике своего друга Тараса! Да, это был Тарас, он не мог ошибиться. На этот раз Тарасу действительно удалось бежать, и он мчался в Россию со всей стремительностью, на которую была способна увозившая его тройка.

В мгновение ока карета пронеслась мимо и исчезла в облаке пыли. Но в этот короткий миг - почудилось ли Урсичу, или это было вправду - ему показалось, что он поймал понимающий взгляд своего друга и что на его энергичном лице промелькнула вспышка сострадания.

А Урсич, с сияющим лицом и горящими глазами, поглядел вслед умчавшейся

тройке, вложив всю душу в свой прощальный взгляд. Как вихрь перед его мысленным взором пронесли все горести, которые воскресило в памяти его лицо, и он, словно глядя в пропасть, увидел перед собой мрачное будущее, ожидающее его и товарищей. И, глядя вслед исчезающей тройке, уносившей его друга, он пожелал счастья этому мужественному, сильному человеку, всем сердцем надеясь, что он сумеет отомстить за нанесенное ему зло.

Действительно ли Тарас узнал Урсича в закованном каторжнике на обочине дороги, мы не можем сказать. Но мы знаем, что он честно выполнил дело, безмолвно порученное ему другом.

В Петербурге Тарас вступил в революционную партию и в течение трех лет страстно боролся там, где борьба была всего опаснее. Когда же наконец его схватили и приговорили к смертной казни, он мог с гордостью и полным правом сказать, что исполнил свой долг. Но его не повесили. Приговор был заменен пожизненным заточением в Петропавловской крепости, и там он погиб.

Так по истечении пяти лет из маленькой семьи, возникшей в далеком северном городке, остался в живых, то есть свободным от цепей, всего один человек. Это - Старик. Он все еще находится в Городишке, живя без надежды и без будущего, не желая даже покидать это жалкое местечко, в котором так долго прожил, ибо в том состоянии, в какое его привела ссылка, бедняга уже ни на что не был годен.

х х х

Моя повесть окончена. Она отнюдь не весела и не забавна, но она правдива. Я просто попытался воспроизвести реальную картину жизни в ссылке. Сцены, описанные мной, неизменно повторяются в Сибири и в северных городках, обращенных царизмом в настоящие тюрьмы. Случались и худшие вещи, чем те, которые я изобразил. Я рассказал лишь о заурядных случаях, не желая воспользоваться правом, данным мне художественной формой, в которую я облек этот очерк, чтобы сгущать краски ради драматического эффекта.

Доказать это нетрудно - стоит лишь привести несколько выдержек из официального доклада лица, которое никто не станет обвинять в преувеличении, - генерала Баранова, бывшего ранее петербургским градоначальником, а теперь нижегородского губернатора. В течение некоторого времени он был губернатором в Архангельске. Пусть читатель сам увидит между строк сухого документа слезы, горе и трагедии, отразившиеся на его страницах.

Привожу текст донесения дословно, сохраняя условности слога, принятого у русских сановников в официальном отчете царскому правительству.

"Из опыта прошлых лет и из моих лично наблюдений, - пишет генерал, - я пришел к убеждению, что административная ссылка по политическим причинам гораздо скорее может еще более испортить и характер и направление человека, чем поставить его на истинный путь (а ведь последнее официально признавалось целью высылки). Переход от обеспеченной вполне жизни к

существованию, полному лишений, от жизни в обществе к полнейшему отсутствию

такового, от более или менее деятельной жизни к вынужденному бездействию производит настолько губительное влияние, что нередко, особенно за последнее время (заметьте!), стали попадаться между политическими ссылками случаи помешательства, попытки к самоубийству и даже самоубийства. Все это является прямым результатом тех ненормальных условий, в которые ставит развитую в умственном отношении личность ссылка. Не было еще случая, чтобы человек, заподозренный в политической неблагонадежности на основании действительно веских данных и сосланный административным порядком, вышел

из нее примиренным с правительством, отказавшимся от своих заблуждений, полезным членом общества и верным слугой престола. Зато вообще нередко случается, что человек, попавший в ссылку вследствие недоразумения (какое замечательное признание!) или административной ошибки, уже здесь, на месте, под влиянием частью личного озлобления, частью вследствие столкновения с действительно противоправительственными деятелями и сам делался неблагонадежным в политическом отношении. В человеке, зараженном антиправительственными идеями, ссылка всей своей обстановкой способна только усилить это заражение, обострить его, из идейного сделать практическим, то есть крайне опасным. Человеку, не повинному в революционном движении, она в силу тех же обстоятельств прививает идеи революции, то есть достигает цели, обратной той, для чего она установлена. Как бы ссылка административным порядком ни была обставлена с внешней стороны, она всегда вселяет в ссылаемого непреодолимую идею об административном произволе, и уж это одно служит препятствием к достижению какого бы то ни было примирения и исправления".

Откровенный генерал вполне прав. Все, кому удавалось бежать из ссылки, почти без исключения вступали в ряды революционной террористической партии. Административная ссылка как исправительная мера - нелепость. Генерал Баранов, должно быть, весьма простодушен, если допускает, что правительство не отдает себе в этом полного отчета или хотя бы на минуту верит в воспитательную силу своей системы. Административная ссылка одновременно и наказание, и грозное оружие самозащиты. Те, кто спаслись из ссылки, действительно превращаются в непримиримых врагов царизма. Но ведь еще вопрос, - не стали ли бы они его врагами, если бы не были сосланы. Есть много революционеров и террористов, никогда не подвергавшихся этому испытанию. На каждого бежавшего из ссылки приходится сотня, которая остается и погибает безвозвратно. Из этой сотни большинство совершенно невинны, но десять или пятнадцать, а может быть, и двадцать пять - несомненные враги правительства или в очень короткий срок становятся ими; и если они погибают вместе с другими, тем лучше, тем меньше врагов.

Единственный практический вывод, который граф Толстой мог бы сделать из наивного донесения генерала, - это тот, что приказ о ссылке отменять ни в коем случае не следует, и этот принцип царское правительство неуклонно проводит в жизнь.

ПОГУБЛЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Мы до сих пор ограничивались описанием административной ссылки в самой умеренной ее форме, какую она приняла в северных губерниях Европейской России. Мы ничего еще не рассказали о сибирской ссылке вообще, особенность которой заключается в бессмысленной жестокости низших полицейских чинов, превратившихся в таких деспотов благодаря системе каторжных лагерей, существующих в Сибири со времени присоединения ее к царской империи.

В последние годы царствования Александра II широкое распространение получила другая форма ссылки - в Восточную Сибирь. Она применяется и поныне, и, хотя размеры настоящей книги не позволяют нам подробнее остановиться на этом вопросе, он слишком важен, чтобы совершенно его опустить. Как читатель, наверное, помнит, рассказывая о людях, в отношении которых был допущен неслыханный полицейский произвол, - докторе Белом, Южакове, Ковалевском и других - я отмечал, что все они были высланы в Восточную Сибирь, в Якутскую область, совершенно необычайный край, еще гораздо более отличающийся от остальной Сибири, чем Сибирь отличается от Европейской России.

Не буду утомлять читателя описанием этой почти неведомой полярной области, но просто приведу статью, появившуюся в еженедельнике "Земство" в феврале 1881 года. Эта статья передает содержание нескольких писем о жизни ссыльнопоселенцев в Якутской области, опубликованных в различных русских газетах в короткий период либерализма, начавшийся с установлением диктатуры Лорис-Меликова.

"К тяжелым условиям административной ссылки в Европейской России мы успели привыкнуть и приглядеться благодаря воловьему терпению русского человека. Но о положении административных ссыльных за Уральским хребтом, в Сибири, мы до последнего времени почти ничего не знаем. Это неведение весьма просто объясняется тем, что до конца семидесятых годов очень редко бывали случаи административных высылки в Сибирь. Прежде мы были несравненно

гуманнее. Нравственное чувство, не заглушенное под влиянием политических страстей, не позволяло без суда, по административному решению высылать людей в ту страну, название которой в представлении русского человека сделалось синонимом каторги. Но вскоре администрация, ничем не стесняясь, стала рассылать людей по таким местам, одно название которых вызывает чувство ужаса.

Даже пустынная Якутская область и та стала заселяться ссыльными. По-видимому, следовало бы ожидать, что если люди высылаются в Якутскую область, то это должны быть весьма важные преступники. Но о таких важных преступниках обществу до сих пор ничего не известно, а между тем уже появилось в печати несколько никем не опровергнутых сообщений, доказывающих, что в основании таких высылки лежали какие-то странные,

необъяснимые мотивы. Так, господин Владимир Короленко еще в прошлом году рассказал в "Молве" свою печальную историю с единственной, по его словам, целью вызвать разъяснение: за что, за какие неизвестные преступления он чуть не попал в Якутскую область?

В 1879 году в его квартире были сделаны два обыска, причем не было найдено ничего компрометирующего, но тем не менее он был выслан в Вятскую губернию, не зная причин высылки. Прожив около пяти месяцев в городе Глазове, он удостоился внезапного посещения исправника, который сделал в квартире обыск, но, не найдя ничего подозрительного, объявил нашему ссыльному, что он высылается в совершенно неудобное для культурного человека селение Березовские Починки. Через несколько времени в эти несчастные Починки вдруг являются никогда не виданные здесь жандармы, забирают господина Короленко со всем его домашним скарбом и увозят в Вятку. Здесь его продержали пятнадцать дней в остроге, ни о чем не допрашивая и ничего не разъясняя ему, и наконец отвезли в Вышневолоцкую тюрьму, откуда только один путь - в Сибирь.

К счастью, эту тюрьму посетил член верховной комиссии князь Имеретинский, к которому Короленко обратился с просьбой разъяснить: куда и за что высылают его? Князь был настолько любезен и человеколюбив, что не отказался дать бедняге ответ на основании официальных документов. По этим документам оказалось, что Короленко высылается в Якутскую область за побег из ссылки, который он в действительности никогда не совершал.

В это время верховная комиссия уже начала пересмотр дел о политических ссыльных, стали выходить на свет божий возмутительные неправды прежней администрации, и в судьбе Короленко совершился благодетельный перелом. В Томской пересыльной тюрьме было объявлено ему и еще нескольким таким же беднякам, что пятеро из них получают полную свободу, а другие пятеро возвращаются в Европейскую Россию.

Впрочем, далеко не все так счастливы, как Короленко. Иные и до сих пор продолжают испытывать прелести жизни близ полярного круга, хотя преступления их немного разнятся от преступления Короленко.

Например, якутский корреспондент "Русских ведомостей" рассказывает, что в Верхоянске живет ссыльный юноша, судьба которого поистине замечательна. Он был студентом первого курса Киевского университета. За беспорядки, бывшие в университете в апреле 1878 года, он был выслан под надзор полиции в Новгородскую губернию, которая считается менее отдаленной губернией и куда поэтому высылаются люди, наименее скомпрометированные в глазах властей. Даже тогдашняя строгая администрация не придала делу юноши никакого серьезного политического значения, что доказывается переводом его из Новгородской в более теплую и лучшую во всех отношениях Херсонскую губернию. Наконец, ко всему этому нужно прибавить еще то обстоятельство, что в настоящее время по распоряжению Лорис-Меликова почти все студенты Киевского университета, высланные под надзор полиции в города Европейской России за студенческие истории, получили свободу с правом опять поступить в университеты. А один из этих киевских студентов и до сих пор живет в ссылке в Якутской области, куда попал, в сущности, потому лишь, что высшая администрация нашла возможным облегчить его участь переводом из

Новгородской в Херсонскую губернию. Дело в том, что когда одесский генерал-губернатор Тотлебен проводил очистку вверенного ему края от неблагонамеренных элементов посредством высылки в Сибирь всех лиц, состоявших под надзором полиции, то и бывший киевский студент подвергся той же участи за то лишь, что имел несчастье состоять под надзором полиции не в Новгородской, а Херсонской губернии.

Другой, не менее поразительный случай высылки в Восточную Сибирь рассказан в "Московском телеграфе". По словам этой газеты, высылке подвергся Бородин, поместивший в петербургских журналах несколько статей по вопросам экономическим и земским. Он жил в Вятке под надзором полиции и раз, бывши в театре, поспорил из-за места с помощником квартального надзирателя Филимоновым. Во время спора полицейский чиновник ударил Бородина в грудь на глазах многочисленной публики. И этот-то удар имел решающее влияние на судьбу не обидчика, а обиженного. Помощник квартального надзирателя не получил от начальства даже простого выговора, а Бородин был заключен в тюрьму. Много стоило Бородину хлопот, чтобы при помощи связей и заступничества освободиться от тюремного заключения. Но пользоваться свободой ему пришлось очень недолго, потому что вскоре он был отправлен этапным порядком в Восточную Сибирь.

За что же, однако, был выслан Бородин, если столкновение с помощником квартального надзирателя благополучно окончилось освобождением от тюремного заключения? Если мы не ошибаемся, ответ на этот вопрос находится в сообщении "Русских ведомостей" о высланном из Вятки авторе статей, помещенных в "Отечественных записках", "Слове", "Русской правде" и других журналах. Автор этих статей не назван по имени, и о нем сообщается только, что, живя в Вятке, "он совершил великое преступление в глазах местных властей. Когда начальство утверждало, что вверенная ему губерния благоденствует, он цифрами и фактами доказывал, что губерния эта не только не благоденствует, но даже голодает". Этот беспокойный и неприятный властям человек два раза был подвергнут полицейскому обыску, и наконец в его бумагах была найдена приготовленная для печати статья, которая будто бы была причиной высылки автора в Восточную Сибирь.

После продолжительного этапного путешествия в арестантском халате с бубновым тузом на спине наш писатель прибыл в Иркутск и здесь имел удовольствие получить "Отечественные записки", где целиком, без сокращений и пропусков, напечатана статья, бывшая причиной его ссылки.

Теперь посмотрим, что представляет собой жизнь человека, сосланного в Якутскую область.

Прежде всего следует обратить внимание на удобство сообщения с центральным правительством. Если ссыльный, живущий в Колымске, вздумает подать графу Лорис-Меликову прошение об освобождении из ссылки, то это прошение будет идти по почте до Петербурга один год. Другой год необходим для того, чтобы из Петербурга дошел до Колымска запрос к местному начальству о поведении и образе мыслей ссыльного. В течение третьего года будет путешествовать в Петербург ответ колымского начальства, что нет препятствий к освобождению ссыльного. Наконец, на исходе четвертого года, получат в Колымске министерское предписание об освобождении ссыльного.

Если ссыльный не имеет ни родового, ни благоприобретенного имущества и до ссылки жил умственным трудом, на который нет спроса в Якутской области, то в течение четырех лет, когда почта успеет совершить четыре оборота между Петербургом и Колымском, он по меньшей мере четыреста раз рискует умереть с голоду. От казны выдается ссыльным дворянам пособие по шесть рублей в месяц, а между тем пуд ржаной муки стоит в Верхоянске пять-шесть рублей, а в Колымске - девять рублей. Если малопривычный для образованного человека неблагодарный физический труд, или помощь с родины, или, наконец, поданная "Христа ради" милостыня спасут ссыльного от голодной смерти, то убийственный полярный холод наградит его на всю жизнь ревматизмом, а слабогрудого совсем сведет в могилу. Образованного общества совсем нельзя найти в таких городах, как Верхоянск и Колымск, где насчитывается жителей: в первом - 224 человека, а во втором - немного более, да и те большей частью или инородцы, или обывородившиеся, потерявшие свою национальность русские.

Но это еще счастье для ссыльного, если он попадает на житье в город. В Якутской области существует еще другой, такой жестокий, такой варварский, вид ссылки, о котором русское общество до сих пор не имело понятия и о котором оно в первый раз узнало из сообщения якутского корреспондента "Русских ведомостей". Это "ссылка по улусам", то есть расселение административных ссыльных в одиночку по разбросанным и нередко отстоящим на

много верст одна от другой юртам якутов. В корреспонденции "Русских ведомостей" приведен следующий отрывок из письма улусного ссыльного, живо рисующий ужасное положение интеллигентного человека, безжалостно заброшенного в юрту.

"Казачи, привезшие меня из Якутска, уехали, и я остался один среди якутов, ни слова не понимающих по-русски. Они вечно за мной следят, боясь, если я уйду от них, своей ответственности перед начальством. Выйдешь из душевной, одиноко стоящей юрты пройтись - за тобой уже следит подозрительный якут. Берешь в руки топор остругать себе палку - боязливый якут жестами и мимикой просит тебя оставить его и идти лучше в юрту. Входишь туда: перед печкой сидит, снявши всю одежду, якут и ищет вшей - красивая картина! Якуты живут зимой вместе с рогатым скотом, часто даже не отделяясь от него тонкой перегородкой. Помет скота и детей в юрте, чудовищная неопрятность и грязь, гниение соломы и тряпок на постели, разные насекомые в огромном количестве, душный донельзя воздух, невозможность сказать два слова по-русски - все это положительно может свести с ума. Пищу якутскую есть почти невозможно: она неопрятно приготовлена, часто из тухлых продуктов, без соли, с непривычки от нее делается рвота. Посуды и одежды своей они вовсе не имеют, бань у них нет нигде, всю зиму - восемь месяцев - ходишь не чище якута.

Отлучаться мне куда нельзя, а в сам город за двести верст отсюда - тем более. Живу я поочередно у жителей: у одного - полтора месяца, потом идешь на тот же срок к другому и так далее. Читать нечего, ни книг, ни газет; я ничего не знаю, что делается на свете".

Дальше этого жестокость не может идти, дальше остается только привязать человека к хвосту необузданного коня и погнать в степь или

сковать живого человека с трупом и бросить на произвол судьбы. Не хочется верить возможности, чтобы человек без суда, по одному административному распоряжению подвергался таким тяжелым мучениям.

В особенности кажется странным до невероятия уверение корреспондента "Русских ведомостей", что до сих пор никто еще из сосланных в Якутской области не получил никакого облегчения, а, напротив, в последнее время сюда прибыли еще десятки административных ссыльных, которые большей частью размещены по улусам, а впереди ожидается прибытие новых ссыльных*.

---

* Этот отчет об условиях административной ссылки в Якутской области полностью подтверждается недавно вышедшей книгой Мельвиля "В дельте Лены".

(Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Несколько слов о притворной недоверчивости автора статьи. Ведь это лишь обычный прием русской подцензурной печати - выражать так непрямо и бесстрастно свое неодобрение действий правительства. "Земство", как знает каждый русский человек, читавший указанную статью, ни на минуту не сомневалось как насчет сообщавшегося прибытия означенных десяти ссыльных, так и ожидаемых дальнейших прибытий, упомянутых корреспондентом "Русских ведомостей".

Это, несомненно, крайний предел, до которого дошла официальная система административной ссылки в том виде, как она организована в России. "Земство" совершенно право - дальше идти некуда. После приведенных мной фактов теперь уже могут говорить одни лишь цифры. Обратимся же к свидетельству цифр.

Административная ссылка произвела гораздо более глубокие опустошения, чем суды. По данным, опубликованным в "Вестнике народной воли" в 1883 году, за время с апреля 1879 года, когда в России было введено военное положение, до смерти Александра II в марте 1881 года происходило сорок политических процессов и число обвиняемых достигло 245 человек, из них 28 были оправданы и 24 приговорены к незначительным мерам наказания. Но за этот же период из одних только трех южных сатрапий - Одессы, Киева и Харькова, - по документам, имеющимся в моем распоряжении, было выслано в различные города, в том числе в Восточную Сибирь, 1767 человек.

На протяжении двух царствований число политических заключенных, приговоренных по 124 процессам, составило 841, причем добрая треть наказаний была почти только условна. Официальных статистических данных, относящихся к административной ссылке, у нас нет, но, когда при диктатуре Лорис-Меликова правительство попыталось опровергнуть обвинение в том, что в ссылку отправлена половина России, оно признало пребывание в различных частях империи 2873 ссыльных, из которых все, кроме 271, были высланы в короткий период времени - с 1878 по 1880 год. Если не будем делать скидки на естественное нежелание правительства признать всю меру своего позора; если позабудем, что из-за множества начальников, обладающих правом издавать распоряжение о высылке в административном порядке по собственному усмотрению, никому не отдавая об этом отчета, центральное правительство

само не знает, каково число его жертв;* если, не замечая всего этого, мы будем считать, что число этих жертв составляет примерно три тысячи - действительное число ссыльных в 1880 году, - то для последующих пяти лет беспощадных репрессий мы должны удвоить это число. Мы не погрешим против истины, предположив, что за время двух царствований общее число ссыльных достигало от шести до восьми тысяч. На основе сведений, полученных редакцией "Народной воли", Тихомиров подсчитал, что число арестов, произведенных до начала 1883 года, составляет 8157, а ведь в России в девяти случаях из десяти за арестом следует высылка или еще худшее.

---

* См книгу М.Леруа-Болье о России, том II. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Но нам, в сущности, незачем задерживаться на статистике наказаний. Несколько тысяч ссыльных больше или меньше - это не меняет картины. Важнее то, что в стране, столь бедной интеллигенцией, все, что было в ней самого благородного, великодушного и одаренного, похоронено с этими шестью или восемью тысячами ссыльных. Все ее жизненные силы сосредоточены в этой массе людей, и если их число достигает не двенадцати или шестнадцати тысяч, то только потому, что народ просто не в силах дать столько.

Читатель уже видел, какие причины кажутся правительству достаточными для оправдания высылки человека. Не будет преувеличением сказать, что одни только шпионы да еще сотрудники катковских "Московских ведомостей" могут считать себя в безопасности от этой угрозы. Чтобы заслужить высылку, не обязательно быть революционером, вполне достаточно не одобрять целиком и полностью политики и действий царского правительства. При таких условиях образованный, честный человек скорее будет сослан, чем спасется.

Ссылка в любой ее форме - будь то жизнь среди якутов или высылка в северные губернии - за немногими исключениями означает неминуемую гибель обреченного и совершенное разрушение его будущности. Для зрелого человека, имеющего уже профессию или занятие, - ученого или известного писателя - ссылка неизбежно является страшным бедствием, приводящим к лишению всех жизненных удобств, утрате семьи, потере работы. Однако, если он обладает энергией и силой характера и не погибнет от пьянства или нужды, он, возможно, выживет. Но для юноши, обычно только еще студента, не имеющего профессии и не достигшего полного развития своих способностей, ссылка является просто роковой. Если даже он не погибнет физически, то его моральная гибель неизбежна. А ведь молодые составляют девять десятых наших ссыльных, и они подвергаются наиболее жестокому обращению.

Что касается возвращения ссыльных, то оно обставляется правительством чрезвычайными строгостями. Верховная комиссия, назначенная Лорис-Меликовым,

освободила всего 174 человека, и двойное количество тотчас же заступило их место. Этот факт подтверждается и в книге Леруа-Болье "Много шума из ничего". Если даже несколько человек из политических ссыльных после многих лет изгнания по счастливой случайности или с помощью влиятельных друзей и

без того, чтобы быть вынужденными купить свою свободу трусливым лицемерием

притворного раскаяния, и вернулись из ссылки, то с момента их возвращения к активной жизни их преследует подозрительное полицейское око. По малейшему поводу им снова наносится удар, и на этот раз уж нет больше надежды на спасение.

Сколько изгнанников! Сколько погубленных жизней!

Деспотизм Николая убивал людей, уже достигших зрелости. Деспотизм двух Александров не давал им возмужать, набрасываясь саранчой на юные поколения, на молодую поросль, едва только показавшуюся из земли, чтобы пожрать эти нежные всходы. Какую другую причину можем мы найти безнадежному бесплодию

нынешней России в любой области духовной жизни? Наша современная литература, правда, гордится великими писателями, даже гениями, достойными занять высочайшие вершины в самую блестящую эпоху литературного развития любой страны. Но творчество этих писателей берет начало еще в сороковые годы. Романисту Льву Толстому - пятьдесят восемь лет, сатирику Щедрина (Салтыкову) - шестьдесят один год, Гончарову - семьдесят три, Тургенев и Достоевский, оба недавно скончавшиеся, родились в 1818 году. Даже писатели не столь великого таланта, как, например, Глеб Успенский - в прозе и Михайловский - в критике, принадлежат к поколению, которое, начав свою творческую жизнь в начале шестидесятых годов, не терпело столь жестоких гонений и не было так истерзано, как их преемники. Новое поколение ничего не создает, ничего совершенно. Самодержавие обрекло на гибель высокие чаяния, порожденные блестящим пробуждением первой половины века. Бездарность торжествует!

Ни один из нынешних писателей не показал себя достойным наследником традиций нашей молодой и могучей словесности как в литературе, так и в общественной жизни. Руководители нашего земства, какими бы скромными ни были их назначения, принадлежат к старшему поколению. Жизненные силы последующих поколений похоронены самодержавием под снегами Сибири и в самоедских деревнях. Это хуже чумы. Чума приходит и уходит, а царское правительство угнетает страну уже двадцать лет и будет продолжать угнетать ее еще бог весть сколько. Чума убивает без разбора, а деспотизм выбирает свои жертвы из цвета нации, уничтожая всех, от кого зависит ее будущее, ее слава. Не политическую партию сокрушает царизм, это стомиллионный народ душил он.

Вот что творится в России под властью царей. Такой ценой самодержавие покупает свое жалкое существование.

Часть четвертая

ПОХОД ПРОТИВ КУЛЬТУРЫ

РУССКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Наконец-то мы вышли из мрака и отступили от края бездны, куда деспотизм ввергает свои бесчисленные жертвы. Мы завершили наше хождение по мукам в этом крошечном аду, где на каждой ступени слышатся крики отчаяния и бессильной ярости, предсмертный хрип умирающих и сумасшедший хохот безумных. Мы снова на поверхности земли и при полном свете дня.

Правда, то, о чем нам предстоит еще рассказать, тоже не весело, нынешняя Россия - край многострадальный... Но мы покончили с загубленными жизнями и ужасными злодеяниями. Теперь поговорим о неживых материях, об учреждениях, которые не страдают, хотя бы их разрывали на куски. Сокрушив живых - человека, творца, правительство естественно и неизбежно предприняло наступление против установлений, представляющих основу и опору человеческого общества.

Мы хотим кратко описать борьбу правительства против наиболее важных общественных институтов страны, к которым оно относится с инстинктивной враждебностью, потому что они содействуют развитию духовной жизни в стране, - учебных заведений, земства, печати. Политика самодержавия по отношению к этим трем китам, на которых покоится благоденствие народа, покажет нам, какую роль оно вообще играет в жизни государства.

х х х

Русские университеты занимают своеобразное и совершенно исключительное положение. В других странах университеты - это учебные заведения, и ничего больше. Посещающие их юноши все, кроме бездельников, предаются своим научным занятиям, и их главное, если не единственное, стремление - выдержать экзамены и получить ученую степень. Студенты, правда, могут интересоваться политикой, но они не политики, а если и высказывают сочувствие тем или иным идеям, даже идеям крайнего направления, то это никого не удивляет и не тревожит, ибо такое явление считается свидетельством здоровой жизненности, преисполненной светлых надежд для народа.

В России дело обстоит совсем иначе. Здесь университеты и гимназии - центры самой бурной и страстной политической жизни, и в высших сферах имперской администрации слово "студент" отождествляется не с чем-то молодым, благородным и вдохновенным, а с темной, опасной силой, враждебной законам и учреждениям государства. И такое впечатление до некоторой степени оправдано, ибо, как убедительно свидетельствуют недавние политические процессы, огромному большинству молодых людей, устремляющихся в освободительную борьбу, менее тридцати лет, и они либо студенты последних курсов, либо недавно сдали государственные экзамены в университете.

Но подобное положение, в сущности, не является беспримерным или ненормальным. Когда правительство, обладающее деспотической властью, карает как преступление малейшее проявление противодействия своей воле, почти все, кого годы сделали осторожными, а богатство - эгоистами, или же те, кто вверили свою судьбу провидению, избегают борьбы. И тогда главари отрядов, идущих на верную гибель, обращаются к молодым. Молодежь, если даже у нее не хватает знаний и опыта, всегда полна мужества и преданности делу. Так было в Италии во времена восстаний Мадзини, в Испании - при Риего и Квируге, в Германии - во времена "Тугендбунда" и снова в середине нашего столетия. Если перемещение центра тяжести политической жизни на молодых в России более явственно, чем где-либо, то и побудительные причины у нас более сильные по своему действию и длительные по времени. Одной из самых действенных причин является политика правительства: бессмысленно жестокие репрессии крайне возмущают молодежь наших университетов, и скрытое недовольство нередко выливается в открытый бунт. Это в достаточной мере подтверждается многочисленными фактами.

В конце 1878 года среди студентов Петербургского университета произошли так называемые беспорядки. Они не были особенно серьезными, и при обычных обстоятельствах за это выслали бы несколько десятков юношей, предоставив им возможность загубить остаток своей жизни в глухих селениях Дальнего Севера, и ни министерство, ни Совет университета не стали бы больше о них беспокоиться. Но теперь политика изменилась. После проведения суда над бунтовщиками Совет университета назначил комиссию из двенадцати человек, среди которых было несколько лучших профессоров, чтобы произвести тщательное расследование причин волнений, повторяющихся периодически. В результате обсуждения комиссия подготовила проект петиции на имя императора, в которой просила его дозволению провести радикальную реформу дисциплинарных порядков университета. Однако проект не снискал одобрения совета. Вместо этого было составлено донесение министру "о причинах беспорядков и лучших мерах предупреждения их в дальнейшем".

Этот документ, представляющий величайший интерес, не был опубликован ни в годовом отчете университета, ни в печати. Любая газета, посмей она даже сослаться на него, была бы немедленно запрещена. Но несколько экземпляров донесения было отпечатано в тайной типографии "Земли и воли", и те, что сохранились, ценятся как библиографическая редкость. Из экземпляра, имеющегося в моем распоряжении, приведу несколько выдержек, которые, как можно будет убедиться, дают живое представление о том, при каких порядках вынуждены жить студенты и какому возмутительному обращению они подвергаются:

"Из всех органов государства, с которыми учащаяся молодежь находится в ближайшем соприкосновении вне стен университета, первое место занимает полиция. По ее действиям и отношению молодежь начинает судить о том, что можно назвать существующим государственным порядком. Такое обстоятельство, очевидно, требовало особенно бережного и осторожного отношения полицейских властей к учащейся молодежи в интересах как юношества, так и достоинства государства. Не то мы видим в действительности.

Для большинства молодых людей общение с товарищами и друзьями является

совершенной необходимостью. Чтобы удовлетворить эту потребность, в других европейских университетах (как и в университетах Финляндии и прибалтийских губерний, пользующихся значительными местными правами) существуют особые

установления - клубы, корпорации и союзы. В Петербурге не имеется ничего подобного, хотя огромное большинство студентов, прибыв из провинции, не имеют друзей в городе, с кем они могли бы встречаться. Домашнее общение могло бы до некоторой степени возместить лишение их других возможностей общественных связей, если бы вмешательство полиции не делало и то и другое одинаково невозможным.

Всякое собрание нескольких студентов на квартире их товарища тотчас же внушает полиции преувеличенные опасения. О всяком, даже малочисленном, собрании дворники и квартирные хозяева обязаны сообщать полиции, и собрание нередко рассеивается с появлением полицейской власти.

Не имея возможности домашнего общения для каких бы то ни было целей, даже самых невинных, студенты не пользуются и личной безопасностью в частной жизни. Если даже они заняты только науками, ни с кем не встречаются, лишь изредка принимают гостей или ходят в гости, они тем не менее подвергаются строгому наблюдению (профессора не без умысла замечают, что каждый находится под полицейским наблюдением). Однако все зависит от формы и от размеров, которые это наблюдение принимает. Наблюдение, учрежденное над студентами, имеет не только характер надзора, но переходит во вмешательство в их частную жизнь. Где бывает студент? Чем занимается? Когда возвращается домой? Что читает? Что пишет? - таковы вопросы, обращаемые полицией к дворникам и квартирным хозяевам, то есть людям, обыкновенно малоразвитым, следовательно, исполняющим требования полиции с бесцеремонностью и бестактностью, раздражающей впечатлительную молодежь".

Если читать между строк, то это означает, что во время отсутствия студентов полиция роется в их книгах и бумагах и все, что покажется ей подозрительным, берется на заметку.

Таково свидетельство руководителей Петербургского университета, данное в секретном донесении царскому министру*. Но почтенные профессора сказали лишь половину правды. Их замечания касаются исключительно обращения со студентами вне стен университета. Чувство деликатности, естественно, не позволило им писать о том, что происходит в его стенах, где высшим назначением студентов должны быть учение и наука.

---

* Вскоре после появления в "Таймсе" статьи, составляющей содержание настоящей главы, Катков в проникновенной и пылкой передовой статье в "Московских ведомостях" прямо обвинил меня в том, что я просто выдумал и комиссию профессоров, и их донесение, ни того, ни другого, мол, никогда не существовало. Ввиду того, что факты эти стародавние и почти забыты широкой публикой и так как обвинение по моему адресу может быть повторено, я вынужден в свое оправдание привести некоторые подробности и назвать имена, которые в первом случае были мной опущены. Комиссия, назначенная университетом, не более является мифом, чем двенадцать профессоров, ее составившие и участвовавшие в ее работах. Вот их имена Бекетов, Фаминцин,

Бутлеров, Сеченов, Градовский, Сергеевич, Таганцев, Владиславлев, Миллер, Ламанский, Хулсон и Гоцунский. Надеюсь, что эти господа, большинство которых поныне состоят профессорами Петербургского университета, находятся в добром здравии. Их доклад был написан 14 декабря 1878 года. С тех пор прошло не так много времени. Они, вне сомнения, помнят это дело, и вопрос легко может найти свое разрешение. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Внутреннее наблюдение за студентами вверено так называемой инспекции, состоящей из инспектора, назначаемого министерством, помощников инспектора и нескольких полицейских чиновников. Студенты, как и профессора, живут вне территории университета и встречаются в аудиториях только в определенные часы с единственной целью - присутствовать на лекциях. Профессора вполне способны сами обеспечить порядок на занятиях.

Каким же целям может служить передача этой благородной и вполне мирной задачи специальному полицейскому надзору? С таким же успехом можно создать особый отряд пономарей в шпорах и шлемах для наблюдения за верующими во время богослужения. Но именно потому, что в России университеты - это постоянно действующие лаборатории мысли и идей, наблюдение за ними считается чрезвычайно желательным и во главу угла ставится надзор за домашней жизнью студента. Не имея никакого отношения к научным занятиям, ни в какой степени не подчиняясь ни академическому начальству, ни Совету университета, завися только от Третьего отделения и от министерства, этот инородный фактор, как посторонняя примесь, введенная в живое тело, нарушает все нормальные функции учебного заведения.

Три четверти всех так называемых университетских беспорядков вызваны вмешательством различных представителей инспекции. Сам инспектор - и в этом состоит главная причина всеобщей ненависти, которую он к себе возбуждает, - является представителем департамента полиции - Аргус, посланный во вражеский стан для обнаружения семян бунта. Слово, прошептанное на ухо, может повлечь за собой малоприятные последствия не только для несчастного студента, но и для заслуженного университетского профессора.

Однако эти ненавистные шпионы пользуются самыми широкими полномочиями.

Инспектор может сделать почти все, что угодно. С одобрения попечителя, то есть министра, руководящего его действиями, он вправе уволить юношу из числа студентов на год и два или исключить его навсегда без всякого разбирательства и суда. Инспектор распоряжается выдачей стипендий и пособий, столь многочисленных в русских высших школах, и, наложив свое вето, может лишить студента предназначенных ему денег, определив его как "неблагонадежного". Это означает: пока он еще не на подозрении, но его нельзя считать вполне безупречным.

Инспектору предоставлено еще право одним росчерком пера лишать целую группу студентов всяких средств к существованию, запретив им давать частные уроки. Многие бедные студенты полностью зависят от подобной работы ради хлеба насущного. Но никто не может давать уроки без разрешения полиции, а разрешение не выдается без согласия инспектора, и то на ограниченный срок. Инспектор, если ему заблагорассудится, может отказать в возобновлении

разрешения или даже отменить его до истечения срока действия. Он может так же, как и любой из его помощников, наказать непокорных студентов заточением в карцер на срок, не превышающий семи суток. Он может наложить взыскание за опоздание на лекцию, за то, что студенты одеты не так, как ему нравится, что волосы у них подстрижены не так или шляпа заломлена набекрень, и вообще изводить их всякими пустяками, какие только взбредут ему в голову.

х х х

Мелочная тирания ощущается русскими студентами острее, вызывает в них более бурное возмущение, чем это, возможно, было бы у студентов в других странах. Наши юноши развиты не по годам. Страдания, очевидцами которых они являются, и гонения, которым они подвергаются, заставляют их рано созреть. Русский студент сочетает в себе достоинство возмужалости с пылом юности, и он тем болезненнее чувствует издевательства, которые вынужден переносить, что бессилён воспротивиться им. Студенты большей частью принадлежат к семьям мелкопоместного дворянства и низшего духовенства, а те и другие бедны. Все они знакомы с прогрессивной, вольнолюбивой литературой, и огромное большинство из них пропитаны демократическими и антимонархическими идеями.

Когда они становятся старше, эти идеи у них усиливаются благодаря условиям их жизни. Они вынуждены либо служить правительству, которое ненавидят, либо избрать поприще, к которому не питают особенной склонности. В России молодые люди с благородной душой и великодушными стремлениями не

имеют никакой будущности. Если они не согласятся надеть царский мундир или стать членами продажной бюрократии, они не смогут ни служить своей родине, ни участвовать в общественной деятельности. При этих обстоятельствах не удивительно, что среди студентов русских университетов очень силен бунтарский дух и они всегда готовы принять участие в манифестациях против властей вообще, но прежде всего против своих врагов из Третьего отделения, манифестациях, превращающихся на официальном языке в "беспорядки" и "волнения" и приписываемых махинациям революционной партии.

Такое обвинение неверно. Революционная партия ничего не выигрывает от этой борьбы. Напротив, она ослабляется, потому что те, кто потеряны для общего дела из-за университетской передраги, могли бы применить свои силы для лучшей цели, в настоящей революционной борьбе. Беспорядки в русских университетах носят чисто стихийный характер; единственная их причина - скрытое недовольство, непрестанно накапливающееся и всегда готовое найти выход в манифестации. Студент несправедливо исключен из университета; другой произвольно лишен стипендии; ненавистный профессор просит инспекцию

заставить студентов посещать его лекции. Весть об этом с молниеносной быстротой распространяется по университету, студенты волнуются, они

собираются по двое и по трое, чтобы обсудить эти дела, и в конце концов созывают общую сходку, выносят протест против действий дирекции и требуют отменить несправедливое решение. Появляется ректор и отказывается дать какие-либо объяснения. Инспектор приказывает всем немедленно разойтись. Доведенные теперь до белого каления, студенты с негодованием отказываются повиноваться. Тогда инспектор, предвидевший такой оборот, призывает в аудиторию жандармов, казаков и солдат, и сходка разгоняется силой.

События, происходившие в Москве в декабре 1880 года, служат лучшей иллюстрацией того, что беспорядки возникают часто по самой незначительной причине. Профессор Зернов читал лекцию по анатомии перед внимательными слушателями, когда из соседней аудитории донесся громкий шум. Большинство студентов выбежали туда, чтобы узнать причину шума. Ничего особенного не случилось, но профессор, раздосадованный перерывом в его лекции, пожаловался властям. На следующий день разнеслась весть, что жалоба профессора привела к исключению шести студентов курса. Необычайно жестокое наказание за столь простительное нарушение дисциплины вызвало всеобщее негодование. Созвали сходку, просили ректора дать объяснения. Но вместо ректора явился московский градоначальник во главе отряда жандармов, казаков и солдат и приказал студентам разойтись. Молодежь страшно заволновалась, и хотя она прислушалась бы, конечно, к голосу разума, но отказалась повиноваться грубой силе. Тогда аудитории были оцеплены солдатами, все выходы преграждены, и около четырехсот студентов были арестованы и под конвоем штыков проследовали в тюрьму.

Дела такого рода не всегда кончаются одними арестами. При оказании малейшего сопротивления солдаты пускают в ход ружейные приклады, казаки взмахивают нагайками, лица юношей обливаются кровью, раненых швыряют на землю, и тут разворачивается страшная картина вооруженного насилия и тщетного сопротивления.

Так случилось в Харькове в ноябре 1878 года, когда беспорядки возникли из-за чистого недоразумения между профессором ветеринарного института и одним из его курсов, недоразумения, которое можно было устранить, просто объяснившись со студентами. То же самое произошло и в Москве, и в Петербурге во время студенческих беспорядков 1861, 1863 и 1866 годов. При определенных обстоятельствах закон допускает еще более зверское насилие. В 1878 году был опубликован указ, свирепость которого невозможно преувеличить. Этим указом "ввиду часто происходящих студенческих сборищ в университетах и высших школах" действие закона о бунтовщических сборищах на улицах и в других общественных местах распространяется на все здания и заведения, используемые как гимназии и высшие школы. Это значит, что студенты в России всегда находятся под действием закона военного времени. Студентов, собравшихся на сходку или группой, после троекратного приказа разойтись можно расстреливать как вооруженных мятежников.

К счастью, этот чудовищный закон пока не применялся во всей его жестокости. Полиция еще ограничивает свои репрессивные меры избиением и заключением в тюрьму студентов, не выполняющих ее приказов или чем-либо вызывающих ее неудовольствие. Но студенты не выказывают особой признательности за эту умеренность; они всегда пребывают в состоянии глухо

кипящего бунтарства и пользуются всяким случаем, чтобы словом и делом протестовать против тиранства представителей закона.

Между студентами вообще очень сильно чувство товарищества, и "беспорядки" в одном университете часто служат сигналом для выступлений во многих других высших школах. Волнения, вспыхнувшие в конце 1882 года, распространились почти на всю учащуюся Россию. Они начались далеко на востоке, в Казани. Ректор Казанского университета Фирсов лишил студента Воронцова стипендии, чего он не имел права делать, так как стипендия была предоставлена юноше земством его родной губернии. Воронцов был в таком отчаянии, что бросился на ректора с кулаками, да еще в публичном месте. В обычных условиях и в упорядоченной университетской обстановке такая грубая выходка вызвала бы всеобщее негодование и сами студенты заклеили бы поведение Воронцова, как оно того заслуживало. Но вследствие своего деспотического самоуправства ректор сделался столь ненавистным, что в день исключения Воронцова человек шестьсот студентов взломали двери в актовЫй зал и провели шумную сходку. Прибежавший проректор Вулич приказал студентам

разойтись. Никто его не слушал. Двое студентов произнесли речи против Фирсова и защищали Воронцова. Бывший студент Московского университета, не обращая внимания на присутствие Вулича, в самых резких выражениях выступил против попечителя, ректора и вообще против профессоров. Под конец сходка приняла резолюцию, и проректору Вуличу вручили петицию с требованием немедленной отставки Фирсова и отмены исключения Воронцова.

Перед тем как разойтись, студенты решили снова собраться на следующий день. Дирекция университета обратилась к губернатору за помощью для восстановления порядка, и сей мудрый муж немедленно предоставил в ее распоряжение несколько взводов солдат и большие полицейские силы.

Через несколько дней было официально объявлено" что в Казанском университете царит полное спокойствие. Но газетам, вышедшим с этим сообщением, запретили под угрозой закрытия упоминать, каким путем было достигнуто умиротворение: что студентов избивали, хлестали нагайками, таскали за волосы и многих бросили в тюрьму. Но, несмотря на печать молчания, наложенную на газеты, слухи о происшествии в университете быстро разнеслись по стране.

8 ноября, как указывалось в официальном сообщении, среди студентов Петербургского университета были распространены гектографированные копии письма одного казанского студента с полным отчетом о событиях, и они вызвали, конечно, большое волнение. 10 ноября была выпущена гектографированная листовка, призывающая к всеобщей сходке петербургских студентов в знак протеста против гонений на казанских товарищей. Когда студенты явились на место сходки, там уже в большом количестве находилась полиция, и им приказано было разойтись. Но они отказались повиноваться и вынесли резолюцию, выражающую недоверие властям и сочувствие казанским студентам. Полиции была дана команда применить силу, и двести восемьдесят студентов были отправлены в тюрьму.

На следующий день вышел приказ о временном закрытии университета.

За волнениями в Петербурге и Казани сразу последовали подобные же

события в других университетских городах. 15 ноября произошли студенческие беспорядки в Киеве, 17 и 18 ноября - в Харькове. В Харьковском университете волнения носили столь серьезный характер, что для их подавления были вызваны войска и произведены многочисленные аресты. Почти одновременно волнения начались в Демидовском юридическом лицее в Ярославле и спустя несколько дней в Петровской сельскохозяйственной академии в Москве. Во всех этих высших школах события развивались в том же порядке - волнения, сходки, насильственный разгон, аресты, а затем временное прекращение лекций.

Беспорядки - частое явление в университетах и высших учебных заведениях по всей империи. Не проходит года, чтобы не происходило подобных событий в различных городах России. И каждое такое возмущение, как бы оно ни кончалось - улеглось ли благодаря увещаниям профессоров или было подавлено казацкими нагайками, - неизменно влекло за собой исключение большого числа студентов. В некоторых случаях было отчислено пятьдесят, в других - сто человек и даже больше. Волнения в октябре и ноябре 1882 года привели к увольнению из высшей школы шестисот студентов. Суд, выносящий решения об исключении, то есть Совет профессоров университета, делит провинившихся студентов на несколько категорий. "Зачинщики" и "подстрекатели" исключаются навсегда и лишаются права когда-либо вновь поступить в высшую школу. Другие увольняются из университета на определенный срок - от года до трех лет. Самое легкое наказание в этих случаях - "отчисление", наказание, не препятствующее виновному сразу же поступить в другой университет.

Однако в действительности едва ли есть разница между одной мерой наказания и другой. "Полиция рассматривает всякое нарушение порядка, допущенное в университете, как политическое движение", - говорится в приведенном выше докладе петербургских профессоров. Студент, присужденный даже к легкому наказанию, превращается в политически "подозрительного", а к каждому подозрительному человеку применяется лишь одна мера - высылка в административном порядке. Как показали беспорядки 18 и 20 марта 1869 года, наказание, налагаемое за самое простое нарушение учебной дисциплины, может быть отягчено административной высылкой. Все студенты, отчисленные на год, так же как исключенные навсегда, были немедленно высланы. А после последних беспорядков, в декабре 1878 года, ректору предложили сообщить начальнику полиции имена всех студентов, когда-либо представших перед Советом университета, даже если на них не было наложено никаких взысканий, с целью отправить их в ссылку.

Если в других частях России полиция не свирепствует так, как в Петербурге, тем не менее и там делается все, чтобы помешать студентам, участвовавшим в университетских волнениях, возобновить свое академическое образование.

Сам министр берет на себя труд преследовать и клеймить их. Приведу пример. В одном петербургском еженедельнике 9 ноября 1881 года под заголовком "Непонятное решение Совета Киевского университета" была напечатана следующая заметка:

"Студенты, временно исключенные из Московского университета, подали прошение о принятии их в Киевский университет. Но совет, рассмотрев этот

вопрос, отказал им в приеме. Это фактически означает отягчение по собственному усмотрению наказания, первоначально наложенного на этих студентов. Им отказывают в праве, предоставленном им их судьями".

И печать в большей своей части осуждала Совет Киевского университета за жестокость, которую можно было назвать лишь чрезмерной и необъяснимой. Однако объяснялось все весьма просто. Министр особым циркуляром запретил всем университетам принимать исключенных московских студентов. Газетам это было известно лучше других, и их диатрибы, их резкий тон имели лишь одну цель: заставить Совет Киевского университета разоблачить двойную игру правительства, - цель, которая, разумеется, не была достигнута. Подобные же циркуляры почти неизменно рассылаются после очередных университетских беспорядков, где бы они ни происходили.

Студенческие волнения и их последствия далеко не единственный повод для борьбы между министерством и университетами. Эти события носят все же исключительный характер, они происходят через сравнительно большие промежутки времени и сменяются периодами кажущегося спокойствия. Но спокойствие не освобождает студентов от шпионажа и репрессий. Полиция никогда не прекращает арестов. Когда на политическом небе надвигаются тучи и правительство по любому поводу или без всякого повода бьет тревогу, студентов сажают за решетку толпами. В такие времена на долю учащейся молодежи выпадают, конечно, самые тяжелые испытания, ибо, как я уже отмечал, наши студенты почти все страстные политики и потенциальные революционеры. Часть арестованных студентов присуждают, даже после суда, к различным мерам наказания. Процентом восемьдесят высылают в Сибирь или в одну из северных губерний и лишь немногим после кратковременного пребывания в тюрьме разрешают вернуться домой. Небольшой части приговоренных к определенному сроку тюремного заключения могут даже позволить возобновить свои занятия вместо высылки их в административном порядке. Но прощать не в правилах царской полиции, она отнимает одной рукой то, что дает другой.

15 октября 1881 года был издан закон о введении своего рода двойного судопроизводства и порядка наказания для студентов, попадающих под указанные категории. Статьи вторая и третья закона предписывают советам университетов действовать в качестве особых судов для разбора дел студентов, уже судившихся и оправданных обычным судом или уже искупивших свою вину, отбыв срок тюремного заключения. Если по удостоверению полиции студент, дело которого находится на рассмотрении, действовал "по чистому недомыслию и без злостных намерений", Совет университета по своему усмотрению волен либо допустить его к занятиям, либо исключить. Если же полиция вменяет юноше в вину "злонамеренность", хотя бы даже в столь бесконечно малой доле, что сама она не сочла нужным преследовать его судом, совет тем не менее должен вынести решение об исключении его из университета навсегда и лишении права поступать в другие высшие учебные заведения. Статья четвертая закона поясняет, что предыдущие статьи касаются не только студентов, подвергавшихся преследованию обычным судом, но и тех, кто спасся от чрезвычайного "закона об общественной безопасности", то есть закона о военном положении, превратившегося в одно из постоянных установлений в России.

Если же юноша попал в руки полиции, то добиться смягчения его участи изгнанника представляет чрезвычайные и почти непреодолимые трудности. Прощение о помиловании надо подавать лично императору, а много ли студентов имеют связи при дворе? И оно удовлетворяется лишь в том случае, если подавший прошение может доказать, что в течение двух лет после освобождения или полного искупления своей вины он раскаялся в своих ошибках и окончательно порвал со старыми товарищами.

Но помимо юридической несообразности, заключающейся в подобном положении, противоречащем признанной истине, что доказывать надо преступление, а не невиновность, как, спрашивается, можно доказать свое раскаяние иначе, как не изменой или предательством или, наконец, оказанием услуг полиции? И можно с уверенностью сказать, что закон, касающийся исключения студентов, оправданных судом или уже подвергавшихся наказанию, несмотря на кажущуюся умеренность, имеет абсолютную силу; полиция никогда не милует, а если даже сие учреждение и закон о военном положении позволили бы этим юношам жить свободно в обществе, академическое поприще все же осталось бы для них недоступным.

Таковы формы, которые приняла настоящая война, уже более двадцати лет то явно, то скрытно введущаяся между нашей молодежью в высшей школе и царским правительством.

х х х

Но все это только паллиативы, полумеры. Чего достигли за четверть века безжалостных гонений? Ровно ничего. Вопреки арестам и изгнаниям студенты питают столь же непримиримую вражду к правительству, как и раньше. Судьба тех, кто погиб в борьбе, нисколько не служит предостережением для тех, кто выжил. Больше, чем когда-либо, университеты являются рассадниками недовольства и центрами агитации. Очевидно, есть что-то в природе вещей, неизбежно приводящее к этим последствиям. Ибо что такое высшее образование, как не изучение европейской культуры - ее истории, законов, учреждений, ее литературы? Едва ли можно сохранить в юноше, прошедшем университетский курс

и изучившем все эти предметы, веру в то, что Россия - счастливейшая из всех стран и ее правительство - вершина человеческой мудрости. Поэтому, чтобы уничтожить зло в корне, надо ударить не только по людям, но и по учреждениям. Граф Толстой, как проникательный человек, это давным-давно понял, хотя обстоятельства лишь недавно позволили ему практически осуществить свои дальновидные планы. В результате университеты служат теперь мишенью для нападков и сверху и снизу. Для начала граф Толстой приложил всемерные усилия, чтобы ограничить число студентов, увеличив плату за учение в высшей школе и сделав вступительные экзамены до нелепости трудными. Когда эти меры не уменьшили притока молодежи, стремящейся к высшему образованию, граф приказом министерства от 25 марта 1879 года произвольно запретил доступ в университеты вольнослушателям, составлявшим

значительную часть всех студентов и пользовавшимся этим правом с незапамятных времен. В Одессе, например, число вольнослушателей достигало от трети до половины всех студентов. Так новый закон, изданный графом Толстым, сослужил ему верную службу.

Однако граф все еще не был удовлетворен. Он провел еще и другие мероприятия, варварство и цинизм которых трудно было бы превзойти, и таким образом привел систему высшего образования в России почти к полному упадку.

Медико-хирургическая академия в Петербурге первой ощутила на себе последствия новых мер. Нет более полезного и нужного для государства учреждения, чем эта академия. Она подчинена военному министерству и готовит для армии хирургов, которых оказалось так катастрофически мало в турецкую кампанию. Но этот институт с его тысячей студентов превратился в центр политической агитации; императорским указом от 24 марта 1879 года было предписано преобразовать его, и это, по сути дела, означало его разгром. Число студентов было сокращено до пятисот, срок обучения уменьшен с пяти до трех лет; первые два курса, где учились наиболее горячие юноши, были закрыты.

Отныне в академию принимают лишь тех, кто уже два года проучился в одном из провинциальных университетов. Всем студентам платят стипендию, они носят форму, присягают на верность, числятся в рядах армии и подчиняются военному уставу. По требованию военного министра пятилетний курс обучения недавно был восстановлен, но другие репрессивные меры сохранены во всей их суровости.

3 января 1880 года другим указом было предписано преобразование института гражданских инженеров. Искалечение столь необходимого учебного заведения еще более сократило немногие благоприятные возможности, имевшиеся у учеников неклассических гимназий.

Затем наступила очередь женского медицинского института в Петербурге. Польза от этого института, основанного в 1872 году, была огромная, так как число врачей в стране совершенно недостаточно, чтобы удовлетворить потребности огромных масс населения. Кроме того, врачи, в которых ощущается большая нужда, естественно, предпочитают оставаться в городах, где их труд лучше вознаграждается, а сельские районы, за редкими исключениями, исстари служат добычей кровопускателей, костоправов, знахарей и колдунов. Однако женщины-врачи охотно едут в деревню, довольствуясь скромным жалованьем, которое земство может им предложить. Поэтому женский медицинский институт пользовался чрезвычайной популярностью, и просьбы прислать женщину-врача поступали со всех концов страны.

Когда правительство в апреле 1882 года объявило, что "по финансовым причинам" оно вынуждено закрыть институт, это вызвало не только недоумение, но и глубокое сожаление в самых широких кругах общества. Газеты протестовали, насколько хватало смелости; земство возражало; петербургская городская дума и несколько научных обществ предложили ежегодные субсидии; частные лица, и богатые, и бедные, и даже захолустные деревни предлагали собрать средства в целях сохранения столь ценного учебного заведения. Но все было напрасно - женский медицинский институт был обречен, и в августе 1882 года вышел указ о его закрытии. Студенткам, уже допущенным к занятиям,

дали возможность окончить курс, но новых студенток не принимали.

Официальная причина закрытия института была, конечно, самой пустой из всех пустых отговорок, истинным поводом был страх, что институт может стать рассадником революционных идей.

Не менее характерным для позиции правительства было его отношение к созданию политехнического института в Харькове. Единственным учебным заведением такого рода в России является Петербургский политехнический институт, и туда устремляются все юноши, желающие получить техническое образование. В такой огромной стране, как Россия, одной высшей технической школы, конечно, недостаточно, и в течение долгого времени Харьков мечтал построить свой собственный политехнический институт. Наконец после повторных обращений к министру народного просвещения и переговоров, продолжавшихся более десяти лет, разрешение было получено. Харьковская городская управа воздвигла прекрасное здание, назначили штат профессоров, и все было готово к началу занятий. Но внезапно правительство передумало, отменило данное им разрешение и запретило открывать институт на том основании, что оно не видит необходимости в учебном заведении подобного рода. Мало того. Вновь выстроенное здание, стоившее Харькову пятьдесят тысяч рублей, правительство преподнесло в дар университету. Но университет, борясь за общее дело, отказался от подарка. Здание все еще находится в государственном владении и, по слухам, будет превращено в кавалерийскую казарму.

В довершение всего несколько месяцев тому назад грянул давно ожидаемый гром, поразивший наши университеты в другом жизненно важном вопросе. Был издан новый университетский устав 1884 года, которым окончательно отменялся устав 1863 года.

Пожалуй, ни один вопрос последнего времени так сильно не взволновал нашу общественность, не возбудил столь жаркой полемики в печати, как отмена устава 1863 года. Этот устав, позволявший профессорам заполнять вакантные кафедры по своему выбору и избирать членов дирекции, предоставлял университетам известную автономию и независимость. Катков, один из самых влиятельных людей в империи, близкие друзья которого в Московском университете не считали такую независимость для себя полезной, воспылил к уставу 1863 года смертельной ненавистью. Уже много лет это было его *Delenda Carthago**. Он протестовал против устава к стати и не к стати. Послушать Каткова, так можно подумать, что устав был причиной всех "беспорядков" и вообще почти всех бед последнего двадцатилетия. По его словам, подрывная деятельность, то есть нигилизм, находит свою главную опору именно в автономии университетов. Ход мыслей, приводящий его к такому заключению, краток и прост: так как большинство профессоров тайно сочувствуют подрывным идеям (довольно странное признание для друга и защитника правительства), то предоставлять им свободу избирать своих коллег означает не что иное, как постоянное ведение за счет правительства революционной пропаганды.

---

* "Карфаген должен быть разрушен" (лат.).

Но этот аргумент, несмотря на все свое остроумие, все же был слишком

притянут за волосы, чтобы правительство могло им воспользоваться. Поэтому надо было изобрести более благовидный, если не более правдоподобный, предлог, дававший властям возможность утверждать, будто ненавистный устав отменяется в лучших интересах страны. Изобретательный гений Каткова оказался на высоте положения. Его внутреннее "я" развило тезис о том, что отмена устава 1863 года придает необычайный стимул изучению наук и поднимает учение в России до уровня, достигнутого в этой области немецкими университетами. Катковская идея была с восторгом подхвачена официальной печатью, и вскоре дело было представлено так, будто новый устав совершенно необходим как в интересах науки, так и существующего порядка.

Попробуем разобраться, каков этот палладиум, этот залог защиты реакции, и какими средствами предлагается добиться означенной двойной цели.

Прежде всего касательно полиции, ибо когда что-нибудь приключается у нас, то непременно на первый план выступает полиция и никто не сомневается, что единственная цель новых мер - просто репрессии; это открыто признается даже их защитниками. "Университеты, - возвещает "Новое время", - не будут впредь развратителями нашей молодежи. Университеты будут ограждены от предательских интриг!"

Но будет ли новый устав действительно на пользу учению? - робким шепотом вопрошают так называемые либеральные газеты. Все отлично поняли истинный смысл реформы.

Оставим в стороне меры по надзору за студентами - к ним нечего, или почти нечего, прибавлять. Но вот что придает новому уставу особенную пикантность: он ставит самих профессоров под строгий надзор деспотической власти. Эта постыдная обязанность поручена двум институтам. Прежде всего дирекции, состоящей из профессоров, затем инспекционной полиции. При старой системе ректор и четыре декана факультетов были просто *primus inter pares*;* они избирались своими коллегами на трехлетний срок, и по истечении его выбирались другие. Теперь они хозяева, назначенные министром, и состоят при своих весьма доходных должностях по его воле. А так как среди пятидесяти или шестидесяти человек всегда найдется несколько льстецов и корыстолюбцев, то для министра не представляет особой трудности найти ректоров, готовых предупредить его желания и выполнять приказы.

---

* первый среди равных (лат.).

По новому уставу ректор, ставший теперь представителем правительства, облечен чрезвычайными полномочиями. Он может созывать и распускать Совет профессоров, бывший прежде высшим органом управления в университете. Он один решает, не отклоняется ли деятельность совета от предписанных уставом правил, и, объявив постановление совета незаконным, может просто отменить его. Ректор, если считает нужным, может с этими же prerogativaми выступать на факультетском совете. Как главнокомандующий, где бы он ни появлялся, он верховная власть. Ректор, если ему вздумается, может сделать профессору замечание или высказать ему порицание. Под контролем ректора или его помощников находятся все части административной машины университета. Наконец, статьей семнадцатой устава ректору предоставлено право в

чрезвычайных случаях "принимать все необходимые меры для охранения порядка в университете, хотя бы они и превышали его власть". Эта статья, по-видимому, касается так называемых беспорядков, и подавлять их военной силой уже вошло у нас в обычай. При всем том остается возможность неправильного толкования почти любой статьи устава, и нет таких мер, пусть самых крайних и строгих, которых нельзя было бы применять.

Так что русские университеты более похожи на крепости, гарнизоны которых проникнуты бунтарским духом и готовы каждую минуту поднять открытый

мятеж, чем на обители мудрости и храмы науки.

Если ректор - главнокомандующий, то стоящие под его началом четыре декана - командующие на возглавляемых ими факультетах, но назначаются они не ректором, а министром. Именно на деканов главным образом возложена задача следить за профессорами своих факультетов. И чтобы поставить деканов в еще большую зависимость, устав вносит существенные нововведения в порядок их назначения. Прежде чем стать профессором, надо прослужить три года преподавателем, приват-доцентом, которым можно стать только по назначению попечителя или по предложению Совета профессоров избранного факультета. В каждом случае назначение утверждается попечителем, и этот чиновник, занимающий высокий пост в министерстве, может отклонить назначение любого преподавателя без указания причин. Приват-доцент получает примерно треть профессорского жалованья, а так как его держат под недреманным полицейским оком, предохраняя от заражения подрывными идеями, этот пост нельзя считать особенно желанным; едва ли он может привлекать молодых людей с широкими взглядами и независимым умом.

Обязанностью ректора и деканов является следить, чтобы лекции приват-доцента отвечали требованиям. Если содержание лекции в точности не соответствует теме или окрашено опасными оттенками, ему делается внушение. Если внушение не возымело действия, ректор предложит попечителю уволить непокорного преподавателя, что, разумеется, незамедлительно будет сделано. Но если попечитель окольным путем, через своих соглядатаев и инспекторов, дознается, что в лекциях преподавателя выражаются подрывные тенденции, то он может быть уволен независимо от желания ректора. Так что приват-доценты имеют теперь над собой два или три ряда начальников: помимо того что они подвластны ректору, его помощникам и попечителю, они каждую минуту могут ожидать доноса инспектора и его агентов. Малейшая вольность влечет за собой немедленное отстранение от должности, тем более что, будучи еще молодыми на ученом поприще, они не успели завоевать себе авторитет. Их повышение зависит исключительно от министра и его присных.

Профессора прежде назначались Советом факультета. Правда, министру принадлежало право вето, но он не пользовался правом назначения, и, в случае если одного профессора отклоняли, приходилось лишь назначить другого. Но по новой системе министр может назначить на вакантное место "любого ученого, обладающего необходимой квалификацией", то есть каждого, кто положенное время прослужил в качестве приват-доцента. Министр, если пожелает, может посоветоваться с дирекцией университета, но это отнюдь не обязательно; если ему будет угодно, он посоветуется с кем-либо из своих

личных друзей или с членом инспекции. Возвышение преподавателя со второго ранга в первый - перемена, влекущая за собой значительное увеличение жалованья, - тоже зависит исключительно от министра.

Этим полномочия министра не исчерпываются. Он назначает профессоров для принятия экзаменов, что тоже весьма важное дело с финансовой точки зрения, учитывая новую систему оплаты экзаменаторов. При старой системе каждый профессор был экзаменатором *ipso facto**. По новым же правилам экзамены принимают особые комиссии, назначаемые министром. Прежде студенты

платили за учение определенную сумму в год, что давало им право посещать все лекции в университете. Теперь им надлежит платить каждому профессору в отдельности. При этих условиях студенты, пользующиеся правом выбора, естественно, стекаются толпами на лекции тех профессоров, у которых они, по всей вероятности, будут экзаменоваться. Поэтому включение профессора в экзаменационную комиссию дает ему большие преимущества, то есть привлекает к нему слушателей и соответственно увеличивает его доходы. Так что право назначения профессоров является весьма действенным средством усиления власти правительства над учебными заведениями. В Швейцарии, например, где не допускается никакого воздействия политических мотивов на академические назначения, такая система не приводит ни к каким вредным результатам; в Пруссии, наоборот, как показывает опыт, последствия этой системы достаточно скверные, а в Австрии - просто губительные. Легко поэтому понять, какими соображениями руководствовалось царское правительство, импортируя эту систему в Россию, и какими последствиями она чревата.

---

* в силу самого факта (лат.).

Но где же тогда, спрашивается, остается углубленность учения, где наука и вся сущность высшей культуры? В чем заключается реформа, предназначенная придать новому установлению сугубо воспитательный характер? Или хотят, чтобы мы поверили, будто она заключается в новом порядке, навязанном многострадальным ректорам, деканам и инспекторам, в назначении приват-доцентов и в полекционной оплате?

Путем этих реформ, заимствованных, по крайней мере по названию, у Германии, каким-то мистическим образом надеются достигнуть более высокого уровня образования. Если бы у нас существовала свобода, присущая немецким университетам, их методы можно было бы, вероятно, перенять с пользой для дела. Но форма без содержания - бессмыслица.

Для всех, кто не ослеплен своими эгоистическими интересами, совершенно очевидно, что новый устав окажется губительным для подлинной науки, ибо для ее процветания свобода и независимость так же необходимы, как воздух для всего живого.

Если политическая ортодоксальность признается единственно обязательным качеством для всех академических назначений, то цвет русской интеллигенции почти неизбежно исключается из университетских стен. Старый порядок вмешательства правительства изгнал с кафедр многих наших выдающихся профессоров - Костомарова, Стасюлевича, Пыпина, Арсеньева, Сеченова и

других. Все это люди умеренных взглядов, ученые, годами с честью исполнявшие свой долг и повинные лишь в одном: они пожелали сохранить свое личное достоинство и достоинство своей науки и отказались повергнуться ниц перед деспотизмом министра. То, что прежде бывало исключительно злоупотреблением властью, теперь возведено в правило. Профессоров превратили в чиновников - это ненавистное слово глубоко презираемо всей нашей молодежью, - и их качества скоро вполне будут соответствовать новым назначениям. Один за другим все подлинные ученые покинут свои кафедры, и правительство, пользуясь своим правом, заполнит их своими ставленниками. При недостатке людей, обладающих глубокими научными знаниями, на смену старым профессорам придут преподаватели и так называемые ученые, выбираемые попечителем по своему вкусу среди лиц, не прошедших даже испытаний, предписываемых факультетом, если только они "получили известность благодаря своим трудам", достоинства которых единственный судья - его превосходительство господин попечитель.

Глава XXVI

СРЕДНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Война царского правительства против высшего образования - давнишняя. Она возникла при Александре I, в эпоху реакции, наступившей после убийства Коцебу студентом Зандом, сначала в Германии, а затем быстро распространилась на всю континентальную Европу. В царствование Николая, в период вообще не прекращавшейся реакции, университеты неукоснительно находились под особым попечением Третьего отделения. Чтобы нейтрализовать, как он надеялся, пагубное влияние либеральной культуры, император организовал университеты наподобие батальонов, и за лекциями в аудиториях следовала муштровка на плац-параде. Он рассматривал знания как социальную отраву и военную дисциплину как единственное противоядие. Действие введенного им нелепого устава было пресечено его сыном, чье царствование началось так блистательно и окончилось так ужасно. Александр II ослабил оковы, наложенные его отцом, и некоторое время после его восшествия на престол народное образование расправило крылья и достигло заметных успехов. Но в 1860 году, после происшедших в университетах обеих столиц "беспорядков" и "манifestаций", власти всполошились, посыпались репрессии, и с тех пор борьба между правительством и цветом нашей молодежи шла с возрастающей силой. Против среднего образования война - именно война! - началась позднее.

4 апреля 1866 года Каракозов сделал роковой выстрел из револьвера, и этот выстрел навсегда, как казалось, утвердил правительство в его решимости следовать по опасному пути реакции и притеснений.

- Ты, верно, поляк? - спросил Александр, когда к нему подвели Каракозова.

- Нет, я - русский, - был ответ.

- Так почему же ты покушался на меня? - удивился император. В то время ему еще трудно было поверить, чтобы кто-нибудь, кроме поляка, мог покушаться на его жизнь.

Но Каракозов сказал правду. Он был одним из "собственных" русских подданных царя, и последующее дознание, проводившееся Муравьевым, показало, что многие университетские товарищи Каракозова разделяли его убеждения и сочувствовали его целям.

Последствия покушения и открытия, к которым оно привело, имели решающее значение. Польское восстание, как известно, обратило Александра II к реакции. Но теперь уже очевидно, что реакционные меры, принятые в 1863 году, не принести желаемого успеха - революционное брожение усиливалось. Однако вместо вывода о том, что причина неудачи лежит в новом реакционном политическом курсе, был сделан обратный вывод, что следует еще крепче натянуть поводья. Именно тогда безрассудная реакционная партия выдвинула роковую фигуру - графа Дмитрия Толстого, которого будущие поколения будут называть бичом России и разрушителем самодержавия.

Этому рыцарю абсолютизма были предоставлены неограниченные полномочия для очищения школ по всей империи от социальной ереси и политического недовольства.

Как он расправлялся с высшим образованием, нам уже известно. Однако там он лишь укрепил и упрочил систему, давно уже применявшуюся его предшественниками. Но ему одному принадлежит сомнительная честь "очищения"

- в меру сил и возможностей - сначала среднего, а затем и начального образования.

С наибольшим блеском его изобретательский талант проявился в реформе гимназического образования. В основе своей идея Толстого была совершенно верна: чтобы радикально "очистить" университеты, необходимо сначала обратиться к первоисточнику и очистить гимназии, откуда высшие школы черпают свое ежегодное пополнение. И вот министр принялся чистить средние школы, что, разумеется, означало поручение их нежному попечению полиции. И это совершеннейший факт, что школьники в возрасте от десяти до семнадцати лет теперь могут быть наказаны за так называемые политические преступления и за порочные политические взгляды.

Не далее как в сентябре 1883 года министр народною просвещения издал циркуляр, в котором указывалось, что в тринадцати гимназиях, одной прогимназии и десяти реальных училищах раскрыты следы преступной пропаганды, а еще в четырнадцати гимназиях и четырех реальных училищах имели место "коллективные беспорядки", что бы это там ни означало. Все эти учебные заведения были переданы под особое наблюдение полиции.

Трудно себе представить, каких размеров достиг шпионаж в наших гимназиях. Педагоги, обязанные внушать уважение своим питомцам, призванные вселять в сердца подрастающего поколения чувство чести, превращены в агентов Третьего отделения. Школьники находятся под постоянным надзором. Их не оставляют в покое даже в родительском доме. Особым циркуляром классным наставникам предписывается посещать учеников в семье или где бы они ни жили. Министр не стеснялся издавать время от времени указы вроде

знаменитого циркуляра от 27 июля 1884 года, в котором он с необычайным цинизмом обещал награды и выдачу особого вознаграждения классным наставникам, которые неуклонно и с наибольшим успехом следят за "нравственным развитием" (читай - политическими взглядами) своих учеников, и угрожал, что "классные наставники наравне с директорами и инспекторами подлежат ответственности, если во вверенном им классе обнаружится пагубное влияние превратных идей или молодые люди примут участие в преступных деяниях"*. Все это означает, конечно, деньги и продвижение по службе для тех, кто играет роль доносчиков, и немедленное увольнение тех, кто отказывается поклоняться Ваалу.

---

* "Русские ведомости", 28 июля 1884 года (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

х х х

Но одних полицейских мер недостаточно, их необходимо подкреплять предупредительными мерами. Мальчиков следует охранять от всяких влияний, могущих сделать их восприимчивыми к воздействию порочных идей социализма, свободы, материализма. Для этой цели Третье отделение выработало правила, известные под названием Устав гимназии 1871 года, до сих пор еще остающийся в силе.

В объяснительной записке к Уставу сказано без обиняков, что, "чем меньше в гимназии будет изучаться история, тем лучше". Граф Толстой предал анафеме также русскую литературу, а заодно всеобщую географию ввиду ее "опасных тенденций". Этот предмет может "подсказать противоречивые выводы и вызвать бесполезные рассуждения". Другими словами, изучение географии может повести к спорам на политические и социальные темы.

По этой причине Устав 1871 года предусматривал сокращение числа уроков по истории, географии и русской словесности. Образовавшуюся в результате пустоту заполнили классическими языками. Панацея была найдена в латыни и греческом. Гимназия стала классической, и только классической. Уже в первом классе, где учатся десятилетние мальчики, на латынь отведено восемь уроков в неделю, в третьем классе - восемь уроков латыни и столько же греческого языка. Все другие предметы объявлены второстепенными, и если официально не запрещены, то явно не поощряются. Сколько бы плохих отметок ни получали ученики по русскому языку, истории, математике, географии, иностранному языку, даже по закону божьему, они всегда переходят в следующий класс, но неуспевание по древним языкам наказывается исключением из гимназии.

Однако можно ли считать непреложной истиной, что изучение классических языков служит гарантией от "порочных", другими словами, вольнолюбивых и гуманистических, идей? Разумеется, нет. Джон Стюарт Милль говорил и другие высокие авторитеты это подтвердили, что глубокое изучение жизни и истории народов античного мира дает для развития моральных и гражданских добродетелей больше, чем изучение современной истории.

Однако я не имею никакого желания обсуждать преимущества или недостатки классического образования. В какую бы сторону ни склонялась чаша весов, совершенно несомненно, что классицизм, изобретенный Толстым, Катковым и иже с ними, совершенно *sui generis* и может лишь отуплять умы, кои он предназначен просвещать. Цель гимназического устава - превратить грамматику в самоцель, а не в средство. Школьники учат язык, и ничего более. Их языковые занятия просто лингвистические упражнения.

Педагоги на манер Каткова этого не отрицают. Они только говорят: ничто так не развивает ум, как изучение мертвых языков. По их выражению, ставшему очень модным, с этой гимнастикой для ума не сравнятся никакие другие занятия. И этим невразумительным словом "гимнастика" они опровергают все доводы своих противников. Вот уже на протяжении семи лет школьная молодежь не делает ничего другого, кроме "гимнастики", бесполезность которой признается учителями и глубоко порицается родителями.

Последствия такой системы для учащихся просто губительны. Когда десяти-одиннадцатилетних мальчиков заставляют по шестнадцать часов в неделю учить язык, столь отличный от родного языка, как латынь, они в конце концов возгораются к нему лютой ненавистью, и его изучение становится мучительным и тщетным. Кроме того, переходные экзамены из класса в класс по особому указу министра стали настолько трудными, что огромное число мальчиков не в состоянии их сдать и немедленно исключаются.

По данным, приведенным в отчете министерства народного просвещения и относящимся к последним семи годам, за этот период всего только 6511 учеников закончили гимназию и не менее 51406 либо не выдержали испытаний и были исключены, либо, отчаявшись, отказались от попытки продолжать учение. Для ученика первого класса шансы пройти все классы и поступить в университет составляют девять к одному, это значит, что восемь девярых отпадают. Из второго класса три четверти учеников терпят неудачу, из третьего - две трети, а из тех немногих избранных, что невредимо прошли сквозь строй и достигли седьмого класса, четвертая часть проваливалась на выпускных экзаменах.

Эти цифры весьма красноречивы. Подобная система не проверка способностей, а просто избивание младенцев. План, придуманный графом Толстым, обрекает тысячи детей на невежество и отнимает у многих из них все возможности полезной деятельности в будущем. И никто не поверит, будто правительству неведомо, какое зло оно творит и какое вызывает недовольство. Уже в течение многих лет печать, как бы она ни была связана по рукам и ногам, не переставала протестовать против новой системы образования и вызываемых ею печальных последствий. Родители в отчаянии скорбят о судьбе своих детей, а все учащающиеся случаи самоубийства среди тринадцатилетних мальчиков придают их жалобам трагическую значительность. Но правительство остается твердым, и избивание младенцев не прекращается.

Но почему, спрашивается, родители продолжают посылать своих детей на бойню? Разве нет в России других школ, кроме классических гимназий? Есть, конечно. Новый классицизм предназначен только для людей состоятельных. Классические гимназии не дают полного образования, это лишь подготовительные школы для поступающих в университет. Для многочисленного

класса людей, которые смотрят на образование как на способ обеспечить своим детям средства к жизни, гимназия совершенно бесполезна. Но им тоже надо бросить кость, и с этой целью основаны технические школы, так называемые реальные училища. Правда, их очень мало, всего тридцать девять, в то время как гимназий и прогимназий насчитывается сто восемьдесят.

В Петербурге, где ощущается столь острая необходимость в профессиональном образовании, имеется всего два реальных училища против шестнадцати классических гимназий и прогимназий; это говорит о том, что правительство отнюдь не желает распространения образования среди широких кругов населения. Недоброжелательство властей особенно проявляется в общей организации реальных училищ. По первоначальному плану их целью являлось, во-первых, дать молодым людям образование, которое будет иметь для них непосредственную практическую ценность, и, во-вторых, подготовить их для высших технических учебных заведений. В реальном училище, как объявили, будет значительно больше времени и внимания уделяться изучению русского языка, математики и естественных наук, чем в классической гимназии. Однако обучение в реальных училищах, несомненно полезное, как основа хорошего технического образования, носит чисто теоретический характер и не способствует достижению каких-либо практических результатов. Чтобы устранить этот недостаток, создали дополнительный, седьмой, класс, но это не меняет дела. Седьмой класс состоит из двух групп - механико-технологической и химико-технологической. Хотя курс рассчитан на год, все практические занятия втиснуты в двухмесячную программу и охватывают множество предметов: механику, химию, горное дело - фактически все, и учащиеся едва ли приобретут даже поверхностные знания, не говоря уже о получении среднего образования в какой-нибудь из этих отраслей науки.

Такая система неизбежно должна была вызвать невообразимую путаницу. Это не курсы наук, а какой-то предметный каталог, разноцветная лоскутность и пестрая калейдоскопичность отрывочных знаний. По окончании седьмого класса учащиеся не более способны применять на практике свои познания, чем раньше. Ни один фабрикант и не подумает принять на свое предприятие выпускника реального училища, так как последний знает меньше любого мастера или квалифицированного рабочего, обладающего только многолетним опытом.

Для коммерческой деятельности в России требуются лишь люди с низшим образованием, но без диплома никто не может стать учителем или классным наставником. Однако сравнительно немногие получают дипломы или

заканчивают

свое образование в высших технических школах из-за того, что нет достаточного числа институтов, куда могли бы поступить юноши, окончившие реальное училище. Как явствует из отчета министра народного просвещения за 1879 год, тридцать реальных училищ окончили 330 учащихся, вполне подготовленных для поступления в высшие учебные заведения. Но так как в технических институтах было всего 151 место, то приняли меньше половины, а остальные остались за бортом. Между тем реалисты далеко не единственные, кто желает поступить в четыре высшие технические школы. В одной из этих школ в 1879 году было 380 кандидатов на 125 мест.

В "Новом времени" один профессор, предостерегая юношей из провинции от

слишком радужных надежд на поступление в высшие технические школы, отмечает, что в 1883 году из тысячи юношей, подавших заявления в Промышленный и Горный институты, могли быть приняты всего двести человек, а остальным было отказано просто из-за недостатка мест. Но вопреки предупреждениям и уговорам тяга молодежи к высшему образованию столь велика, что она неустанно повторяет свои попытки лишь с тем, чтобы снова и снова получить тот же отказ и пережить те же разочарования. Спрос на техническое образование в России вызван не только жаждой знаний, но и естественным стремлением развивать великие природные богатства страны, а эту цель можно достигнуть лишь при помощи технического образования. Но правительство, вовсе не намереваясь предоставлять молодому поколению более широкие возможности для образования, фактически запрещает основание новых институтов, как мы это видели в случае с Харьковом, и не склонно разрешить существующим институтам расширять свои помещения. В основе этой политики "собаки на сене" лежит страх. Так как реальные училища пополняются из сравнительно менее состоятельных слоев населения, они скорее подвержены заражению порочными идеями, чем классические гимназии графа Толстого. Судьба реалистов, не поступивших в институты, поистине печальна. Не допускаемые в университеты, лишённые возможности избрать поприще, для которого их готовили, они в большинстве остаются ни с чем. Они действительно могут называть себя "министерскими пасынками": в то время как гимназистов с аттестатом зрелости принимают повсюду, перед злополучными реалистами закрыты все двери.

Однако общество и печать не могут оставаться равнодушными к беде этих отверженных и не замечать невозвратной утраты для народа столь ценных интеллектуальных сил. Положение реалистов обсуждалось в сотнях статей, написанных осторожным, эзоповским языком, на котором вынуждены

изъясняться

русские публицисты. Лучшим и самым естественным выходом из положения было

бы расширение существующих технических институтов и создание новых. Но так как об этом, по-видимому, не может быть и речи, то общественность требует лишь допуска реалистов на медицинский, математический и естественный факультеты университетов, тем более что для этих факультетов они подготовлены гораздо лучше своих сверстников из гимназий с их знанием латыни и греческого. Трудно поверить, но даже это скромное требование было отвергнуто.

В 1881 году в этом направлении начало действовать земство и, следуя примеру черниговских земских деятелей, выступило с общей петицией о допуске реалистов на научные факультеты университетов. Министерство не сочло целесообразным напрямик отказать земству в ходатайстве и назначило комиссию для рассмотрения этого вопроса. Была даже назначена дата - 19 января 1882 года - для первого ее заседания. Но 18 января члены комиссии получили уведомление от министра об отсрочке заседания на неопределенное время; она не собиралась и поныне.

Из всего этого можно сделать лишь один вывод, а именно: что правительство безоговорочно принимает самые реакционные идеи графа

Толстого, оказывающего, к несчастью для страны, решающее влияние на его внутреннюю политику. А министр народного просвещения, очевидно, решил, елико возможно, не предоставлять преимуществ высшего образования тем, кого недостаток средств заставляет избрать техническую профессию. По его убеждению, именно эти слои общества наименее лояльны к правительству, поэтому высшее образование должно стать достоянием исключительно богатых и знатных, детей помещиков и царских чиновников; вынужденные необходимостью

или побуждаемые честолюбием, эти юноши поступают на царскую службу, и это заставляет их поддерживать существующий порядок.

Однако, несмотря на крайне неудовлетворительное состояние наших учебных заведений, притесняемых правительством, охраняемых полицией, подверженных всяческому разлагающему влиянию, так велики тяга к образованию и жажда знаний, что высшие школы буквально осаждаются молодежью, желающей

учиться и согласной подчиниться всем условиям, навязываемым им государством, но не получающей доступ к ним. О том, что это не преувеличение и не предвзятость мнения, свидетельствует следующая заметка, напечатанная в "Неделе" в августе 1883 года.

"Наступивший август месяц - начало нового учебного года, обыкновенно бывающее трудной порой испытаний для массы детей и множества родителей. Старания сдать детей в средние учебные заведения сопровождаются многими неудачами. Газеты полны известиями о недостатке в учебных заведениях вакансий.

Ни одна московская гимназия не имеет свободных мест для учеников первого класса. В петербургских гимназиях вакансий чрезвычайно мало, а в первом классе их совсем нет; в прогимназии имеется всего шесть вакансий - в первом классе. В реальном училище вообще нет вакансий, даже во втором классе".

В Кронштадтское техническое училище было подано 156 заявлений о приеме на тридцать вакансий. В киевских средних школах на каждую вакансию было пять кандидатов, а в некоторые классы - даже восемь и десять. Естественным результатом такого положения являются переполненные классы и безуспешное обучение. Директора ломают голову, где рассадить принятых учеников; за каждой партой вместо двух сидят четыре мальчика. По сведениям "Саратовской газеты", в этом городе желающих поступить в средние школы было шестьдесят шесть на тридцать семь мест и директора, избегая пререканий, которые вызывал бы их личный выбор, назначали конкурсные экзамены для замещения имеющихся вакансий.

Газетные сообщения можно умножить до бесконечности, и они дают некоторое представление о том, насколько спрос на образование превышает средства к получению образования; и это превышение с каждым годом становится чувствительнее. Фактически создавшееся положение означает, что тысячам детей отказано в праве учиться, ибо, как я уже отмечал, в царских владениях нет возможностей для личной инициативы. Правительство выбрасывает сотни миллионов на придворные празднества и чужеземные войны, а для целей просвещения уделяет жалких десять миллионов. И все же, несмотря на свою

манию репрессий и непоколебимую волю графа Толстого, правительство время от времени вынуждено идти на уступки, правда часто больше на словах, чем на деле.

Все сословия в России жаждут дать образование своему подрастающему поколению. Для высших классов без различия политических взглядов или общественного положения, для чиновничества, как и для простых граждан, это вопрос жизни и смерти. Если их дети не будут учиться, как же они будут жить? Все слои русского общества, даже не имея особого политического влияния, в состоянии вырвать у правительства какие-то уступки. Но когда власти действуют под нажимом, они действуют медленно, с неохотой и с крайней недоброжелательностью. Например, на протяжении последних десяти лет, невзирая на рост населения и острую необходимость более широких образовательных возможностей, расходы на гимназии, составляющие 6 миллионов, увеличились всего-навсего на 1 миллион 400 тысяч - сумма смехотворно малая для удовлетворения их нужд.

Некоторые городские думы и земство, устав от бесконечных петиций и жалоб правительству, в последнее время приняли радикальное решение самим основать новые классические гимназии, обрекая свои скромные бюджеты издержками, которые, разумеется, должны были бы лечь на плечи государства. Расходы земства восемнадцати губерний на среднее образование достигают двадцати пяти - тридцати процентов общей суммы, ассигнованной ими на народное образование. По одному этому мы видим, как далеко правительство зашло в своем противодействии распространению образования среди широких слоев населения.

Политика министра народного просвещения в отношении средних школ заключается, по сути дела, в следующем. Во-первых, всеми мерами мешать расширению среднего образования, сделать его как можно более трудным и не идти на уступки, пока не будут исчерпаны все средства противодействия. Во-вторых, когда противодействие уже становится невозможным, не давать пользоваться преимуществами среднего образования трудовым классам, для которых эта проблема является жизненно важной, и по возможности принимать в эти школы только детей дворян и богатых семей. В-третьих, по привилегии, данной когда-то дворянству, сделать образование, получаемое их детьми, как можно более бесплодным.

Эти выводы напоминают скорее скверную шутку, чем суровую действительность, но разве они не подтверждаются приведенными нами фактами, фактами, почерпнутыми, заметьте, из официальных документов или из подцензурной и полуофициальной печати?

Глава XXVII

НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Начальное образование в России имеет лишь небольшую давность, ведя начало от освобождения крестьян в 1861 году. Правда, крупные помещики

обычно учили некоторых своих крепостных грамоте, достаточной для того, чтобы сделать из них управляющих или конторщиков. Но, руководствуясь мудрой истиной, что грамотные рабы - опасные слуги, дворяне умышленно держали массы сельского населения в глубочайшем невежестве. Только на государственных землях имелось некоторое количество начальных школ, но они находились на попечении попов и чиновников, а поскольку ни те, ни другие не имели времени и желания заботиться о них, школы пришли в полный упадок. Немногочисленные ученики ничему не учились, и чаще всего сами школы были чистой фикцией, они существовали только на бумаге, то есть их можно было обнаружить только в отчетах администрации. В них всегда значились различные суммы, якобы выплаченные в виде жалованья учителям и за ремонт помещений, суммы, которые, само собой разумеется, шли в бездонные карманы господ чиновников и компании.

Когда школы впоследствии перешли в ведение земства, выплывшие наружу мошенничества были просто сногшибательны. В Петербурге в 1872 году, когда управление народными школами было передано городской управе столицы, оказалось, что недостает трех школ из значившихся в списке шестнадцати; даже названия их были вымышленные. Из остальных только одна школа была более или менее удовлетворительной, все прочие были в плохом состоянии и не имели почти никаких возможностей для обучения.

Первой задачей городской управы было обеспечить школы новыми помещениями, снабдить их учебниками, назначить хорошо подготовленных учителей и организовать все заново. Кстати, эти школы были основаны еще сто лет назад Екатериной II и с тех пор находились в ведении государства.

Таково было положение начального образования в столице, и легко себе представить, что творилось в провинции. Если школы там вообще существовали, то только благодаря усилиям частных лиц и земства. Правительство, как мы далее увидим, не делало ничего другого - и не делает сейчас, - как только явно или скрытно противодействовало благородным стремлениям русского общества дать народным массам хоть слабые проблески просвещения. В 1859 году образованные классы, воодушевленные приближением освобождения крестьян, горячо мечтали о всяческих реформах и прежде всего жаждали что-то предпринять для своих несчастных сограждан, которые вскоре обретут свободу. Идея просвещения народа в те годы так же пленяла воображение молодежи, как позднее идеи социализма. Но устройство детских школ не могло полностью удовлетворить эти чаяния. Результаты обучения детей могли сказаться лишь через целое поколение. Что же можно было предпринять, чтобы подготовить отцов и матерей для восприятия благ свободы и превратить их в достойных членов нового общества?

Путь был найден и страстное желание исполнено - общество начало создавать воскресные школы в каждом городе и почти в каждом крупном селе по всей империи. Юноши и девушки с головой окунулись в эту деятельность, и очень скоро были достигнуты блестящие результаты. В одной только Одессе почти шестьсот человек предложили свои услуги в качестве учителей, разумеется безвозмездно.

Но правительство смотрело на весь этот энтузиазм с большим беспокойством; трудно было предусмотреть, к каким страшным последствиям

может привести общение бедных с богатыми, неграмотных с образованными. Наконец осенью 1862 года указом императора воскресные школы были закрыты. Так закончилось столь благородно начатое доброе дело.

Это было первое препятствие инициативе общественности в распространении просвещения среди масс. Народное образование снова было передано на попечение попов и чиновников, с тем чтобы обратить в обман и мошенничество.

Однако в 1864 году был сделан шаг в правильном направлении. Надзор за начальным образованием был вверен земству и другим обществам. В каждом уезде были созданы училищные советы. В них три члена назначались земством и обществами, а три других - правительством. За училищными советами наблюдал губернский училищный совет, состоявший из пяти членов: двух представителей земства, двух чиновников и архиерея или замещающего его лица. Особой обязанностью архиерея было следить, чтобы преподавание в народных школах носило верноподданнический и религиозный характер. Он получал сведения и передавал свои указания через приходских священников, которым поручалось посещать школы и наставлять учителей, а если учителя не следовали их предписаниям, подавать на них жалобы.

Но так как ни архиерей, ни чиновники не пеклись особенно о школах и редко посещали заседания училищного совета, управление школами фактически оставалось в руках земства. Таким образом, новое положение о начальных школах оказалось гораздо более либеральным и пользовалось большим признанием, чем это имели в виду его авторы, ибо оно предоставляло большие возможности для устройства широкой сети народных школ.

Самым серьезным затруднением, испытываемым земством, была скудность средств, ибо его расходы были ограничены двадцатой частью постоянных доходов. Однако, вдохновляемое великой целью, земство делало чудеса. В 1864 году количество начальных школ достигло 17678, а число учащихся - 598 121. Теперь мы уже имеем 25 тысяч школ с 1 миллионом учащихся. Но в действительности достижения были даже выше, чем показывают цифры. В огромной степени улучшилось качество обучения. Старые учителя были главным образом дьячки, церковные певчие и отставные солдаты, из которых многие сами еле-еле умели читать, а тем более писать и считать. Чтобы устранить это зло, земство основало учительские семинарии и увеличило жалованье учителям в среднем с пятидесяти - шестидесяти рублей в год до двухсот рублей, а в особых случаях даже до трехсот и трехсот пятидесяти. Были также организованы педагогические курсы, посещавшиеся учителями во время школьных

каникул. Благодаря всем этим мероприятиям качество преподавания в школах неизмеримо улучшилось. Хотя общих статистических данных о результатах новых методов обучения не имеется, но многочисленные внушительные факты можно найти в отчетах земства Новгородской, Московской, Самарской и некоторых других губерний.

Из нынешнего состава учителей примерно одна треть получила превосходную подготовку в педагогических училищах и учительских семинариях, еще одна треть имеет гимназические аттестаты, а остальные - это учителя старой школы. Из своих скромных доходов в 18 миллионов рублей земство

выделяет на образовательные цели 4 миллиона, в то время как правительство из своего бюджета в 360 миллионов расходует на цели просвещения всего 1,5 миллиона. Притом из этой суммы 300 тысяч тратится на инспекцию, то есть на школьную полицию. Сельское население - освобожденные крепостные и их дети, которых многие считали безнадежно невежественными, грубыми и не способными

ни к какой гражданской деятельности, - проявляет почти патетическое стремление обеспечить своим детям блага просвещения. Незирая на свою уже вошедшую в поговорку бедность, наши деревенские общества добровольно собирали такую же сумму на содержание начальных школ, как земство и правительство, вместе взятые. Из общей суммы - около 7750 тысяч рублей, - расходуемой на содержание школ, крестьяне вносят 41 процент, земство - 34, правительство - 14 и частные лица, большей частью помещики, - 11 процентов. И весьма красноречив тот факт, что самые чувствительные жертвы для целей народного образования приносятся как раз в тех губерниях, где крестьяне имеют в земстве наибольшее число депутатов.

Города, и прежде всего Петербург, тоже приложили немалые усилия для распространения образования среди народа. В столице вместо 13 жалких школ в 1864 году с несколькими десятками учеников мы имеем в 1882 году 158 отличных учебных заведений с штатом дипломированных учителей и с шестью тысячами учащихся, мальчиков и девочек. В Тамбовской губернии, где до создания земства было 174 начальные школы с 7700 учениками, теперь имеется 500 школ, посещаемых в среднем 27 тысячами детей. Нижегородская губерния в 1860 году имела 28 школ с 1500 учениками; двадцать лет спустя земство этой губернии создало уже 337 школ, в которых начальное образование получили почти 12 тысяч детей.

Достигнутые успехи были бы замечательными при любых условиях, но, принимая во внимание враждебность правительства и трудности, чинимые бюрократией, они кажутся просто чудом. Правительство отнюдь не относится благосклонно к университетам и к средним школам, но к начальным школам оно выказывает еще гораздо меньше симпатии. Обращение с народными школами просто недостойно правителей великой страны, и, если бы факты, которые я хочу ниже привести, нуждались в доказательствах, то есть не были бы взяты из официальных сообщений и не публиковались бы в газетах, всегда находящихся под дамокловым мечом цензуры и запрещения, они показались бы совершенно неправдоподобными, а я был бы обвинен в злонамеренном преувеличении.

х х х

Едва земство начало свою преобразовательную деятельность, как оно натолкнулось на противодействие министерства. Самой неотложной необходимостью были хорошие учителя. Поэтому земство ходатайствовало о дозволении - оно не просило ничего большего - основать учительские семинарии. После двухлетнего ожидания и множества петиций Головин,

тогдашний министр народного просвещения, казалось, уже готов был дать требуемое разрешение. Но в 1866 году произошло первое покушение на Александра II, а за сим последовало вступление графа Толстого в кабинет и принятие им портфеля министра народного просвещения. Первым деянием Толстого было категорически запретить предполагавшееся основание учительских семинарий, и в докладе царю, опубликованном в 1867 году, граф ставит себе в особую заслугу задушение в корне этого пагубного революционного замысла. По его просвещенному мнению, педагогические училища

не только станут центрами демократической пропаганды, но превратятся также в орудие отравления русских детей порочными идеями. В течение долгих пяти лет министр оставался глухим к увещаниям и мольбам земства, которое вынуждено было доставать учителей, где могло, и сохранять на службе многих пономарей и отставных солдат, едва ли более грамотных, чем их ученики.

Но события 1870 года вызвали поразительные перемены, ибо сказано было - и все этому поверили, - что победы под Вертом, Гравелот и Седаном одержал не генерал фон Мольтке, а прусский народный учитель. Некоторых советников царя, и особенно военного министра, внезапно осенило, что солдаты только выиграют от умения читать и писать; запрещение основывать педагогические училища было отменено. Теперь таких училищ имеется шестьдесят. Но граф Толстой покорился необходимости с неохотой, и некоторые земства, хотя они не прекращали своих ходатайств, до сих пор не получили соответствующего разрешения. Эти превосходные учебные заведения с самого своего основания вызывали к себе неприязнь и постоянную подозрительность со стороны властей, и они непрестанно находятся под двойным огнем - государственной полиции и полиции министерства народного просвещения.

Но, по правде говоря, министр народного просвещения выказал в этой борьбе гораздо большее рвение, чем Третье отделение. Судьба наших лучших педагогических училищ, созданных усилиями земства и частных лиц, таких, как Максимова в Твери, Дружинина в Торжке, рязанского земства и многих других, разгромленных за "принятие слишком большого числа учащихся", за "слишком большое расширение учебной программы", за "слишком большое снижение платы

за учение" и другие подобные же преступления, является наилучшей иллюстрацией к тенденциям, на основе которых наш так называемый министр народного просвещения на протяжении последних пятнадцати лет руководил делами своего департамента и содействовал распространению народного образования в России.

х х х

Поход против университетов имеет давнишнюю историю. Поход против среднего образования начался в 1866 году. Что касается народных школ, то в продолжение нескольких лет они были в какой-то степени избавлены от вмешательства. Но в 1874 году наше правительство вдруг осенило: не допуская

заронения в детские души семян недовольства, можно уничтожить нигилизм в самом его истоке. Эта идея была вызвана открытием, что несколько учителей оказались революционерами. Как правило, революционеры с целью завоевать доверие народа принимали вид простых рабочих и действительно работали кузнецами, каменщиками, строителями и чернорабочими. Несколько человек - вероятно, не более десятка - стали учителями в деревенских школах, стремясь вести пропаганду среди крестьян. Но они, безусловно, не намеревались прививать нигилистические взгляды детям, постигающим азбуку и погруженным в тайны умножения. Удивительное открытие привело к передаче всех 25 тысяч школ под надзор полиции и подсказало властям идею знаменитого Положения 1874 года о начальных народных школах. Характер и последствия этого Положения следующим образом описаны одной петербургской газетой вскоре после того, как граф Толстой временно попал в немилость, и в течение краткого промежутка газеты могли писать правду, не опасаясь судебного преследования или запрещения.

"Встревоженный разливом революционной пропаганды на тридцать семь губерний, граф Толстой увидел и в русской народной школе возможный и сильный очаг революции, и в народном учителе - самого страшного пропагандиста разрушительных теорий. И вот благодаря такому взгляду министр народного просвещения, вместо того чтобы созидать школу для просвещения масс, начинает охранять почти несозданную и, во всяком случае, совсем еще не окрепшую народную школу от зловредных влияний, охранять мерами, более способными убить ее, чем защитить от действительного зла, начинает всеми силами тормозить ее развитие. В глазах графа Толстого наш загнанный, почти нищий, малосведущий, малоопытный народный учитель (только в 1871 году было разрешено основать учительские семинарии) сделался чуть не врагом государственного порядка и общественной безопасности, за которым необходимо смотреть не в два, а по крайней мере в тридцать шесть глаз. Вместо того чтобы научить его, руководить им в области его специальности, было признано необходимым следить за его жизнью, за его образом мыслей и читать в его сердце. Взамен моральной поддержки при исполнении им чрезвычайно трудной обязанности было сочтено нужным создать для него такую обстановку, чтобы он трепетал ежесекундно за свой нищенский кусок хлеба, чтобы он знал, что каждый его малейший шаг к самостоятельности может навлечь на него подозрение в политической неблагонадежности, что он живет во враждебном лагере и должен быть готов в любой момент к травле и облаве.

Понятно, что при подобных представлениях о народной школе и ее учителе бывшему министру казалось мало общей полиции и Третьего отделения, и он создал свою, позволим себе назвать так, народно-школьную государственную полицию в виде губернских и уездных училищных советов.

Чего-либо подобного этой системе в деле народного образования мы не встретим ни у одного из цивилизованных народов мира. В самом деле, взгляните, как и кем опекается наша народная школа, еще не вышедшая из пеленок. Каждое народное училище находится под надзором губернатора, епархиального архиерея или лиц, им назначаемых (обыкновенно местные благочинные), двух училищных советов - губернского и уездного, в состав которых входят пятнадцать лиц, и, наконец, своего попечителя или

попечительницы - итого восемнадцать человек призваны специально для надзора за народной школой! Каждый из них (за исключением попечителей) может ревизовать училище, делать свои замечания, направлять по-своему ход занятий и, понятно, сообразно своим вкусам глядеть на деятельность и личность учителя, а следовательно, и влиять так или иначе на его судьбу и службу. Из этих восемнадцати лиц четверем (двум предводителям, директору и инспектору) предоставлено право по своему личному усмотрению отстранять от должности каждого учителя и закрывать временно каждое училище, если кто-либо из них найдет это нужным ввиду неблагонадежности данного лица или вредного направления в целом училища. Но самая характерная черта в этой организации надзора за народной школой заключается в том, что из восемнадцати лиц, призванных к нему, только два - директор и инспектор народных училищ - могут считаться, по крайней мере в принципе, людьми компетентными в педагогическом деле, назначение же остальных по необходимости состоит в подготовке и собирании материала".

Мало того. Автор Положения, придерживаясь, по-видимому, того мнения, что пятнадцати инквизиторов недостаточно для предохранения школы от политической порчи, уполномочил председателя училищного совета избирать по своему усмотрению из дворян уезда несколько частных лиц для наблюдения за качеством преподавания в народных школах и особенно за его политическими тенденциями. Эти лица, хотя им не давались никакие административные функции, призывались сообщать свои "наблюдения и предложения" (sic!) председателю училищного совета, другими словами, играть роль шпионов.

Кошелев, один из самых уважаемых земских деятелей, в статье, напечатанной в газете "Земство", высказал сомнение, чтобы по всей империи можно было найти достаточно угодливых дворян, готовых взять на себя столь позорную роль. Но это не делает означенное установление менее характерным для методов царского правительства или положение сельских учителей более терпимым. Роль, от которой отказались господа дворяне, приняли на себя уездный становой, деревенский староста и местный кабатчик, из которых каждый может сообщать свои "наблюдения и предложения" школьному инспектору,

а последствием этого обычно бывает незамедлительное увольнение учителя.

"Положение наших учителей, - замечает священник Кульчинский в "Самарском земстве", - воистину невыносимо. Они подвергаются надзору не только со стороны своего многочисленного начальства, но и всех любителей соваться не в свое дело, так что совершенно невозможно стало удовлетворять столь различные требования и противоречивые вкусы".

Приведу следующую выдержку из отчета ревизионной комиссии черниговского земства от 1880 года:

"Обстоятельства политического характера, взволновавшие в последнее время нашу провинциальную жизнь, заставили ряд лиц и учреждений вмешаться в школьные дела, и это вмешательство не имело положительных результатов. Учителя оказались подвластными не только бесчисленным начальникам - от предводителя дворянства до сельского священника, но и полицейским, волостным стражникам и деревенским старостам. Досаждаемый столькими хозяевами, учитель не в состоянии исполнять свои обязанности; он теряет

голову и, чтобы хоть немного отдохнуть, часто вынужден отказываться от своей должности".

Весьма печально также, что с лучшими людьми хуже всего обращаются. Чем учитель умнее, образованнее и преданнее своему долгу, тем скорее он вызывает подозрения у своего начальства и обличается каким-нибудь полицейским шпионом как подстрекатель к подрывной деятельности и развратитель молодежи. Если, напротив, он невежда и бездарен, пьяница и бездельник, его никогда не обвинят, что он волк в овечьей шкуре и тайный революционер. Целью новых установлений, по-видимому, является стремление изгнать из школ самых опытных и честных учителей. Это хорошо понимают в земстве и публично подтверждено новгородским училищным советом, выразившим в официальном докладе свое удивление по поводу того, что вообще еще находятся опытные учителя, готовые подчиняться предъявленным им условиям, и что удалось достигнуть хоть каких-то весьма скромных результатов.

х х х

И весь этот вандализм, вся атмосфера террора вызваны только тем, что среди 25 тысяч учителей обнаружены двадцать или тридцать бунтарей! Неужели царское правительство так нелепо нервно, что дрожит при одной мысли об одном-двух десятках или даже о сотне нигилистов, рассеянных по необозримым просторам империи? Или это только повод, чтобы мешать распространению народного образования? В ожидании ответа на этот вопрос я от всей души воздаю должное идиотизму поведения правительства, если, конечно, предположить, что оно искренно...

Но, как мы дальше увидим, политика властей в отношении народного просвещения обладает одной примечательной особенностью, которую нельзя объяснить страхом перед социализмом.

Как я уже упоминал, Положение 1864 года фактически передавало руководство начальными школами в руки местных органов самоуправления. Это было лучшим и самым естественным устройством, и оно действовало ко всеобщему удовлетворению. И земство со своим рвением, и крестьяне со своими денежными сборами показали себя вполне достойными возложенной на них ответственности.

Но с 1869 года правительство мало-помалу начало уничтожать сделанное ими доброе дело. Положением 1874 года управление школами было отнято у местных обществ и передано чиновникам. За земством оставили лишь право давать деньги, если оно хочет, ибо взносы не обязательны, но оно не имеет права наблюдать за расходованием средств или за учебной частью, что полностью возложено на чиновников, назначаемых министром и имеющих официальное звание инспекторов народных школ. Власть этих инспекторов почти деспотическая. Без их разрешения нельзя ни построить школьное здание, ни пригласить учителя, ни начать новый курс обучения и даже купить букварь. Росчерком пера инспектор может уволить учителя, закрыть школу, запретить

ведение уроков. Так называемый училищный совет может попросить, но не может требовать сведений об успехах школ, для которых он "выкарманивает" средства. Инспектора отказываются даже сообщать результаты переходных экзаменов, потому что дать совету подобные сведения, как недавно заявил чиновник земству Таврической губернии, значило бы признать за ним право вмешиваться в дела, касающиеся исключительно инспекторов. Так что единственная сфера деятельности, оставленная открытой для училищных советов, - полицейская. И чрезвычайно любопытно: в случае обнаружения чего-либо политически подозрительного члены совета могут уволить учителя или закрыть школу, но они не вправе рекомендовать учебник, высказать свое мнение о качестве обучения или об успеваемости учащихся. А ведь инспектора, как известно, не обладают особой квалификацией для занимаемой ими должности.

В течение последних нескольких лет, говорится в докладе черниговского земства за 1881 год, инспекция наших школ стала более строгой и менее педагогической. Среди новых инспекторов начальных школ едва ли найдется хоть один с высшим образованием или хотя бы со свидетельством о праве преподавания. Некоторые из них просто феноменальные невежды. Об одном, некоем Янковском, в отчете бердянского земства упоминается, что он во время публичных экзаменов, происходивших в присутствии губернатора, проявил абсолютное незнание простейших правил арифметики, известных детям младшего возраста.

Чем же вызвана реакционная политика царского правительства в отношении народную образования? Доводить полицейский надзор за школьным учителем до такого абсурда кажется не чем иным, как бессмысленной прихотью власти. Это все равно, что сжечь дом, дабы избавиться от мышей. Однако имеется достаточно явная, хотя и совершенно несостоятельная, причина. Школьные учителя - это обычно молодые люди, юноши и девушки, а так как молодые более восприимчивы к новым и неведомым идеям, чем пожилые, заражение их чумой нигилизма, разумеется, более вероятно. Ибо нет никаких сомнений, что репрессивные меры правительства направлены именно против молодых учителей, даже с риском вообще уничтожить начальное образование или сделать его бесполезным до никчемности.

Это заключение само по себе правильное, но оно не объясняет, почему управление школами отнято у земства. Такое противоречащее здравому смыслу решение не может быть продиктовано политическими соображениями. Даже самому

подозрительному из министров никогда не приходило в голову, что земство способно превратить школы в центры социалистической пропаганды. Земские деятели - это помещики, священники, купцы и старшины, притом никто из них не находится в расцвете молодости, и даже одаренный самым поразительным нюхом полицейский чин не учуял бы у этих людей симпатий к социалистическим идеалам. Действительно, земцы не одобряют существующего строя. Каждый земский деятель, если он не предатель своего дела, непременно должен желать самоуправления и свободной инициативы общества и поэтому более или менее широких политических свобод. С другой стороны, не было такого случая, чтобы земство использовало школы для пропаганды, скажем, конституционных идей. В

течение двадцати одного года существования тридцати четырех земств им ни разу не было предъявлено подобных обвинений.

Итак, мы приходим к заключению, что реакционные меры правительства продиктованы его инстинктивной неприязнью к образованию; власти исходят при этом из собственных интересов и стараются помешать тому, что они называют слишком быстрым просвещением народных масс. С первого взгляда такой вывод покажется столь же нелепым, как и другие неизбежные выводы, касающиеся побуждений царского правительства. Но надо вменить ему в заслугу, что оно откровенно до цинизма, - такие факты имеются в избытке.

Положение 1874 года строго ограничивает рамки образования, получаемого в народных школах. В других странах существует так называемый образовательный минимум, обязательный для всех детей. В России, напротив, имеется максимум, за пределы которого не дозволено выходить. Строго запрещено давать крестьянским детишкам больше, чем элементарное знание катехизиса и Священного писания, чтения и письма, а также четырех правил арифметики.

Земство все снова и снова ходатайствовало перед министерством о дозволении хоть немного расширить этот скудный учебный план и дать ребятам, из которых многие очень способны и жаждут учиться, представление о геометрии, десятичных дробях и географии родной страны. Но все напрасно. Ответом на просьбы было либо презрительное молчание, либо безапелляционное "нет". Не чем иным, как мракобесием, нельзя объяснить отказ разрешить пользоваться в народных школах Финляндии, Украины и Польши не только русским, но и родным языком, хотя крестьяне в этих странах знают один только свой родной язык. Вследствие этого дети большей частью не выучиваются ни русскому языку и вообще ничему другому, то есть происходит как раз то, чего власти, вероятно, и добиваются.

Управление школами при нынешней системе из рук вон плохое, как всегда бывает, когда бюрократия начинает вмешиваться в местные дела, требующие особых знаний. Расходуемые на 112 инспекторов средства, которых вполне хватало бы на содержание 700 новых школ, просто выброшены на ветер. Каждый из 112 чиновников имеет на своем попечении 122 школы, а так как начальные школы открыты всего 156 рабочих дней в году, то уездный инспектор в течение этого времени может уделить каждой школе не более одного дня, то есть мог бы, если бы все они находились на близком расстоянии одна от другой. Но школы обычно рассеяны на территории, равной половине Ирландии, и не сообщаются железной дорогой, а только очень плохими проселками, поэтому совершенно очевидно, что ни один инспектор, каким бы он ни отличался усердием, не может посвятить каждой из подведомственных ему школ более одного часа в год, даже если он будет скакать галопом по всему уезду.

Кроме того, инспектора, по уши занятые школьной работой, завалены еще огромным количеством канцелярских бумаг. Они всегда пишут письма и отвечают на письма, составляют отчеты и заполняют формуляры. Когда земство пожаловалось, что белоозерский инспектор никогда не появляется в их школах, он страшно возмутился: как, мол, могут они ожидать от него другого, если он в течение года обязан отправлять две тысячи ведомственных и других бумаг. В 1879 году новгородское земство пожаловалось, что у инспекторов нет времени

посещать даже образцовые школы уезда или присутствовать на экзаменах. Это создает постоянные затруднения, ибо никто, кроме инспектора, не может делать распоряжений и представлять отчеты. Подобные же жалобы постоянно поступают от саратовского, черниговского, екатеринославского и других земств. И хотя они неоднократно предлагали назначить дополнительных инспекторов за свой счет, им не удалось добиться согласия министерства на столь разумный выход из создавшихся затруднений.

х х х

В конечном счете школы оставлены без надлежащего учебного надзора (в отличие от политического надзора) и какого бы то ни было управления. Инспектора сами не руководят и другим не дают. Земские деятели стоят перед выбором: либо смотреть, скрестив руки, как гибнет их любимое детище, или ввязаться в нескончаемую борьбу с представителями государства. В итоге мы видим полный упадок начальных школ, с одной стороны, и беспрестанные передраги с инспекторами - с другой. Злосчастная история наших народных школ представляется нам в виде непрерывной войны между непримиримыми элементами, и в этой войне инспектора при поддержке министерства всегда побеждают. Кроме того, в стране, столь привыкшей к деспотическому правлению, споры совершенно неизбежно принимают характер чистейшего вандализма.

Примечательным примером этому является происшествие, случившееся в Бердянске.

Бердянск заслужил особую репутацию большими достижениями в области народного образования. В этом просвещенном уезде - он славится лучшими школами во всей просвещенной Таврической губернии - только одна из 88 народных школ получала государственную субсидию, остальные содержались местными обществами. В уезде не было своего школьного инспектора. Чиновник, исполнявший инспекторские обязанности, имел под своим началом еще два уезда и, естественно, не мог уделять много внимания ни одному из них. Поэтому земство, не надеясь получить разрешение назначить собственного дельного инспектора, решило добиться передачи инспекторских полномочий одному из местных чиновников.

Министру было послано ходатайство, причем земство предложило платить чиновнику жалованье из собственных средств. Целых пять лет на неоднократно повторяемое скромное прошение не обращали никакого внимания и не ответили на него. Но упорство делает чудеса, и на пятом году земство обрадовали назначением некоего Гарусова - милость, за которую земские деятели выразили министру свою глубочайшую благодарность.

Но прошло немного времени, и они обнаружили, что совершили такую же большую ошибку, как лягушки, попросившие короля и получившие аиста. Новый инспектор повел себя как в завоеванной стране. Он отменил все распоряжения и правила дирекции школ, не заменив их новыми, и это немедленно вызвало страшную неразбериху. А когда через некоторое время появились правила и

предписания Гарусова, то они настолько противоречили прежним, что учителя не знали, что им делать и чьи указания выполнять. Затем он принялся без всякого благовидного предлога увольнять и перемещать с места на место лучших учителей. Преследуемые угрозами Гарусова быть "выброшенными на

улицу

одним росчерком пера", учителя бросились бежать из уезда. А когда Гарусов для устрашения предъявил некоторым из них политические обвинения, абсолютно ложные, как впоследствии выяснилось, учителей охватила настоящая паника.

Земство пожаловалось губернатору, а затем министру и умоляло избавить их от вандала, которым он их наградил. Но все было тщетно. В конце концов земство отделалось от Гарусова только благодаря счастливому случаю. Инспектор предъявил одному учителю столь возмутительное обвинение, что Тотлебен вынужден был уволить этого инспектора, и в октябре 1879 года его сменил Янковский. Но министр, очевидно, питал к Бердянскому уезду особую ненависть, ибо его прославленные школы процветали. Янковский оказался немногим лучше своего предшественника. Он беспричинно увольнял учителей, а когда земство заявило протест против увольнения классной наставницы, которой он предъявил обвинение в сочувствии социализму, Янковский стал грозиться обвинить все земство в приверженности к подрывным идеям. Он не обращал никакого внимания на пожелания земства в отношении ведения школ, заявляя, что их единственная забота - платить ему жалованье. Он внес многочисленные изменения в учебную программу, а новые учебники могли прибыть только к концу года, когда занятия уже кончились. Школы оставались без учителей только потому, что инспектор не давал себе труда утвердить назначения. Эта варварская система продолжалась два года и не кончилась бы по сей день, если бы в газеты не устремился поток писем и бердянские школы не превратились в злобу дня и публичный скандал.

Будь подобные явления редким исключением, их можно было бы при большом желании считать случайностью и объяснить тупостью властей. Но они повторяются слишком часто, чтобы не быть умышленными, и, несомненно, если не на словах, то на деле выражают преднамеренную политику министерства народного просвещения. В Тамбовской, Екатеринославской и многих других губерниях имели место подобные же факты; конфликты между земством и инспекторами, возникавшие по тем же причинам, можно перечислять до бесконечности. На своем годовом собрании в 1879 году рязанское земство поднесло адрес с выражением благодарности пяти инспекторам губернии за то, что они "воздерживались от применения средств, имеющихся в их распоряжении, и не мешали усилиям земства, направленным на распространение начального образования и успешное развитие сельских школ". Может ли ирония звучать горше и можно ли привести лучшие доказательства решимости правительства всеми возможными средствами, за исключением закрытия, препятствовать преуспеванию народных школ? Правда, школ стало больше, но вследствие отсутствия подлинной инспекции, с одной стороны, и частых изменений в учебной части, а также беспрестанного увольнения учителей - с другой, их успеваемость уменьшилась до такой степени, что они совершенно захирели.

В некоторых случаях земство, когда надоедало ходатайствовать и увещевать, отказывалось давать субсидии и оставляло школы на произвол

судьбы. Во время кратковременной опалы графа Толстого возникли новые надежды и его преемника Сабурова буквально засыпали ходатайствами со всех концов империи, упрасывая вернуть земству свободу действий в деле народного просвещения. Но когда через год и два месяца граф Толстой вернулся к власти в качестве министра внутренних дел, снова рухнули все надежды на какие-либо изменения к лучшему.

х х х

Военное министерство всегда выказывало большую благосклонность к народному образованию, чем министерство народного просвещения, и по новому закону о воинской повинности юношей, окончивших народные школы, отпускают

после четырех лет военной службы вместо обычных шести лет. Но из-за равнодушия крестьян, вызванного явно неудовлетворительным состоянием школ, эта статья стала почти мертвой буквой. "О положении в наших школах, - писал один журнал в 1880 году, - свидетельствует тот факт, что большое число учеников бросают занятия до окончания курса. В 1877 году свидетельства об окончании школы были выданы не более 88 255 ученикам, что составляет всего восемь процентов всех учащихся". Эти цифры красноречивее слов. Только одному ученику из двенадцати или тринадцати удается достигнуть весьма невысокого уровня знаний, установленного экзаменаторами.

Конечно, власти могли бы быть вполне удовлетворены - они и в самом деле притесняли одиннадцать школ из двенадцати. Но очевидно, это не так, ибо министр народного просвещения носится с мыслью осуществить еще более радикальные меры, чем отстранение земства, меры, которые означали бы в конечном итоге полное оскудение начального образования по всей империи*. Министр предполагает вовсе забрать школы из ведения земства и передать их под исключительное управление духовенства. Он с таким же успехом мог бы предложить передать руководство школами самим детям, все равно школы были бы полностью заброшены и преданы гибели. У духовенства нет ни времени, ни желания для чего-либо другого, кроме чисто церковных обязанностей.

---

* Это было написано до 12 июня 1884 года. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Казанское земство не так давно жаловалось на то, что в течение двух лет школы ни разу не посетил ни один священник. Официальные жалобы по этому поводу высказывали московское, воронежское, черниговское, тамбовское и петербургское земства. В некоторых губерниях священники даже собирались и выносили решения о том, что закон божий успешно могут преподавать и мирские учителя, ибо эту обязанность духовенство совершенно не в состоянии выполнять. Но даже если учесть большие размеры некоторых приходов, при которых один урок в неделю в каждой школе отнимал бы два-три дня, все же такое заключение весьма удивительно. Ведь попу тоже не дано быть

одновременно в двух местах. Легко себе представить, какими могут быть последствия передачи школ священникам, столь обремененным собственными делами, не говоря уже о совершенном отсутствии у них педагогических навыков.

Все это хорошо известно графу Толстому как бывшему министру народного просвещения и бывшему обер-прокурору Святейшего Синода. Со своей стороны я не думаю, чтобы чудовищный план был проведен в жизнь. Есть границы даже слепоте и злобности самодержавия, основанных на невежестве и подкрепленных ложью. Но весьма характерно для духа, вдохновляющего царских советников, что столь враждебный лучшим интересам страны план вообще может подвергаться серьезному обсуждению.

х х х

Я писал это в "Таймсе" весной 1884 года и теперь воспроизвожу предыдущие строки в искупление отсутствия у меня дара предвидения и проявленного тогда неуместного оптимизма. Замещение земства духовенством в управлении школами - то, что я менее года тому назад считал явно невозможным, - осуществлено законом от 12 июня 1884 года, упразднившим училищные советы и передавшим все их полномочия епархиальным архиереям и назначенным ими лицам из духовенства.

Если в результате этих мер крестьянство не будет отброшено назад к своему дореформенному положению, когда, как сказал один наш писатель, можно было ездить неделю и не встретить мужика, умеющего подписать свое имя, то только потому, что сами мужики приобрели вкус к учению. Что касается министра народного просвещения, то надо отдать ему справедливость и признать, что он сделал теперь все, что в человеческих силах, для осуществления золотой мечты деспотизма - всеобщей неграмотности.

Глава XXVIII

ЗЕМСТВО

Принцип самоуправления не был новью в России. Когда московский деспотизм сокрушил под своей железной пятой все сословия и отнял у народа его самые священные права, село и город, как говорит Костомаров, выразили свой протест по-своему. Люди возмещали утраченные права тем, что прибирали к рукам все, что вверялось им государством. Обманывать правительство, похищать его средства, торговать правосудием, которое они отправляли от его имени, и грабить земли, которыми им поручено было управлять, превратилось для должностных лиц древней Московии в принятый, закоренелый и наследственный обычай. От высших до низших - все воровали. Они не делали различий между хищением и жалованьем, грабежом и доходами. Да и центральное

правительство само не очень противодействовало такой практике и таким принципам, оно защищалось против казнокрадства и вымогательства только тогда, когда грабители подчас переходили всякие границы. Бедный боярин, прося у царя должности воеводы, не пытался даже скрывать свои побуждения, излагая свою просьбу примерно в следующих выражениях: "Воевода имярек достаточно долго занимал эту должность, чтобы стать богатым, а я, твой верный слуга, превратился в нищего, и холопы мои мрут под палками податных. Отдай мне эту должность, чтобы я мог хоть немного покормиться".

"Давать в кормление" или "получать в кормление" были принятые выражения, когда речь шла о назначении на пост правителя области, города или крепости. С течением времени эта фраза вышла из употребления, но сама идея существует и поныне. Когда великому князю Михаилу Павловичу, брату императора Николая, доложили, что генерал Афросимов, командир лейб-гвардии Финляндского полка, представил около тридцати тысяч рублей годовой экономии, тот резко о нем выразился, прибавив: "Ему не для того дан полк, чтобы он собирал крохи"*.

---

* "Исторический вестник", декабрь 1884 года. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Но жадность саранчи, налегавшей на земли, чтобы, пожирая все, тучнеть от кормления, стала столь ненасытной, что центральное правительство уже в давние времена начало бить тревогу: жалкие остатки, уцелевшие для нужд государства, были слишком малы. Надзор, который осуществляли московские приказные дьяки, был весьма призрачен, ибо сами дьяки были не меньшие воры, чем воеводы. Поэтому правительство вынуждено было создать местные органы власти для охраны против хищений и грабежа своих же собственных уполномоченных.

Первая попытка учредить систему местного самоуправления была сделана еще в царствование Ивана IV. В начале петербургского периода Российской империи, при Петре Великом, дальнейшие усилия в этом направлении были невозможны, так как все живые силы народа были привлечены на службу государству. Но, когда столетие прогресса породило образованный класс, попытка была возобновлена и нашла свое выражение в так называемой Жалованной грамоте дворянству, дарованной дворянам Екатериной II. Губернским дворянским собраниям предоставлено было право избирать из своей среды членов местной администрации и судебных органов, а также право контроля над всеми правительственными чиновниками, включая генерал-губернатора, который обязан был представлять комиссии дворян финансовый отчет губернии.

Право контроля, особенно в отношении финансовой сметы губернии, - по видимости во всяком случае - означало самое широкое самоуправление. Однако это установление всегда было, конечно, чистой формальностью. Для господ, живущих среди масс крепостных, было бы вершиной глупости ссориться из-за нескольких тысяч рублей, принадлежащих "матушке России", с губернатором, который командовал военными силами и только один мог держать в узде рабов, возделывавших их земли. Новое аристократическое самоуправление с самого

начала было мертворожденным институтом, совершенно неспособным защищать

государство от колоссального воровства его чиновников. Правильно говорили после Крымской войны, что поражение нашим армиям нанесли не союзные силы, а собственные администраторы, поставщики и чиновники.

Когда по окончании войны сочли необходимым полностью реорганизовать все общественные учреждения страны, невозможно было пренебрегать единственной возможностью хоть в какой-то степени предохранять государство от безмерной прожорливости его чиновников; эту возможность предоставило бы местное представительное управление. Поэтому вслед за освобождением крестьян самой неотложной задачей было создание земства. И из всех институтов, вновь основанных или преобразованных в первые годы царствования Александра II, ни один так мало не пострадал от последующей свирепой реакции, как земское самоуправление.

х х х

После принятия решения ввести систему местного самоуправления, абсолютно необходимого для жизни государства, в 1864 году было выработано Положение о земских учреждениях. Но власти проявили достаточно осторожности, чтобы не допустить самоуправления в слишком большой дозе, тем более что реакция уже начала поднимать голову. Роль, предоставленная земству в местных делах, фактически была весьма ограниченной. Оно могло распоряжаться только двадцатью двумя миллионами рублей из общей суммы доходов губернии. Из этих денег приходилось нести тяжелые финансовые обязательства, совершенно не входившие в круг земской деятельности: ремонт казарм, продовольствие для солдат, расходы по рекрутским наборам, расквартирование войск и удовлетворение других подобных же требований. Столь большие повинности, не имеющие никакого отношения к местному самоуправлению, поглощали львиную долю местных доходов и оставляли земству всего только четыре миллиона для собственных целей: строительства школ, здравоохранения, хозяйственных предприятий и прочего. Разумеется, денег было мало, и, если земство вообще хотело приносить какую-то пользу, их едва ли хватало.

Ограничение земств средствами вызывалось желанием властей помешать им проявлять слишком большую активность в их расходовании; были также приняты действенные меры, чтобы не допускать их вторжения в область политики.

Сборы земств были очень короткими и созывались с большими перерывами. Гласные встречались только раз в год, причем уездные земские собрания могли длиться две недели, а губернские - три недели. Едва ли оставалось время обсудить общие вопросы и дать указания своему исполнительному органу - управе, занимающейся текущими делами в промежутках между собраниями.

В сущности, самоуправление, введенное в 1864 году, в некоторых отношениях было хуже, чем дворянские вольности, дарованные Екатериной II. Земства не только не наблюдают за деятельностью генерал-губернатора, но

генерал-губернатор самым бесцеремонным образом наблюдает за деятельностью земств. Он проверяет их отчетность, без его разрешения нельзя публиковать сообщения о земских собраниях и прениях. Он в любой момент может вмешаться и одним своим словом остановить исполнение всякого постановления земских учреждений под предлогом их "несогласия с законами или общими государственными пользами", то есть, попросту говоря, если оно ему не нравится. Правда, губернаторское запрещение не окончательное, оно может быть обжаловано в Сенате. Но так как земство собирается лишь раз в году, то мероприятие, приостановленное губернатором, все равно нельзя проводить в жизнь в течение двенадцати месяцев, даже в том случае, если Сенат сразу же отменит решение губернатора, а не будет откладывать дело два, а то и три года. В вопросах местного управления, не терпящих отлагательства, запрет губернатора практически непреложен.

Чтобы поставить земства в еще более полную зависимость от правительства, у них отнято право, которым пользовалось дворянское собрание, - назначать начальников низшей администрации - исправников. Это право оставлено за губернатором. Кроме того, земство не имеет своей исполнительной власти. Все дела должны вестись правительственными чиновниками, а это всегда сопряжено с бесконечными дрязгами, особенно в финансовых вопросах. Сбор земских налогов поручен земству, но, будучи для государственных казначеев лишь делом второстепенным, неотвеченным, исполняемым, так сказать, из любезности, оно проводится из рук вон плохо. Недоимки с казенных имуществ и с помещиков непрестанно растут, и общая задолженность все увеличивается, что причиняет земству бесконечные неприятности.

Однако вернемся к нашей непосредственной теме - предосторожностям, принимаемым правительством, чтобы помешать земству вмешиваться в политику. Одна из предупредительных мер - лишение земства права (если столь скромную привилегию можно называть правом) обращаться с петициями непосредственно к императору, хотя дворянские собрания широко им пользовались. Земствам фактически не позволено брать на себя инициативу ни в каком общественно полезном начинании. Они нигде не могут возвысить свой голос, кроме как в приемной министра, своего прямого начальника, и в девяти случаях из десяти министр даже не удостоивает их ответом.

И все же новое самоуправление, невзирая на его недостатки, имело одно несравнимое преимущество перед старой системой - оно не было обманом. Реформа 1861 года уничтожила рабство; дворяне и крестьяне стали согражданами одной страны и равными перед законом. Невозможно было ограничить самоуправление одним лишь сословием. Это значило бы оживить крепостничество в другой форме. Поэтому все сословия участвуют в земстве предписываемым числом гласных. Но распределение депутатских мест между сословиями вопиюще неравное.

Земские гласные избираются сословием, ими представляемым. Крестьяне, дворяне и города избирают своих гласных на отдельных выборных собраниях. Число депутатов от каждого сословия заранее установлено, и нет ничего более несправедливого, чем распределение количества гласных в нашем парламенте, выгодное только дворянству. Крестьян насчитывается в стране 60 миллионов,

они платят 83 процента всех налогов (по подсчетам князя Васильчикова, даже 90 процентов), а имеют в среднем 38,6 процента общего числа депутатских мест. Помещики насчитывают только 1 миллион человек, их вклад в национальный доход не превышает 7 процентов, но избирают они 46,2 процента гласных; участие городского сословия составляет 15,2 процента.

В ряде губерний, особенно в восьми центральных губерниях, несоответствие еще более значительно. 93 тысячи крупных помещиков представлены 1817 гласными, а 6 миллионов крестьян - только 1597 гласными.

Так что дворяне в целом имеют в местных парламентах почти половину всех мест. Но это соотношение еще далеко не точное мерило их влияния, особенно в губернских земствах, где выборы двухстепенные. Крестьян большей частью представляют деревенские старосты. Они административно подчинены предводителю дворянства, который одновременно является земским начальником, и ему подчинены органы крестьянского самоуправления.

Наконец, с целью исключения из земства наиболее демократических элементов из мелкопоместных дворян, установлен необычайно высокий избирательный ценз - владение от 200 до 300 десятин земли в густонаселенных уездах и 800 десятинами в более редконаселенных местностях. С помощью этой уловки достигается то, что число избирателей, принадлежащих к наиболее образованным кругам дворянского сословия, очень невелико.

Таким образом, система самоуправления, введенная в 1864 году, в сущности, ставит народ под опеку привилегированного сословия, вернее, его богатой и консервативной верхушки с одновременным отстранением более либеральной и прогрессивной части - мелкопоместного дворянства. Трудно вообразить, чтобы Валуеву удалось изобрести что-либо еще менее либеральное, способное лишь превратить самоуправление в орудие реакции и в препятствие на пути реформ. Но правительство, в конце концов, все же ошиблось в своих расчетах. Можно по пальцам сосчитать те случаи, когда дворяне - гласные земства пытались использовать свое превосходство к выгоде привилегированного сословия, к которому они принадлежат.

Самые серьезные усилия земства были в первую очередь направлены на то, чтобы предоставить большее влияние крестьянам, усилия, которым правительство, всегда клявшееся в своей любви к труженикам полей, разумеется, воспротивилось. И когда позднее, в 1871 году, правительство просило совета у земств 34 губерний относительно некоторых изменений в податной системе, все 34 земства высказались за уничтожение привилегий, за облегчение тяжелого бремени, возложенного на крестьянство, и предложили принять податную шкалу, пропорциональную доходам налогоплательщиков.

Тем не менее наше земство заслуживает упрека в чрезмерной почтительности к властям и в недостатке гражданского мужества. Политические теории земских деятелей, отважившихся изложить их в печатавшихся за границей газетах и брошюрах, далеко не являются образцом политической мудрости. Проекты экономических реформ, кои дозволено было им публиковать, - чистейшие паллиативы.

Я не имею ни малейшего желания особенно превозносить наши местные парламента. Но нельзя отрицать, что они проявили достойную всяких похвал активность, и в начале своей деятельности, до того как правительство взяло

их за горло, земцы трудились с горячим усердием и преданностью делу, на благо народа, а не для выгод сословия, к которому большинство из них принадлежало. В течение немногих лет земство увеличило местные доходы с 4 до 16 миллионов, проявляя также и в других областях глубокое понимание нужд народа. Их деятельность показывает, что они обладают здравым смыслом и практическим взглядом на вещи. Они доказали это, приняв близко к сердцу и поставив во главу угла самое важное дело, от которого зависит благоденствие России, - народное образование. Ибо только через просвещение массы придут к тому, чтобы самим судить и действовать. Мы видели, как энергично земцы взялись за основание начальных школ и с какой рьяностью они защищали свою деятельность от нападков министра народного просвещения.

Но земские деятели не ограничивались организацией начальных школ. Они пытались создавать также средние и профессиональные школы, чтобы сделать доступными для молодежи техническое образование и прикладные науки. Они стремились объединить свои усилия с инициативой частных лиц - примеры такого сотрудничества весьма часты в России - в основании педагогических институтов с последующей передачей их в дар обществу, и, если бы не недостаток места, я мог бы к этому прибавить множество свидетельств энергии и предприимчивости наших местных парламентов.

Они сделали фактически все, что возможно было со столь ограниченными средствами. Земство впервые стало оказывать крестьянам хоть какую-то медицинскую помощь, ибо до того времени они были не лучше обеспечены в этом отношении, чем дикари в Африке. Земство направляло врачей в захолустные деревни, отдавая предпочтение женщинам-врачам и сведущим фармацевтам, и, где могло, строило больницы. Оно всячески старалось предоставлять средства хозяйственным предприятиям, с помощью которых надеялось облегчить несчастную крестьянскую долю. Оно щедрой рукой давало деньги кооперативным сыроварням Верещагина, кооперативным промысловым предприятиям Шапиро

и

многим другим подобным же производствам, широко им поощрявшимся. Среди других добрых дел земство основало сельские банки в надежде, к сожалению только частично оправдавшейся, что, давая крестьянам деньги займы за небольшие проценты, оно избавит их от кровопийц-ростовщиков. Земства ссужали крестьян деньгами на покупку маленьких земельных наделов и ввели в обиход страхование от огня. Они прилагали все усилия, чтобы во время земских выборов оградить крестьян от запугивания их нижними чинами администрации, охраняли их домашний покой от назойливости полицейского урядника и души от духовного урядника - попа-фарисея и доносчика, постоянно взывающего к полиции помочь ему удержать свою паству от впадения в ересь и раскол.

Во всей этой полезной, хотя и умеренной, активности земские учреждения наталкивались на огромные препятствия, и самыми труднопреодолимыми были леность чиновников и откровенная недоброжелательность бюрократии. Например, для получения толковых фармацевтов нужны были специальные школы, но

проект

основания такой школы сразу же вызвал страшный призрак пропаганды. Наконец, в октябре 1866 года был принят закон, по которому назначенные земством

фармацевты утверждались губернаторами. Если возникал вопрос о покупке большого участка помещичьей земли, сразу находился ревнитель порядка, чтобы опорочить это мероприятие и представить его как часть плана конфискации земли в пользу крестьян и ниспровержения существующего строя. Если вставала проблема наиболее успешной борьбы против нашествия саранчи или других вредителей посевов и привлечения к этому всех земств пострадавшего края, дело тянулось месяцами, даже годами, прежде чем давалось необходимое разрешение, - так велик был страх правительства, как бы земцы, съехавшись вместе из нескольких губерний, не принялись сразу обсуждать политические вопросы.

Однако, несмотря на все старания властей постоянно ставить им палки в колеса, земства положили хорошее начало во всех этих делах, и если им не удалось достигнуть большего, если они не преуспели в обеспечении деревни хорошими школами и сведущими врачами, если не смогли задержать все усиливающееся обнищание крестьян, то виной этому не недостаток доброй воли или умения и деловых способностей, а узость их круга деятельности и непрестанные ограничения, установленные для них государством, ограничения, которые с самого начала существования местного самоуправления становились все более строгими и стеснительными.

х х х

В своей главе о земстве Леруа-Болье на основе личных наблюдений с большой живостью описывает энтузиазм, с каким русский народ встретил Положение 1864 года о земских учреждениях. После освобождения крестьян не было ни одной реформы, которая вызвала бы такое удовлетворение и возбудила бы столько надежд, как учреждение земства. Однако французский писатель ошибается, говоря, что русские в пылу восторга не заметили недостатков новой реформы. Достаточно перелистать демократические газеты того времени, чтобы убедиться в том, как глубоко прогрессивные круги общества сознавали ее многочисленные и серьезные недочеты. И если основная масса образованного общества, малосведущая в практических вопросах, переоценивала достоинства реформы, то сами земские деятели далеко не разделяли этих иллюзий.

В конце пятидесятых и начале шестидесятых годов члены дворянских собраний, составившие потом основную часть членов земств, включая и петербургское, неоднократно выставляли в своих адресах и петициях требование местного самоуправления, причем гораздо более широкого и действенного, чем земские учреждения, дарованные Положением 1864 года четыре года спустя. Эти деятели, несомненно, не были слепы в отношении истинного характера земской реформы. Но они более всех других были введены в заблуждение и не представляли себе возможных ее результатов.

Готовность особой категории русских людей "быть благодарными за малые милости" и с радостью приветствовать любые уступки, какие свободный человек должен был бы с презрением отвергнуть, является примечательной чертой нашего общества. В то же время это свойство представляет разительный

контраст с обратной тенденцией известной части русского народа, заключающейся в абсолютной утопичности взглядов, в стремлении все изменить и сразу, как по мановению волшебной палочки, не зная никакого снисхождения к нашему старому, дряхлому миру и не признавая его пороков, слабостей и давно утвердившихся привычек.

"Одна из аномалий русской жизни!" - таково стереотипное объяснение этого явления. Но разве эти поразительные контрасты не исходят все из одного источника - охватившего теперь всю образованную Россию страстного желания, то скрытого, то исступленного, сделать что-то для блага народа. А злые чудовища, преграждающие путь, несомненно, могут быть побеждены силой мужества и преданности. В России всегда было много мечтателей, надеявшихся преобразовать страну с помощью школ, образцовых сельских хозяйств и обществ взаимной помощи, а также фантазеров-социалистов, верящих, что им удастся вернуть золотой век магией революционной пропаганды.

Склонность предаваться мечтаньям, делающая человека неспособным понимать суровую действительность и разрешать трудные вопросы нашего бытия, в значительной степени задерживала социальное и политическое развитие русского общества. Возможно, наступит время, когда умение мечтать будет благодетельным для народа. Это покажет будущее. Но сейчас нельзя не отметить поразительный пример губительных последствий нашей мечтательности - образование партии, по безумию своему и самообольщению не уступающей даже славянофильству Аксакова и Хомякова. Основная идея этой прежде достаточно многочисленной партии, в которой главенствовал старый славянофил Кошелев, заключалась в сочетании представительного правления снизу и самодержавия сверху. С таким же успехом можно попытаться соединить огонь и воду или сохранить железо горячим в свежеснеженном снегу.

Земство не сельская община. Оно не может наподобие нашего сельского мира обособляться в собственном крошечном мире, счастливое тем, что его никто не трогает. Земство зачастую представляет губернию, по территории лишь наполовину меньше Испании, с населением, равным числу жителей Вюртемберга или Дании. У земства тысяча забот, тысячи нитей связывают его с соседними губерниями. На каждом шагу земские учреждения приходят в соприкосновение с представителями государства. Имея возможность распоряжаться лишь одной двадцатой частью доходов губернии, земство не может равнодушно взирать на тупость и прочно установившуюся несостоятельность чиновников, распоряжающихся остальными девятнадцатью двадцатыми. Стремление обуздать бюрократию, отстранить ее от управления общественными делами присуще любой системе представительного правления.

Чем

усерднее земство трудится для благоденствия народа, тем сильнее оно жаждет ограничить власть чиновников, начиная с губернской администрации и кончая управлением и руководством всего государства. Как круглый камень катится вниз по наклонной плоскости, так и самоуправление неизбежно стремится к своей заветной цели - политическим преобразованиям и представительным учреждениям по европейскому образцу. И какими бы ни были идеи Кошелева и земцев-славянофилов, это движение ничто не может остановить.

Центральная администрация, будучи правительством чиновников, все это

прекрасно понимает. Кроме того, земство, как и прежние представительные учреждения, пользуется всяким случаем, чтобы осведомить власти о своих взглядах. В 1860, а затем в 1862 годах дворянское собрание открыто высказало правительству свое мнение о необходимости проведения конституционных реформ. Разгон петербургского дворянского собрания, одного из самых смелых в стране, и высылка руководителей тверского дворянства служат этому достаточным подтверждением. Но, к несчастью, русские люди обыкновенно ждут благоприятных обстоятельств, чтобы высказать свои взгляды, вместо того чтобы самим создавать эти обстоятельства. Дворянство, чтобы выразить свой протест, ждало прихода к власти Лорис-Меликова, и одно только петербургское дворянское собрание нашло в себе мужество рукоплескать откровенно либеральной речи Платонова, царскосельского предводителя дворянства, когда он потребовал представительных учреждений и конституционных гарантий для всех граждан России. Все же собрание не отважилось выразить свое одобрение речи Платонова принятием соответствующей резолюции.

Земство проявляло больше храбрости, хотя и не слишком. Земские деятели не раз высказывали свои конституционные устремления по различным поводам. Иногда случай представлялся в связи с призывом правительства к русскому обществу оказать помощь в борьбе против террористов; иногда это происходило по случаю поднесения адреса императору после покушения на его жизнь; иногда в связи с требованием правительства дать сведения или предложения, касающиеся каких-либо местных мероприятий. Подобные документы можно с избытком найти в подцензурной или в нелегальной печати. По утверждению газеты "Земство", редактируемой Кошелевым и Скалоном, с начала революционного периода правительству были поданы пятнадцать адресов, требующих конституционных реформ: три - в 1878-1879 годах, а двенадцать - в 1881 году. За время существования правительственной комиссии по пересмотру Положения о земских учреждениях требование созыва Учредительного собрания, представляющего всю страну, выразило большинство всех земств.

Правда, значительная часть этих обращений составлена в туманной и не прямой форме, подчас граничащей с угодливостью. Слишком часто уважаемые господа земцы из желания доставить удовольствие подвластному полиции правительству рисуют будущую свободу как верную прислужницу Третьего отделения и открывают перед глазами властей радужную перспективу всеобщего похода против бунтарства, того самого бунтарства, которому они обязаны тем, что правительство одно время обращалось к ним за помощью. Но, слава богу, не все земство говорит таким языком. Россия всегда с глубокой признательностью будет вспоминать имена Нудатова и Жданова из Самары, Петрункевича из Чернигова, Нечаева из Новгорода, Винберга из Тавриды, Гордиенко из Харькова и многих других, у кого хватило смелости отстаивать свои убеждения, и слишком часто они платили за свою безрассудную смелость долгосрочной ссылкой.

Не хочу приводить обращений и речей этих земских деятелей, читатель, возможно, нашел бы их весьма скромными. Добавлю лишь, что в России они все же имеют совсем особенное значение, обнаруживая гражданское мужество, которым мы, к сожалению, обыкновенно не отличаемся. Всякий знает, что на

каждую такую речь, как речь Нудатова, на каждое такое обращение, как обращение черниговского земства, приходится десять других, не произнесенных и не написанных, скрытых и хранимых *in petto**. И если они не высказаны вслух, то причину легко угадать.

---

* про себя (ит.).

х х х

Правительству все это известно и всегда было известно. Оно никогда не обманывало себя насчет истинных чувств земских деятелей. Земство - его естественный враг. Бюрократия тем более ненавидит земское самоуправление, что не в силах его уничтожить, и она инстинктивно понимает: раньше или позже, не сегодня, так завтра придется уступить ему дорогу.

Нет ничего неожиданного в том факте, что, когда силы реакции берут верх, бюрократия начинает изобретать различные способы удержать в узде своего врага, не допускать, чтобы земство утвердилось в кругу своей деятельности, обрело моральное влияние на общественное мнение, выступило объединенными силами с манифестациями и протестами против правительства.

Но так как земство было создано в 1864 году, а в 1866 году уже диким цветом расцвела самая черная реакция, то легко вообразить, в какой обстановке приходилось действовать молодым представительным учреждениям.

Я позволю себе указать на главные законы о земстве, нанесшие ему сокрушительные удары. Первый из этих ударов поразил земство в самой жизненно важной области - общественных финансов. Положением 1864 года земству было предоставлено право взимания налогов в своей губернии. Но налагать дополнительные податные тяготы на и так уже слишком обремененных крестьян было удручающе тяжело для учреждения, главная цель которого - улучшать жизненные условия крестьянства. Кроме того, этот путь едва ли мог привести к плодотворным результатам. Единственной возможностью для земства укрепить свое финансовое положение было найти новые источники дохода. Эти доходы они рассчитывали получать с обложения промышленных предприятий. Ничего не могло быть мудрее и справедливее такого решения. Однако земский сбор с промыслового и торгового класса был крайне мал по сравнению с налогами, налагаемыми на сельское хозяйство. В некоторых губерниях земский сбор с промысловых и торговых предприятий составлял 2 рубля с тысячи, а земский сбор с земель равнялся 23 рублям с тысячи. Мало того, власти очень скоро пришли на помощь привилегированным классам и законом от 21 ноября 1866 года положили конец справедливой системе финансирования, введенной земством.

Пресловутый закон отнял у земства право взимать налоги с капитала или с прибыли промысловых предприятий. В виде возмещения земству разрешили лишь облагать незначительной пошлиной торговые свидетельства и пустяковой

пошлиной - фабричные постройки. Так было восстановлено неравное распределение налогов, и это фактически совершенно разорило земство. Недаром земцы говорили, что закон от 21 ноября означал косвенное упразднение местных парламентов и был мерой, предназначенной превратить земство в столь же бессильное, как и ненавистное бедным классам учреждение. Так тяжел был этот удар, что более половины всех земств присоединилось ко всеобщему протесту. Правительство ответило роспуском петербургского земства, после чего остальные сложили оружие.

В следующем году, семь месяцев спустя, вышел закон от 13 июня, подорвавший политическое значение земства. Не довольствуясь надзором за земскими учреждениями со стороны губернаторов, правительство решило иметь своего агента в сердце крепости. Закон превратил председателя земского сбора из распорядителя формальной стороны прений в прямую власть над собранием. Он стал одновременно председателем собрания и земским начальником. Он назначается министром, и только министр может его сместить. Он обыкновенный чиновник, и на него возложено право по своему усмотрению остановить на собрании любую речь, отклонить предложение, прекратить обсуждение под предлогом, что оно является "оскорбительным для правительства".

Между этими двумя законами: одним - экономического, другим - политического характера, земство было зажато точно в тисках. Другие правительственные распоряжения касаются вопросов второстепенного значения. Положением 1864 года различные земские собрания в случае надобности могли сноситься между собой, разумеется с разрешения властей. Но 4 мая 1867 года появилось разъяснение Сената о том, что означенную статью надо толковать в чисто пиквикском смысле, а именно: земским собраниям не дозволяется сообщаться между собой в любом случае, какова бы ни была настоятельная необходимость. В своем упорстве власти дошли до того, что отказали астраханскому земству в его ходатайстве разрешить войти в соглашение с земствами соседних губерний для принятия мер против эпидемии.

Таким же курьезом царской администрации является инструкция, касающаяся публикации отчетов земств и сообщений о земских собраниях. Сия инструкция гласит, что эти материалы, правда, могут печататься, но только в строго ограниченном количестве - в стольких экземплярах, сколько насчитывается земских гласных - ни одним больше!

Совершенно очевидно, что при таком законоположении с добавлением к этому права властей заключить в тюрьму и отправить в ссылку любого неудобного и подозрительного им депутата земства полезность наших местных парламентов стала просто ничтожной. В этих условиях неудивительно, что широкие круги общества потеряли интерес к учреждению, которое они при его основании так восторженно приветствовали. Из земства ушли лучшие люди, и на смену им сплошь и рядом приходили интриганы и корыстолюбцы. Члены земства безучастны, и нередко случается, что собрание не может состояться из-за неявки значительного числа гласных. Обсуждение вопросов превратилось в формальность, никто им не интересуется, ибо все знают, что любое предложение, полезное для народа, будет правительством отвергнуто. Земство просто прозябает в полном пренебрежении, но оно все еще существует, служа

тем каркасом, который в любой момент может быть заполнен крепким материалом. А если наступит кризис, земство может сыграть решающую роль. Вот почему правительство испытывает такой страх перед этим учреждением и с радостью уничтожило бы его. Знаменитая верховная распорядительная комиссия под председательством генерала Каханова, маленького Ликурга реакции, предложила настолько повысить избирательный ценз, чтобы правом голоса пользовались только крупные землевладельцы, то есть самые закостенелые крепостники. Как правильно отметила наша печать, такое изменение означало бы восстановление бюрократической системы правления во всей ее силе. Это была бы даже не олигархия, ибо Россия не имеет аристократии в подлинном смысле слова. Олигархические грезы графа Толстого столь же нелепы, как клерикальные фантазии его почтенного коллеги Победоносцева. Крупные помещики, которые проводят свою жизнь в Петербурге и почти все занимают высокие правительственные посты, в своих родных губерниях представляют совершенно инородный и чуждый элемент.

Не желая снова подвергаться епитимье, наложенной на меня за неверие в полезность передачи руководства начальным образованием духовенству, я не осмелюсь утверждать, будто все эти планы невозможны. Реакция стала столь безрассудна, что готова сделать невообразимое. Скажу лишь, что перед лицом всеобщего обнищания страны окончательное уничтожение земства или проведение

мер, равносильных его уничтожению, имело бы самые губительные последствия и может стать предвестником всеобщего бедствия для России.

"Если бы кому-нибудь нужно было доказывать всем нам известные вещи, - недавно писал один старый земский деятель в изданной за границей брошюре, - тому советуем обратиться к документам за первое время после введения в России земских учреждений, к итогам этих последних о том, в каком виде они застали ту часть общественных дел, которая только отведена была в их заведование. По этим отчетам, особенно для умеющего читать их, области общественной жизни, находящиеся в руках людей чиновничьего промысла, представлялись точно претерпевшими неприятельское нашествие. В одном месте земство взамен хлебных магазинов находило гнилые и пустые амбары; в другом совсем не находило куда-то пропавших и уже забытых населением школ, значившихся в отчетах и ежегодно получавших деньги на содержание. Там куда-то исчез мост, ежегодно исправляемый, здесь - больница. В докладе Чердынской уездной управы так описывался прием предметов ее ведения:

"Заглянули в магазины: в одном совершенно пусто, в другом изъеденные крысами какие-то тюки. Справляются: оказывается, что это опечатанное имущество каких-то беглых раскольников. Вскрывают: взамен имущества - гнезда крыс. Хлеба, значившегося в отчетах, - ни зернышка. Продовольственные капиталы оказались фикцией, обсеменение полей - фикция, медицина - тоже. Если же где больницы не оказались фикцией, то служили пугалом, считаясь преддверием кладбищ"*.

---

* З.С. Восемнадцать лет войны чиновничества с земством Женева, 1884. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Я предоставляю читателю самому судить, каково будет финансовое положение России, если губернии вернутся к тому состоянию, в каком они находились до учреждения земства.

Глава XXIX

ДЕСПОТИЗМ И ПЕЧАТЬ

Если бы понадобился сверхчувствительный барометр, показывающий во всякий период и во всякий момент изменение силы русского деспотизма, таким барометром могло бы служить отношение к печати. "Свобода печати - главный залог свободы страны", - сказал Мильтон. С таким же основанием можно утверждать обратное: закабаление печати - главная гарантия деспотизма. Деспотические правительства это знают. Нет ни одной области человеческой деятельности, к которой самодержцы относились бы с такой подозрительностью, как к прессе. В России, как мы видели, правительство не проявляло слишком большой любви к школам и тем более к земским учреждениям, но печать в гораздо худшем положении, чем те и другие. Самоуправление и школы приносят свои плоды в более или менее отдаленное время, печать же действует немедленно. Область действия школ и земства ограничена, печать же господствует над всей громадной империей. На любом другом поприще противник всегда человек - профессора, земские деятели и прочие. Как бы неприятны они ни были для царизма, но это по крайней мере люди, известные лица. А писатель - что он такое? Может быть, чудовище, для которого не существует ни закона, ни религии, способное на все? Куда он направит свою таинственную силу, как может воздействовать своим злобным пером на неразумных и слабых?

И в то же время какое общественное установление так беззащитно, как печать? Во всякой другой сфере общественной жизни мысль и разум более или менее тесно связаны с материей. Самоуправление и просвещение необходимы для самого государства, для его успешного развития и материального благосостояния. Но в печати государство не нуждается. Правда, оно пользуется услугами типографа, чтобы печатать свои официальные публикации, но это не пресса. Без подлинной печати, мозга общества, деспотизм может прекрасно обойтись и продолжать существовать, как некоторые животные могут жить долгое время после того, как лишились одного полушария головного мозга. Печать - высший мир мысли, и она не способна к самозащите. Долг других установлений общества - объединиться для охраны этой жизненно важной части своего организма. Если они на это не способны, печать окажется во власти силы. Деспоты будут держать свою жертву в тисках и либо сокрушат и уничтожат ее, либо позволят ей жить и дышать так, как это им будет угодно. Вот почему положение печати служит наилучшим мериллом силы деспотизма. С этой точки зрения история взаимоотношений русской прессы и самодержавия в высшей степени интересна.

Никогда Россия не знала ничего даже отдаленно напоминающего свободу печати или терпимость к политическим и религиозным идеям. Петр Великий,

царствование которого явилось апогеем имперского либерализма, пытал и предавал смерти писателей-раскольников, авторов памфлетов против его реформ. Но царь питал горячее пристрастие к европейской культуре, и все, что исходило от нее, неукоснительно одобрялось. Рассказывают, что, когда переводчик пуфендорфского "Введения в историю европейскую" предложил опустить несколько страниц, не слишком хвалебных для Московии, Петр в назидание отечески стукнул его своей знаменитой палкой за столь неслыханную непочтительность к великому историку и приказал печатать книгу без изменений.

Преемники Петра следовали его примеру. Они покровительствовали изящной словесности, наукам и искусствам, создавали академии, основывали литературные журналы. Екатерина II сама выступала с драматическими произведениями, собственноручно писала нравоучительные сказки и скучные педагогические сочинения и соблаговолила даже переделать для русской сцены "Виндзорских кумушек" Шекспира.

Правда, цензура уже тогда существовала, но то был не инородный бюрократический орган, инстинктивно враждебный писателям и литературе, каким он с тех пор стал. Ученые и профессора охаивали труды других ученых и профессоров, более молодых и менее известных, чем они, и, что весьма любопытно, в своей злобе и зависти писатели той эпохи были более враждебны свободе печати, чем самодержавие. Скабичевский в своей истории цензуры рассказывает, что, когда выпустили в свет журнал Академии наук без представления его цензуре, писатели, как лакеи, стали поносить друг друга, превознося цензуру как институцию величайшей важности. Правительству пришлось вмешаться, и оно тщетно пыталось образумить злобствующих литераторов, призывая их к большей терпимости и доказывая, что мир не погибнет, если людям дозволено будет открыто выразить свое мнение.

Разумеется, было бы ошибкой приписывать патриархальные отношения, царившие между императорами или императрицами и писателями того времени, либерализму деспотов и угодничеству литераторов. Причина была куда более простой.

Благодаря преобразованиям Петра Великого Россия вступила во временное согласие с остальной континентальной Европой, а в тот период европейские монархии были такими же бюрократическими автократиями, как и русская империя. Пока продолжалось это согласие, наука, законодательство и история соседних народов не представляли для царя никакой угрозы. В каком отношении могли они быть опасны? Случалось, конечно, что кое-кто позволял себе саркастические замечания о варварстве Московии, как то было в книге Пуфендорфа. Но все же ничего серьезного, ничего, что подвергало бы опасности основы порядка. Правда, в XVIII веке в Европе возникло широкое философское движение, таившее в себе зародыш великих политических потрясений. Но пока еще эти зародыши были невидимы. Они прятались под маской гуманизма и философии. Даже принцы участвовали в этом движении, полагая, что им удастся возглавить и направить его в удобное им русло. В России Екатерина II, как и Фридрих в Пруссии, слыла философом и заискивала перед Вольтером.

Революция все это изменила, тогда и навеки. В области своих

политических учреждений и культуры Европа шагнула далеко вперед. Россия осталась такой же, какой ее создал Петр. Затем начались гонения. Радищев и Новиков были первыми мучениками русской печати. Один был сослан в Сибирь, другой посажен в крепость за приверженность к идеям, которые до революции высказывала сама Екатерина. И тогда уже были ясно определены взаимоотношения правительства и печати. С тех пор притеснения могли быть сильнее или слабее, но они никогда не прекращались.

Как Николай I обращался с писателями и журналистами, всем хорошо известно. При Александре II печать первой почувствовала его тяжелую длань. Кошелев в своих воспоминаниях описывает, как в 1858 году, в самый медовый месяц либерализма Александра, когда император, поддерживаемый цветом общества, боролся против мракобесия старой знати, за освобождение крестьян и произвол цензуры приводил его в отчаяние, эта цензура погубила журнал, редактируемый славянофилом Аксаковым и самим Кошелевым, несмотря на то что

журнал был горячим поборником освобождения крестьян, а его два редактора - убежденными монархистами! Деспотизм не терпит никакой критики даже со стороны своих приверженцев. Заточение Михайлова и Щапова, гражданская казнь Чернышевского - людей самого великого ума, которыми когда-либо гордилась Россия, - все это происходило в первый период царствования Александра.

Преследование печати, то яростное, то более умеренное в зависимости от перемены ветра в высших сферах, продолжалось все двадцать шесть лет, на протяжении которых царь распоряжался судьбами своей страны.

х х х

Но нас сейчас занимает вопрос не о притеснениях поэтов и писателей, историков и журналистов в прошлом, а о положении печати в настоящее время. И здесь надо отметить тот характерный и весьма примечательный факт, что всякий раз, когда правительство из-за финансовых затруднений или по политической необходимости вынуждено идти на какие-то преобразования, печать меньше всего выигрывает от этих перемен.

Если освобождение крестьян, учреждение земства и создание новых судов придали жизни страны другой вид и вселили в сердца людей надежду на лучшее и более светлое будущее, то печать, долг которой - воодушевлять, просвещать и ободрять общество, все равно была оставлена на милосердное попечение старой цензуры. Только в 1865 году был обнародован новый закон о печати, но и этот закон, как бы малы ни были его уступки, дарован с неудовольствием и недоброжелательностью. Царское правительство никогда не останавливалось перед тем, чтобы вернуться к старым порядкам или отнять одной рукой то, что оно дало другой. Закон о печати недаром был назван "временной инструкцией": это был всего лишь опыт, и она может быть отменена в любой момент, если властям так заблагорассудится. Кроме того, применение инструкции было строго ограничено.

Новые законы, если они направлены на предоставление большей свободы,

редко применяются во всей империи. Так, земство, мировые судьи и новые суды присяжных учреждались постепенно, как если бы власти опасались ошеломить страну слишком большой свободой. Реформы проводились с такой осторожностью,

что до сих пор имеются губернии, где они еще не вступили в силу. Но что касается закона о печати, то власти превзошли себя. Не довольствуясь временным характером нового порядка, они разрешили применять его только в обеих столицах. Правительство, правда, обещало распространить инструкцию на все губернии, как только будет закончена организация новых судов, но обещание не было исполнено, и во всей России, за исключением Москвы и Петербурга, еще господствует закон о печати Николая I.

Давайте посмотрим, каков же характер тех уступок, на которые правительство так робко и неохотно пошло. Новый закон заменил предварительную цензуру цензурой карательной. Но в отношении трудов объемом менее чем в десять листов оригинального текста или двадцати листов перевода сохранен старый порядок. Освобождены от цензуры в обеих столицах все повременные издания, выходявшие до опубликования новой инструкции.

Однако если даже предварительную цензуру отменили, то были приняты меры, не допускавшие злоупотребления этой привилегией. Экземпляры бесцензурных изданий за четыре дня до рассылки их подписчикам должны были представляться в цензурный комитет - орган, уполномоченный запрещать выпуск изданий, считаемых им опасными для порядка, нравственности и религии.

Что касается газет и журналов, то министру внутренних дел предоставлено право по своему усмотрению сделать официальное предупреждение редакторам изданий, которые он сочтет особенно вредными. Третье предупреждение - *ipso facto* - влечет за собой приостановление издания и возбуждение против провинившегося редактора судебного преследования. Более того, министр может административным путем, то есть просто по своей воле, приостановить любое периодическое издание на время до трех месяцев. Он, далее, вправе запретить уличную продажу газет и журналов, одним махом уничтожая половину тиража. Он может запретить газетам печатать объявления. Эти две меры, принятые против газеты или журнала, имевших несчастье возбудить неудовольствие министра, равносильны наложению крупного штрафа, так как они терпят большие убытки. И если такое повторится несколько раз, то караемым органам уже не уцелеть, ибо практически нет предела взысканиям, которые могут быть на них наложены. Подобный метод сокрушения неугодного издания в последнее время применяется очень часто, потому что он производит меньше шума и кажется не столь произвольным, как приостановление в административном порядке или запрещение после трехкратного предупреждения.

С другой стороны, закон 1865 года имел одно бесспорное преимущество. Книгу или газету и журнал можно было запретить только по приговору суда. И хотя временное приостановление правительственным распоряжением или в административном порядке и лишение права помещать объявления могло совершенно разорить издателя, но сама возможность обжалования была безусловным облегчением для печати, так как заставляла министра быть более осторожным в осуществлении своих полномочий и чаще прислушиваться к

общественному мнению. Обжаловать решение министра можно было в последней

инстанции, в Сенате - органе, который едва ли слишком снисходительно относился к революционным теориям или подрывным идеям, о чем свидетельствовало его осуждение славянофильского журнала, издававшегося Аксаковым. Все же решение Сената всегда соответствовало закону, и, как показал приговор по поводу издания перевода первой части книги Лекки "История возникновения и влияния рационализма" и книги Вундта "Душа человека и животных", Сенат иногда не допускал явной и вопиющей несправедливости и отменял решение цензурного комитета.

В ряде случаев, однако, власти не стеснялись обходить закон, который сами же ввели. В 1866 году, меньше чем через год после вступления в силу закона о печати, князь Гагарин и его друзья решили всеми правдами и неправдами добиться закрытия "Современника" Некрасова и "Русского слова" Благосветлова, и они уговорили императора действовать в качестве их *deus ex machina**.

---

* бог из машины (лат.) - развязка с неожиданной помощью лица или какого-то обстоятельства, спасающего положение.

Однажды на балу его величество приказал уничтожить оба издания, и они были тотчас же запрещены без соблюдения каких-либо формальностей. Через некоторое время сочли возможным превратить исключение в правило. Судебные дела, если даже обвинению удавалось их выиграть, производили слишком большой скандал и возбуждали общественное мнение, содействуя лишь распространению вредных идей. Деспотизм предпочитает секретность и мрак гласности и свету: в 1872 году закон 1865 года был "исправлен" дополнительным указом, лишавшим суды права вмешиваться в дела печати. Контроль над печатью отныне был передан кабинету министров, который в конечной инстанции на основании сообщения министра внутренних дел решает участь любого повременного или периодического издания. Тем самым министр внутренних дел, будучи одновременно обвинителем и судьей, ибо его коллеги в вопросах, касающихся его ведомства, по необходимости присоединяются к его мнению, становится вершителем судеб печати и поставщиком литературы для всей Российской империи.

В 1882 году были внесены новые изменения, хотя практически они не имели большого значения. Был образован комитет четырех, заменивший кабинет министров, но, как и раньше, при решении дел о печати невозможна была никакая защита, так как комитет совещался и решал *in camera**. Другой мерой воздействия на печать было применение к некоторым изданиям предварительной цензуры.

---

* за закрытыми дверями (лат.).

С 1872 года закрытия, приостановления, лишение права помещать объявления и запрещения уличной продажи сыпались на злосчастную русскую печать как из рога изобилия. Книги, запрещенные цензорами, беспощадно

сжигались. Так были преданы огню второй том труда Лекки "Основные начала нравственности" (первый том был разрешен), "Левиафан" Гоббса, "Учение о развитии организмов" Геккеля, "Философия истории" Вольтера и многие другие книги. Та же судьба постигла русских авторов, с которыми обращались настолько бесцеремонно, что книгу Пругавина под названием "Очерки современного сектантства", хотя отдельные ее очерки печатались в периодических изданиях и поэтому прошли через цензуру, сожгли по распоряжению кабинета министров.

х х х

Но чтобы полностью оценить истинное положение русской печати, надо не только знать, как действуют существующие законы. Надо зайти за кулисы - именно там, в полумраке, деспотизм показывает свое лицо без маски.

Когда министр желает навязать печати свою волю, он прибегает к помощи секретных инструкций, которые всегда оканчиваются одной и той же сакраментальной формулой: в случае нарушения к провинившемуся изданию будет

применена такая-то статья Положения о печати со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это означает, что любое нарушение повлечет за собой либо приостановку, либо закрытие газеты или журнала. Такие действия, восстанавливая, по существу, предварительную цензуру в иной форме, разумеется, являются вопиющим беззаконием и противоречат как букве, так и духу закона. Но деспотизм правителей столь же безграничен, как безгранична зависимость подданных, и представителям печати никогда не удавалось объединиться для протеста против тирании, так жестоко изводившей их, а протест одного журнала или одной газеты только выдал бы их на растерзание властям.

Чтобы дать представление о характере секретных инструкций для печати, я приведу несколько образцов, напечатанных в "Народной воле" в августе 1883 года, ибо только этот подпольный орган мог сделать достоянием гласности подобные факты.

4 марта 1881 года, через три дня после убийства Александра II, министр направил всем газетам и журналам следующий секретный циркуляр:

"Некоторые органы печати, ссылаясь на чрезвычайные обстоятельства, позволяют себе помещать статьи, в которых выражают вполне неуместные суждения о необходимости изменения нашего государственного строя, а также высказывают сомнения в существовании истинного патриотизма в высших слоях общества, будто бы равнодушного к интересам народа. Помещение статей подобного содержания неминуемо повлечет за собой приостановление издания".

25 марта Главное управление по делам печати, "ввиду предстоящего судебного разбирательства о злодейском преступлении 1 марта, вновь напоминает о воспрещении под опасением приостановления изданий помещать самостоятельные сведения". Как известно, о ходе судебных заседаний в политических процессах газетам разрешалось печатать только препарированный

отчет, опубликованный в "Правительственном вестнике".

В апреле 1881 года произошли беспорядки среди студентов Петербургского университета. 16 апреля был разослан следующий секретный циркуляр:

"Признано необходимым воспретить сообщение и обсуждение в периодической печати сведений и известий о таких происшествиях и явлениях внутренней университетской жизни, которые подведомственны университетским судам и советам".

Следующий секретный циркуляр очень любопытен и заслуживает особого внимания. Он был разослан 29 апреля.

"Ввиду свершившегося в Болгарии переворота и необходимости поддержать князя Александра, признано желательным, чтобы наша пресса относилась с осторожностью (sic!) к настоящим событиям в Софии".

Этот циркуляр был дополнен распоряжением, датированным 9 мая, в котором поясняется, что означенным циркуляром вовсе не возбраняется сочувственное обсуждение совершившегося переворота генерала Эрнрода. Этим распоряжением, в сущности, предлагалось защищать незаконный акт произвола и деспотизма, совершенный в чужой стране, с целью создать видимость, будто не только русское правительство, но и русское общество всецело одобряет переворот. Разъяснительная инструкция была разослана потому, что печать, то ли умышленно, то ли из робости, толковала циркуляр слишком буквально и вообще не комментировала болгарские события.

Отставка Лорис-Меликова, как известно, повлекла за собой падение партии умеренных либералов и крушение всех надежд на реформы - результат, вызвавший в столице среди всех слоев общества столь всеобщее чувство разочарования и недовольства, что правительство серьезно было встревожено.

18 мая был разослан секретный циркуляр всем газетам, предписывающий "воздержаться от сообщения каких бы то ни было сведений о сегодняшнем заседании городской думы, в котором обсуждался вопрос об избрании генерал-адъютанта графа Лорис-Меликова в почетные граждане города Санкт-Петербурга, и тем более от воспроизведения происходивших по этому поводу прений".

17 августа того же года печати было предложено "воздержаться от помещения каких-либо неблагоприятных отзывов о деятельности бывшего градоначальника генерала Баранова". Генерал незадолго перед тем стяжал себе известность проектом некоторых весьма оригинальных мер для сохранения порядка, и его план так называемого парламента был встречен всеобщими насмешками.

Либеральные веяния, преобладавшие в высших кругах администрации при Лорис-Меликове, вызвали широкое движение среди земских деятелей, продолжавшееся еще после отставки министра. Этим в значительной мере объясняется появление секретного циркуляра от 28 мая, предлагавшего газетам обеих столиц "воздержаться от сообщения каких-либо сведений, касающихся земских и думских постановлений и приговоров, адресов, а равно и отчетов о заседаниях оных".

Когда граф Игнатъев, преемник Лорис-Меликова, приступил к исполнению своих обязанностей, он в первую очередь назначил широкую комиссию для разработки проекта реформ различных отделов администрации. Волнения и

еврейские погромы на юге и в других частях империи привлекли внимание общества к еврейскому вопросу, и была назначена специальная комиссия для подготовки соответствующего доклада. Эти вопросы вызвали огромный интерес широких общественных кругов и печати. Открытая дискуссия, разумеется, облегчила бы работу комиссии и привела бы к обсуждению многих ценных предложений. Но правительство, боясь критики, преследуемое, как всегда, страхом "возбуждать общественное мнение" и этим вызвать всякие страшные последствия, 31 мая 1881 года разослало органам печати тайный циркуляр, в котором указывалось, что "помещение резких суждений, неосновательных известий и лживых слухов, направленных к возбуждению недовольства против принимаемых правительством мер, особенно при тяжелых обстоятельствах настоящего времени, очевидно, не может быть допущено". Другими словами, печати предлагался один только выбор: либо молчать, либо восхвалять любые правительственные меры.

Спустя несколько дней, 3 июня, газетам было дано распоряжение "относиться с крайней осторожностью" - читатель, несомненно, поймет значение этой столь часто употребляемой фразы - "к деятельности особого совещания по вопросу о понижении выкупных платежей".

19 сентября было "признано необходимым воспретить печатание каких бы то ни было правительственных распоряжений по исследованию экономических отношений между коренным населением данных областей и евреями".

10 октября 1881 года запрет был наложен на обсуждение в печати переселенческого вопроса.

28 января 1882 года было предписано в обычной форме: "Ввиду предстоящих перемен устава реальных училищ не помещать известий и рассуждений по поводу предстоящих работ".

17 марта: "Совершенно воспретить появление в печати всяких известий о переделах, равнении земли, слушном часе и тому подобном уравнивании, а равно и статей, в которых проводится мысль о пользе или справедливости изменений поземельного положения крестьян".

20 апреля был издан другой циркуляр по поводу еврейского вопроса, предлагавший "не помещать никаких статей о результатах рассмотрения еврейского вопроса в кабинете министров, а равно не печатать статей по еврейскому делу".

29 октября 1882 года было воспрещено "печатание каких-либо рассуждений по поводу исключения гимназиста Фугалевича" из Каменец-Подольска, оскорбившего инспектора, но оправданного судом.

1 ноября был разослан циркуляр, предлагавший газетам хранить молчание по поводу беспорядков в Казанском университете.

16 декабря было дано указание "не печатать судебного отчета по делу бывшего студента Семенова, приговоренного казанским окружным судом за оскорбление попечителя и заключенного в исправительном доме".

4 февраля 1882 года было дано указание "не помещать известий, касающихся семейных отношений тайного советника Маркуса".

23 ноября "не сообщать ничего о недоразумениях между почетным опекуном Нейгардтом и доктором Кранем".

4 октября был издан следующий секретный циркуляр:

"В заграничных периодических изданиях появились известия о привлечении к делу о растрате Оренбургских земель графа П.А.Валуева. Главное управление просит не перепечатывать и не упоминать об этих известиях". Тут мы имеем иллюстрацию к русской пословице: "Рука руку моет - и обе грязные".

Но худшее впереди. 12 июня был издан секретный циркуляр, прямо осведомляющий редакторов, что "печатание агитационных слухов и сведений об отношениях крестьян к землевладельцам, а равно и статей, подобных статьям о люторическом деле, повлечет за собой запрещение этих изданий".

26 июня 1882 года министр осведомил редакторов газет, что "в некоторых изданиях обсуждается в весьма резкой и возбужденной форме тяжёлое дело князя Щербатова с крестьянами. Принимая во внимание, что подобные статьи имеют вредное влияние на отношение крестьян к владельцам, не касаться этого дела".

Упомянутые два дела были связаны со столь страшными жестокостями, совершенными по отношению к крестьянам, что в любой другой стране преступников ожидали бы суд и расправа.

Еще один факт. Кукуевская железнодорожная катастрофа была одной из самых душераздирающих трагедий, когда-либо происходивших в России. Поезд сошел с рельсов и на всем ходу погрузился в болото. Многие пассажиры были тяжело ранены и более ста человек убиты. Как было в точности доказано, несчастье произошло из-за негодного состояния железнодорожного полотна и гнилости шпал, так как деньги, предназначенные для ремонта дороги, инженеры и начальники дороги положили себе в карман. Когда это стало известно, по всей России разнесся крик возмущения. А правительство - какую позицию оно заняло? Обещало назначить расследование катастрофы и наказать преступников? Ничуть не бывало. Оно издало тайный циркуляр:

"19 августа 1882 года. - По поводу несчастья на Курской железной дороге появились статьи, заключающие необоснованные обвинения против отдельных чинов ведомства министерства путей сообщения. Дальнейшее появление подобных статей, имеющих агитационный характер, может вызвать применение строжайших административных карательных мер".

Таким путем правительство запретило родным и близким пострадавших требовать наказания виновников их горя или даже высказать свое мнение о мерах предупреждения в будущем подобных катастроф.

На этом я хочу кончить. Приведенные мной примеры чрезвычайно характерны. Они показывают тенденции политического курса царского правительства и разоблачают бесчестные нравы бюрократической машины деспотизма. Печать рассматривается как чуждая и, по существу, враждебная сила; ее терпят только потому, что невозможно совершенно уничтожить. Политика министерства в отношении печати продиктована самым ограниченным умом, самым казенным духом. Как только вопрос начинает привлекать всеобщий интерес, его обсуждение запрещается. Гласность, дискуссия, откровенное высказывание мыслей вселяют правительству смертельный ужас. Если даже оно предпринимает какие-то неуверенные шаги к прогрессу или решает попытаться провести ту или другую реформу, то прежде всего спешит запретить всякое обсуждение их в печати. Все должно быть сделано в тиши министерских кабинетов. Но человеческую мысль нелегко заковать. Истерзанная гонениями,

притеснениями, обвинениями и предостережениями, находящаяся под угрозой целого арсенала наказаний и взысканий, печать, общественное мнение прибегает к оружию слабых и отвечает на силу хитростью. Между писателями и читателями заключается тайное согласие. Создается иносказательный, эзоповский язык, заключающий в себе намеки, недомолвки, оговорки и условные фразы. Так идеи, изгнанные нашими правителями, передаются от ума к уму, из уст в уста.

х х х

Это совершенно неопровержимый факт, что русская печать почти вся вольнолюбивая и антиправительственная или была такой, пока в России существовала печать. Даже сам Катков не попытается это отрицать. Органы реакции можно пересчитать по пальцам одной руки. Большинство русских газет либо открыто либеральны, либо искусно маневрируют, то подобострастны, чтобы спастись от цензуры, то оппозиционны, дабы не растерять своих читателей. Столкновение между оппозиционными тенденциями русской печати и бюрократическим обскурантизмом быстро ведет к развязке, которая неизбежно окажется роковой для слабейшей стороны. История этой войны, если можно это назвать войной, ибо одна сторона едва ли может оказывать сопротивление, представляет три последующие фазы.

Губернская печать пострадала в первую очередь. Так как она находилась под предварительной цензурой, властям приходилось лишь потуже затягивать петлю, чтобы окончательно ее удушить. Провинциальные газеты, разумеется, не пользуются столь широкой известностью и большим влиянием, как столичная печать, они имеют меньше читателей, и поэтому с ними можно не церемониться. Но скажу без преувеличения, что, хотя им и не хватает литературного блеска, губернные газеты - это самая отзывчивая часть нашей печати, самая преданная общественным интересам и благоденствию народа. Но петербургские чиновники отнюдь не были расположены предоставлять им широкий простор для полезной деятельности. Против них был вызван призрак сепаратизма, и они стали первыми жертвами реакции. Их гибель происходила легко и тихо, без излишнего шума и почти завершилась незадолго до смерти Александра II.

Понадобилось всего лишь шепнуть два слова цензорам, и началась расправа. Одна за другой лучшие губернные газеты, вконец измученные непрерывными неприятностями, придирками и притеснениями, отказались от борьбы. Закрытие газет официальным циркуляром оказывалось совершенно излишним - так они были задержаны административными распоряжениями, одно невозможнее и нелепее другого. Общественно-политическим газетам было предписано строго избегать обсуждения внутривополитических проблем; журналам, основанным со специальной целью защищать интересы еврейского населения и содействовать идее слияния двух народов, было запрещено касаться еврейского вопроса и т.д. и т.п.

Приемы чиновников иногда были отмечены своеобразным мрачным юмором. Так, например, специальным цензором одной несносной для властей газеты был

назначен человек, проживающий в другом конце империи. Приходилось посылать ему все гранки статей, комментариев и известий до их печатания. В результате газета, с которой сыграли столь скверную шутку, могла выходить в свет лишь через десять - пятнадцать дней после других газет того же города. Ни одна газета, печатающая сообщения двухнедельной давности, разумеется, не может долго просуществовать. Для изданий, подвергавшихся подобному обращению, борьба была настолько бессмысленна, что они и не пытались продлевать свою жизнь. Но так как никто не мог сказать, что они были закрыты властями, то не было ни скандала, ни "возбуждения умов"; просто еще один несчастный умер естественной смертью - вот и все.

Таким путем скончались новочеркасский "Донской голос", "Волжско-Камская газета", тифлисский "Обзор". Им было предложено посылать свои гранки не местным цензорам, как обычно, а цензурному комитету в Москву, а такая пересылка продолжается туда и обратно: из Новочеркасска - семь дней, с Камы - десять - двенадцать дней, из Тифлиса - двадцать дней. Первые две газеты и не пытались не выполнять требований властей и не выходили в свет. Но Николадзе, издатель "Обзора", чтобы сохранить право издания, которое истекает, если не используется в течение года, выпускает свою газету каждый январь. "Обзор", вероятно, единственная ежедневная газета во всем мире, выходящая один раз в год.

Однако было бы ошибкой полагать, что Управление по делам печати строго придерживается буквы закона. Создается такое впечатление, что описанные мной приемы применяются из какого-то злобного озорства, совсем так, как кошка терзает мышь, прежде чем нанести ей последний удар. Ибо, если администрации вдруг заблагорассудится, она не останавливается перед тем, чтобы одним взмахом пера закрыть газету, хотя она находится под предварительной цензурой и поэтому не несет ответственности перед властями. Так были закрыты "Киевский телеграф", одесская "Правда", смоленский "Вестник". Тифлисская "Фаланга" была запрещена потому, что представила цензору рисунок, показавшийся ему опасным и неподходящим для опубликования!

Кажется, киевский "Труд" недавно постигла та же участь. А ведь все эти газеты подвергались предварительной цензуре, и им, конечно, не разрешалось печатать ни одной строки без одобрения цензора.

В 1876 году правительство в полном противоречии с законом и без указания причин запретило целую литературу - украинскую! Не разрешалось выпускать никаких книг на украинском языке, кроме романов, - акт совершенно беспрецедентный даже в России.

Почти все эти меры осуществлялись при Александре II. Всевозможные препятствия чинятся основанию новых изданий. Цензоры имеются лишь в немногих губернских городах, и это делает почти невозможным выпуск газет в других городах. Поэтому для правительства не представляет никакой трудности практически уничтожить всю провинциальную печать. А так как Александр III имеет дело только с печатью обеих столиц и, надо признать, в войне против печати граф Игнатев и особенно граф Толстой проявили куда больше дальновидности, чем царские генералы в турецкую кампанию, - они атаковали врага в самом уязвимом месте.

Глава XXX

ПЕЧАТЬ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ II

Россия, отличающаяся от Западной Европы в столь многом, несходна с ней и по значительности, и влиянию своих периодических изданий. В стране, где так задушена политическая жизнь, ежедневные газеты, будучи, по существу, чисто политическими органами, не могут пользоваться таким же сильным влиянием, как в Англии, Франции или Соединенных Штатах. В России нет почти общественных учреждений; на общественное мнение власти не обращают никакого

внимания. Никакие вопросы не решаются посредством голосования большинства граждан, к которым ежедневно должна обращаться печать и на взгляды которых она может воздействовать. У нас борьба общественных сил ограничена сферой идей.

Но для обсуждения и развития идей газеты, даже если бы они всегда могли предоставлять этому достаточно места, не являются самыми подходящими посредниками. Более того, в этом отношении русская публика чрезвычайно требовательна, ей нужны более глубокие и серьезные статьи, чем те, которые могут дать газеты. Жизненно важные проблемы, которые в свободных странах обсуждаются в парламентах, на собраниях и в клубах, в России могут рассматриваться только в печати, насколько это будет дозволено цензурой. Отсюда превосходство нашей периодической литературы над западными периодическими изданиями. Не пренебрегая событиями дня, наши журналы отводят значительное число своих страниц важнейшим вопросам, представляющим

внутриполитический и мировой интерес, печатая часто серьезнейшие работы, какие в других странах выходят только отдельными изданиями. Художественные произведения, как правило, впервые публикуются в толстых журналах. Романы высокого достоинства почти всегда появляются сначала в журналах отдельными частями, но никогда не печатаются в газетах подвалами с продолжениями. Все это придает русским журналам исключительный вес, и поэтому Управление по делам печати, руководимое и вдохновляемое Игнатьевым и Толстым, в своем походе против печати начало наступление, как я уже говорил, против самого уязвимого места своего противника - против ежедневных газет.

Чтобы получить некоторое представление об ущербе, наносимом русским газетам в этой неравной борьбе, надо лишь перелистать суворинский "Русский календарь", где дается перечень суровых мер, жертвами которых за последнее время явились наши газеты. С начала нынешнего царствования восемь влиятельных петербургских газет были либо сразу запрещены в административном порядке, либо вконец изведены непрекращающимися преследованиями. За это же время столичные газеты получили сорок восемь предостережений, столько же раз приостанавливались на время от месяца до восьми и несли неисчислимы материальные убытки от запрещения помещать

объявления и лишения права уличной продажи. Практически ежедневная печать была почти уничтожена, ибо среди погибших газет было несколько самых влиятельных в стране, таких, как "Порядок", "Голос" и другие. Только два-три довольно влиятельных либеральных органа все еще выходят, несмотря на гонения, влача жалкое существование, постоянно подвергаясь угрозам и травле и изо дня в день ожидая конца.

Война против толстых журналов, предрешенная с самого начала, хотя решение некоторое время и не проводилось в жизнь, началась с закрытия "Слова". Так как редактор журнала удалился от дел, Управление по делам печати отказалось утвердить его преемника, и в частной беседе с издателем начальник управления с цинизмом заявил, что он не согласится даже на явного монархиста. После восьми месяцев протестов, увещаний и ожиданий, в течение которых журналу не разрешалось выходить в свет, издатель потерял уже всякую надежду, и "Слово" считали среди убитых. После некоторого промежутка времени и новых увещаний, не приведших ни к каким результатам, правительство сбросило маску и закрыло также "Отечественные записки".

Этот журнал был несравненно лучшим из всех периодических изданий, когда-либо выходивших в России. По широкому кругу читателей, по своему влиянию, по качеству статей и талантливости авторов "Отечественные записки" далеко превосходили лучшие из современных ему журналов. У него было десять тысяч подписчиков - цифра почти феноменальная в России. "Вестник Европы", сильнейший его соперник, мог похвастаться лишь шестью тысячами подписчиков.

Так как направление "Отечественных записок" было определено демократическое, журнал, разумеется, уделял много места вопросам, касающимся положения народа. В этом отношении "Отечественные записки" сослужили стране огромную службу. Было бы немислимо изучать какой-либо вопрос народного хозяйства России, не обращаясь за материалом к старым номерам "Записок". Даже представители нашего ничему не желающего научиться правительства, когда они вознамериваются что-то сделать для трудовых масс - разработать важный финансовый план или подготовить экономическую реформу, вынуждены черпать материал из того же источника, и притом не только фактический материал, но и идеи.

В статье, опубликованной мной в "Контемпорэри ревью", я писал о слепоте некоторых публицистов, утверждающих, будто Россия не способна стать хозяином в собственном доме. Лучшим доказательством противного является тот факт, что русское правительство не проводило в жизнь и даже не ставило на бесплодное обсуждение своих комитетов ни одной прогрессивной реформы, которая предварительно не была выдвинута, рассмотрена и гораздо лучше продумана печатью и земством. Многочисленные свидетельства этому мы находим

в "Отечественных записках". Скалон разработал и ярко изложил на страницах журнала вопрос о недостаточности крестьянских земельных наделов еще за десять лет до решения его правительством. Червинский и Трирогов тоже тщательно исследовали эту проблему и обратили внимание властей на необходимость принятия срочных мер. Хорошо известно, что только социалистическая пропаганда и неуклонное обнищание крестьянских масс заставили наконец правительство действовать. Земельная проблема

обсуждалась, пусть даже в совершенно недостаточной степени, в соответствии с предложениями "Отечественных записок", которые правительство с тех пор успело закрыть.

Вопросы об изменении податной системы, о выкупах наделов, о переселенцах тоже исчерпывающе разбирались в "Отечественных записках" задолго до того, как они рассматривались в комитетах Лорис-Меликова и Игнатъева. Меры для спасения от полного разорения так называемых чиншевиков были приняты благодаря статьям Котелянского, который первый обрисовал их тяжелое, бесправное положение. Еще более поразительным примером воздействия печати является отмена солевого налога, тоже в значительной мере благодаря усилиям "Отечественных записок". После прихода к власти Лорис-Меликова в журнале появилась серия статей Леонида Черняева, в которых он убедительно показал неразумность политики обложения солевым налогом, тяжелым бременем ложившимся на плечи трудового люда. Новый диктатор, желая ознаменовать начало своей государственной деятельности милостивым жестом, отменил ненавистный налог.

Профессор Янжул в своих статьях о фабричном законе в Англии требовал неотложного принятия мер для упорядочения женского и детского труда на русских фабриках. Правительство издало соответствующий закон и назначило Янжула фабричным инспектором Московской губернии.

Короче говоря, нет ни одной важной области народной жизни - землевладения, промыслов, податной системы, - которая не обсуждалась бы специалистами в "Отечественных записках". Ибо среди авторов журнала были люди не только теоретически изучавшие эти проблемы, но и воочию видевшие порядки, которые хотели изменить, и зло, которое хотели уничтожить. Это придавало журналу огромный авторитет, и редакции удалось привлечь к сотрудничеству самых блестящих и образованных людей своего времени, одержимых страстным желанием просвещать широкие круги общества и способствовать осуществлению насущных интересов народа.

Однако "Отечественные записки", прекрасное, бесценное издание, без предупреждения были сокрушены росчерком министерского пера, их полезная деятельность прекращена; всю группу благородных, вдохновенных писателей, собравшихся вокруг них, разогнали и заставили молчать. Почему? В циркуляре, сопровождавшем указ о закрытии журнала, была указана следующая причина зловещей меры: "Отечественные записки", мол, подрывной орган вроде "Народной воли", выходящей с полным пренебрежением цензуры. Многие авторы

журнала связаны с революционными сообществами, а два члена редакции политически скомпрометированы.

Несуразность обвинений очевидна, особенно если учесть, что из почти ста авторов ни один не подвергался преследованиям за политические преступления.

Но обратимся к главному обвинению, предъявленному "Отечественным запискам", так как оно может показаться более серьезным. Циркуляр министра обвиняет "Отечественные записки", как и всю свободомыслящую печать, в том, что они несут ответственность за печальные события последних лет, то есть за политические убийства и другие террористические акты, и в том, что они

защищают теории, ничем не отличающиеся от теорий подпольной революционной

печати, перенимают у нее методы толкования событий, подражают ее тону и литературному стилю.

Читатель помнит, что всего несколько лет назад царское правительство громогласно провозгласило, что революционная партия пополняется исключительно только малограмотными юнцами, бывшими студентами, людьми без

будущего. Теперь власти открыто обвиняют либеральную печать, что она перешла на сторону врага со всем оружием и боеприпасами. Значение этого факта, если это действительно так, невозможно переоценить, хотя в благоразумии этого признания позволительно сомневаться. Ибо в сегодняшней России, так же как в предреволюционной Франции, все, что есть в обществе самого просвещенного, умного, одаренного и ценного, можно найти только в рядах вольнолюбивой оппозиции. У реакции одни лишь бездарности. Единственные талантливые люди, которых она закрепила за собой в последнее десятилетие, - Достоевский в художественной литературе и Катков в журналистике - оба ренегаты революционного дела. Достоевский был прежде социалистом и десять лет пробыл на каторге за принадлежность к петрашевцам; Катков в свои прежние и лучшие годы привлек всеобщее внимание пылкой защитой конституции по английскому образцу. Даже Суворин и другие, меньшие светила реакции когда-то паслись на пажитях либерализма. Но, не желая искажать факты и противоречить истине, даже в кажущихся интересах партии, к которой принадлежу, я должен сказать: как бы сильна ни была оппозиция русской печати к правительству, она не является революционной силой, она не осознала еще всего значения революционных идей.

х х х

Все, кто знакомы с нашей литературой, согласятся, что самой характерной и примечательной ее чертой являются не разрушительные идеи. Она не использует свое влияние, чтобы добиться преобразования нашего политического строя. Цензор неуклонно преграждает путь всяким попыткам пропаганды подрывных идей, да и наши писатели и публицисты политически не подготовлены к тому, чтобы делать такие попытки. Правда, ими владеют высокие помыслы и благородные стремления, но их побуждения неопределенны, стремления неясны и не направлены острым видением и решительной волей. Они как паровоз без рельсов - его ход неустойчив, он беспрестанно набегаёт на преграды, и под конец его поглощают зыбучие пески.

Самая прекрасная черта русской литературы, то, что придает ей совсем особенное значение, - это ее глубочайший демократизм, ее великодушное, бескорыстное сочувствие страданиям простых людей. Большинство русских журналов посвящают свои статьи и очерки насущным интересам народа, облегчению его участи. Крестьянин, его горести, его нужды - вот злободневная тема нашей публицистики. И это не преходящее поветрие. Так

продолжается уже более тридцати лет. Если же обратимся к художественной литературе, то нельзя не изумиться, сколь разительно она отличается от изящной словесности в других странах. В любой западной литературе изображение жизни простых людей представляет лишь редкое исключение и занимает второстепенное место; в России жизнь крестьян, их любовь, страдания, их добродетели составляют излюбленные и наиболее часто выбираемые сюжеты сочинений не только молодых, но и самых признанных писателей. Трудно найти более убедительное доказательство истинных чувств, владеющих нашей интеллигенцией. Ведь она, а не сами крестьяне читает эти романы и повести о жизни униженных и оскорбленных. Великодушный демократизм

образованных, передовых русских людей, возникая из условий нашего духовного развития, - лучшее предзнаменование и вернейший залог прогресса и счастья народа, когда он сам станет хозяином своей судьбы.

Глубокая любовь, испытываемая нашей интеллигенцией к трудовому люду, принимает у руководителей демократического движения замечательный и совершенно русский характер, и она выражена словом "народник" - так называются члены революционной партии. Происхождение народнических идей весьма интересно и заслуживает нескольких слов пояснения.

Не хочу пытаться определить, насколько эти идеи вызваны чувствами глубокого стыда и негодования, внушаемыми крепостничеством лучшим представителям русского дворянства, и возникшим отсюда желанием облегчить по мере сил своих участь несчастных жертв унижительной и позорной системы; насколько они объясняются неумеренной восторженностью русского характера, его склонностью поднимать всякое глубокое убеждение до значения религиозного символа веры; насколько причина кроется в злосчастном историческом прошлом России, в котором надо искать ту легкость, с какой мы самоотверженно приносим свою личность на алтарь великого дела, самого святого и благородного для нас.

Все эти факторы вместе и породили наш русский демократизм, ибо с самого своего возникновения он отличался одному ему свойственными чертами. Старый адвокат Спасович в своей речи на процессе Нечаева рассказал, как в его ранней юности отнюдь не являлось необычным для знатных юношей надевать крестьянское платье и жить среди народа. В 1856 году несколько молодых дворян Тверской, Киевской и других губерний отказались от своего высокого положения, от привилегий своего класса, внесли свои имена в списки сельских общин и стали простыми крестьянами. Притом они знали, что им может угрожать и наказание плетью, и полицейский произвол. Но движение молодых дворян не на шутку испугало власти, и особым указом министра Ланского ему был положен конец. Теперь для русского дворянина так же невозможно стать крестьянином, как для пэра Англии - членом палаты общин.

Демократическая партия, если даже ее члены не давали себя сечь плетью, всегда шла на тяжелые жертвы ради блага народа. И не только на материальные жертвы - против этого никто бы не возражал, - но ведь подчас приходилось жертвовать и принципами. Интеллигенция, воспитанная на шедеврах европейской литературы, лишь с трудом могла дышать в душной атмосфере русского деспотизма. Она жаждала политической свободы, как путник в

африканской пустыне жаждет капли студеной воды. Англичанин в таких случаях сказал бы: "Она мне нужна, поэтому я постараюсь ее добиться". Русский народник говорит: "Она мне нужна, поэтому я откажусь от нее". И если спросить у него о смысле этих слов, он пояснил бы: только он и ему подобные нуждаются в политической свободе, для благополучия крестьянина - единственной цели их стремлений - она не имеет никакого значения.

Такова была роковая ошибка, ибо практически не может быть никакого столкновения естественных прав и интересов народа и его интеллигенции. Но демократы шестидесятых годов этого не хотели понимать и соглашались унижаться перед самодержавием, лишь бы оно обещало улучшить положение народа. Даже такой революционер, как Герцен, не мог противостоять этому внутреннему побуждению, а демократы Николай Милютин и Муравьев-Амурский

превратились в покорных слуг царя. Человеку невозможно идти еще дальше в своем самоотречении, еще полнее обезличить себя. Поистине их любовь была как любовь мифического пеликана, питавшего своих детенышей собственной плотью и кровью. Глупая птица не понимала, что, обрекая себя на смерть, она неизбежно погубит и своих птенцов. Добровольно стушевывая себя, демократическая партия выдавала связанный по рукам и ногам народ на милость продажной и жестокой бюрократии, царского деспотизма.

Эта страшная ошибка погубила великое освободительное движение шестидесятых годов, невзирая на то что опорой ему служило польское восстание. Правительство без зазрения совести забыло свои обещания и сохранило всю полноту самодержавной власти. Когда началась самая черная реакция, все сделанные прежде уступки мало-помалу были взяты назад, и только политика демократической партии была виной тому, что уже не было той силы, которая могла бы противостоять реакции.

Когда двадцать лет спустя возникло новое освободительное движение, пришлось начинать все сизнова. На этот раз революционная партия, порожденная Интернационалом и Парижской Коммуной, боролась под знаменем

социалистических идеалов. Ее руководители не питали никаких иллюзий относительно политики самодержавия. Будучи убежденными социалистами, они боролись также против идей конституционной монархии. Их идеал - верховная власть трудовых классов. Тогда одним скачком они перешли бы от варварства и деспотизма к социализму. Таково было это новое учение - революционное народничество. Идеализация народа достигла своего апогея. Народ всемогущ. Он еще невежествен, не просвещен, но вместо культуры у него самые светлые и благородные побуждения, и это также хорошо. Самая страстная идея революционеров - вызвать немедленную социальную революцию. Напротив, идея политической революции, преобразование государства на либеральных и конституционных началах так же мало привлекают к себе революционных народников, как прежде поколение монархических народников. Но так как никакое движение вперед невозможно без политической свободы, то и те и другие оказались в непримиримом противоречии сами с собой и их политика могла лишь привести к одному результату - сохранению существующего строя таким, каким он был, то есть к самой свирепой реакции. Эти два течения -

старых и новых народников - породили так называемое народничество, идеалы которого вдохновляют большую часть нашей крайней оппозиции.

В этих условиях, как легко себе представить, политическая программа демократической печати, не исключая даже "Отечественных записок", тоже народнического журнала, является неясной, непоследовательной и нереальной. Например, еженедельная газета "Неделя", называющая себя радикальной, тем не менее перенимает идеи Суворина, хотя она от этого подвергается не меньшим гонениям; другие умудряются даже превозносить внутреннюю политику Бисмарка.

Нельзя поэтому серьезно утверждать, что наша демократическая печать заслужила быть названной "подрывной". Но есть и другие газеты и журналы того же лагеря, объявившие себя "либеральными" *par excellence**. Они не выдают себя за народнические или славянофильские, а защищают, насколько это позволяет их гражданское мужество, общие принципы европейского либерализма. Однако, отрекаясь от старых ошибок демократического движения, либералы в то же время отреклись от живого источника, из которого это движение черпало свою силу, - от политического радикализма. Сделав умеренность своим политическим кредо, отказываясь даже в теории признать идею действенного протеста против тирании, либералы осудили себя на полную бесплодность. В такой стране, как Россия, где закон насилует правосудие и правосудие пренебрегает законом, не может быть никакого соглашения. Единственное, что либералы могут сделать, - это умолять правительство быть столь добрым и уйти в отставку. Их позорное подобострастие властям предержавшим оттолкнуло от них лучшую часть русской молодежи и наиболее действенные и прогрессивные силы народа.

---

* по преимуществу (фр.).

Только немногие газеты и журналы сумели примирить в своей программе истинный либерализм с радикальным демократизмом, а это единственная программа, имеющая будущее в нашей стране. И если они не выражают свои идеи открыто, что невозможно по цензурным причинам, то высказывают их между строк и, во всяком случае, никогда не печатают ничего противного своим принципам, а это все, что мы вправе ожидать от печати в царской России. Назову в качестве примера один лишь журнал, уже упоминавшееся мной "Слово". Так как он безвозвратно закрыт, я могу свободно сослаться на него, не подвергая опасным последствиям.

Надо признать, что русская печать мало сделала для политического просвещения нашего общества. Нелегальные русские газеты, выходившие в подполье и за границей, добились гораздо большего, невзирая на скудные денежные средства и огромные трудности их распространения.

х х х

Однако надо воздать должное тем, кто того заслуживает, и нет никакого

сомнения, что радикальная демократическая печать, и прежде всего "Отечественные записки", в значительной степени способствовала развитию революционных идей, хотя и не дидактическим путем. Она обнажила пороки нашей социальной системы и политического порядка, неизменно подтверждая свои обвинения неопровержимыми доказательствами и железной логикой. Для такой пропаганды, не менее действенной оттого, что она по необходимости принимала косвенное выражение, достаточно любить истину и видеть вещи в их подлинном свете. Ибо в нынешней России только самый слепой оптимизм и умышленная недобросовестность могут защищать существующий строй или, как это делают Суворины и Катковы, приписывать измену и злой умысел всем, кто осмеливается сомневаться в мудрости и патриотизме царской бюрократии. Вот почему вся печать, почти без исключения, враждебна правительству. Она и не может быть иной, это было бы противоестественно. Никакая цензура не может сокрушить такую оппозицию. Единственный путь преодолеть враждебность печати

- это закрыть выходящие еще прогрессивные органы и запретить основание новых. Правительственная печать - понятие совершенно немислимое в нашем обществе, ибо, к чести русской журналистики будь сказано, в России не найдется много журналистов типа Цитовича, и если бы даже нашлось, то не оказалось бы читателей.

В 1884 году положение русской печати представлялось следующим образом. Из давнишних влиятельных журналов с широким кругом читателей остался один только "Вестник Европы". Все другие цензурой уничтожены. Из петербургских журналов осталось только "Дело". Власти питали к нему особенную ненависть и подвергали предварительной цензуре, причинявшей редактору неисчислимые трудности и беспрестанные невзгоды. Когда цензоры бывали строги сверх всякой меры, редактору Благосветлову приходилось печатать в пять-шесть раз больше страниц, чем было нужно, - 150, а то и 180 вместо 30. Цензура подчас отвергала пять статей из шести. При этом они посылались уже в гранках, а не в рукописи; можно себе представить, как огромны были издержки. Но издатель, по крайней мере в виде возмещения, вправе был предполагать, что журнал гарантирован от запрещения, оно служило бы открытым признанием бесполезности цензуры. Кончилось тем, что хотя "Дело" официально и не было закрыто, но его существованию все равно был положен конец. Министр послал за официальным редактором журнала Острогорским, бывшим также преподавателем

университета, и предложил ему выбор: уйти с поста редактора или оставить свою преподавательскую работу, дававшую ему средства к жизни. Министр, очевидно, пожелал разыграть с "Делом" ту же штуку, что и со "Словом". Если бы Острогорский испугался угроз и отказался от поста редактора, министр просто не утвердил бы нового редактора на его место. Но Острогорский предпочел потерять единственный источник дохода, чем покинуть свой пост в журнале. Тогда министр приказал Станюковичу, преемнику Благосветлова, продать журнал Вольфсону, человеку совершенно иных взглядов, чем взгляды, защищавшиеся "Делом". Министр предупредил, что в противном случае цензура будет отвергать каждую статью, посылаемую ей на утверждение. То, что случилось с "Делом", было хуже, чем закрытие, - журнал был превращен в

орган реакции.

Как я уже отмечал, только один из старых, влиятельных либеральных журналов уцелел и продолжает выходить в ненадежном одиночестве - "Вестник Европы", хотя все каждый день ожидают его закрытия. Но так как редактор журнала Стасюлевич, преподаватель великих князей, и некоторые его авторы имеют друзей при дворе, граф Толстой пока оставляет журнал в покое. Как долго он будет застрахован от вмешательства министра - трудно сказать. Между тем Толстой нанес новый удар предмету своей особой неприязни - литературе и мысли... На этот раз он превзошел самого себя. Его Index librorum prohibitorum* - список книг, изъятых из библиотек и читален, - вызвал по всей России такое изумление и смех, что не осталось места негодованию.

---

* Список запрещенных книг (лат.).

Глава XXXI

ОДИН ПРИМЕР ИЗ МНОГИХ

В декабре 1884 года в московском суде присяжных слушалось дело Рыкова, бывшего директора лопнувшего Скопинского банка. Чудовищностью своих хищений, беспрецедентных даже в России, Рыков обрел чуть ли не европейскую известность. Целых две недели газеты, несмотря на неоднократные предупреждения, уделяли процессу целые страницы. В обществе почти ни о чем другом не говорили. Это была самая жгучая злоба дня, и она не скоро будет забыта.

Злоупотребления чиновников, ведающих государственными финансами, не новость. Публика так привыкла к скандалам подобного рода, что они, как правило, почти не привлекают внимания. Считается, что воровство по должности в порядке вещей. Чтобы вывести публику из апатии, мошенничество должно было принять ошеломляющий и драматический характер, а сумма украденных денег - поразить воображение. В деле Рыкова всего было в изобилии. Растраты и подлоги бывшего директора и его соучастников исчисляются тринадцатью миллионами рублей, это, вероятно, самый крупный грабеж такого рода, когда-либо совершенный в царской империи.

Этого было бы достаточно, чтобы возбудить всеобщий интерес. Но когда после двух лет ожидания и проволочек наконец открылся суд и на нем были публично раскрыты позорные тайны преступной банды, цифры, как бы они ни были сногшибательны, бледнели перед обнаженными на необычайном процессе язвами социальной и политической жизни. Именно с этой точки зрения дело Рыкова заслуживает внимания. Как в капле воды отражается вся грязь замутившегося источника, так по делу Рыкова можно судить об отвратительной коррупции, затронувшей ныне царскую бюрократию сверху донизу.

Скопинский банк был основан в 1863 году, в период большого экономического оживления в стране, и от него ожидали, что он будет

способствовать расцвету торговли и промыслов в Рязанской губернии. Это был не государственный, а городской общественный банк. Однако он был тесно связан с государственным аппаратом, ибо, как и все общественные банки, находился под контролем министерства внутренних дел и должен был представлять министерству финансов подробный ежегодный отчет о своих операциях и о финансовом положении.

Рыков был назначен директором Скопинского банка, хотя все знали, что он прежде был замешан в каких-то мошенничествах. Но это ему с готовностью простили, вероятно потому, что, как говорится в русской пословице, "кто богу не грешен, тот царю не виноват". Правда, несколько скопинских граждан протестовали против назначения Рыкова, но его поддержало начальство, и некоторое время казалось, что он заслужил их доброе мнение. Однако в 1868 году в банке обнаружился дефицит в пятьдесят четыре тысячи рублей. Не желая разглашать неприятный факт, а тем более сообщать его министерству финансов, Рыков сделал то, что, по словам его защитника на суде, всякий сделал бы на его месте: он вывел фальшивый баланс, настолько благоприятный, что банк привлек вкладчиков со всех концов страны. Отныне дела Скопинского банка покатались под гору. Но чем отчаяннее становилось положение банка, тем более блестяще выглядел его баланс. Не совершая вообще никаких законных банковских операций, Рыков объявил о выдаче по вкладам семи с половиной процентов, в то время как другие банки платили три процента, и таким образом добывал огромные деньги. Чтобы объяснить происхождение крупных барышей, Рыков вносил в бухгалтерские книги различные хитроумные банковские операции. Тут были и фиктивный учет векселей, фиктивные ссуды, фиктивные покупки процентных бумаг и фиктивные их продажи. Нанятый Рыковым старик, столь безграмотный, что еле мог подписать свое имя, каждый декабрь давал поручение банку на покупку акций, процентных бумаг и выигрышных билетов на несколько миллионов рублей; это была фиктивная сделка, и проистекающий отсюда фиктивный доход неизменно вписывался в ложный годовой отчет, представляемый министру и публикуемый в "Правительственном вестнике".

Рыков не только выдавал вкладчикам высокий процент, он жертвовал большие суммы на благотворительные цели, оказывал денежную помощь школам,

щедро одаривал церкви и этим снискал расположение духовенства и приобрел высокую репутацию за свою набожность, добрые дела и благонамеренные взгляды. Деньги на все эти дары, как и на личные расходы директора, достигавшие фантастических цифр, брались из банковских сундуков и вносились в книги под видом выплаты сумм подставным клиентам. То, что оставалось, и большая часть поступлений и вкладов просто похищались, либо шли в широкие директорские карманы, либо на уплату за молчание его сообщников.

Векселя выписывались на крупные суммы, даже без особых стараний замаскировать их. Арефьев, подставное лицо, выписывал вексель на Сафонова, тоже подставное лицо, на сумму в 50 или 100 тысяч рублей, учитывал вексель и получал деньги. Затем операция проводилась в обратном порядке, и Сафонов получал деньги. Учитывались и чисто фиктивные векселя с вымышленными именами, а банковские швейцары и артельщики фигурировали в книгах как дебиторы, задолжавшие банку десятки тысяч рублей, взятых Рыковым из кассы.

"Все делалось по-семейному", - сказал на суде один свидетель.

Но чтобы иметь возможность пользоваться всеми этими богатствами, надо принадлежать к жульнической клике, орудовавшей в банке: быть либо покровителем, родственником или соучастником. На стол Рыкову регулярно клались списки просителей (sic!), и он по настроению писал против каждой фамилии "дать" или "отказать".

Когда вексель подлежал оплате, векселедержателю вежливо предлагали принять к учету другой вексель, включающий процентную ставку. Никто, разумеется, и не думал оплачивать вексель наличными. Но через некоторое время даже эти формальности были отброшены. Если кому-нибудь из банды хищников нужны были деньги, он просто просил выдать их из банка, а иногда брал без спроса. "Они брали деньги из кассы не считая", - сказал один свидетель. "Они приходили с носовым платком, заполняли его ассигнациями и уходили", - свидетельствовал другой.

Так творились дела в знаменитом Скопинском банке. Притом грабеж продолжался не пару недель или месяцев, а долгих пятнадцать лет - поразительный факт даже для царской империи, а для другой страны просто невыносимый. В таком провинциальном городке, как Скопин, где все знают друг друга, плутни Рыкова и положение банка не могли, конечно, оставаться секретом, и действительно, все было широко известно. А когда разразилась катастрофа, в самой Рязанской губернии оказалось всего девятнадцать обманутых вкладчиков, вверивших свои сбережения Рыкову и его воровской шайке. Ни один из шести тысяч вкладчиков не жил в Скопине. Как же могло случиться, чтобы злоупотребления, известные целой губернии и творившиеся в течение пятнадцати лет, ускользнули от внимания местных и центральных властей? И прежде всего, как они ускользнули от внимания скопинской городской думы, а ведь по закону общественные банки находятся под непосредственным наблюдением городского головы и управы? Их прямой обязанностью является ежемесячно проверять книги, устанавливать наличность кассы и процентных бумаг. Как же случилось, что на протяжении всего времени городская дума не заметила открытого жульничества и воровства директора банка? Все объясняется очень просто. Городской голова Иконников воровал, городской голова Овчинников воровал, секретарь городской управы воровал, все члены управы воровали. Ежемесячная ревизия банка была фарсом. В бухгалтерские книги никто не заглядывал, кассу никто не подсчитывал, годовой отчет подписывали не проверяя.

А власти, чиновники, полиция, обычно столь бдительная, когда дело касается наказания за нарушение "общественного порядка" или за проявление политического недовольства, - что они делали? Все то же самое. Они были в той же компании. Все были на откупе у банка, и все воровали. Исправник был на жалованье у Рыкова. Александров, местный мировой судья, в насмешку прозванный рыковским лакеем, получил из банка ссуду в 100 тысяч рублей и ежегодную стипендию в 500 рублей. Его преемник Лихарев получал такую же мзду. Попустительство остальной мелкой чиновничьей сошки, таких, как почтмейстер и приставы, тоже было обеспечено - они получали подачки, как и городские, бывшие все шпионами Рыкова. Купив, таким образом, всю местную власть, Рыков превратился в такого же самодержца Скопина, как царь - всея

Руси. Он делал что хотел и вел себя со всей наглостью малограмотного выскочки.

В городе жил врач Битный, пользовавшийся заслуженной репутацией честного и порядочного человека. Но он имел несчастье чем-то задеть Рыкова, и в один прекрасный день ему приказано было перебраться на жительство в город Касимов, причем ему не сообщили даже причину столь грубого произвола. Только когда для директора наступил час расплаты за его прегрешения, Битный узнал, кому он обязан своим изгнанием. Рыков, видите ли, заявил исправнику, что "доктор неблагонамеренный". И на этом основании Битного выселили из Скопина.

Другой житель города, юноша по фамилии Соколов, был столь неблагоразумен, что однажды в городском саду, проходя мимо Рыкова, что-то насвистывал. Директору это показалось оскорблением его особы, исправник с ним согласился, и Соколов был выслан в административном порядке. Агенту Облову пришлось еще хуже. Он был послан от одной из железных дорог за каменным углем, который по подряду поставлял Скопинский банк. Обнаружив, что уголь плохого качества, Облов отказался его принять, и, так как он, очевидно, был честный человек, его нельзя было купить взяткой. Как бы то ни было, Рыков обвинил Облова в "подстрекательстве", и на этом основании беднягу арестовали и присудили к тюремному заключению. Он избежал тюрьмы только благодаря вмешательству генерального прокурора. "Скопинская полиция, - заявил свидетель Ланской, - была готова в любой момент выполнить малейшее желание Рыкова". Два брата Ланские, Соколов и Финогенов - все служащие банка - жили на квартире в доме некоего Брежнева, что по каким-то необъяснимым причинам не отвечало целям Рыкова. Он без всяких церемоний приказал полиции переселить их, и приказ был тотчас же исполнен. К молодым людям явился исправник Кобеляцкий с тремя городскими и предложил им немедленно съехать с квартиры.

Мало того, Рыков был так уверен в поддержке властей, что помыкал всем городом. Он публично обругал исправника за нерасторопность пожарной команды при тушении пожара и однажды, недовольный независимым видом исправника, предупредил его, чтобы тот был поосторожнее. "Вы никакая не персона, - сказал ему Рыков. - Мне надо лишь слово сказать, и пришлют на ваше место целый вагон исправников".

Чтобы разорить Дьяконова, задолжавшего, к своему несчастью, банку десять тысяч рублей, Рыков велел наложить арест на его дом и продать с молотка. Ни один покупатель не явился на торги - так велик был страх перед всемогущим директором банка. Этого Рыков и добивался. Стоимость дома составляла тридцать тысяч рублей; Рыков предложил услужливым чиновникам оценить дом в девять тысяч и бросить злосчастного Дьяконова в тюрьму, где он и просидел десять месяцев.

Таковыми путями почти безграмотный человек - директор банка еле умел читать и писать - стал всемогущим владыкой Скопина. "Только господь бог мог с ним бороться!" - сказал на суде один из свидетелей.

Но, спросит читатель, неужели во всей этой обстановке трусости, угодливости и продажности не нашлось хоть несколько честных людей и неужели у них не хватило гражданского мужества осведомить о подвигах скопинского

набоба высшие власти, которые не могли находиться под его влиянием и брать у него взятки?

Да, разумеется, были такие люди. Один из них - тот самый многострадальный Дьяконов, и он получил свою награду. Затем бывший городской голова Леонов, который давал свидетельские показания на суде. Пока он был городским головой, дела в банке были в порядке, книги подвергались ревизии, касса и ценные бумаги регулярно проверялись. Но Рыкова это не устраивало. Он подкупил избирателей и городскую думу. Леонова сняли с поста и вместо него избрали более покладистого городского голову. Но Леонов, даже не будучи более членом управы, не прекращал своих попыток уберечь банк от разграбления. В 1868 году Леонов и еще несколько скопинских граждан послали письмо губернатору генералу Болдыреву, описали ему положение в банке и просили назначить ревизию. Ответ пришел в 1874 году - шесть лет спустя! - и гласил, что прошение не подлежит рассмотрению как написанное не по форме.

В 1878 году была предпринята новая попытка. На этот раз ходатайство направили в более высокую инстанцию - министру внутренних дел. Ответ был столь же вразумителен: за неоплатой прошения двадцатикопеечным гербовым сбором оно оставлено без рассмотрения. Теперь уже ходатаи написали новое прошение, снабдили его надлежащей маркой и вторично послали министру, надеясь, что на этот раз что-то будет сделано. "Но мы не получили ответа по сей день", - сказал один из авторов прошения, Масленников, давая на суде свидетельские показания.

Совершеннейшее равнодушие в высших сферах столь же легко объясняется, как умышленная слепота местных властей. Губернатор Болдырев был подкуплен, как все другие, он получил от Рыкова семьдесят девять тысяч рублей. Вице-губернатор Волков лучше преуспел: ему досталось сто тысяч. Предводитель дворянства продался за жалкие двенадцать тысяч рублей. Когда в 1882 году было назначено следствие, этот господин предпочел ретироваться за границу. Советник губернского правления Румянцев, члены суда Бабин и Кормилицин, прокурор Полторацкий - все они, как выясилось на суде, находились в одной компании.

Суд не сумел представить столь же веские доказательства о роли, которую сыграла в рыковском деле петербургская бюрократия. Да ни у кого и не было особого желания углубляться в эту сторону вопроса: ни у председателя суда, ни у прокурора и тем более у защитника обвиняемого. Ни один чиновник министерства внутренних дел не был вызван в суд в качестве свидетеля, никого не просили объяснить свое поведение. Но Рыков загадочно намекнул, что некоторые высокопоставленные особы гораздо больше, чем он, заслужили того, чтобы сидеть на скамье подсудимых. Намеки такого отъявленного мошенника, как Рыков, конечно, не заслуживают большого доверия, но на суде всплыли факты, до некоторой степени подтверждавшие подозрения. Какая-то таинственная личность, по фамилии Бернар, действительный статский советник, действовала в качестве дипломатического представителя Рыкова в Петербурге, улаживая в высших сферах его щекотливые дела. В вознаграждение за услуги Бернар получил миллион рублей номинально в качестве ссуды. Но под конец они поссорились, и Бернар решил освободиться

от своих обязанностей при помощи уловки столь же простой, как и хитрой. Он обратился к своему закадычному другу начальнику жандармерии генералу Черевину, и тот попросил директора Скопинского банка вернуть генералу Бернару учтенные им векселя на сумму пятьсот тысяч рублей. Рыков сделал то, что ему велели. Однако вряд ли только просьба жандармского начальника могла побудить директора к проявлению столь невиданного великодушия. Какова же была компенсация, полученная Рыковым, и в чем состояла услуга, оказанная Черевиним, влиятельной особой в Третьем отделении?

Эта тайна так и осталась нераскрытой на суде. Но имена некоторых других высокопоставленных особ упоминались на заседаниях, и в не очень выгодном для них свете. Генерал-адъютант императора Граббе, например, задолжал банку двести сорок две тысячи рублей, князь Оболенский задолжал шестьдесят тысяч рублей, и оба долга были обозначены как "безнадежные". Как могло статься, что эти господа, никак не связанные с коммерцией или финансами, умудрились получить от банка столь крупные суммы? Когда при допросе от Рыкова настойчиво добивались ответа на этот вопрос, он лишь повторял, что давал им ссуды "под залог высоких титулов". Не будет слишком большой смелостью предположить, что Рыков считал необходимым раздавать деньги в Петербурге налево и направо, беспорядочно и не скупясь. Ведь у нас нельзя ни шага сделать, не платя.

Рыкова прекрасно принимали в высшем свете и весьма ценили. В высокаторжественные дни министры посылали ему поздравительные телеграммы.

"Что стоили им эти телеграммы!" - с невинным видом воскликнула по этому поводу одна русская газета. Позволительно спросить: а что стоили ордена и титулы, которые они ему столь щедро расточали? О поразительной заботливости, проявленной властями к этому архиплуту и его сообщникам, упоминалось в "Русском курьере".

Разоблачить мошенничества Рыкова и компании и наказать преступников удалось только благодаря усилиям трех честных скопинских граждан - Леонова, Попова и Ряузова, а также мужеству одной-единственной газеты - "Русского курьера". Если бы Леонов и другие не были в прошлом гласными скопинской городской думы и при этом весьма состоятельными людьми, они на горьком опыте узнали бы, каково обвинять коммерции советника и кавалера многих орденов.

После того как им не удалось произвести ни малейшего впечатления на губернскую администрацию или заставить себя выслушать в Петербурге, Леонов и его товарищи сделали то, что в России считается опасным, даже отчаянным шагом, - они обратились в печать. Но и здесь неукротимый директор становился им поперек дороги. Целых два года письма, направляемые в различные газеты, не доходили по адресу: они задерживались на скопинской почте. Как показывал на суде свидетель Симаков - и его показания не были опровергнуты, - почтмейстер Перов получал от Рыкова 50 рублей в месяц, за что обязан был перехватывать и передавать ему все письма, адресованные в редакции газет, а также и другие письма по желанию директора. Подобные же услуги на аналогичных условиях оказывал Рыкову телеграфист Атласов. Только в 1882 году Леонову и другим удалось напечатать в "Русском курьере"

несколько писем о злоупотреблениях в Скопинском банке.

Газета, оказавшая обществу столь добрую услугу, - один из немногих уцелевших либеральных органов, и она непрестанно подвергается столь большим притеснениям, что уже несколько раз находилась на грани жизни и смерти. Другие газеты - то ли им заплатили за молчание, или они не осмелились напасть на учреждение, тесно связанное с бюрократическим аппаратом и пользующееся доверием многих блюстителей порядка, - отказались публиковать письма о Скопинском банке. Знаменитый редактор "Московских ведомостей" Катков имел, кстати, сомнительную честь быть публично превознесенным Рыковым на процессе как один из самых больших и почитаемых его благодетелей!

Письма, напечатанные в "Русском курьере", были смертным приговором Скопинскому банку. Кредиторы бросились со всех концов страны вынимать свои вклады. Но осада банка окончилась так же быстро, как началась. Касса была пуста. В ней не только не нашли 13 миллионов рублей, значившихся в балансе, но в шкафу лежали одни только кипы опротестованных векселей, стоимость которых равнялась нулю. Банк был объявлен несостоятельным к платежу кредитным учреждением. Разразился страшный скандал, и паника охватила вкладчиков по всей империи. Они осаждали все общественные банки, требуя возвращения вкладов. Некоторые банки выдержали натиск и устояли, но более десятка потерпели крах, и когда их дела всплыли на поверхность, то обнаружилась почти такая же картина, как в Скопинском банке.

Среди других пришлось закрыть свои двери Камышинскому банку в Саратовской губернии, и ревизия раскрыла крупные злоупотребления. Городской голова и несколько богатых купцов города были арестованы и преданы суду. Они очистили банк, вынув из него всю оплаченную часть акционерного капитала, как и весь резервный фонд, остались одни лишь ничего не стоящие векселя. Это была та же скопинская история, только в меньших размерах.

В Кролевце, Черниговской губернии, был арестован весь штат служащих городского общественного банка. Они обвинялись в том, что в сговоре с несколькими местными коммерсантами совершали крупные хищения. Директор

и

помощник директора Рославльского банка в Смоленской губернии, тоже объявленного несостоятельным, были посажены в тюрьму за растрату двадцати восьми тысяч банковских денег. Книги в Рославльском банке не ревизовались более одиннадцати лет. В Тамбове при ревизии раскрылось сплошное надувательство. Когда директор банка хотел оказать услугу приятелю и в то же время сохранить видимость порядка в книгах, он переписывал вексель на имя жены приятеля и обеспечивал оплату векселя в срок, производя обратную операцию. В чужой карман залезали также в общественных банках Воронца, Котельнича, Козлова и других городов. Газеты сообщили, что в Орле бывший директор городского банка и все его коллеги по правлению обвиняются в растрате четырех миллионов рублей банковских денег. Их подвиги растянулись на двенадцать лет, и потому орловское дело весьма напоминает скопинское.

Так обстоит дело с банками. Но не одни только банковские директора обмошенничивали целые губернии и обманывали доверие своих вкладчиков. Воровство стало правилом, честность - исключением. Злоупотребления

обнаруживаются в каждом государственном ведомстве. В 1882 году московская газета "Современные известия" напечатала список "великих мошенничеств", совершенных должностными лицами за последние несколько лет. Согласно этому списку, имели место двадцать пять случаев хищений на сумму от 20 до 60 тысяч рублей, шесть случаев - на сумму от 400 до 500 тысяч рублей и шесть случаев - на сумму от 1 до 12 миллионов рублей. Итого - 27 миллионов! Сюда не входят более скромные растраты - на сумму менее 20 тысяч, которые неисчислимы... "Россия имеет на своей службе только двух честных людей - тебя и меня", - сказал император Николай своему старшему сыну. И каким бы ни был с тех пор прогресс в стране, он никак не отразился на характере ее чиновников.

Один из наиболее примечательных фактов, выявленных недавними разоблачениями, - это сравнительно скромная роль, которую играли представители администрации. В банковских аферах местные и центральная власти действовали лишь как сообщники и укрыватели краденого. Активную роль играли и львиную долю забирали высокопоставленные мошенники; они имели возможность грабить безнаказанно, бросая подачки армии продажных чиновников, всегда готовых предоставить неограниченные полномочия тем, кто больше платит. Можно даже сказать, что низшие власти больше виноваты, чем высшие представители государства, которые вмешиваются лишь в исключительных случаях; в более мелких хищениях они представляют разбираться местным органам власти.

На процессе Рыков горячо протестовал против того, что он называл несправедливостью публики и прессы. "Мне говорят, что я чудовище, что я украл шесть миллионов. Но это грубая клевета. Клянусь вам, господа присяжные, я украл всего только один миллион, только один миллион!" - говорил он с негодующим жестом и невольным юмором. И это было совершенно верно, как торжествующе доказал его молодой адвокат. Для своих личных надобностей Рыков действительно взял только миллион. Но он смог взять этот миллион, лишь потратив еще пять миллионов на взятки за молчание.

К несчастью, самодержавие, правящее Россией, хозяйничает в стране примерно так же, как Рыков в банке. Чтобы достать денег для собственных нужд, оно должно потворствовать хищениям своих чиновников. Чтобы сохранить свою деспотическую власть, самодержавие должно терпимо относиться к деспотизму тысяч местных самодержцев - губернаторов, полицейских и исправников. Чтобы защитить себя от критики, государство должно подавить свободу слова, надеть узду на печать и от страха, что она будет разоблачать злоупотребления администрации, запретить ей разоблачать мошенничества отпетых жуликов.

Для полноты картины надо было бы рассказать еще о скандальном процессе Буша, о злоупотреблениях в интендантстве, вспомнить историю о самоубийстве министра Макова, привести выдержки с залитых кровью страниц ревизии Уфы и Сибири. Были дела куда серьезнее, чем мелочный педантизм министра внутренних дел, отказавшегося прочитать прошение потому, что на нем было наклеено мало марок, или юмор министра финансов, отечески посовествовавшего жулику бросить свое опасное ремесло. Но я не задаюсь целью описывать

русскую бюрократию. Я сообщил о деле Скопинского банка только для того, чтобы показать характерное свойство царского правительства - давать самые широкие возможности мошенникам и ворам; используя существующий порядок, они

безнаказанно разоряют и грабят страну. Своими драконовскими законами и административными мерами правительство отстранило от участия в государственных делах лучших людей нашего общества по подозрению их в либеральных взглядах, и их место заняли хищники и лихоимцы. В то время как малейшая попытка служить стране верой и правдой грозит свободе и жизни человека, негодяи и жулики могут рассчитывать на высокое покровительство. Ибо бесчестность - самый верный залог того, что человек чужд порочных идей и проявит себя надежным поборником существующего строя.

Глава XXXII

РОССИЯ И ЕВРОПА

Теперь пора кончать. Мы завершили наше путешествие. Оно поневоле было торопливым, и мы лишь немного увидели из того, что стоило видеть. Но мы ознакомились с сущностью и духом царизма, с его политикой по отношению к образованным классам, хоть и малочисленным, но выполняющим важнейшие назначения в общественной жизни страны. Оглядываясь назад, мы снова бросаем взгляд на это ограниченное поле действия самодержавия.

Странное зрелище! Перед нами государство и его правительство, называющее себя национальным, патриотическим, но оно неуклонно, из года в год совершает то, что мог бы совершать лишь самый варварский завоеватель в припадке дикой ярости и безумного фанатизма. Скажу без преувеличения, что деяния наших нынешних правителей сравнимы лишь с подвигами какого-нибудь восточного халифа. И не сомневаюсь, что никогда в другой стране не существовало подобного правительства!

Если бы все, что мы рассказали в настоящей книге, не было доказано - и сто крат доказано! - горами официальных документов, не верилось бы, что все это правда. Но, к несчастью, это действительно правда. И, что еще хуже, всегда будет правдой, до тех пор пока в России правит самодержавие.

Какой-нибудь оптимист, возможно, скажет, что политика российского триумvirата лишь временное отклонение, вызванное чрезмерным влиянием на императора Победоносцева, Каткова и Толстого. Да, политика нынешнего правительства, несомненно, отклонение, но только по своим бессмысленным действиям и циничной откровенности. Если бы Победоносцев и Катков потеряли свое влияние, а Толстой оказался в опале, их преемники, возможно, были бы не столь опрометчивы и более разумны. Все же внутренняя политика правительства в ее главных чертах по необходимости останется неизменной. Элементарное чувство самозащиты делает неизбежным сохранение его образа правления.

В конце XIX столетия единственной гарантией сохранения самодержавия

является только невежество народа. Недостаточно сжигать книги и подавлять вольнолюбивые журналы. Единственный способ уничтожить революционное брожение - подавлять читателей. Если даже крестьяне не читают ничего, кроме "Московских ведомостей", они найдут в их столбцах "Иностранных сообщений" известия о европейской политике, о парламентах и свободных собраниях и многие другие вещи, которые не менее "возбуждают умы" против самодержавия. Те, кто ограничиваются чтением суворинского "Русского календаря", обнаружат в нем сведения о распределении налогов, и если они будут правильно поняты, то окажутся таким же горючим материалом, как революционные листовки. Между тем правительство вынуждено отстранять общественность от всякого участия в управлении государством. На кого же тогда может опираться самодержавие, как не на полицию и бюрократию, как известно, отнюдь не заслуживающую доверия?

Находясь в непримиримом противоречии с культурой, ведя открытую войну с большей частью образованных классов, самодержавие вступило в конфликт с самим государством, изо всех сил толкая его к неизбежной гибели. Противодействуя просвещению в любой форме, оно осушает источник сил народных масс. Оставляя управление государственными делами в руках бесконтрольной бюрократии, столь же бездарной, как и продажной, самодержавие благодаря злоупотреблениям своих слуг еще более ограничивает свои возможности. Неуклонное разорение государства, растущий беспорядок в финансах, непрестанное обнищание крестьянства - все это лишь естественные и неизбежные последствия деспотического режима. Как раз этому мы и являемся свидетелями в России.

х х х

Такое ненормальное положение не может долго продолжаться. Катастрофа неизбежна. Некоторые публицисты находят много общего между нынешней Россией

и дореволюционной Францией. Действительно, мы видим много сходных черт, и самая яркая - это распространение в России среди всех слоев народа антиправительственных настроений, благородных творческих идей, называемых "подрывными", ибо они стремятся уничтожить несправедливость и восстановить господство права. Некоторое сходство мы видим также в материальных условиях и нравственных склонностях народных масс. Однако есть одно существенное отличие, на которое мы хотим обратить особое внимание, так как оно касается того, что в значительной степени должно способствовать усилению распада царской империи и приблизить неизбежный кризис. Мы говорим о политическом положении России.

Франция XVII века была окружена государствами с таким же деспотическим строем, как она сама. Соседи России - конституционные страны. Их конституции весьма далеки от идеала свободы. Но, во всяком случае, они не допускают состояния открытой войны между своими правительствами и народом. Ни прусское, ни австрийское и ни одно другое правительство в Европе умышленно не препятствует распространению образования или установлению

более разумных и передовых методов управления государственными делами только из страха усилить своих внутренних врагов. Соседи России становятся все более могущественными. Их правительства прилагают все усилия к тому, чтобы способствовать общему прогрессу, используемому ими в своих интересах. В царской России прогресс либо не существует, либо он движется черепашьими шагами, все время наталкиваясь на непреодолимые препятствия.

Будучи неразрывно связана с другими европейскими странами политическими узами и вынужденная вступить в экономическое, военное и политическое соперничество со своими соседями, царская Россия неудержимо катится к катастрофе. Ибо, несмотря на все растущие противоречия внутреннего развития европейских стран, Россия не может состязаться с ними, не перенапрягая своих сил. Чем острее соперничество, тем губельнее оно для России. Поэтому грядущий политический кризис гораздо ближе и грознее, чем кризис социальный. Нынешнее положение в стране напоминает период, предшествовавший реформам Петра Великого. Самодержавие так же подавляет и угнетает культуру и прогресс, как это делал московский клерикализм в XVI и XVII столетиях. Сыграв свою роль в создании политического могущества России, царизм стал теперь причиной его неуклонного разрушения. Если самодержавие не падет вследствие внутренних причин, то оно потерпит поражение в первой же серьезной войне; будут пролиты реки крови, и страна будет расчленена на куски.

Свержение самодержавия стало политической, социальной и нравственной необходимостью. Оно обязательно для безопасности государства и для блага народа.

х х х

Говоря о нашей центральной власти, очень поучительно и, разумеется, весьма утешительно отметить, как преступления против человечества сами по себе превращаются в кару, падающую на голову преступников. Библия сохранила легенду о вавилонском царе Навуходоносоре, который в наказание за чрезмерную гордыню был превращен богом в быка и целых двенадцать лет питался одной травой. Я не помню, почему гордыня вавилонского царя заслужила столь ужасное наказание. Вряд ли он был более гордый, чем его петербургский собрат, претендующий на то, чтобы всеми повелевать, всеми распоряжаться, за всех решать и всеми помыкать в стране со стомиллионным населением. Было бы только справедливо подвергнуть его подобной же каре и присудить всю жизнь жевать одну только бумагу.

В бюрократическом государстве, где все делается в письменном виде и ничего не оставляется для собственной мысли и инициативы, самые незначительные дела восходят от низших служителей системы к самой вершине - царю. Что, например, скажет читатель о следующем императорском рескрипте - одном из тысяч совершенно сходных "высочайших указов", как они называются на официальном языке, относящемся не более и не менее как к студенческим кителям. Привожу указ дословно, со всем его бюрократическим красноречием:

"При слушании всепокорнейшего доклада министра государственных имуществ Его Императорское Величество 15 октября сего года (1884 год) высочайше соизволил повелеть в дополнение к форменной одежде, высочайше утвержденной Его Величеством 3 мая 1882 года для студентов Московского сельскохозяйственного института, разрешить во время лекций в институте и на практических занятиях носить кители: зимой - серо-коричневого сукна, летом - светло-желтого (небеленого) полотна - с ремнем из коричневой кожи, украшенным металлической пряжкой, на которой, перевитые венцом из колосьев, должны быть начертаны буквы П и А славянской печати".

Может ли верховный правитель ста миллионов лучше использовать свое время, чем на решение столь важных проблем - цвета и материала студенческих кителей, носить ли студентам кители или сюртуки и какие должны быть буквы на пряжках - славянские или готические?

Правда, эти вопросы не очень сложны. Если у царя нет особого вкуса к красоте форменной одежды, он может решить их сразу. Но ведь проект указа должен быть ему прочитан, прежде чем он его подпишет, или по крайней мере кратко изложен. Царь должен сказать свое "да" или "нет", должен потратить на это какое-то время. И если каждый министр приносит ему сотни таких же пустяковых дел, сколько же времени от рабочего дня остается у царя на непустяковые дела? Легко убедиться в том, что каждый министр может представить вполне достаточно безделиц, чтобы заполнить досуг своего государя и лишить его всякой возможности уделять внимание важным вопросам государственного управления. Так царь может действовать, только следуя советам своего министра. Даже такой ревностный абсолютист, как покойный московский профессор Буслаев, в письме, напечатанном в одном из журналов, посвященных русской старине, подсчитал огромное количество представляемых на подпись императору маловажных бумаг и пришел к неожиданному заключению:

чтобы вернуть Белому царю свободу действий, каждодневная правительственная рутина должна быть возложена на ответственного министра. Однако ученый профессор не пошел так далеко, чтобы предложить сделать этого министра ответственным перед народным представительством.

Если сравним положение деспотов в различные исторические эпохи, то, безусловно, сможем утверждать, что нынешний метод сделать якобы всемогущего монарха совершенно бессильным гораздо действеннее, чем прежний.

Деспоты вроде старых русских царей с некоторым усилием воли все же освобождали себя, хоть и с сожалением, от пустых придворных ритуалов. Но глава современных бюрократических деспотов не может с таким же душевным спокойствием снять с себя обязанность читать десятки объемистых ходатайств, от решения которых зависит столько же человеческих судеб, или рассматривать проект финансовой реформы, осуществление которой означает благосостояние или разорение целой губернии.

И если бы случилось, что, невзирая на все препятствия, царь вдруг пожелал настоять на решении какого-либо вопроса по своему усмотрению, всепокорнейшие исполнители его воли отнюдь не пришли бы в затруднение. Они просто использовали бы баснословную медлительность бюрократической машины,

которая позволила бы отсрочить дело на столько лет - я мог бы сказать, поколений, - сколько им понадобится. Ничто не мешает министрам при первом же удобном случае внести любое изменение в решение царя. А то можно запрятать дело в долгий ящик в какой-нибудь департаментской канцелярии, где оно будет покоиться до второго пришествия.

История нашей администрации - длинная цепь подобных явлений. Если Александр II кое-чего добился в начале своего царствования, то только потому, что на короткое время порвал с бюрократической рутинной и обратился к общественности. Но с того момента, как царь, гонимый страхом, бросился в объятия бюрократии, он стал бессилён и пошел прямым путем к гибели. Из всех типов деспотов, которых знала история, самые беспомощные, безусловно, деспоты-бюрократы нашего времени.

Можно идти еще дальше. Как острозубчатый горный камень, долго перекатываясь по дну стремительной реки, превращается в гладкий, безобидный голыш, хотя и тяжелый, но не острый, так изменилось и нынешнее российское самодержавие. Прежние цари вознаграждали себя за свою политическую незначительность, озорничая неограниченной властью, и находили утешение - если это можно назвать утешением - в потворстве их желаниям. Но неограниченная власть приняла у наших современных царей чисто платонический характер. Появился всевидящий, всезнающий репортер, со своим визгом и смехом, своим возмущением и скандалами, и это заставляет деспота ограничиваться внутренним, придворным кругом. Наши деды говорили: находиться возле царя то же, что находиться возле смерти. Но нынешний царь уже не приговаривает к смерти одним движением бровей, как это делали московские цари. И он не ссылает в Сибирь придворных, вызвавших его гнев, как первые императоры петербургского периода. Теперь всем вершат чиновники. Современный царь лично никого не трогает, он такой же тихий и безвредный, как любой конституционный монарх. Правда, он не отказался от своей власти, он как зверь с хищными клыками и острыми когтями, которые никогда не пускает в ход. Царь - совершенно прирученное домашнее животное, покорно несущее бремя придворного ритуала. С самоотречением, достойным лучшего применения, он служит ширмой для преступлений своих придворных, подвергая себя всем заслуженным последствиям своего кажущегося всевластия, делающего его жизнь несчастной, его существование - полным страхом, власть - посмешищем, положение - позором.

Эволюция самодержавия и впрямь завершилась. Оно едва ли могло пасть ниже, оно едва ли могло представить более веселящее, приятное, ободряющее зрелище для своих врагов.

х х х

Но почему? Мыслимо ли, чтобы человек, не потерявший рассудок, стал вести себя подобным странным образом? Как может он терпеть такое положение и навлекать этим неисчислимые бедствия на целый народ, который, в конце концов, не сделал ему ничего дурного? Как может он отказаться росчерком

пера покончить с открытыми злоупотреблениями, как может не желать изменить свою собственную жизнь, если это возможно? Значит, это невозможно. Значит, над ним довлеет какая-то тайная сила, какая-то тайная партия. Такие предположения всегда были обычны в России, и в различные времена они вызывали догадки о существовании чрезвычайно могущественной придворной партии, называемой то "староаристократической", то "старославянофильской". И вот эта партия якобы мешает царю создать для народа благоденственную жизнь.

Любопытно, как крайности подчас сходятся. Абсолютно та же идея и в совершенно той же форме возникает в умах русских крестьян, и их ответ примерно такой же. Только у крестьян воображение набрасывает на эти домыслы фантастические покровы. Иногда легенда принимает характер драматического представления, в котором принцип добра, воплощенный в царе, побеждается враждебной силой, воплощенной то в Сенате, причем его обычно смешивают с Синодом, то в министре, всегда в одном лице, ибо крестьянин полагает, что имеется всего один министр, как имеется один царь. Иногда в легендах роль злого гения предоставляется одному из членов императорской фамилии. В царствование Александра II эта не очень лестная роль обычно приписывалась царевичу; кто теперь его заменит, когда он сам стал царем, я не знаю. Но кто-то заменит, на сей счет мы можем быть вполне спокойны. Много страниц можно было бы заполнить рассказами о наивных и ребяческих выдумках, с помощью которых крестьяне пытаются сохранить то, что еще осталось от их веры в царя, перед лицом мрачной действительности, жестокости и несправедливости, творимой по его приказам.

Однако теперь уже одни лишь крестьяне верят в эти рассказы, да и они изуверятся, как только их коснутся проблески культуры. Просвещенная Россия давно отбросила эти басни, прекрасно зная, что ничего подобного в России не существует. Сказки о старославянофильской или староаристократической партиях стоят того же, что и крестьянские легенды о мошенничествах Синода или коварстве Сената. На протяжении всей нашей истории высшие классы никогда не были способны стать могущественной политической силой. Читатель помнит, как создавалась наша так называемая аристократия и какой она была в прошлом. Такой она осталась и по сей день. В первое столетие после перевода столицы в Петербург могло показаться, что она изменилась. Петербург, возникший в отдаленном, только что завоеванном краю, был всего лишь огромным военным лагерем. Его низшие классы составляли чухонцы, высшие - военные и штатские чины, большинство из них иностранного происхождения. В таком городе легче легкого было совершать преторианские перевороты, и честолюбивым чужеземцам и придворным предоставлялись все возможности всецело подчинить своему влиянию государей и государынь, и вовсе не благодаря могуществу знати, а вследствие неурядиц в стране.

Однако эти времена давно канули в Лету. Если теперь произойдет переворот, он будет направлен против самодержавия как принципа и осуществлен в расчете на поддержку передовых сил во всей стране. Насильственное изменение образа правления без изменения его принципиальных основ представляется абсолютно невозможным в России. Современному фельдмаршалу Миниху едва ли придет в голову совершить переворот для того,

чтобы подняться по лестнице придворной иерархии. При дворе нет такой силы, которая могла бы эффективно противодействовать воле царя. Нет такой политической организации, нет аристократии, нет даже государственных деятелей в европейском смысле слова. У нас имеются только царедворцы - разновидность людей, уже забытая в Европе, ибо Россия - единственная страна, где воля одного - закон для миллионов. А что такое царедворец? Это человек, в котором от поколения к поколению развивалась до полного совершенства и достигала высокой степени действенности одна-единственная способность навязывать свою волю государю, заставляя при этом верить в его, царедворца, покорность. Все другие способности, чувства и наклонности, как вещи бесполезные и даже сугубо вредные, подавляются и постепенно отмирают у этих низменных представителей человеческого рода.

Но, несомненно, самая неприятная и опасная помеха для усилий придворного - это то, что называется политическими убеждениями, - определенные политические взгляды. Этого днем с огнем не сыщешь при деспотическом дворе. Царедворец может принять политическое знамя, как он принимает парадный мундир, если оно представит ему лучшие возможности заискривать перед государем.

Не буду приводить больше доказательств столь очевидных вещей. Упомяну лишь о превращениях графа Дмитрия Толстого. Это скорее любопытное явление, чем иллюстрация. Казалось бы, нет человека, чьи реакционные убеждения были более непримиримыми, более закоренелыми. Однако этот столп реакции в 1859 году, всего за несколько лет до своего появления в качестве министра белого террора и мракобесия, опубликовал в Брюсселе весьма занятную брошюру под названием "Голос из Германии"* . Обсуждая в ней вопросы европейской политики того периода, автор излагает свои общие идеи и политические взгляды. Он всецело за либерализм, за конституционные гарантии, за уважение воли народа. Он выражает свое сожаление правительству Ганновера, пользующемуся только поддержкой своих чиновников, в то время как народ против него (стр. 7). То же самое, что и в России. Еще менее удовлетворяет либерального графа поведение правительства Баварии, где король целых десять лет держал у власти министра, ненавистного всей стране (стр. 6 и 7). Точно так же, как обстояло дело с Толстым в России. Он высказывает надежду, что правители различных германских государств "не последуют пагубному примеру Ганновера и не сокрушат полицейскими репрессиями законные чаяния своих подданных, потому что создавать препятствия на пути прогрессивных преобразований, когда они стали необходимостью, столь же опасно, как призывать к мятежу; это значит поджечь дом с другого угла" (стр. 61). Он решительный противник клерикализма и клеймит "чудовищный альянс либерализма и поповщины" (стр. 12). Он сурово порицает Наполеона III, к которому не может питать доверия, потому что "он воюет за свободу чужеземцев и в то же время подавляет свободу в собственной стране" (стр. 14). И он полон благородного негодования на деспотические правительства, которые, дескать, "не сочувствуя устремлениям своих народов, кричат: "Будем воевать!", желая войны лишь для того, чтобы народ забыл о своих дурных правителях и они ценой войны могли бы спастись от его гнева" (стр. 10), то есть то же самое, на что он теперь подбивает царя.

---

* "Une Voix d'Allemagne" par le Comte Dmitry Tolstoy Bruxelles Mugaralt, 1859. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Цитаты взяты из экземпляра брошюры, которую мне посчастливилось достать. Все это граф Толстой, нынешний министр, писал собственноручно в 1859 году. Едва он успел вернуться домой из своего заграничного путешествия, как весь его либерализм испарился. В 1859 году при дворе усилилось влияние великого князя Константина. То был период конституционных устремлений. В 1863 году к власти пришли князь Гагарин и антиаболиционисты. В мгновение ока граф Толстой изменил своим глубоким убеждениям и стал опорой самой черной реакции.

Со стороны таких людей государю нечего опасаться оппозиции. Если бы царю вздумалось изменить свою политику, ему понадобилось бы лишь знак подать, и половина его придворных немедленно окрасилась бы в нужный цвет - из ярко-красного в нежно-голубой, если только это обеспечит им лучшие посты.

х х х

Как верно то, что не имеется никаких материальных препятствий, могущих помешать царю изменить свою политику, так же верно и то, что он никогда не изменит ее по собственной воле.

Существуют нравственные и духовные невозможности, столь же неодолимые, как неодолимы материальные препятствия. Деспоты обучены не хуже придворных,

даже тщательнее, чем они. Если деспотизм, проявляемый государем, превращает его двор в школу раболепства, то, с другой стороны, и он, и толпа царедворцев влияют друг на друга, ведь они окружают и воспитывают царя с малолетства. Одно порождает другое. Царедворец - слепок с деспота, деспот - слепок с царедворца, и оба взаимно разлагают друг друга. Если придворные испытывают непреодолимое отвращение к свободным общественным учреждениям,

которые сделают ненужным их единственное дарование, то и деспот льнет к этому извечному скопищу низкопоклонства и подбострастия, цепляется за возможность одним словом повергнуть человека в прах или поднять его ввысь, ко всему этому показному всемогуществу, каким бы оно ни было призрачным. Если постоянные старания изучать и исполнять всякие капризы деспота притупляют ум царедворца, лишают его восприимчивости к более широким взглядам, то искусственная придворная жизнь и ее низменные страсти создают вокруг самодержца своего рода умственный вакуум, и он становится еще более ограниченным, чем его придворные.

Обладая властью превращать в действие каждую мысль, каждую прихоть, он строго огражден от всего, что может вызывать у него мысли и прихоти. Среди ста одного миллиона царских подданных, безусловно, нет ни одного человека,

за кем бы больше следили и надзирали в его повседневной жизни, чья духовная пища подверглась бы более тщательному контролю. Царь читает только извлечения из того, что, как полагают, ему надобно знать; он не встречается с теми, кого, как полагают, ему следует избегать. Имеются тысячи способов добиться этой цели без того, чтобы вызвать неудовольствие государя. И это происходит на протяжении многих лет и поколений, и не только с царем, но и со всеми членами его семьи.

Но что еще безнадежнее, чем развращенность самовластия, - это царящая при дворе полнейшая, труднообразимая неосведомленность во всем, что касается простейших вопросов и элементарных условий жизни страны, которой правят. Стоит лишь прочитать воспоминания сенатора Соловьева и других деятелей, связанных с прошлым царствованием, или послушать университетских профессоров, удостоившихся обучать малолетних великих князей, а подчас и беседовать с ними, или просмотреть передовые статьи катковских "Московских ведомостей", предназначенных, можно сказать, для личного наставления императора и его фамилии, и мы создадим себе некоторое представление об этом причудливом, извращенном духовном мире, в котором живут наши правители.

Нет в мире такой нелепости относительно жизни России, которой не поверили бы в этом кругу, и самая общеизвестная, избитая истина покажется там столь странной, как будто им рассказали о Сатурне. Не было бы ничего неожиданного в том, если бы царь поверил, будто политика графа Толстого в области народного просвещения - олицетворение прогресса. Разве Катков не утверждал это в своих передовых статьях, заявляя, например, что в этой области Россия давно опередила Англию. Когда Толстой временно попал в немилость и был снят с поста министра просвещения, всю Россию охватило ликование, как будто она освободилась от всенародного бедствия. Родители служили благодарственные молебны за своих детей, освободившихся от страха, что их будущность будет искалечена и надежды разрушены. Однако император, без сомнения, полагал, что окажет стране большое благо, вернув Толстого к власти, не то вся Россия изойдет слезами. Такие грубые заблуждения наших царей в порядке вещей. Надо вернуться на несколько веков назад и заменить значение времени значением социальных перемен, чтобы что-то понять в сумятице, происходящей в умах наших правителей. Ученый времен Аверроэса, воскреснув в наши дни, едва ли допустил бы такую путаницу в своих научных воззрениях, как русские цари во внутренней политике.

А что можно сказать об умышленных искажениях, воображаемых призраках и мнимых опасностях, изобретаемых царедворцами, чтобы поразить, запутать и устрашить государя, которого так легко напугать в его недосыгаемой выси? По воспоминаниям сенатора Соловьева мы знаем, что Александр II серьезно боялся такой бессмысленности, как покушения на его жизнь со стороны антиаболиционистов! Как рассказывал мне один осведомленный человек, графа Лорис-Меликова одно время изображали перед нынешним императором как страшный призрак придворного революционера! Разве после этого кого-нибудь удивит, если на его место посадят военного генерала типа Комарова или Скобелева?

Только человек с исключительной твердостью характера, необычайной

смелостью и прежде всего незаурядными умственными способностями сумел бы порвать все эти невидимые духовные и нравственные узы, чтобы иногда увидеть проблески правды. Но тот, кто не одарен природой, кто хоть и родился в пурпуре, но лишен силы ума, неизбежно покорится непрестанному напору толпы настойчивых и бессовестных царедворцев, которые при всей своей непригодности к настоящему делу возвели в величайшую науку умение водить своего государя за нос и вертеть им, как мячом, обращая все в свою пользу: его причуды и стремления, его хорошее или дурное настроение, слабости и упрямство, пороки и добродетели, если таковые у него имеются*.

---

* Читатель позволит мне рассказать в этой связи забавный анекдот, ничем не примечательный, но совершенно достоверный, который показывает, как легко при помощи маленькой хитрости одурачить императора.

Это произошло в первые годы царствования Александра III с самарским дворянином по имени К. Он хотел получить правительственную ссуду в сумме 200 тысяч рублей для постройки кожевенного завода. Многие фабриканты получают значительные суммы из государственных средств "для поощрения отечественной промышленности". Все было превосходно устроено. Всем, кому надо было, дали взятки. К. был настолько уверен в успехе, что, возвратясь в Самару, не стал ждать несколько недель, оставшихся до окончательного утверждения ссуды императором, а занял обещанную ему сумму у татарского купца и сразу же принялся за дело. Велико было его разочарование и отчаяние, когда он получил телеграмму с извещением, что император не утвердил ссуду. К. бросился в Петербург к своим покровителям. Как же так? Что случилось? Никто ничего не знал. Все было сделано правильно, как обещано. Но император отказал. Царская прихоть. Совершенно непостижимо. Ничего не можем сделать. К. считал себя погибшим человеком. Но в одно прекрасное утро, когда он выходил из приемной министра внутренних дел, за ним последовал столоначальник и спросил без обиняков, согласен ли он дать ему 10 тысяч, если дело устроится. К. воскликнул, что будет счастлив дать даже 20 тысяч. Чиновник уклонился от дальнейших объяснений, и они расстались. Через месяц К. получил телеграмму с вестью, что император утвердил ссуду. Полный ликования, К. снова бросился в Петербург, получил 200 тысяч, нашел своего благодетеля столоначальника и отдал ему обещанные 20 тысяч. Растроганный такой честностью и верностью слову, данному под горячую руку, чиновник сказал, что он хочет успокоить совесть господина К.: для получения ссуды не пришлось придумывать никаких закулисных интриг, все сделано честно и добропорядочно. Он рассказал, как был применен невинный план, чтобы заставить императора изменить свое мнение. "У нас, - сказал он, - всегда имеется большое количество бумаг для представления на подпись императору, и мы заранее знаем, что ему приятно будет читать, а что неприятно. Так вот, все зависит от порядка, в каком будет лежать ваше прошение. Если сверху положим четыре-пять неприятных бумаг, император, дойдя до прошения, будет в дурном расположении духа и откажет. Если, наоборот, сверху положим одну за другой пять бумаг для него приятных, то, дойдя до вашего прошения, он будет хорошо настроен и сразу его утвердит".

Действительно, проще простого. Факт абсолютно достоверный, да и трудно

было бы придумать такое. (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

Нет, в наше время коронованные особы не могут принимать серьезное участие в управлении государственными делами. Они к этому органически не способны. Они не могут править, так пусть царствуют, пока люди не могут без них обойтись. Если же они пытаются сделать большее, их ждет должное наказание, и это опять-таки оборачивается проклятием для страны: они становятся марионетками, которых тянут за нити невидимые царедворцы, столь же бесчестные, сколь безответственные. Смешно было бы ожидать, что царь вдруг изменит свою политику или придворные внезапно пожертвуют своим честолюбием и собственными интересами ради блага народа.

Нет, чистое безумие надеяться на политические преобразования в России по воле самого царя. Если подобные надежды были еще простительны в начале прошлого царствования, то теперь, после тридцатилетнего горького опыта, столь запоздалый оптимизм неуместен и весьма похож на желание скрыть под ним свое малодушие.

Самодержавие будет уничтожено - в этом нет сомнения. Но только насильственным путем. Ни одному народу никогда не приходилось выдерживать такой беспощадной борьбы за политическую свободу, как русскому народу, уже не говоря о тяжелых социальных условиях в России и огромном сосредоточении власти в руках правительства. В других странах борьба за свободу окончилась некоторое время назад, когда цивилизация еще не предоставила в распоряжение правителей материальных преимуществ усовершенствованного оружия и поразительно быстрых средств сообщения. Эти преимущества всецело на стороне правящего класса, и они обрекли на неудачу многие пламенные восстания и замечательные выступления героев свободы.

Но нет препятствий, непреодолимых решительностью, отвагой и самоотверженностью. Русский царизм должен быть и будет уничтожен. Нельзя позволить тупому упрямству одного и бесчестному себялюбию немногих остановить прогресс и заслонить свет от стомиллионного народа. Можно лишь пожелать, чтобы неизбежное свершилось не столь разрушительным, кровавым, а наиболее гуманным путем. Этому может содействовать и общественное мнение Европы.

х х х

Как ни странно, но это правда: на русские правящие круги большее впечатление производит европейская молва, чем вопли всей России от Белого до Черного моря.

Вся Россия слышала о злодеяниях в наших политических тюрьмах и содрогнулась. Но проходили годы, а правительство и не помышляло что-либо предпринять для изменения положения политических узников. Однако стоило нескольким французским газетам выступить в защиту несчастной Геси Гельфман и сообщить, что власти, заменив смертный приговор, убивают ее медленной пыткой в крепости, как царское правительство пошло на неслыханную уступку.

Оно разрешило иностранным корреспондентам посетить заключенную в ее временной камере с целью показать, что она жива и обвинение необоснованно. Тысячи жалоб и протестов от имени самых уважаемых граждан России не удостоиваются ответа, производя на дубовые уши царских властей не большее впечатление, чем жужжание надоедливой мухи. Но вот в "Таймсе" появились передовые статьи о России, и после этого петербургский корреспондент сообщил своей газете:* "Весьма тягостное чувство возникло здесь недавно в правительственных кругах. Английскую печать обвиняют в том, что она в последнее время приобрела привычку основывать свое мнение о России на пристрастных сочинениях тайных, давно эмигрировавших нигилистов".

---

* 24 декабря 1884 года (Примеч. Степняка-Кравчинского.)

И чтобы дать выход чувству обиды, охватившему высшие круги, их журналисты распространяют нелепую клевету на нигилистов.

В чем же причина этой неожиданной и совершенно непонятной чувствительности? Можно без конца повторять, что влияние общественного мнения Европы на русское правительство обусловлено его сильной зависимостью от иностранных денежных рынков. Да, совершенно верно, но это не все. Внутренняя политика царизма гораздо разорительнее и приводит к большим потерям, чем любые убытки на международной бирже. Однако это его все же не пугает.

Чувствительность царской камарильи к упрекам европейской печати, несомненно, имеет какую-то причину морального порядка. В этом сказывается рабская натура новоявленных господ. Их жестокость вызвана трусостью; беспощадные к слабым, они низки и робки перед сильными.

Но как бы то ни было, царская клика усердно старается утаить свои преступления от общественного мнения Европы, и она весьма восприимчива к толкам о ней за границей.

Однако, если влияние европейской общественности будет лишь ограничиваться досаждением русской правящей касте, обращение к нему не будет иметь серьезных последствий. Это влияние может быть употреблено с гораздо большей пользой.

Совершенно ошибочно и, смею сказать, бессмысленно утверждать, будто царское правительство держится только на штыках своих солдат и невежестве своих крестьян. Если бы все, кто в душе настроены против царизма, решились открыто это высказать, самодержавие не удержалось бы ни одного дня. Образованные классы, несмотря на свою малочисленность, - это движущая сила и нервный центр всякого общества. В своем огромном большинстве эти общественные круги в России ненавидят существующий строй. Правда, их разделяют партийные разногласия. Но помимо тех, кто вообще ничем не интересуется, а также негодяев, извлекающих для себя выгоды из анархии в царской администрации, чтобы наполнять собственные карманы, вся передовая Россия против самодержавия. И у нее имеется для этого достаточно оснований. Если бы эти классы стали действовать решительно и смело, не страшась временных репрессий, самодержавие, одряхлевшее и напуганное, ненавистное большей части собственных чиновников, не могло бы противостоять их

объединенным усилиям.

Если бы печать - в то время когда в России еще существовала печать - воспользовалась паникой, охватившей правительство после первоапрельского покушения, и нашла бы в себе смелость громогласно потребовать свободы и реформ, правительство, может быть, подумало бы, прежде чем повесить народовольцев. Если бы земства все вместе потребовали конституционных свобод, правительство не посмело бы их всех разогнать. Такие действия имели бы более губительные последствия для государственных бумаг и финансов, чем война.

И на эти круги русской интеллигенции европейское общественное мнение имеет большое и благотворное влияние. Каждое решительное проявление сочувствия к нашему освободительному движению со стороны народов соседних стран - событие для России и оказывает на наш народ не менее сильное моральное воздействие, чем выступления внутренней оппозиции. Таким путем европейские народы могут содействовать усилению освободительного движения в России.

Настоящий момент как нельзя более подходящий для такого морального вмешательства. Русское революционное движение переживает важный перелом в своем развитии. Начав с террора, оно теперь вступило в период, который можно назвать повстанческим, и отказалось от таких средств борьбы, как террористические акты. Оно приобрело многих приверженцев в армии, а также среди трудовых классов столицы и других крупных городов, поставив себе более широкие задачи и перспективы. Оно написало на своем знамени лозунг внезапного, но открытого наступления на самодержавие. Главная цель русских революционеров - восстание, такое же, как восстание декабристов 1825 года. Задача нелегкая и не может быть подготовлена за месяц, как покушение на царскую особу. Она требует длительной и тяжелой борьбы и много благородных жертв. Возможно, не одна безуспешная попытка будет предшествовать нашей окончательной победе. Успех восстания зависит исключительно от готовности русского общества, от его решимости и отваги в момент, когда разгорится сражение.

Начнут ли восстание против самодержавия революционеры или же более умеренные круги опередят их мирными, но решительными выступлениями, которые

мы, революционеры, первые поддержим, сочувствие европейской общественности имеет великое, неопределимое значение. И в этом причина нашего обращения к ней.

Страдания нашего народа ни с чем не сравнимы даже в кровавой летописи деспотизма. Задушена не политическая партия, а поработан сто миллионный народ, который талантом, умом и восприимчивостью к просвещению, добросердечностью своих масс, великодушием и жертвенностью своей интеллигенции, благородными порывами своей молодежи представляет лучшие гарантии длительного прогресса и счастливого будущего.

Человечность - главная причина нашего обращения к сочувствию и помощи. Но не единственная.

То был вопрос о гуманности, когда речь шла об ужасах, творившихся в Болгарии. То был вопрос о гуманности, когда Гладстон выставил на публичный

позор неаполитанского короля, прозванного Rex Bomba* за его зверское обращение с политическими узниками. В России дело идет не только о гуманности, но и о всеобщей безопасности и потому имеет значение для всей Европы. Как бы плохо ни управлялась царская империя, как бы она ни была разорена, но она слишком могуча, чтобы не представлять опасности для соседних государств. Миллионная армия солдат, хоть голодная и раздетая, но храбростью на поле боя не уступит ни одной армии в мире. Такая колоссальная сила, отданная на произвол безудержной прихоти деспота или царедворца, отнюдь не будет способствовать добрым сношениям между странами. Жить в соседстве с деспотической державой так же опасно, как сидеть за столом рядом с сумасшедшим, на которого не надели смирительной рубашки; никто не может поручиться, что он сделает в следующую минуту... Война - общеизвестный способ самодержцев отделяться от жгучих проблем внутренней политики. Если на этот раз и обойдется, кто может отвечать за завтрашний день, когда необходимость отвлечь внимание народных масс окажется более настоятельной или честолюбие какого-нибудь кровожадного вояки - более необузданным?

---

* Король-бомба (ит.).

Только со свержением самодержавия Россия станет залогом мира и Европа освободится от опасности войны.

Я позволю себе в нескольких словах коснуться еще одного вопроса, если даже он не представляет особенного интереса для англичан.

В 1547 году царь Иван IV отрядил в Германию саксонца Шлитте и повелел ему привезти в Москву на царскую службу мастеров всяких специальностей и ученых мужей. Шлитте выполнил царский приказ и через некоторое время собрал более ста человек, с которыми и хотел вернуться в Москву. Но магистр Ливонского ордена, расположившегося тогда на балтийских землях, указал императору Карлу V на опасность, могущую возникнуть для Ливонии и соседних германских государств, если Московская империя перейдет от варварства к культуре. Германский император с этим согласился, и ливонскому магистру было приказано задержать приглашенных саксонцем людей в Любеке и не дать ни одному мастеру или ученому перейти русскую границу.

То, что сделал ливонский магистр в XVI веке, Бисмарк хочет сделать теперь. Свободная Россия была бы слишком могущественна для него, и железный канцлер делает все, что в его силах, чтобы не пропустить свободу через русскую границу. Для этого ему незачем обращаться к иностранной державе. Он нашел лучшего союзника в лице графа Толстого и его единомышленников. Они действуют в своих собственных интересах, как и в его интересах. То, чего триумвирам не удастся достигнуть своими силами, они делают под прикрытием чрезмерного влияния, которое германский канцлер имеет на царя. Услуга за услугу. Толстой и компания распоряжаются русской казной. Бисмарк - хозяин в Европе. Царизм не более как Калибан, дикий и уродливый раб, которого прусский Просперо, с тремя волосками на голове, может использовать для любой грязной работы. И с таким рабом на цепи - на что не отважится Просперо?

До тех пор пока Россия останется под властью царей, Бисмарк будет диктатором и арбитром в Европе и никому не удастся обуздать прусский милитаризм - бич цивилизованной Европы!

Все, кто за прогресс, за мир и человечность, должны объединиться в политическом и моральном походе против деспотизма.

КОММЕНТАРИИ

РОССИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ЦАРЕЙ

"Россия под властью царей" была задумана С.М.Степняком-Кравчинским весной 1882 года (вышла в Лондоне в 1885 году на английском языке). Тогда он хотел назвать ее "Le Vittime" ("Жертвы"). Но спустя несколько месяцев он сообщил одному из своих друзей новое название - "Россия под властью царей" "Совсем не теоретическая будет, но очень фактическая, хочу положение политически гонимых всех классов изобразить, останавливаясь в особенности на административных как массе близкой и родственной всем возможным моим читателям. Кроме того, будут и другие отделы положение и законы печати, административный грабеж всех форм и т.д." Через несколько дней, возвращаясь к этой теме, он добавлял "Это должна быть серьезная фактическая книга о состоянии интеллигенции и народа в России. Я очень дорожу этой работой..." (Обе цитаты взяты из статьи Евгении Таратута "С.М.Степняк-Кравчинский и его книга "Россия под властью царей" в кн. Россия под властью царей, М., 1964, с. 16).

Но прежде чем знакомить европейского читателя с революционной интеллигенцией, с постановкой проблемы народа, Степняк-Кравчинский хотел осветить вопрос, постоянно интересовавший Запад как возникло, развилось и достигло своего апогея российское самодержавие. Так родилась первая часть книги - "Развитие самодержавия".

Историческая концепция Степняка-Кравчинского была типична для народнических воззрений. Вера в возможность непосредственного перехода - минуя капитализм - к социалистическому строю через крестьянскую общину, которой отводилась особая роль, составляла главное содержание теории русского социализма народников. Основателем этой теории был Герцен. Правильно подчеркивая демократический характер самой общины, он вместе с тем идеализировал ее, полагая, что "самобытный" путь России к социализму может быть обеспечен освобождением крестьян с землей общинным самоуправлением, традиционным представлением крестьян об их праве на землю. Отрицательные же стороны общинной организации (патриархальность, круговая порука, отсутствие свободы лица) он считал преодолимыми в ходе утверждения социалистических идей в народе.

Наиболее рациональные идеи в общинную теорию внес Чернышевский, обуславливавший ее развитие свержением самодержавия, соединением общинного

владения землей с общинным промышленным производством. В развитие общинной

теории внесли свои идеи Бакунин и Лавров.

Утопическая теория общинного, крестьянского социализма около полувека господствовала в русском освободительном движении. Естественно, что ей соответствовала народническая концепция русской истории. Демократическая организация земледельческого населения не имела ничего похожего на феодальные замки, считал Герцен: "...наши города - большие деревни, тот же народ живет в селах и городах... У нас нет... ни раздробления полей в частную собственность, ни сельского пролетариата..." (Герцен А.И. Собр. соч. в тридцати томах, т. XII. М., 1957, с. 98). Русская сельская община в его представлении была точным изображением общин Новгорода, Пскова, Киева. Это широко распространенное в народнической литературе мнение, почти дословно воспроизводимое Степняком-Кравчинским, вело к идеализации всего древнего периода русской истории, к преувеличению роли и значения веча, выраставшего, в представлении народников, в идеальное народное учреждение. Не понимая процесса зарождения и развития феодальных отношений, народники писали о равенстве всего населения в русских княжествах, о патриархальной организации власти, о народных республиках типа Новгородской.

Неразработанность идеологией народничества проблемы взаимоотношения государства и общины способствовала углублению в сознании семидесятников идеи надклассовости государства, что, в свою очередь, привело часть народников к мысли о возможности покончить с ним одним ударом. Но государство по своей сущности не может быть надклассовым. Оно возникает в результате раскола общества на классы. Изучать становление и эволюцию государства можно лишь в связи с развитием классовых противоречий. Раскрывая сущность феодального государства, В.И. Ленин указывал, что оно является органом властвования землевладельцев-крепостников над зависимыми крестьянами. "Для удержания своего господства, для сохранения своей власти помещик должен был иметь аппарат, который бы объединил в подчинении ему громадное количество людей, подчинил их известным законам, правилам, - и все эти законы сводились в основном к одному - удержать власть помещика над крепостным крестьянином. Это и было крепостническое государство..." (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 77).

Особое внимание уделял Ленин самодержавию, которое держалось "вековым угнетением трудящегося народа, темнотой, забитостью его, застоём экономической и всякой другой культуры" (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 180-181).

Именно состоянию культуры в период господства реакции 80-х годов посвятил Степняк-Кравчинский четвертую часть своей книги - "Поход против культуры". Попытавшись широко представить просвещение в свете реакционного курса правительства, писатель не смог, однако, дать полной картины состояния образования и положения печати того времени. Причиной тому были и недостаточность источников, и - главное - иной акцент всей книги.

Во второй и третьей частях ее внимание автора сосредоточено на трагических судьбах десятков и сотен жертв репрессий царизма, картинах дикого произвола властей. Степняк-Кравчинский в значительной мере

основывается здесь на собственных наблюдениях, переживаниях, свидетельствах друзей, соратников, подпольной, а иногда и легальной прессе. П.А.Кропоткин, когда писал о значении творчества Степняка для западного читателя, особенно выделил эти две части: "Едва ли не главную службу в пробуждении симпатии сослужили "Подпольная Россия" и некоторые главы из "России под властью царей", в которых обрисованы в беллетристической форме типы революционного движения и внутренняя жизнь кружков. Эти очерки обращались к человеческому чувству, к оскорбленному чувству справедливости, а так как они были написаны художественно, то производили глубокое впечатление" (Степняк-Кравчинский С.М. Собр. соч., т. 1. Пг., 1919, с. 17).

Печатается по первому изданию на русском языке: Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. М., Мысль, 1964 (перевод М.Ермашевой).

В настоящий том сочинений С.М.Степняка-Кравчинского включены как "Россия под властью царей", так и "Подпольная Россия". Вопреки хронологии создания, том открывается первой из них, поскольку именно "Россия под властью царей" создает представление об общей картине борьбы революционеров-народников 70-80-х годов XIX века, дает тот фон, на котором развивались отдельные судьбы революционеров, о коих повествует писатель в "Подпольной России" и в художественных произведениях, составивших второй том данного издания.

Поскольку все книги Степняка построены на фактическом материале, некоторые имена в них многократно повторяются. Комментируются они лишь при первом упоминании. В последующем отсылки даются только в тех случаях, когда по тексту требуется дополнительный комментарий.

Стр. 20. ...как французский узурпатор 2 декабря... - Луи Наполеон Бонапарт (1808-1873) 2 декабря 1851 г. совершил контрреволюционный государственный переворот; 2 декабря 1852 г. он был провозглашен императором Франции под именем Наполеона III. Пытаясь задержать рост революционной активности масс, правительство Наполеона III в коалиции с Англией и Турцией вступило в Крымскую войну (1853-1856) с Россией. Степняк-Кравчинский сравнивает эту акцию с действиями царского правительства, начавшего в январе 1877 г. войну против Турции.

Стр. 22. Костомаров Николай Иванович (1817-1885) - русский и украинский историк и писатель. В 1859-1862 гг. - профессор Петербургского университета по кафедре русской истории. Автор ряда литературных произведений. Для Костомарова как историка характерна субъективно-психологическая трактовка исторических событий. Соловьев Сергей Михайлович (1820-1879) - крупнейший русский буржуазный историк. В 1847-1879 гг. - профессор, а в 1871-1877 гг. - ректор Московского университета. Исследования Соловьева ("История России с древнейших времен", "Публичные чтения о Петре Великом" и др.) содержат богатейший фактический материал. Он впервые извлек из архивов громадное количество неизвестных источников, на основании изучения которых сделал широкие исторические обобщения. Его взгляды примыкали к государственной школе русской историографии (см. коммент. к с. 30). Сергеевич Василий Иванович (1835-1911) - историк русского права, профессор Московского (с 1871 г.) и Петербургского (с 1872

г.) университетов, один из крупных представителей государственной школы русской историографии. В своих работах доказывал, что русское самодержавие имеет надклассовый характер, частная собственность на землю существует извечно; на этом основании отрицал наличие общины в древнерусском государстве. Беляев Иван Дмитриевич (1810-1873) - историк славянофильского направления. В 1852-1873 гг. - профессор Московского университета. Занимался проблемами истории права, быта, хозяйства и военных сил Русского государства до XVIII в.

Стр. 23. Вэстол Вильям (1834-1903) - английский писатель и журналист. В начале 70-х годов познакомился в Женеве с русскими революционерами-эмигрантами.

Лавров Петр Лаврович (1823-1900) - социолог и публицист, один из главных идеологов революционного народничества. В 1866 г. в "Исторических письмах" развил теорию "критически мыслящих личностей", которая была подхвачена передовой молодежью как призыв к широкой пропагандистской работе среди народа. В 1870 г. эмигрировал за границу. В 1873-1876 гг. издавал журнал "Вперед". В 1883-1886 гг. был редактором "Вестника Народной воли". По просьбе С.Кравчинского написал в 1882 г. предисловие к его книге "Подпольная Россия". В 80-х и 90-х годах продолжал отстаивать революционные идеи.

Гольдсмит Исидор Альбертович (ок. 1845-1890) - редактор и издатель журналов "Знание" (1872-1877) и "Слово" (1878) в Петербурге. Поддерживал связи с русской революционной эмиграцией. В 1884 г. уехал за границу, откуда писал корреспонденции в "Новое время" и "Санкт-Петербургские ведомости".

Цакни Николай Петрович (1851-1904) - с начала 70-х годов принимал участие в студенческом движении. Входил в общество "чайковцев" (см. вступ. статью, с. 7). Близкий друг Кравчинского. Арестовывался в 1872, 1874 гг. В 1876 г. выслан в Архангельскую губернию, откуда бежал (в 1878 г.) в Лондон, затем переехал в Париж. Находясь в эмиграции, сотрудничал в ряде петербургских и московских газет. Со второй половины 80-х годов от революционной работы отошел. В 1887 г. вернулся в Россию. Последние годы жил в Одессе.

Драгоманов Михаил Петрович (1841-1895) - украинский историк, этнограф и публицист. В 1876-1889 гг. жил в Швейцарии. В 1878-1883 гг. издавал в Женеве сборники "Громада" на украинском языке. В 1881-1883 гг. выпускал "Вольное слово", финансируемое и направляемое "Священной дружиной" - тайной организацией, созданной в придворных кругах для борьбы с освободительным движением. Эта сторона деятельности Драгоманова не была известна Кравчинскому.

Стр. 29. ...народ Галицкой земли решил свергнуть князя, в княжеское звание был возведен простой боярин. - Это произошло в 1213 г. Даниил Романович Галицкий (1201-1264) в возрасте 12 лет вместе с матерью был изгнан боярами (а не народом, как пишет Степняк) и около года находился на Волыни. Княжеский же стол это время занимал действительно "простой боярин" Володислав.

Стр. 30. Некоторые историки так называемой московской школы... - Автор

подразумевал государственную школу - господствующее направление в русской буржуазной историографии пореформенного периода. Основой исторического процесса историки государственной школы считали само государство и его деятельность. Основателем этой школы был Б.Н.Чичерин. Идеи государственной школы выражали В.И.Сергеевич, А.Д.Градовский, И.И.Дитятин, С.М.Соловьев.

Но более глубокие и беспристрастные исследования новой школы... - Речь идет о исследованиях историков-славянофилов. Исторические взгляды представителей этого направления общественной мысли (К.С.Аксакова, А.С.Хомякова, И.В.Киреевского и особенно историка И.Д.Беляева) на самобытность русского исторического процесса и роль общины в Древней Руси были близки к социологическим концепциям народников.

Стр. 34. Левант - Ближний Восток.

Стр. 39. В XIII и XIV веках... десятки тысяч крестьян, спасаясь от невыносимого гнета, нашли пристанище в степях Яика... Дона и Днепра. Беглецы, называвшие себя казаками... - Период феодальной раздробленности и татаро-монгольского ига относится к XIII-XIV вв., возвышение Москвы и объединение ею близлежащих земель начинается в XIV в. Бегство крестьян на окраины государства и возникновение казачества как массового явления относятся ко второй половине XVI в. За Яик крестьяне бежали в первую половину XVII в.

Даже в наш век случалось (в 1830 г. в Старой Руссе и в других местах, а в 1856 г. в Орловской губернии), что повстанцы не ставили над собой правителя, а немедленно основывали республику... - Неверно. Восстание военных поселенцев в Старой Руссе произошло в 1831 г. В 1854 г. (а не в 1856-м) во время Крымской войны в ряде губерний России (Рязанской, Воронежской, Киевской, Тамбовской, Владимирской и др.) начались волнения крестьян, связанные с распространившимися слухами о том, что вступившие в ополчение крестьяне будут освобождены от крепостной зависимости. Волнения были подавлены военной силой. Ни в этом случае, ни во время восстания в Старой Руссе не было никаких "республик".

Стр. 41. Владения "Королевы Адриатики" - то есть Венеции. В начале XIII в. Венецианская республика была крупнейшей средиземноморской империей.

Стр. 48. Одним из первых указов ханов неизменно подтверждалась неприкосновенность церквей, монастырей и священников. - Татары действительно использовали русскую церковь, но не потому, что "уважали" религию побежденных, а потому, что с помощью церкви пытались укрепить свое господство в завоеванных землях.

Стр. 49. Этот милейший монарх, не удовлетворясь тем, что удушил митрополита русской церкви... - Митрополит Филипп (Федор Степанович Колычев) был задушен Малютой Скуратовым по приказанию Ивана Грозного в 1569 г.

И когда Иван III взял в жены Софью Палеолог... - Иван III Васильевич (1440-1505) - великий князь Московский (1462-1505). Завершил объединение русских земель вокруг Москвы. В 1472 г. женился на Зое (Софье) Палеолог, племяннице последнего византийского императора.

Герберштейн Зигмунд (1486-1566) - немецкий дипломат. В 1517 и 1526 гг.

- посол в Москве императора Максимилиана I. В его книге "Записки о московитских делах" (1549) содержатся ценные сведения по истории России.

Стр. 50. Курбский Андрей Михайлович (1528-1583) - политический деятель и военачальник, публицист, участвовал в Казанских походах (1545-1552) и Ливонской войне (1558-1583). Был лидером и идеологом боярской оппозиции. В 1564 г. бежал в Литву и перешел на сторону польского короля. Написал ряд сочинений, направленных против единодержавия русского царя. Наибольший интерес представляет его "История о великом князе Московском", описывающая события политической жизни России эпохи Ивана IV.

Стр. 51. Репнин Михаил Петрович - известен своим походом в Ливонию в 1558 г. Был убит по приказу Ивана IV. Обстоятельства его казни, изложенные Степняком, - историческая легенда.

Правление последних царей династии Рюриковичей... - Рюриковичи - династия русских князей, которая вела свою родословную от легендарного варяжского князя Рюрика, утвердившегося в Новгороде в IX в. Последним в этой династии был царь Федор Иванович (1557-1598), который царствовал в 1584-1598 гг.

В последующую эру - эру дома Романовых... - Династия Романовых (1613-1917). Первый царь - Михаил Романов (годы правления - 1613-1645).

Стр. 53. Все путешественники, посещавшие Россию в XVII веке, были поражены низким уровнем ее культуры и отсталостью цивилизации. - Как правило, иностранные путешественники плохо знали Россию, быт ее народа и особенно культуру. Поэтому в своих сочинениях наряду с ценными сведениями о русском народе они сообщали немало неверных, а иногда и просто тенденциозных.

В 1563 году первая книгопечатня... была разгромлена по приказу духовенства... а первопечатники Иван Федоров и Петр Мстиславец избежали суда по обвинению в колдовстве только потому, что спаслись бегством. - Подготовка к изданию книг типографским способом велась в Москве с 1553 г. В 1564 г. И.Федоров и П.Мстиславец выпустили первую книгу - "Апостол". Сведения о разгроме типографии и бегстве И.Федорова и П.Мстиславца являются легендой. В 1565 г. типографией Федорова была издана учебная книга "Часовник". В 1566 г. он переехал в Литву, затем жил и работал в городах Заблудове, Львове, Остроге. Умер во Львове в 1583 г.

Стр. 53-54. Через два столетия после того, как повсеместно вошел в употребление порох, царские солдаты все еще воевали с луком и стрелами... - Автор неточен. В Западной Европе наряду с огнестрельным оружием в течение долгого времени широко применялись мечи, копья, арбалеты и другие виды холодного оружия. Пушки стали применяться на Западе в начале XIV в. На Руси они впервые были использованы при обороне Москвы от татарского хана Тохтамыша в 1382 г.

Стр. 54. В правление царя Алексея Михайловича (1629-1676). - Годы его правления - 1645-1676.

Разин Степан Тимофеевич - предводитель крестьянской войны 1670-1671 гг. Казнен в Москве в 1671 г.

Стр. 55. ...в столице народ восстал... пожертвовал несколькими любимцами, предав казни... верных своих советников... - Речь идет о

восстании горожан в Москве 1648 г., когда правительство царя Алексея Михайловича вынуждено было выдать народу начальника пушкарского приказа П.Т.Троханиотова и начальника земскою приказа Л.С.Плещеева. Оба были убиты.

Стр. 58. Тэн Ипполит (1828-1893) - французский философ, историк, теоретик литературы и искусства. Степняк говорит о книге "Происхождение современной Франции", Париж, 1876-1893; русский перевод - СПб., 1907.

...бурбонским королям... - Бурбоны - королевская династия, правившая в XVI-XIX вв. во Франции, Испании и Неаполитанском королевстве. Автор имеет в виду французских Бурбонов, родоначальником которых был Генрих IV (1589-1610), а последним представителем - Карл X (1824-1830). К младшей линии Бурбонов - Орлеанам - принадлежал и Луи-Филипп (1830-1848).

Стр. 59. Адашев Алексей Федорович (ум. в 1561) - один из руководителей правительства Избранной рады при Иване IV, начальник челобитною приказа и постельничий, ведал личным архивом царя. Вел дипломатическую подготовку Ливонской войны (1558-1583) и ведал внешними сношениями в первые военные годы. В 1560 г. занимал пост воеводы в Ливонии. Выступил против активизации военных действий в г.Юрьеве (Тарту), за что был заключен в тюрьму, где и умер.

Матвеев Артамон Сергеевич (1625-1682) - русский дипломат, боярин. С 1671 г. - начальник посольского приказа. Имел большое влияние на государственные дела. Убит во время стрелецкого мятежа.

Стр. 61. ...в середине XVI века правительство отняло у крестьян последний знак их древних вольностей... Это право в значительной степени уже было ограничено Борисом Годуновым и наконец уничтожено сто лет спустя царем Алексеем Михайловичем. - В 1581 г. было отменено право крестьян уходить от помещиков за неделю и спустя неделю после Юрьева дня (осенью). В годы, когда Борис Годунов был фактическим правителем государства (при царе Федоре Ивановиче), правительство сделало еще один шаг по пути закрепощения крестьян, установив пятилетний срок сыска (урочные годы) беглых крестьян и холопов (1597). Царь Алексей Михайлович "Уложением" 1649 г. отменил урочные годы, тем самым была установлена "вечная крепость".

Стр. 62. Беспорядочные войска, из которых восемьдесят пять тысяч солдат были полностью истреблены двенадцатью тысячами шведов... - Очевидно, автор имеет в виду поражение русских войск под Нарвой (1700). В действительности в сражении со стороны шведов участвовало 12-15 тысяч, со стороны русских - около 34 тысяч.

Он увеличил доходы казны с трех до четырнадцати миллионов рублей. - В действительности доходы казны были увеличены с 4 до 8 миллионов рублей.

Стр. 65. ...эту великую реформу. - Оценивая крестьянскую реформу 1861 г., Степняк-Кравчинский несколько преувеличивал ее значение. Буржуазная по своей сущности реформа была проведена правительством в интересах господствующего класса. Поэтому в сельском хозяйстве осталось множество феодально-крепостнических пережитков. Сохранились помещичье землевладение, временнообязанные отношения с оброком и барщиной, полное политическое бесправие крестьян. "Пресловутое "освобождение", - писал В.И.Ленин, - было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними" (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 173).

Стр. 72. Батюшкова Варвара Николаевна (1852-1894) - в начале 70-х годов входила в состав московского отделения кружка "чайковцев". Арестована в 1875 г. Выслана в Сибирь.

Стр. 75. Соловьев Александр Константинович (1846-1879) - вел революционную пропаганду в Поволжье. 2 апреля 1879 г. в Петербурге совершил неудачное покушение на Александра II. Повешен.

Стр. 76. "Черный передел" - организация революционных народников. Образовалась осенью 1879 г. в результате раскола "Земли и воли". Чернопередельцы (Г.В.Плеханов, П.Б.Аксельрод, Л.Г.Дейч, В.И.Засулич и др.) отрицали необходимость политической борьбы, осуждали террор, вели пропаганду главным образом среди рабочих.

Стр. 78. "Процесс 50-ти" - суд над революционерами-народниками, происходивший в Петербурге в Особом присутствии Сената с 21 февраля по 14 марта 1877 г. К суду за революционную пропаганду были привлечены члены "Всероссийской социально-революционной организации" (С.И.Бардина, О.С. и В.С.Любатович, П.А.Алексеев и др.). Центральным моментом процесса стала речь П.А.Алексеева, которую впоследствии В.И.Ленин назвал "великим пророчеством русского рабочего-революционера" (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 377). Суд приговорил 15 человек к каторге на разные сроки (до 10 лет), 2 - к ссылке на поселение, остальных - к менее тяжелым наказаниям.

..."тем, что ему угодно было называть своим умом"... - Степняк-Кравчинский приводит здесь излюбленную фразу лорд-канцлера Великобритании Ричарда Бетела (1800-1873).

Стр. 81. Толстой Дмитрий Андреевич (1823-1889) - крупнейший сановник, занимавший в 60-80-х годах ряд важных должностей и проводивший крайне реакционный курс. В 1865 г. - обер-прокурор Святейшего синода, в 1866-1880 гг. - министр народного просвещения. С 1880 г. - член Государственного совета. В 1882-1889 гг. - министр внутренних дел и шеф жандармов.

Стр. 82. Судейкин Георгий Порфирьевич - подполковник, старший инспектор секретной полиции. Убит С.П.Дегаевым в 1883 г.

Стр. 83. 13 марта. - Убийство Александра II произошло 1 марта 1881 г., по новому стилю - 13 марта. Имея в виду иностранных читателей, Степняк-Кравчинский везде дает дату убийства царя по новому стилю.

...удачно изобразил... великий русский сатирик... - Сценка взята Кравчинским из "Современной идиллии" (1877-1883) М.Е.Салтыкова-Щедрина.

Стр. 89. Морозов Николай Александрович (1854-1946) - революционер, ученый, почетный член АН СССР (с 1932 г.). В 1874 г. участвовал в "хождении в народ". Близкий друг С.Кравчинского. В 1875 г. (а не в 1873-м) был арестован, приговорен к вечной каторге, замененной заключением в Петропавловской, а затем в Шлиссельбургской крепости, где просидел 21 год. Как ученый работал в области химии, физики, астрономии, математики, истории. В своих мемуарах "Повести моей жизни" много пишет о С.М.Кравчинском.

Вознесенский Петр Михайлович (род. ок. 1854) - в 1874 г. арестован по "делу 193-х".

Стр. 90. Пономарев Александр Андреевич (род. ок. 1854) - член самарского революционного кружка; арестован по "делу 193-х".

Стр. 91. Войнаральский Порфирий Иванович (1844-1898) - один из главных организаторов "хождения в народ", создатель ряда революционных кружков в Поволжье. Арестован в 1874 г. по "делу 193-х" и осужден на 10 лет каторги. Заключение отбывал в Ново-Борисоглебской тюрьме, затем на Каре. Выйдя на поселение, жил в Якутии, где вел большую работу в области культуры.

Стасов Дмитрий Васильевич (1828-1919) - адвокат, выступавший защитником в ряде важных политических процессов, в частности по делу Каракозова.

Стр. 95-96. Крутиков Николай - студент Харьковского университета.

Арестован в 1875 г. В том же году покончил жизнь самоубийством. Стронский

Николай Яковлевич (1850-1877) - участник революционно-народнического движения на Украине. Арестован в 1874 г. по "делу 193-х". Умер в

Петропавловской крепости. Запольский Алексей Степанович (ок. 1845-1875) - участник "хождения в народ". Арестован в 1874 г. по "делу 193-х". В Курской

тюрьме покончил жизнь самоубийством. Леонтович Николай - студент Петровской академии. Арестован по "делу 193-х". В 1875 г. в Московской тюрьме покончил

жизнь самоубийством. Богомоллов Владимир Александрович (ок. 1855-1875) - студент Медико-хирургической академии. Привлечен по "делу 193-х". Покончил

жизнь самоубийством в Доме предварительного заключения. Каминская Берта Абрамовна - народница, вела пропаганду среди рабочих в Москве. Арестована в

1875 г., привлечена к суду по "процессу 50-ти". Находясь в тюрьме, заболела психическим расстройством. В 1876 г. отдана на поруки отцу. В 1878 г.

покончила жизнь самоубийством. Львов Исаак Константинович (ок. 1850-1875) - студент Московского университета. Привлечен к суду по "делу 193-х". Умер в

Петропавловской крепости. Трутковский Павел Никифорович - учитель в Орловской губернии. В 1875 г. привлечен к суду по "процессу 193-х". Умер в

1877 г. в Доме предварительного заключения. Лермонтов Феофан Никандрович (ок. 1849-1878) - студент Петербургского технологического института.

Арестован в 1874 г. по "делу 193-х". Выслан в Архангельскую губернию.

Устюжанинов Иннокентий Александрович (ок. 1848-1876) - студент Московского университета. В 1875 г. привлечен по "делу 193-х". В 1876 г. за несколько

дней до смерти выпущен из тюрьмы на поруки. Чернышев Павел Феофистович (1854-1876) - вел пропагандистскую работу в Поволжье. Арестован в 1874 г. В

тюрьме в Петербурге заболел туберкулезом. Выпущен за две недели до смерти на поруки. Похороны Чернышева на Волковом кладбище вылились в

демонстрацию

революционно настроенных студентов. Носков Сергей Степанович (ок. 1855-1876) - воспитанник Орловской гимназии. В 1875 г. приехал в Москву, где вскоре был арестован за хранение запрещенных книг. В 1876 г. дело о нем

было решено в административном порядке. Был назначен к высылке в Екатеринославскую губернию, но 17 декабря 1876 г. умер в Москве от туберкулеза.

Махеев Василий Матвеевич (ок. 1850-1876) - студент Медико-хирургической академии. Арестован в 1874 г. по "делу 193-х". В

Петропавловской крепости заболел туберкулезом. Выпущен на поруки на несколько месяцев. Умер по дороге в Ялту. Его похороны в Орле 26 марта 1876

г. вылились в политическую демонстрацию.

Стр. 96. "Процесс 193-х" - суд над революционерами-народниками.

Проходил в Петербурге с октября 1877 г. по январь 1878 г. Первоначально число привлеченных к следствию достигало нескольких тысяч, но многие до процесса были высланы в административном порядке, часть освобождена по отсутствию улик. Во время предварительного заключения, которое продолжалось 3-4 года, некоторые умерли, сошли с ума. Суд приговорил 28 человек к каторге от 3 до 10 лет, 18 - к ссылке в Сибирь и более 30 человек к менее тяжелым наказаниям. Остальные были оправданы или же освобождены из-за продолжительного предварительного заключения, которое было им зачтено.

Стр. 100. Любатович Ольга Спиридоновна (1854-1917) - активная участница народнического движения. В 1875 г. арестована. В 1877 г. по "процессу 50-ти" приговорена к девятилетней каторге. В 1878 г. бежала из тобольской ссылки. В том же году вступила в партию "Земля и воля". Затем была членом Исполнительного комитета "Народной воли". В 1881 г. снова арестована и сослана в Сибирь, где пробыла до 1889 г. Близкий друг С.М.Кравчинского, который в 1883 г. написал о ней на английском языке очерк "Женщина-нигилистка" (в русском издании "Ольга Любатович" - см. т. 2, с. 380). О.Любатович оставила воспоминания "Далекое и недавнее", в основном посвященные С.М.Кравчинскому.

Стрельников В.С. - прокурор, генерал-майор, командированный в Одессу для производства дознаний по делам о государственных преступлениях на юге России. Убит С.Халтуриним и Н.Желваковым 18 марта 1882 г.

Торквемада Томас (1420-1498) - глава испанской инквизиции, доминиканский монах.

Стр. 101. Худяков Иван Александрович (1842-1876) - один из деятелей демократического лагеря 60-х годов. Занимался собиранием произведений народного творчества и изданием популярной литературы для народа. Был близок к обществу "ишутинцев" (тайная революционная организация 1863-1866 гг., созданная Н.А.Ишутиним для пропаганды социализма и захвата власти революционной партией). Арестован в 1866 г. после покушения Каракозова на Александра II. Обвинен в соучастии. Сослан в отдаленные места Сибири. В начале 70-х годов сошел с ума, в 1875 г. был помещен в больницу в Иркутске, где и умер через год. "Записки", о коих сообщает Степняк-Кравчинский, изданы в 1882 г. (Худяков И. Опыт автобиографии. Женева). "Ужасные терзания", о которых пишет Кравчинский ниже, объясняются тем, что при допросе Худяков дал подробные показания, но затем пытался выхватить протокол и проглотить его. Это ему не удалось. Все последующие годы его страшно мучило это воспоминание, о чем он и писал в своих "Записках".

Каракозов Дмитрий Владимирович (1840-1866) - революционер, член общества "ишутинцев". 4 апреля 1866 г. у Летнего сада стрелял в Александра II, но промахнулся. Повешен.

Стр. 102 Муравьев Михаил Николаевич (1796-1866) - в 1857-1861 гг. - министр государственных имуществ. Участвовал в подавлении польских освободительных восстаний 1830-1831 и 1863-1864 гг. Вошел в историю под кличкой "Муравьев-вешатель" Тотлебен Эдуард Иванович (1818-1884) - известный военный инженер, в 1879-1880 гг. - генерал-губернатор Одессы. Жестоко расправлялся с революционерами.

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825-1888) - с февраля 1880 г. -

председатель "Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия". С августа 1880 г. по апрель 1881 г. - министр внутренних дел. После убийства Александра II ушел в отставку.

Стр. 104. Процесс по делу Нечаева (сентябрь 1873 года). - Автор имеет в виду процесс "нечаевцев", который происходил с 1 июля по 11 сентября 1871 г. в Петербургской судебной палате. К суду были привлечены 64 человека, в числе которых были члены кружков, созданных Сергеем Геннадиевичем Нечаевым

(1847-1882). Революционная цель, по убеждению Нечаева, оправдывала все средства борьбы мистификации, обман, убийства инакомыслящих, провокации. Именно поэтому суд над "нечаевцами" был открытым, а отчеты о судебных заседаниях печатались во всех газетах. Правительство хотело скомпрометировать революционеров. Однако оно не добилось своей цели. Тактика Нечаева еще до процесса была осуждена революционной молодежью, но мужественное поведение большинства подсудимых, их глубокие демократические убеждения, которые они открыто высказывали на процессе, вызвали большое сочувствие к ним в широких демократических кругах. Суд приговорил 4 обвиняемых к каторжным работам, 6 - к ссылке в Сибирь, 28 - к тюремному заключению на разные сроки. Остальные были оправданы, но высланы из Петербурга. Сам Нечаев, находившийся в эмиграции, был выдан правительством Швейцарии, судился в 1873 г., приговорен к каторжным работам на 20 лет. Умер в Петропавловской крепости.

Стр. 105. Катков Михаил Никифорович (1818-1887) - публицист и журналист. В 30-40-х годах выступал как либерал, но с конца 40-х годов перешел на реакционные позиции, резко выступал против революционных демократов, проповедовал монархические и шовинистические взгляды. В 1856-1887 гг. редактировал газету "Московские ведомости".

Пален Константин Иванович - в 1867-1878 гг. - министр юстиции. С 1878 г. - член Государственного совета. В 1879 г. - член комиссии Государственного совета по преобразованию тюрем.

Стр. 107. Боголюбов - настоящее имя Архип Петрович Емельянов (1852-?). Революционер. За участие в демонстрации на Казанской площади 6 декабря 1876 г. приговорен к 15 годам каторги. В Доме предварительного заключения в 1877 г. по распоряжению петербургского градоначальника Трепова подвергся наказанию розгами. В 1878 г. переведен в Харьковскую тюрьму, в 1880 г. сошел с ума.

Засулич Вера Ивановна (1849-1919) - известная революционерка. В 1878 г. за надругательство над политическим заключенным Боголюбовым (Емельяновым) стреляла в петербургского градоначальника Трепова и ранила его. Под давлением общественного мнения была оправдана судом присяжных. В 1879 г. вступила в "Черный передел". В 1883 г. вместе с Г.В.Плехановым участвовала в организации первой марксистской группы "Освобождение труда". Друг Кравчинского, который писал о Засулич в "Подпольной России" (см. с. 398). Она оставила о С.М.Степняке воспоминания и ряд статей о его творчестве.

Стр. 108. Зданович Георгий Феликсович (1855-1917) - в 70-х годах вел

пропаганду среди рабочих Москвы. В 1875 г. был в числе создателей "Всероссийской социально-революционной организации". Арестован в 1875 г. Приговорен к каторжным работам на 6 лет и 8 месяцев. В 1883 г. досрочно переведен на поселение в Сибирь. В 1889 г. возвратился в Европейскую Россию. Жил в Кутаиси. Джабадари Иван Спиридонович (ок. 1855-1913) - с 1874 г. вел пропаганду среди рабочих в Москве. Был одним из создателей "Всероссийской социально-революционной организации". Арестован в 1875 г. и приговорен к каторжным работам на 5 лет. В 1883 г. переведен на поселение. По возвращении в Европейскую Россию жил в Тифлисе. Был присяжным поверенным

и гласным городской думы. Принимал участие в революционном движении 1905 г. Цицианов Александр Константинович (1850-1885) - активный участник революционно-народнического движения с середины 70-х годов. Арестован в Москве в августе 1875 г. При аресте оказал вооруженное сопротивление. Осужден на 10 лет каторжных работ. В 1883 г. переведен на поселение. Сошел с ума. Умер в Киренске (Иркутская губ.). Алексеев Петр Алексеевич (1849-1891) - рабочий-революционер, народник. Вел пропаганду в рабочей среде. В 1875 г. арестован. На суде по "процессу 50-ти" произнес яркую обличительную речь. Был приговорен к 10 годам каторги. С 1885 г. - на поселении в Якутии. В 1891 г. убит грабителями.

Процесс "долгушинцев". - "Долгушинцы" - члены революционного кружка в Петербурге и Москве в 1872-1873 гг. Организатор кружка - А.В.Долгушин (1848-1885), члены: Л.А.Дмоховский, П.А.Плотников, И.И.Папин, Д.И.Гамов и др. "Долгушинцы" имели подпольную типографию, распространяли пропагандистскую литературу среди крестьян и рабочих. Процесс по делу "долгушинцев" происходил в 1874 г. Все осужденные, кроме Папина, погибли в заключении.

Гамов Дмитрий Иванович (ок. 1847-1876) - участник кружка "долгушинцев". Вел пропаганду среди рабочих в окрестностях Москвы. Арестован осенью 1873 г., приговорен к каторжным работам на 8 лет. 5 мая 1875 г. в Петербурге над ним был совершен обряд гражданской казни. Сошел с ума. Умер в больнице для умалишенных.

Стр. 109. Бардина Софья Илларионовна (1853-1883) - вела пропаганду среди рабочих в Москве. В 1875 г. арестована. Приговорена к 9 годам каторги, замененной ссылкой в Сибирь. Бежала оттуда в 1880 г. за границу. В 1883 г. вследствие тяжелой болезни покончила жизнь самоубийством. Была другом С.Кравчинского, который посвятил ей очерк, вышедший в Женеве в 1883 г. (см. т. 2, с. 362).

Бутовская Мария. - Возможно, автор имеет в виду случай с Александрой Андреевной Бутовской, арестованной в Одессе в 1874 г. и приговоренной в 1876 г. к 4 (а не к 5) годам каторги. Согласно ее ходатайству, каторга заменена была ей поселением в Сибири. Малиновский Марк Прохорович (1851-1877) - рабочий, революционер-народник. Работал и вел пропаганду на Семенниковском заводе в Петербурге. Арестован в 1873 г. Осужден на каторжные работы на 7 (а не на 10, как пишет автор) лет. Умер в Ново-Белгородском каторжном центре. Дьякова и Сирякова - хотя их и судили вместе, но они не имели сообщников... - Дьяков Вячеслав Михайлович

(1854-1880) и Сиряков Алексей Иванович (1855-?) - вели революционную пропаганду среди рабочих фабрики Чешера в Петербурге. Автор не прав, полагая, что "они не имели сообщников". Их кружок был значительным явлением революционного движения 70-х годов.

Сенатская палата. - Автор имеет в виду "Особое присутствие Правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообществах", учрежденное в 1872 г. Однако он ошибается, говоря далее, что это учреждение было упразднено в 1878 г. с началом террора - оно просуществовало до марта 1917 г. Но в 1878 г. с введением указа 9 августа (см. ниже) большинство политических дел было передано в ведение военных судов.

Стр. 110. 9 августа 1878 года - указ Александра II Сенату "О временном подчинении дел о государственных преступлениях... ведению военного суда, установленного для военного времени".

...5 апреля 1879 года, когда территория России была разделена на шесть сатрапий... - Автор имеет в виду указ Александра II, согласно которому были учреждены временные генерал-губернаторства в Петербургской, Харьковской и Одесской губерниях. Возглавлявшим их генерал-губернаторам, а также московскому, киевскому и варшавскому предоставлялись широкие полномочия для

охраны "порядка и общественного спокойствия", ссылки, аресты, приостановки и запрещения издания газет и журналов. "Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия" 14 августа 1881 г. еще более расширило права генерал-губернаторов в борьбе с революционным движением.

Стр. 111. "Процесс 14-ти" - процесс над народовольцами в 1884 г. Судились: В.Фигнер, Л.Волкенштейн, А.Немоловский, Д.Суровцев, А.Спандони, В.Чуйков, В.Иванов, М.Ашенбреннер, Н.Похитонов, Н.Рогачев, А.Штромберг, А.Тиханович, И.Ювачев, Л.Чемоданова. К смертной казни было приговорено 8 человек. Казнены двое: Рогачев и Штромберг.

Млодецкий Ипполит Осипович (1856-1880) - 20 февраля 1880 г. совершил покушение на Лорис-Меликова, 22 февраля был казнен. Халтурин Степан Николаевич (1856-1882) - рабочий-революционер. С 1875 г. - участник народнического движения, один из организаторов "Северного союза русских рабочих" (1878-1880). В 1879 г. примкнул к "Народной воле". В феврале 1880 г. с целью покушения на жизнь царя произвел взрыв в Зимнем дворце. Покушение не удалось. Халтурин скрылся. 18 марта 1882 г. в Одессе вместе с Н.А.Желваковым совершил убийство военного прокурора Стрельникова. Был арестован, приговорен к смертной казни и 22 марта повешен. В 1883 г. С.Кравчинский написал о нем очерк. Желваков Николай Алексеевич (1860-1882) - в октябре 1880 г. примкнул к "Народной воле", осенью того же года вступил в рабочую организацию партии и близко сошелся с А.И.Желябовым. После казни народовольцев 3 апреля 1881 г., на которой он присутствовал, дал клятву, совершив террористический акт, умереть столь же мужественно, как герои "Народной воли". После убийства В.С.Стрельникова арестован, приговорен к смертной казни. Повешен вместе с Халтуриным в Одессе.

Стр. 112. Дробязгин Иван Васильевич (ок. 1851-1879) - в 1874 г. вел

пропаганду в Херсонской и Киевской губерниях. В 1876 г. принимал участие в организации покушения на заподозренного в предательстве Н.Е.Гориновича в Елисаветграде (этот факт, очевидно, не был известен Степняку-Кравчинскому). В 1877 г. арестован в Херсоне. Одесским военно-окружным судом приговорен к смерти. Повешен в Одессе. Майданский Лейба Осипович (1854-1879) - в 1875 г. примкнул к Елисаветградскому народническому кружку. В 1876 г. вместе с Дробязгиным участвовал в организации террористического акта. Судился в Одессе и был повешен.

Дейч Лев Григорьевич (1855-1941) - активный участник народнического движения с середины 70-х годов. Арестован в 1877 г. В мае 1878 г. вместе со Стефановичем и Бохановским бежал из Киевской тюрьмы. В 1879 г. примкнул к "Земле и воле", а после ее раскола вошел в "Черный передел". В 1880 г. эмигрировал в Швейцарию. В 1883 г. вместе с Г.В.Плехановым и другими создал первую русскую марксистскую организацию - группу "Освобождение труда". В 1884 г. был арестован в Германии и выдан царскому правительству. Приговорен к 13 годам каторги. Выйдя на поселение, в 1901 г. бежал за границу. Принимал деятельное участие в издании "Искры". С 1903 г. - меньшевик. С 1918 г. от политической деятельности отошел. Был дружен с С.Кравчинским и написал о нем брошюру "Баловень судьбы" (Пг., 1919).

Гартман Лев Николаевич (1850-1913) - в 1879 г. под именем Н.С.Сухорукова вместе с С.Л.Перовской и другими участвовал в подготовке покушения на Александра II. После неудачи покушения бежал за границу. Являлся заграничным представителем "Народной воли".

Стр. 113. Лизогуб Дмитрий Андреевич (ок. 1850-1879) - в 1874 г. примкнул к киевскому народническому кружку. Один из организаторов "Земли и воли". Арестован в 1878 г. Приговорен к смертной казни. Повешен в Одессе 10 августа. С.М.Кравчинский посвятил ему один из лучших своих очерков в "Подпольной России" (см. на с. 391).

Розовский И.И. (1861-1880) - студент (а не гимназист), предан военному суду за распространение прокламаций "Народной воли" о покушении на Александра II в 1879 г. Повешен 18 марта 1880 г.

Стр. 114. Фомин Петр Никифорович (подлинная фамилия Медведев Алексей Федорович; 1852-1926) - в первой половине 70-х годов вел пропаганду среди рабочих Одессы. В 1878 г. совершил покушение на киевского прокурора Котляревского. В том же году принимал участие в попытке освобождения Войнаральского. Арестован 2 июля 1878 г. в Харькове. 28 июля пытался бежать из Харьковской тюрьмы, был пойман и под именем Фомина приговорен к смертной

казни, замененной бессрочной каторгой. В 1891 г. вышел на поселение. Жил и умер в Чите.

Стр. 115. Ковальский Иван Мартынович (1850-1878) - вел революционную пропаганду на Украине. Привлекался к дознанию по "делу 193-х", подвергся административной высылке. В конце 1876 г. в Одессе организовал революционный кружок. При аресте 30 января 1878 г. оказал вооруженное сопротивление. Приговорен к смертной казни. Расстрелян в Одессе 2 августа. Говоря о том, что Ковальский "первый революционер, приговоренный к смертной казни", автор имеет в виду 70-е годы.

Бардовский Григорий Васильевич (1848-1880) - присяжный поверенный при Петербургском окружном суде. Защитник на главных политических процессах 70-х годов. Оказывал услуги революционерам. Арестован в Петербурге 25 июля 1879 г. по подозрению в укрывательстве О.Любатович. Находясь в Доме предварительного заключения, сошел с ума.

Стр. 116. Перовская Софья Львовна (1853-1881) - выдающаяся революционерка, принимала участие в "хождении в народ" в 1872-1873 гг., входила в "Землю и волю", была членом Исполнительного комитета "Народной воли". Друг С.Кравчинского. При подготовке покушения на Александра II после ареста Желябова стала фактически организатором покушения. Арестована 10 марта 1881 г. Вместе с другими участниками покушения повешена 3 апреля на Семеновском плацу в Петербурге. С.Кравчинский написал о ней биографический очерк в книге "Подпольная Россия" (см. на с. 404).

Желябов Андрей Иванович (1851-1881) - один из выдающихся представителей русского революционного движения. С 1872 г. - участник народнического движения. Вел пропаганду среди рабочих. Был одним из организаторов и главных деятелей "Народной воли", создал организацию "Рабочих членов партии "Народная воля", был автором ряда программных документов. После решения Исполнительного комитета "Народной воли" о цареубийстве (26 августа 1879 г.) стал главным организатором этой террористической акции. Был арестован за два дня до покушения 1 марта. После убийства царя, опасаясь, что правительство не станет устраивать политического процесса, а ограничится казнью террористов, обратился к прокурору с требованием приобщить его к делу о покушении, с тем чтобы получить возможность высказать на суде свои взгляды. Судился и был казнен вместе с другими первоапрельцами 3 апреля 1881 г.

Стр. 119. Шлиссельбург. - Шлиссельбургская крепость была основана в 1323 г. новгородцами на острове Орехов в истоке Невы. Первоначальное название крепости - Орешек. В 1611 г. после завоевания крепости шведами она стала называться Нотебург. В 1702 г., вернув крепость в русские владения, Петр I назвал ее Шлиссельбургом (ключ-город). Однако с XVIII в. крепость практически потеряла военное значение и была превращена царизмом в политическую тюрьму. В XIX - начале XX в. через крепость прошли представители трех этапов освободительной борьбы с царизмом: декабристы, революционеры-народники и социал-демократы. Централ. - Политические каторжные централы были открыты в 1875 г. по инициативе шефа жандармов Мезенцова. В Харьковской губернии находились две подобные тюрьмы - Ново-Белгородская и Ново-Борисоглебская. За 5 лет существования этих двух централов (до 1880 г.) в них было заключено 35 человек, из которых 7 сошли с ума, 8 умерли в тюрьме Централы эти были закрыты Лорис-Меликовым вследствие близости их к Харькову, где было много учащейся молодежи, проявлявшей большой интерес к судьбам заключенных. Заключенные были переведены в Мценскую политическую пересыльную тюрьму, а оттуда отправлены

на Кару. Трубецкой бастион. - С 1872 г. политическая тюрьма в Петропавловской крепости. Состояла из 72 одиночных камер. Как правило, в бастионе содержались заключенные во время дознания и после до приведения

приговора в исполнение. Всего за время существования Трубецкого бастиона как тюрьмы (до 1917 г.) через него прошло 2084 человека.

Стр. 121. "Заживо погребенные" - записки из Ново-Белгородской тюрьмы, написанные А.В.Долгушиным, узником этой тюрьмы. Напечатаны типографией "Земли и воли" в 1878 г. в Петербурге с подзаголовком "К русскому обществу от политических каторжников" и с послесловием С.М.Кравчинского. "Надгробное слово Александру II" - воспоминание политического каторжанина, узника Ново-Белгородской тюрьмы И.С.Иллич-Свитыча, напечатано в 1885 г. в "Вестнике Народной воли", Э 3.

Стр. 123. Кропоткин Петр Алексеевич (1842-1921) - один из главных теоретиков анархизма, ученый-энциклопедист. Принимал участие в народническом движении с начала 70-х годов. В 1874 г. был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В 1876 г. совершил побег и эмигрировал. В 1883 г. за принадлежность к анархистской организации арестован во Франции и заключен в тюрьму Клерво. В 1886 г. после амнистии поселился в Лондоне. Наряду с научными исследованиями в области геологии, географии, биологии, социологии, истории написал ряд работ, развивающих теорию анархизма. В 1917 г. вернулся из эмиграции. В течение многих лет близкий друг С.Кравчинского, который посвятил ему один из очерков в "Подпольной России" (см. на с. 386). П.А.Кропоткин писал о С.Кравчинском и в своих "Записках революционера"; и в специальных вступительных статьях к собранию сочинений Степняка-Кравчинского (1907-1908).

Мышкин Ипполит Никитич (1848-1885) - видный революционный народник. В народническом движении участвовал с первой половины 70-х годов. В 1874 г. в Москве организовал массовый выпуск народнической литературы. В 1875 г. предпринял попытку освободить Н.Г.Чернышевского из вилюйской ссылки. Был арестован. На суде 15 ноября 1877 г. произнес блестящую революционную речь. Приговорен к 10 годам каторги. За выступление в Иркутской каторжной тюрьме с призывом к свободе срок каторги был увеличен еще на 15 лет. С 1884 г. заключение отбывал в Шлиссельбурге, где в знак протеста против тюремного режима оскорбил смотрителя. Расстрелян во дворе Шлиссельбургской крепости 26 января 1885 г.

Стр. 124. Плотников Николай Александрович (1851-1886) - в 1873 г. примкнул к кружку "долгушинцев". Принимал участие в распространении прокламаций. Арестован в том же году. Осужден на 5 лет каторжных работ. 6 мая 1875 г. над ним был совершен обряд гражданской казни. При чтении приговора Сената он кричал, обращаясь к народу. "Долой царя, бояр, князей! Да здравствует свобода!" После этого каторжные работы были заменены для него одиночным заключением в Ново-Белгородской тюрьме, где вскоре он сошел с ума. Умер в Казанской психиатрической больнице.

Дмоховский Лев Адольфович (1851-1881) - был членом долгушинского кружка. Арестован в 1873 г. и приговорен к каторжным работам на 10 лет. После совершения над ним обряда гражданской казни (5 мая 1875 г.) отправлен в Ново-Белгородскую тюрьму. В 1880 г. переведен на Кару. По дороге умер от черной оспы.

Стр. 125. Бочаров Евгений Константинович (1855-1880) - участник казанской демонстрации 6 декабря 1876 г. Осужден 25 января 1877 г. на

десять лет каторжных работ. Заключен в Ново-Белгородскую каторжную тюрьму, где сошел с ума и умер. Чернавский Михаил Михайлович (1855 - после 1931) - за участие в казанской демонстрации приговорен к 15 годам каторги. В 1883 г. переведен в разряд ссыльнопоселенцев. В 1900 г. вернулся в Европейскую Россию, где снова принял участие в революционном движении. Примыкал к социалистам-революционерам.

...в мирной демонстрации на Казанской площади. - Первая демонстрация рабочих совместно со студентами, организованная народниками 6 декабря 1876 г. Закончилась арестом 32 человек, часть из которых была приговорена к 10-15 годам каторги, остальные отправлены на поселение в Сибирь.

Донецкий Василий Федосеевич (1850 - после 1884) - в начале 70-х годов входил в народнические кружки Москвы и Киева. Арестован в 1873 г. Осужден на 5 лет каторги и заключен в Ново-Белгородскую тюрьму. В 1880 г. помещен в Казанскую психиатрическую больницу. Герасимов Василий Герасимович (1852-1892) - рабочий-революционер. В 1875 г. работал и вел пропаганду на фабрике Чешера в Петербурге. В том же году арестован. Приговорен к каторге на 9 лет. В 1883 г. вышел на поселение. Умер в Якутии. Александров Диомид Александрович (1850-1925) - рабочий-революционер. Работал на фабриках Торнтон и Чешера в Петербурге, там же вел пропаганду. Арестован в 1875 г. и приговорен к каторжным работам на 10 лет. С 1884 г. вышел на поселение. С 1896 г. жил в Якутске. Елецкий - содержался в Ново-Белгородской тюрьме. Умер около 1877 г. Папин Иван Иванович (1849-?) - член кружка А.В.Долгушина. Арестован в 1873 г. Был приговорен к каторжным работам на 5 лет. Наказание отбывал в каторжных тюрьмах, затем отправлен в Сибирь. Освобожден из ссылки в 1891 г. Муравский Митрофан Данилович (1837-1879) - принимал участие в студенческом движении в Харькове и Киеве в конце 50 - начале 60-х годов. Неоднократно арестовывался в 60-70-е годы. Приговорен к 10 годам каторги. Умер в Ново-Борисоглебской тюрьме.

Стр. 129. Свитыч (Иллич-Свитыч) Игнатий Станиславович (1853-1916) - вел пропаганду среди рабочих Кременчуга и матросов Очакова. Арестован в 1876 г. 10 декабря 1877 г. бежал из Херсонской тюрьмы. В Одессе входил в кружок И.М.Ковальского. Снова арестован 30 января 1878 г. Приговорен к 8 годам каторги. Содержался сначала в Ново-Белгородской тюрьме, затем переведен на Кару, где выдал подкоп, сделанный заключенными, собиравшимися бежать. С 1883 г. - на поселении. В 900-х годах вернулся в Европейскую Россию. Умер в Киеве. Виташевский Николай Алексеевич (1857-1918) - участник одесского революционного кружка И.М.Ковальского. Арестован в 1878 г. вместе с другими членами кружка. При аресте оказал вооруженное сопротивление. Осужден на 4 года каторжных работ. Из Ново-Белгородской тюрьмы переведен на Кару. В 1883 г. вышел на поселение. В 1897 г. вернулся в Европейскую Россию. Позднее примыкал к эсерам.

Стр. 130. После убийства Мезенцова... - Убийство совершено 4(16) августа 1878 г. на Михайловской площади в Петербурге С.М.Кравчинским. Мотивы этого покушения были изложены С.Кравчинским в брошюре "Смерть за смерть", напечатанной типографией "Земли и воли" в августе 1878 г. в Петербурге (см. вступ. статью, с. 10).

Стр. 134. С самого своего основания Петропавловская крепость была

главной политической тюрьмой империи. - Петропавловская крепость была заложена 16 мая 1703 г. Этот день считается днем основания Петербурга. Крепость строилась с целью защиты устья Невы, но очень скоро утратила свое военное значение и с середины XVIII в. стала политической тюрьмой.

Царевич Алексей (1690-1718) - старший сын Петра I от первой жены, Евдокии Лопухиной. В 1705-1706 гг. вокруг царевича сгруппировалась реакционная оппозиция реформам Петра. В 1716 г. Алексей бежал за границу, но в 1717 г. был возвращен в Россию. Царь заставил его отречься от прав на престол и выдать сообщников. Верховным судом, состоящим из генералов, Алексей был приговорен к смертной казни. Согласно легенде, он был задушен в Петропавловской крепости.

Княжна Тараканова. - Существовали две Таракановых. Та, о которой пишет автор, авантюристка, выдававшая себя за наследницу русского престола, дочь Елизаветы Петровны княжну Тараканову, умерла в Петропавловской крепости от чахотки в 1785 г. Другая - дочь Елизаветы Петровны и А.Г.Разумовского Августа Тимофеевна (ок. 1744-1810), воспитывалась за границей, откуда в 1785 г. по распоряжению Екатерины II была привезена и пострижена под именем Досифеи в Ивановском монастыре в Москве.

Стр. 135. Алексеевский рavelин - укрепление на западной стороне Петропавловской крепости, заложенное в 1733 г. Анной Ивановной в честь царя Алексея Михайловича. Внутри рavelина в 1797 г. Павлом I сооружена одиночная политическая секретная тюрьма. В 60-70-х годах в рavelине был установлен особенно жестокий режим. В нем были заключены многие революционеры-народники. В 1884 г. тюрьма была упразднена. Здание рavelина снесено в 1895 г.

Стр. 136. Вобан (1633-1707) - французский маршал, инженер и писатель эпохи Людовика XIV. Известен как строитель ряда военных крепостей.

Стр. 138. Ширяев Степан Григорьевич (1856-1881) - член Исполнительного комитета "Народной воли". Арестован в 1879 г. Был приговорен к бессрочной каторге и заключен в Алексеевский рavelин, где умер в августе 1881 г.

Стр. 141. Зубковский Афанасий Андреевич (1855-1921) - народоволец. Арестован в 1880 г. Содержался в Трубецком бастионе.

Стр. 144. Златопольский Лев Соломонович (1847-1907) - народоволец. Вел пропаганду среди крестьян Вологодской губернии. В 1880 г. участвовал в неудавшемся покушении в Одессе на Александра II. Арестован 29 января 1881 г. Приговорен к 20 годам каторжных работ. Содержался в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. При обыске его камеры 2 мая 1883 г. найдены записки, свидетельствующие о его сношении с волей при помощи жандарма Провоторова. Возможно, что после того наказания, о котором пишут авторы письма, цитируемого Степняком, Златопольский был отправлен на Кару. В конце 90-х годов вышел на поселение. Умер в Чите.

Терентьева Людмила Дементьевна (1862-1883) - член "Народной воли". Арестована в 1881 г. Судилась по "процессу 20-ти" в феврале 1882 г. Умерла в Трубецком бастионе.

Стр. 145. Квятковский Александр Александрович (1853-1880) - с начала 70-х годов занимался революционной пропагандой среди крестьян. Один из организаторов "Земли и воли", затем член Исполнительного комитета "Народной

воли". Арестован в ноябре 1879 г. Повешен 4 ноября 1880 г. Пресняков Андрей Корнеевич (1856-1880) - член Исполнительного комитета "Народной воли". Арестован в 1879 г. Повешен 4 ноября 1880 г. Суханов Николай Евгеньевич (1851-1882) - член военной организации "Народной воли". Арестован в 1881 г. Приговорен к смертной казни. Расстрелян в Кронштадте.

Якимова Анна Васильевна (1856-1942) - член партии "Народная воля". Участвовала в покушениях на Александра II под Москвой и в Петербурге 1 марта 1881 г. В 1882 г. приговорена к смерти, замененной бессрочной каторгой. Наказание отбывала на Каре. С 1899 г. - на поселении в Чите. После Октябрьской революции жила в Москве.

Стр. 146. С 25 до 30 октября 1880 года в Петербурге происходил суд над шестнадцатью террористами. - "Процесс 16-ти". К делу были привлечены: А.Квятковский, А.Зунделевич, Л.Цукерман, С.Иванова, А.Пресняков, М.Грязнова, Е.Фигнер, И.Окладский (впоследствии предатель), Л.Кобылянский, Я.Тихонов, С.Ширяев, С.Мартыновский, А.Зубновский, А.Булич, В.Дриго, Н.Бух. Двое - Пресняков и Квятковский - повешены, остальные приговорены к различным срокам каторжных работ.

Стр. 147. Волошенко Игнат (Иннокентий Федорович; 1848-1908) - был членом "Земли и воли", вел пропаганду в южных губерниях. Арестован в 1879 г. в Киеве. Приговорен к каторге на 10 лет. По дороге на Кару бежал, но был через месяц пойман. Срок заключения ему увеличили еще на 11 лет. С лета 1882 г. по 4 июля 1883 г. находился в Петропавловской крепости. Затем был снова отправлен на Кару. В ноябре 1889 г. принимал участие в массовом протесте заключенных. Осинский Валериан Андреевич (1853-1879) - один из организаторов общества "Земля и воля". Ведал конспиративными связями с заключенными в Петербурге. В феврале 1878 г. принимал участие в организации покушения на киевского прокурора Котляревского. Арестован в Киеве 25 ноября 1879 г. Пытался оказать вооруженное сопротивление. Приговорен к смертной казни. Повешен 14 мая 1879 г. О нем писал С.Кравчинский в "Подпольной России" (см. на с. 378).

Прибылев Александр Васильевич (1857-1936) - народоволец. Осужден в 1883 г. Каторгу отбывал на Каре. В 900-е годы эсер. После 1917 г. от политической деятельности отошел.

Орлов Павел Александрович (1858-1890) - в 1874 г. вел пропаганду среди крестьян Оренбургской губернии, привлекался по "процессу 193-х", признан невиновным. Продолжал пропагандистскую деятельность среди рабочих в Петербурге. Арестован в Киеве в 1879 г. Оказал вооруженное сопротивление. Приговорен к каторжным работам на 8 лет (а не на 10, как пишет автор). В августе 1880 г. по дороге на Кару бежал, был пойман и осужден еще на 5 лет (а не на 25, как ошибочно указывает Степняк). В 1882 г. доставлен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, а весной 1883 г. - обратно на Кару. В 1887 г. отправлен на поселение. Убит с целью ограбления.

Стр. 148. Лебедева Татьяна Ивановна (1850-1887) - участница кружка "чайковцев" (см. вступ. статью, с. 7). Арестована летом 1874 г. В 1878 г. вошла в общество "Земля и воля", в 1879 г. в Исполнительный комитет "Народной воли". Участвовала в подготовке трех покушений на Александра II. В 1882 г. судилась по "процессу 20-ти". Приговорена к бессрочной каторге,

которую отбывала на Каре. Умерла от туберкулеза. Была близким другом С.Кравчинского.

Стр. 149. Гельфман Геся Мироновна (ок. 1855-1882) - вела работу в народнических кружках Киева. Судилась по "процессу 50-ти". После побега из ссылки в 1879 г. примкнула к "Народной воле". Была хозяйкой конспиративных квартир в Петербурге. По процессу первоапрельцев (1881) приговорена к повешению, замененному по беременности бессрочной каторгой. После рождения ребенка умерла в тюрьме. С.Кравчинский писал о ней в "Подпольной России" (см. на с. 396). Волкенштейн Людмила Александровна (1857-1906) - революционерка, народница. Принимала участие в организации покушения на харьковского губернатора Кропоткина в 1879 г. В 1884 г. по "процессу 14-ти" приговорена к смерти, замененной 15 годами каторги. До 1896 г. отбывала одиночное заключение в Шлиссельбурге. С 1897 г. находилась на поселении на о.Сахалин. Погибла при расстреле демонстрации во Владивостоке. Фигнер Вера Николаевна (1852-1942) - известная революционерка, в 1877-1879 гг. - член "Земли и воли", затем член Исполнительного комитета "Народной воли", участница важнейших террористических актов. В 1882-1883 гг. была самым деятельным членом Исполнительного комитета и прилагала все усилия к восстановлению партии. Арестована в 1883 г. Была приговорена к смерти, замененной 20-летней каторгой, которую отбывала в Шлиссельбурге. В 1904-1906 гг. была в ссылке, в 1906-1915 гг. жила за границей. Вернувшись в Россию, от политической деятельности отошла. Автор чрезвычайно ценных и интересных мемуаров "Запечатленный труд" и ряда других произведений.

Стр. 150. Ашенбреннер Михаил Юльевич (1842-1926) - член военной организации "Народной воли". Вел революционную работу в армии. Арестован в 1883 г. по "процессу 14-ти", в 1884 г. приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой в Шлиссельбурге. Освобожден в 1904 г. До 1917 г. жил в Смоленске. В 1924 г. Ашенбреннеру как ветерану революционного движения в армии приказом Реввоенсовета СССР было присвоено почетное звание "Старейшего красноармейца". Похитонов Николай Данилович (1857-1897) - член военной организации "Народной воли". Судился по "процессу 14-ти" в 1884 г. Приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. В 1896 г. в Шлиссельбурге сошел с ума. Умер в Николаевском военном госпитале. Тихонович Алексей Пахомович (1855-1884) - член военной организации "Народной воли". Судился в 1884 г. по "процессу 14-ти". Приговорен к смертной казни, замененной каторгой. Заключен в Шлиссельбург, где умер от туберкулеза.

Стр. 151. Анучин Дмитрий Гаврилович (1833-1900) - генерал от инфантерии, сенатор. Участвовал в подавлении польского восстания 1863 г., с 1879 г. - генерал-губернатор Восточной Сибири.

Стр. 152. Политические тюрьмы на Каре были сооружены в то же время, что и Харьковский централ. - Первоначально каторга на р.Каре была создана в 1838 г. в связи с открытием там месторождения золота. Карийские рудники были собственностью царской семьи. Для работы на них стали отправлять заключенных, сначала уголовников, а с 1873 г. и политических. Всего до 1890 г. на Кару было отправлено более 200 человек, в том числе 32 женщины. В 1889 г. из-за невыносимых условий заключения на рудниках произошло массовое самоубийство политических заключенных, вошедшее в историю под названием

"карийской трагедии". В связи с этим в 1890 г. Карийская каторга была ликвидирована. Харьковским централом Степняк называет Ново-Белгородский каторжный централ, который был основан на 2 года позже, в 1875 г. (см. коммент. к с. 119).

Их первыми обитателями были Бибергаль, Семяновский и еще несколько человек из первых пропагандистов 1872 и 1873 годов. - Неверно. Бибергаль Александр Николаевич (1855-1925) попал на Кару в 1878 г., а Семяновский Евгений Степанович (1850-1881) - в 1877 г. Первыми заключенными на Каре были "нечаевцы" А.Кузнецов и Н.Николаев.

Синегуб Сергей Силыч (ок. 1851-1907) - с 1871 г. входил в кружок "чайковцев", вел революционную пропаганду среди рабочих. Друг С.Кравчинского. Арестован в ноябре 1873 г. В 1877 г. приговорен к 9 годам каторги. В 1878-1881 гг. находился на Каре, затем на поселении в Чите. В 1896 г. переехал в Благовещенск. Умер в Томске. Чарушин Николай Аполлонович (1851-1937) - с 1871 г. - участник кружка "чайковцев", вместе с Синегубом вел пропаганду среди рабочих. Арестован в 1874 г. До 1878 г. находился в Петропавловской крепости. Осужден на 9 лет каторги и отправлен на Кару. В 1881 г. вышел на поселение. С 1886 по 1895 г. жил в Троицкосавске, затем в Вятке.

Стр. 159. Квятковский Тимофей Александрович (1852 - после 1898) - брат Александра Квятковского. В начале 70-х годов вел пропаганду среди крестьян. Арестован в 1876 г., пытался бежать, но был задержан. Судился по "процессу 193-х". Приговорен к каторжным работам на 9 лет и сослан на Кару. В апреле 1879 г. переведен в вольную команду, но 2 января 1881 г. снова закован в кандалы и водворен в тюрьму. В 1886 г. вышел на поселение, жил в Сибири. Зубрилов Василий Петрович (1851-1917) - в 1876 г. вел пропаганду среди крестьян области Войска Донского. Арестован в том же году. До 1879 г. содержался в Доме предварительного заключения. Затем приговорен к 4 годам каторжных работ и отправлен на Кару. В 1883 г. вышел на поселение. Жил в Якутске. В 1897 г. вернулся в Европейскую Россию. Убит грабителями в Хоперском уезде. Франжоли Николай Афанасьевич (ок. 1855 - после 1896) - осужден в 1880 г. Одесским военно-окружным судом на 4 года каторги. С 1880 по 1882 г. находился на Каре, затем вышел на поселение. Жил в Благовещенске.

Кутитонская Мария Игнатьевна (1855-1887) - была связана с одесским революционным кружком И.М.Ковальского. Арестована в 1879 г., осуждена на 4 года каторги и отправлена на Кару. В 1882 г. вышла на поселение. 16 сентября 1882 г. в Чите стреляла в забайкальского губернатора Ильяшевича. Приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Умерла от чахотки в Иркутской тюрьме.

Стр. 161. ...лучше описать ее собственными словами... - Письмо О.Любатович дано по публикации в социально-революционном обозрении "Народная воля", 1884, Э 10.

Стр. 165. Так, по делу общества "нечаевцев" осенью 1871 года, когда из восьмидесяти семи подсудимых тридцать три были осуждены, а тридцать четыре оправданы... - К суду было привлечено не 87, а 64 человека. Осуждено было 38 человек, а оправдано - 26 (см. коммент. к с. 104).

Стр. 166. Мирский Леон Филиппович (1859-1920) - 13 марта 1879 г. совершил покушение на шефа жандармов Дрентельна. Успел скрыться. Был арестован 6 июля того же года в Таганроге. Оказал вооруженное сопротивление. Приговорен к смерти, замененной бессрочной каторгой. После заключения в Петропавловской крепости отправлен на Кару, где в 1890 г. переведен в вольную команду, а в 1895 г. - на поселение. Жил в Верхнеудинске.

Кропоткин Александр Алексеевич (1846-1886) - брат П.А.Кропоткина. Участник освободительного движения. Отличался выдающимися способностями

В

области математики и астрономии. В 1876 г. выслан в Сибирь, где покончил жизнь самоубийством.

Стр. 169. Южаков Сергей Николаевич (1849-1910) - публицист и экономист. В 70-х годах был близок к революционным народникам. В 1879 г. выслан в Восточную Сибирь. С конца 80-х годов выступал как либеральный народник. Его взгляды подвергнуты острой критике в работах В.И.Ленина.

Стр. 170. Ковалевская Мария Павловна (1849-1889) - входила сначала в одесский, а затем в киевский народнический кружок. Арестована в феврале 1879 г. в Киеве, приговорена к 14 годам каторжных работ. Наказание отбывала на Каре, в Красноярской и Иркутской тюрьмах. Отравилась. Муж ее, Николай Васильевич Ковалевский, не принимал активного участия в революционном движении, но в 1879 г. был выслан в Восточную Сибирь.

Стр. 172. Третье отделение (Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии) - орган политического сыска и следствия. Создано Николаем I в 1826 г. В августе 1880 г. упразднено. Его функции, а также Отдельный корпус жандармов были переданы департаменту полиции, созданному в министерстве внутренних дел.

Стр. 176. ...сосланный за участие в демонстрации... - Имеется в виду демонстрация революционной молодежи в Одессе перед зданием суда после вынесения смертного приговора И.М.Ковальскому (см. коммент. к с. 115).

Стр. 202. Баранов Николай Михайлович (1836-1901) - генерал, петербургский градоначальник, в 1881-1885 гг. губернатор Архангельской губернии.

Стр. 205-206. Короленко Владимир Галактионович (1853-1921) - писатель и революционный народник. Степняку-Кравчинскому не было известно, что в августе 1881 г. Короленко, находившийся тогда в ссылке в Перми, был еще раз арестован и отправлен в ссылку именно в Якутскую область, в поселок Амга, где он и пробыл до 1885 г. "Печальная история", о которой пишет Степняк, была рассказана В.Г.Короленко в "Письме в редакцию", опубликованном "Молвой" в Э 282 за 1880 г. "Молва" - политическая, экономическая и литературная газета либерального направления. Издавалась в Петербурге в 1879-1881 гг.

Стр. 206. "Русские ведомости" - газета, выходила в Москве в 1863-1918 гг. В 80-90-х годах (редакторы В.М.Соболевский и А.С.Постников) отстаивала путь конституционных реформ.

Стр. 207. "Московский телеграф" - политическая и литературная газета, издавалась в Москве в 1881-1883 гг. Направление

газеты-либерально-буржуазное. Газета печатала материалы о бедственном положении крестьян и высказывалась за расширение прав земских учреждений.

Стр. 208. "Отечественные записки" - литературный и общественно-политический журнал. Выходил в Петербурге в 1839-1884 гг. До 1868 г. издателем был А.А.Краевский, затем Н.А.Некрасов, М.Е.Салтыков-Щедрин, Г.З.Елисеев. После смерти Некрасова в редакцию вошел Н.К.Михайловский. Журнал носил демократический, народнический характер. В 1884 г. он был закрыт царским правительством. "Слово" - научно-литературный и политический журнал. Выходил в Петербурге в 1878-1881 гг. Редакторы - И.А.Гольдсмит, П.В.Засодимский и др. Журнал был близок к народникам. В нем печатались В.Г.Короленко, Г.И.Успенский, С.Каронин (Петропавловский), С.Кравчинский и др. "Русская правда" - политическая и литературная газета. Издавалась в Петербурге в 1878-1880 гг. Издатель и редактор - Д.К.Гирс. Газета носила либеральный характер.

Стр. 210. "Земство" - еженедельная газета, издавалась в Москве в 1880-1882 гг. Издатель и редактор - В.Ю.Скалон. Газета имела земско-либеральное направление, публиковала ценные статистические материалы.

Стр. 211. Леруа-Болье Анатолий (1842-1912) - французский историк и публицист. С 1872 по 1881 г. совершил четыре путешествия в Россию. Результаты своих наблюдений и исследований он изложил в книге "Царская империя и русские" (т. 1-3, Париж, 1881-1889). Современники считали эту работу наиболее всесторонней и объективной из того, что было опубликовано о России на Западе.

Тихомиров Лев Александрович (1852-1923) - один из видных деятелей "Народной воли". В 70-х годах вел революционную пропаганду среди рабочих Москвы. Арестован в 1873 г., более четырех лет провел в Петропавловской крепости. В 1878 г. стал членом "Земли и воли", а затем Исполнительного комитета "Народной воли". В 1883 г. эмигрировал за границу, где был редактором "Вестника Народной воли". В 1888 г. отрекся от своих убеждений. В 1889 г. получил разрешение вернуться в Россию, где выступал как монархист. После 1917 г. от политической деятельности отошел.

Стр. 215. Мадзини (Маццини) Джузеппе (1805-1872) - итальянский революционер, один из руководителей борьбы за национальное освобождение и объединение Италии. Участвовал в движении карбонариев. В 1831 г. по его инициативе создано тайное республиканское общество "Молодая Италия". Возглавлял несколько восстаний, в частности - миланские (1848, 1853). В 1849 г. прибыл в Рим, где возглавил триумvirат Римской республики. После поражения революции эмигрировал в Англию, откуда руководил подпольной борьбой своих сторонников в Италии. Риго-и-Нуньес Рафаэль (1785-1823) - испанский революционер. В январе 1820 г. поднял на восстание, послужившее сигналом для начала революции в стране, батальон, которым командовал. Король был вынужден присягнуть конституции. Риго становится одним из вождей революционной и национально-освободительной борьбы в стране. В 1823 г. в Испании началась французская интервенция, в ходе которой революционные войска были разбиты, а Риго выдан предателем и казнен. Квируга Антонио (1784-1841) - испанский генерал и политический деятель. Участвовал в

национально-освободительной войне против Наполеона. В 1815 г. пытался установить конституционное правление в Испании, участвовал в заговорах. "Тугендбунд" - "Союз доблести", патриотическое общество, объединявшее представителей либерального дворянства и буржуазной интеллигенции. Было основано в 1808 г. в Кенигсберге. Имело целью организацию борьбы против Наполеона. В 1809 г. по указанию Наполеона общество было запрещено королем Фридрихом-Вильгельмом III, но продолжало деятельность нелегально вплоть до окончания наполеоновских войн.

В конце 1878 года среди студентов Петербургского университета произошли так называемые беспорядки. - С.Кравчинский имеет в виду волнения среди студентов Медико-хирургической академии в Петербурге (в ноябре 1879 г.). На большой сходке студентов были выработаны требования и составлена петиция наследнику. На следующий день (29 ноября) толпа студентов, преодолевая полицейские кордоны, подошла к Аничкову дворцу и вручила петицию градоначальнику Зурову. Следующую сходку студентов, собравшуюся

30

ноября во дворе академии, окружили жандармы и конные городовые. Около 140 человек было арестовано.

Стр. 219. Аргус - по греческой мифологии, многоглазый великан, глаза которого никогда не спали одновременно, часть их непременно бодрствовали. В переносном смысле аргус - неусыпный, бдительный страж.

Стр. 227. ...обстоятельства лишь недавно позволили ему практически осуществить свои дальновидные планы. - Д.А.Толстой действительно был подлинным вдохновителем преобразований в 80-х годах в области просвещения. По его инициативе была отменена автономия университетов, восстанавливались сословные принципы в начальной и средней школе, был принят реакционный циркуляр о гимназиях. Все эти акции были звеньями контрреформ, направленных к пересмотру буржуазного законодательства 60-70-х годов.

Стр. 229. ...женский медицинский институт был обречен, и в августе 1882 года вышел указ о его закрытии. - Автор имеет в виду Высшие женские врачебные курсы, существовавшие в Петербурге с 1872 по 1882 г. В 1872 г. на курсы поступило 89 слушательниц. Первые русские женщины-врачи участвовали в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Среди курсисток были распространены народнические идеи, что вызвало серьезное беспокойство правительства и привело к закрытию курсов.

Стр. 231. Палладиум (палладий) - у древних греков - изображение вооруженного божества, считавшегося охранителем города. Иносказательно "палладиум" - защита, оплот.

Стр. 234. Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826-1911) - историк и публицист либерального направления, профессор Петербургского университета. В 1861 г. вместе с группой либеральных профессоров подал в отставку в знак протеста против реакционной политики министерства народного просвещения. В 1866-1908 гг. издавал и редактировал журнал "Вестник Европы". Пыпин Александр Николаевич (1833-1904) - историк литературы, публицист, двоюродный брат Н.Г.Чернышевского. С 1863 г. принимал активное участие в "Современнике". В вопросах общественной борьбы занимал позиции либерального просветительства. Арсеньев Константин Константинович (1837-1919) -

публицист, критик, общественный деятель. В 1871-1894 гг. писал внутренние обозрения для журнала "Вестник Европы", выступая против реакции с умеренно либеральных, земских позиций. Сеченов Иван Михайлович (1829-1905) - русский естествоиспытатель, мыслитель-материалист, основоположник русской физиологической школы, создатель естественнонаучного направления в психологии.

Стр. 235. Коцебу Август (1761-1819) - немецкий писатель, приверженец реакционного Священного союза ("союза императоров против народов"), был убит студентом Карлом Зандом.

Стр. 236. Польское восстание, как известно, обратило Александра II к реакции. - Автор пишет о польском национально-освободительном восстании 1863 г. Но наступление реакции обуславливалось не только этим фактом. Царизм был напуган подъемом всех демократических и оппозиционных сил русского общества в годы первой революционной ситуации (1859-1861). Тогда же, по существу, началось усиление правительственной реакции: арестован Н.Г.Чернышевский, осужден на каторгу М.Л.Михайлов, выслан в Сибирь А.П.Щапов. Польское восстание, восстание в Литве и Белоруссии еще более усилили реакционный курс правительства Александра II.

Стр. 238. Ваал - древнесемитское божество плодородия, земледелия, войны. Иносказательно служение Ваалу означало погоню за материальными благами.

Джон Стюарт Милль (1806-1873) - английский буржуазный философ, логик и экономист. Главный труд Милля "Основание политической экономии" был переведен и откомментирован Н.Г.Чернышевским в 1860-1861 гг.

Стр. 243. "Неделя" - политическая и литературная газета, выходила в Петербурге в 1866-1901 гг. В середине 70-80-х годов газета имела народническое направление.

Стр. 250. ...победы под Вертом, Гравелот и Седаном одержал не генерал фон Мольтке... - Речь идет о франко-прусской войне 1870-1871 гг., закончившейся победой Пруссии. Главнокомандующим со стороны немцев был прусский король Вильгельм I, но фактически руководил боевыми действиями начальник генерального штаба Х.Мольтке. Под его командованием и были одержаны победы под Вертом, у Гравелот-Сен-Приво и решающая под Седаном.

Стр. 253 Кошелев Александр Иванович (1806-1883) - публицист, славянофил. Выпустил славянофильский "Московский сборник" (1852). в 1856-1860 гг. издавал журнал "Русская беседа" и др. Отстаивал идеи созыва Земского собора как совещательного органа при самодержавном царе. Участвовал в подготовке крестьянской реформы 1861 г. В 60-70-х годах играл видную роль в либеральном движении.

Стр. 264. Первая попытка учредить систему местного самоуправления была сделана еще в царствование Ивана IV. - Автор имеет в виду губную и земские реформы, осуществленные Иваном IV в середине XVI в. Губная реформа передала местное управление, а также дела о разбойниках и ворах "выборным головам" (губным старостам), избираемым из "детей боярских". Земская реформа утверждала принципы местного самоуправления в интересах дворянства. Существовавшее ранее наместничье управление было отменено в масштабах государства.

Стр. 265. ...после Крымской войны... - Война 1853-1856 гг. между Россией, с одной стороны, и Турцией и ее союзниками (Англией и Францией) - с другой.

...в 1864 году было выработано Положение о земских учреждениях - "Положение о губернских и уездных земских учреждениях". В течение 1865-1876 гг. земства были введены в 34 губерниях Европейской России. Решающее влияние и преобладание в них имели помещики.

Стр. 268. Крестьян насчитывается в стране 60 миллионов... Помещики насчитывают только 1 миллион человек... - Поместное дворянство составляло относительно небольшую часть населения России. К концу XIX в. в России насчитывалось свыше 80 миллионов крестьян и около 30 тысяч семей помещиков.

Васильчиков А.И. (1818-1881) - крупный помещик, земский деятель, экономист и публицист. Подсчеты, о которых пишет Степняк-Кравчинский, приведены в работах Васильчикова "Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах", т. 1 (1876), "Сельский быт и сельское хозяйство в России" (1881) и др.

Валуев Петр Александрович (1814-1890) - в 1858-1861 гг. директор департамента министерства государственных имуществ. В период подготовки отмены крепостного права стоял на правых позициях. В 1861-1868 гг. - министр внутренних дел; в 1872-1879 гг. - министр государственных имуществ; с 1879 г. - председатель Комитета министров. Валуеву принадлежит инициатива введения временных генерал-губернаторств и ряд других реакционных акций.

Стр. 272. Аксаков Константин Сергеевич (1817-1860) и Хомяков Алексей Степанович (1804-1860) - литераторы, публицисты, общественные деятели, идеологи славянофильства - одного из направлений либерализма, отстаивавшего сохранение общинного землевладения при капиталистическом развитии России, местное самоуправление и Земский собор при сохранении монархии.

Стр. 273. Разгон петербургского дворянского собрания, одного из самых смелых в стране, и высылка руководителей тверского дворянства... - Наиболее характерным явлением для либерального оппозиционного течения пореформенного

времени было именно выступление тверского дворянства, о котором упоминал В.И. Ленин, характеризуя первую революционную ситуацию в России. Еще накануне реформы тверские либералы вступили в конфликт с правительством, что повлекло за собой высылку губернского предводителя дворянства А.М. Унковского. После реформы, в феврале 1862 г., губернное дворянское собрание признало "Положение 19 февраля" неудовлетворительным и отказалось руководствоваться им. Дворяне - мировые посредники были заключены в Петропавловскую крепость и присуждены к заключению на два года (вскоре они были освобождены).

Стр. 274. ...требование созыва Учредительного собрания... выразило большинство всех земств. - Степняк-Кравчинский не прав. Земская либеральная оппозиция правительству в большинстве своем никогда не требовала Учредительного собрания. Лозунг этот был выдвинут в 1879 г. только черниговскими земцами И.И. Петрункевичем и А.Ф. Линдфорсом. Усиление правительственных репрессий по отношению к либералам (о которых автор говорит ниже) не дало им возможности выдвигать эти требования вплоть до

начала XX в.

Стр. 278. Ликург (IX-VIII вв. до н.э.) - легендарный законодатель Спарты (Древняя Греция). Автор иронизирует по поводу ничтожности задач комиссии М.С.Каханова, созданной для сведения на нет самоуправления как такового.

Победоносцев Константин Петрович (1827-1907) - с 1872 г. - член Государственного совета, в 1880-1905 гг. - обер-прокурор Святейшего синода. Фанатичный приверженец самодержавия и крайней реакции. Имел огромное влияние на Александра III, был вдохновителем политической реакции 80-х годов.

Стр. 279. Мильтон Джон (1608-1674) - английский поэт и публицист, один из идеологов гуманизма.

Стр. 280. ...пуфендорфского "Введения в историю европейскую"... - Эта книга написана Самуэлем Пуфендорфом, переведена с латинского Гавриилом Добужинским и издана в Петербурге в 1718 г.

Стр. 281. Скабичевский Александр Михайлович (1838-1910) - критик и историк литературы. Пользовались популярностью его книги "Беллетристы-народники" (1888) и "Очерки истории русской цензуры (1700-1863)" (1892).

Стр. 282. Революция все это изменила. - Автор имеет в виду Великую французскую буржуазную революцию 1789-1793 гг.

Радищев и Новиков были первыми мучениками русской печати. - Радищев Александр Николаевич (1748-1802) после опубликования его книги "Путешествие из Петербурга в Москву" (1790) был заключен в Петропавловскую крепость, затем сослан в Сибирь, а его книга запрещена. Новиков Николай Иванович (1744-1818) - автор ряда философских, политических и экономических сочинений, был заточен на 15 лет в Шлиссельбург в 1792 г. Освобожден после смерти Екатерины II в 1796 г.

Михайлов Михаил Илларионович (1829-1865) - поэт, публицист, революционер. В 1861 г. за распространение написанной совместно с Н.В.Шелгуновым прокламации "К молодому поколению" присужден к каторге и вечному поселению в Сибири, где и погиб. Гражданская лирика Михайлова пользовалась большим успехом у современников. Щапов Афанасий

Прокофьевич

(1830-1876) - один из видных историков народнического направления и публицист. Профессор Казанского университета. В 1861 г. подвергся репрессиям за революционную речь на панихиде по убитым крестьянам в селе Бездна Казанской губернии, выступившим против грабительских условий крестьянской реформы... гражданская казнь Чернышевского... - Обряд гражданской казни над Николаем Гавриловичем Чернышевским (1828-1889) был совершен 19 мая 1864 г. на Мытнинской площади в Петербурге. Однако Степняк имеет в виду не только эту акцию царизма, но и само осуждение великого демократа на 7 лет каторги и вечное поселение в Сибири, где он провел около 20 лет.

Стр. 285. Гагарин Павел Павлович (1789-1872) - крайний реакционер, с 1864 г. председатель Комитета министров.

"Современник" - литературный и общественно-политический журнал,

выходивший в Петербурге в 1836-1866 гг. Основан А.С.Пушкиным. С 1847 г. издавался Н.А.Некрасовым и И.И.Панаевым. С 1854 г. постоянным сотрудником журнала стал Н.Г.Чернышевский, а с 1856 г. - Н.А.Добролюбов. В 50-х годах в "Современник" пришли и другие писатели-демократы: М.А.Антонович, Н.В.Успенский, В.А.Слепцов, М.Е.Салтыков-Щедрин и др. В конце 50-х - начале 60-х годов журнал стал органом революционной демократии. В 1866 г. после покушения Д.В.Каракозова на Александра II журнал был закрыт. "Русское слово" - литературно-политический журнал, издававшийся в Петербурге в 1859-1866 гг. С 1860 г. редактором стал Г.Е.Благосветлов. При активном участии Д.И.Писарева, а также публицистов-демократов В.А.Зайцева, Н.В.Шелгунова и других определилось революционно-демократическое направление журнала. В 1866 г. в связи с покушением Каракозова "Русское слово" было закрыто.

Стр. 286. ...второй том труда Лекки "Основные начала нравственности"... - Книга Вильяма Лекки "История нравственности в Европе от Августа до Карла Великого", в двух томах, СПб., 1872, тираж 2000 экз. Уничтожены оба тома 24 июля 1873 г. в количестве 1965 экз. "Левиафан" Гоббса - "Левиафан, или О сущности, форме и власти государства". Сочинения Томаса Гоббса, СПб., 1868, тираж 600 экз. Книга уничтожена духовной цензурой 23 февраля 1874 г. в количестве 575 экз. "Учение о развитии организмов" Геккеля - книга Эрнста Геккеля "История племенного развития организмов", СПб., 1879, тираж 1000 экз. Уничтожена 11 апреля 1880 г. в количестве 975 экз. "Философия истории" Вольтера - "Философия истории". Сочинения Фр.-М. Вольтера, СПб., 1868, тираж 800 экз. Уничтожена 9 декабря 1872 г. в количестве 775 экз.

...книгу Пругавина под названием "Очерки современного сектантства"... - Книга А.С.Пругавина "Раскол внизу и раскол вверху". Очерки современного сектантства, СПб., 1882, тираж 2000 экз. Запрещена постановлением Комитета министров 27 июля 1882 г.

Стр. 287. "Правительственный вестник" - газета, издававшаяся в Петербурге в 1869-1917 гг. Официальный орган, публиковавший правительственные распоряжения, отчеты о заседаниях Государственного совета, биржевые указатели и проч.

Ввиду свершившегося в Болгарии переворота и необходимости поддержать князя Александра... - После русско-турецкой войны 1877-1878 гг., освободившей болгар от турецкого ига, возникли возможности создания самостоятельного Болгарского государства. Конституция 1879 г. сделала страну одной из самых демократических в Европе. Но в 1881 г. немецкий принц и князь Болгарии Александр Баттенберг совершил государственный переворот и отменил конституцию. Приводимая Степняком-Кравчинским выдержка из циркуляра

свидетельствует как о цензурной политике правительства, так и о крайне реакционном внешнеполитическом его курсе.

Стр. 293... Николадзе, издатель "Обзора"... - Либеральная газета "Обзор" издавалась в Тифлисе в 1878-1883 гг. общественным деятелем и демократом Н.Я.Николадзе (1843-1928).

Стр. 294. Игнатъев Николай Павлович (1832-1908) - дипломат и

государственный деятель. В 1881-1882 гг. министр внутренних дел. Проводил крайне реакционную политику.

Стр. 295. "Порядок" - буржуазно-либеральная политическая и литературная газета. Издавалась в Петербурге в 1881-1882 гг. Издатель и редактор М.М.Стасюлевич. "Голос" - политическая и литературная газета, выходила в Петербурге в 1863-1884 гг. Издатель и редактор А.А.Краевский. Орган либеральной бюрократии, ставившей своей задачей оказывать помощь правительству "в его преобразовательной деятельности".

Стр. 296. "Вестник Европы" - историко-политический и литературный журнал, выходил в Петербурге с 1866 по 1919 г. В 1866-1908 гг. издавался и редактировался М.М.Стасюлевичем. Направление журнала в эти годы было умеренно либеральным.

Стр. 297. Скалон Василий Юрьевич (1846-1907) - либеральный общественный деятель и публицист. В 1874-1883 гг. - председатель Московской уездной управы, в 1880-1882 гг. издавал еженедельник "Земство". Червинский Петр Петрович (1849-1931) - статистик, автор ряда исследований, в 70-80-х годах сотрудник "Недели". Трирогов В.Г. - статистик, автор книги "Община и подать" (1882).

Чиншевики - крестьяне-арендаторы, выплачивавшие владельцу земли постоянный оброк - чинш.

Янжул Иван Иванович (1845-1914) - экономист и статистик. С 1882 по 1887 г. был фабричным инспектором Московского округа. Изучал и освещал в своих работах налоговую и таможенную политику, фабричное и рабочее законодательство. Сотрудничал во многих журналах либерального направления.

Стр. 299. Суворин Алексей Сергеевич (1834-1912) - журналист и издатель, прославился своей реакционностью. В 60-70-х годах публицистическая деятельность Суворина носила либерально-демократический характер. С 1876 г., став издателем газеты "Новое время", он резко изменил позицию. По словам В.И.Ленина, "Нововременство" стало выражением, однозначным с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство" (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 44).

Стр. 301. ...демократы шестидесятых годов... соглашались унижаться перед самодержавием, лишь бы оно обещало улучшить положение народа. Даже такой революционер, как Герцен, не мог противостоять этому внутреннему побуждению, а демократы Николай Милютин и Муравьев-Амурский превратились в

покорных слуг царя. - Автор не прав. Демократы 60-х годов Чернышевский, Добролюбов, Михайлов, Шелгунов, Н. и А. Серно-Соловьевичи, Н.Обручев и другие никогда не унижались перед самодержавием. Они вели решительную революционную борьбу с царизмом. Что же касается Герцена, то его письма к Александру II, которые, очевидно, имеет в виду Кравчинский, были обусловлены его ошибочными представлениями о возможностях верховной власти.

Милютин Николай Александрович (1818-1872), так же как и Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809-1881), ни в коем случае не могут претендовать на звание демократа. Первый из них, товарищ министра внутренних дел, один из авторов "Положений 19 февраля", в период подготовки реформы был выразителем

буржуазно-либеральных идей. Однако отношение его к революционному движению

всегда было крайне враждебным. Что же касается второго, то его либеральные жесты в адрес политических ссыльных в годы его генерал-губернаторства в Восточной Сибири (1847-1861) также не следует расценивать как демократические. И Милютин, и Муравьев-Амурский всегда были (а не превратились!) "покорными слугами царя".

Стр. 302. Когда двадцать лет спустя... революционная партия, порожденная Интернационалом и Парижской Коммуной, боролась под знаменем

социалистических идеалов. - Демократические и революционные идеи шестидесятников, главным образом Герцена, Чернышевского, Бакунина и Лаврова, были восприняты следующим поколением борцов - революционными народниками. Бесспорное влияние на их идеологию оказали Интернационал и Парижская Коммуна. Однако социалистические идеи народников восприняты были

ими в значительной степени из русских источников. Русский утопический социализм был идеологией русских революционеров как 60-х, так и 80-х годов.

Стр. 303. Бисмарк Отто фон Шенхаузен (1815-1898) - с 1862 г. - министр-президент и министр иностранных дел Пруссии. Осуществил объединение

Германии на прусско-милитаристской основе. В 1871-1890 гг. - рейхсканцлер Германской империи.

Стр. 304. "Дело" - литературно-политический журнал, выходил в Петербурге в 1866-1888 гг. Издателем и фактическим редактором до 1880 г. был Г.Е.Благосветлов. С 1881 г. редактором стал Н.В.Шелгунов, с 1883 г. - К.М.Станюкович, затем Н.А.Лебедев и В.П.Острогорский. Журнал, по существу, продолжал закрытое правительством "Русское слово" и был одним из наиболее прогрессивных изданий того времени. С переходом журнала в руки И.С.Дурново (1884) он фактически стал органом реакции.

Стр. 305. Острогорский Виктор Петрович (1840-1902) - общественный деятель, педагог и методист по русской литературе. Станюкович Константин Михайлович (1843-1903) - писатель. В 70-х годах сблизился с революционными народниками. В 1883-1884 гг. печатал в журнале "Дело" статьи и переводы политических эмигрантов - С.М.Кравчинского, Л.А.Тихомирова, В.И.Засулич и др. За это был арестован и сослан в Сибирь. В 1885-1888 гг. находился в ссылке в Томске. В годы, о которых пишет Кравчинский, Станюкович активный народнический публицист.

Стр. 313. "Русский курьер" - общественная и политическая буржуазно-либеральная газета, выходила в Москве в 1879-1889 гг. Большое внимание уделяла земским учреждениям.

Стр. 314. "Московские ведомости" - газета, выходившая в 1756-1917 гг. в Москве. В 1863-1887 гг. редактором ее был М.Н.Катков, и в этот период газета носила ярко выраженный реакционный характер, исполняя, по словам А.И.Герцена, "полицейские обязанности в литературе".

Стр. 325. Миних Бурхардт Христоф (1683-1767) - генерал-фельдмаршал русской армии, участник ряда дворцовых переворотов, играл активную роль во

внутренней и внешней политике России середины XVIII века.

Стр. 327. В 1863 году к власти пришли князь Гагарин и антиаболиционисты. - П.П.Гагарин еще в период подготовки реформы был главой самой консервативной части помещиков. В 1862 г. был назначен председателем департамента законов, в 1864 г. (а не в 1863-м) - председателем Государственного совета. Вместе с ним к власти пришли и его единомышленники, противники освобождения крестьян и всех буржуазных реформ

("антиаболиционистами" Степняк называет их для понимания западноевропейским читателем).

Стр. 328. ...воспоминания сенатора Соловьева... - Автор имеет в виду "Записки о крестьянском деле" Якова Александровича Соловьева (сенатор с 1867 г.), активного участника подготовки крестьянской реформы (опубликованы в журнале "Русская старина" в 1880-1884 гг.).

Стр. 329. Аверроэс. - Речь идет об арабском философе и враче Ибн Рушде (1126-1198), развивавшем материалистические стороны учения Аристотеля.

Стр. 334. Главная цель русских революционеров - восстание, такое же, как восстание декабристов 1825 года. - Эти слова не следует понимать буквально. Декабристы и революционные народники ставили разные цели восстания и по-разному представляли себе способы его подготовки. Рассчитывая на зарубежных читателей, Степняк приводил пример известного на Западе выступления декабристов.

...Гладстон выставил на публичный позор неаполитанского короля... - Гладстон Уильям Юарт (1809-1898), английский государственный деятель, лидер либеральной партии, в 1868-1874 гг. премьер-министр, был достаточно лицемерен, чтобы ради успеха в общественном мнении продемонстрировать свою "гуманистическую" позицию в определении неаполитанского короля. Неаполитанский король Фердинанд II (1810-1859) в ходе революции в Италии (1848-1849) сначала вынужден был провозгласить конституцию, но в мае 1848 г. путем контрреволюционного переворота восстановил абсолютизм. Расправляясь с повстанцами, подверг варварской бомбардировке г.Мессину, за что получил прозвище "Король-бомба".

Стр. 336. Царизм не более как Калибан... которого прусский Просперо... может использовать... - Обращаясь к образам герцога Просперо и уродливого раба Калибана из пьесы У.Шекспира "Буря" (1611), Степняк в художественной форме представляет соотношение и известную взаимообусловленность политических сил России и Германии.

ПОДПОЛЬНАЯ РОССИЯ

Очерки написаны на итальянском языке и впервые напечатаны в 1881 году в миланской газете "Il Pungolo" ("Жало") в виде корреспонденций из Швейцарии, под общим заголовком "La Russia sotterranea" ("Подпольная Россия").

Кравчинский создавал свои очерки в тяжелых условиях эмиграции.

Скрываясь под чужим именем в Милане, страдая от вынужденного бездействия, писатель с удовлетворением встретил представившуюся возможность напечатать ряд очерков об освободительном движении в России даже на страницах "ретроградской", по его выражению, газеты. "Напишу вещь хоть полуреволюционную... - писал он жене в начале ноября 1881 года. - А это очень и очень приятно после подцензурного блудословия" (так он называл сотрудничество в русских легальных журналах).

Издатель итальянской газеты поставил перед автором условие "излагать только факты, а не пускаться в теории". Передавая жене разговор с ним, Кравчинский писал: "Некоторые, говорит, мысли редакция не разделяет, но вы, конечно, позвольте ей сделать примечания, если - чего мы искренне желаем - ваши "письма" украсят столбцы нашей газеты".

Кроме того, писатель сам вынужден был отбирать факты и события для книги так, чтобы не повредить участникам революционного движения в России. Сообщая 12 ноября 1881 года план "Подпольной России" народоволке Анне Эпштейн, Кравчинский писал: "Знаешь, чью характеристику я сделаю первой?.. Дмитровскую (Дмитро - партийная кличка Я.В.Стефановича. - Ред.). О нем столько раз в газетах писали, что его имя можно упоминать. Хотел бы Льва (Л.А.Тихомирова. - Ред.), но нельзя".

По поводу очерка о Дмитрие Клеменце, находившемся в то время в сибирской ссылке, он писал А.Эпштейн в середине ноября: "Неужели ты думаешь, что я не вспомнил об исключительном положении Дмитрия? Только поэтому я и буду писать, что знаю, что никакого вреда от этого ему произойти не может, в каком бы положении он ни был".

Очерк о подпольных типографиях автор также считал возможным включить, потому что "об этом... в газетах писали".

Несмотря на все предосторожности, статьи в "Il Pungolo" привлекли внимание миланской полиции. "Квестор (муниципальный полицейский начальник)

справлялся, кто автор "La Russia sotterranea" в "Пунголе"... - сообщал жене и А.Эпштейн Кравчинский в конце ноября 1881 года и, успокаивая их, прибавлял: - Мне обещал один человек, знакомый с полицией, следить и предупредить в случае чего..."

В начале 1882 года Кравчинский приступил к подготовке отдельного издания очерков на итальянском языке, одновременно ведя переговоры об издании книги на английском, французском и немецком языках.

На итальянском языке книга вышла в Милане в мае 1882 года под тем же названием, с подзаголовком: "Profili e bozzetti rivoluzionari" ("Очерки и профили революционеров"). На титульном листе стояло: "Stepniak. Già direttore di "Zemlia e Volia" ("Степняк. Бывший редактор "Земли и воли"). Очеркам было предпослано предисловие, в котором П.Л.Лавров представлял иностранным читателям автора как одного из наиболее активных русских революционеров. В 1885 году в начале книги "Россия под властью царей" Кравчинский отмечал, что предисловие Лаврова в большой степени способствовало успеху "Подпольной России".

В отдельном издании текст обогатился рядом дополнений: были значительно расширены очерки "Вера Засулич" и "Софья Перовская", введен

очерк "Поездка в Петербург", написанный на основе воспоминаний А.Эпштейн.

Посылая книгу в 1882 году на отзыв В.И.Засулич и Г.В.Плеханову, Кравчинский писал: "Единственная часть моей "Подпольной России", которую я ценю, это... "Профили", потому что я все-таки более других знаю этих людей, и мне хотелось хоть что-нибудь сделать, чтобы их образы не совсем утонули в бурлящей пучине русской политической жизни... Из действовавших никто, кроме меня, не пишет, не имеет возможности писать и погибнет, по всей вероятности, раньше, чем получит эту возможность. Но взявшись раз за эту работу, чтобы придать ей хоть какое-нибудь значение, я должен был быть вполне правдивым... Только придерживаясь такого критерия, можно было нарисовать людей, возможно похожих на живых, а не на куклы или суздальские иконы" (сб. Группа "Освобождение труда". М., 1924, Э 1, с. 227-228).

Летом 1883 года "Подпольная Россия" была опубликована в английском переводе в Лондоне. Автор дополнил очерк "Софья Перовская" письмом, которое революционерка отправила из тюрьмы к матери за несколько дней до казни. С ним писатель познакомился, прочитав биографию С.Перовской, написанную Л.Тихомировым (напечатана в 1882 году в Женеве). Вскоре после выхода в свет лондонского издания писатель с удовлетворением сообщал жене отзыв одного из рецензентов, отметившего, что перевод "обогащен" письмом Перовской, "самым замечательным и трогательным из всех известных миру произведений эпистолярной литературы".

Отдельные очерки и отрывки из "Подпольной России" были переведены в 80-х годах на русский язык и печатались за границей и нелегально в России. Первым появился очерк "Софья Перовская" (в авторском переводе) в "Календаре "Народной воли" на 1883 год" (Женева), в 1884 году он был гектографирован в Харькове и в Казани. В том же году в Москве "Общестуденческий союз" выпустил литографированное издание первых трех глав "Подпольной России" под общим заголовком "Предисловие" (перевод неточен, со многими пропусками). Это издание размножалось потом и на гектографах. В 1903 году Центральный Комитет Российской социал-демократической рабочей партии выпустил в Баку брошюру, содержащую очерки о Софье Перовской и Гесе Гельфман.

Полный текст "Подпольной России", переведенный автором на русский язык и несколько переработанный и дополненный, вышел в 1893 году (Лондон, изд. "Фонда вольной русской прессы"). Часть тиража была напечатана на тонкой бумаге и контрабандно доставлялась в Россию, где в 1896 году книгу целиком отпечатали на гектографе.

Специально написанное для этого издания "Заключение" вызвало, как это видно из переписки Кравчинского, неодобрительный отзыв в группе "Освобождение труда", мнением которой писатель очень дорожил. Но автора и самого не удовлетворяло "Заключение". В ноябре 1893 года он спрашивал Веру Засулич: "Отчего вы ничего не пишете насчет моего "Заключения"? Мне говорил... Войнич... что ваша компания (группа "Освобождение труда". - Ред.) ругает его если не самыми последними, то предпоследними словами. Правда ли это? Мне хочется, чтобы вы написали мне об этом в наиболее резкой, даже, если хотите, ругательной форме. Не удивляйтесь и, пожалуйста, исполните, если это правда. Дело в том, что я сам своим заключением недоволен..." (сб. Группа "Освобождение труда". М., 1924, Э 1, с. 238-239).

Очерки "La Russia sotterranea", изданные в Милане, вызвали положительную оценку в печати многих стран.

Обращаясь в конце 1881 года к П.Б.Аксельроду с просьбой "похлопотать" об опубликовании книги на немецком языке в Швейцарии, Германии и подчеркивая при этом, что ему было бы еще "приятнее", если бы ее издали "с целью пропаганды" социал-демократы, Кравчинский писал: "Я не сомневаюсь, что книжка разойдется очень хорошо... Говорю это по тем положительно восторженным... отзывам, которые получаю ото всех, и притом, заметь, не от русских и не приятелей, а литераторов по профессии" (Из архива П.Б.Аксельрода. Берлин, 1924, с. 75).

В архивном фонде Кравчинского (ЦГАЛИ) хранится отрывок письма к нему от Наума Львова из Парижа о впечатлении, которое произвела на французских писателей "Подпольная Россия". В письме, со слов Альфонса Доде, сообщалось о том, что на одном из литературных вечеров в салоне m-me Adam в Париже автор "Тартарена из Тараскона" "...рассказывал сцены из русской жизни" по книге "La Russia sotterranea", от которой был "в восторге". Присутствовавший на вечере Золя так заинтересовался политическими событиями в России, что вскоре начал писать роман, где главным действующим лицом являлся русский. "Я нашел замечательную книжечку на итальянском языке и там... кое-чем позаимствовался", - говорил Золя Доде. Узнав, однако, что эта "книжечка" через некоторое время при содействии Доде появится в печати на французском языке, Золя с сожалением отказался от своего замысла.

Многочисленные положительные отклики на книгу появлялись в газетах и журналах в последующие годы, когда она была опубликована в Испании, Португалии, Англии, Америке, Германии и т.д. После выхода в свет в 1883 году английского издания очерков писатель сообщил жене отзыв рецензента журнала "The Athenaeum", который отмечал отдельные недостатки перевода "...в надежде, что при втором издании, которое... скоро последует, эти ошибки будут исправлены, потому что в книге, такой единственной в своем роде... составляющей... драгоценнейший вклад в наши знания о России - не следует пренебрегать ничем, чтоб сделать перевод безукоризненным".

П.Кропоткин писал, что "Подпольная Россия", когда она стала известна в Англии, оказывала "глубокое влияние на отзывчивые натуры, - влияние, способное даже заставить таких людей критически отнестись к своей прежней жизни и изменить ее - более или менее, хотя бы только на время - согласно с новым идеалом". Книги Кравчинского, по утверждению Кропоткина, "...способствовали... пробуждению симпатий" западноевропейцев к России (Степняк-Кравчинский С.М. Собр. соч., т. I. СПб., 1907, с. XXII, XXIII).

Высоко оценили "Подпольную Россию" соотечественники писателя. В ЦГАЛИ хранится отрывок письма (1882) к Кравчинскому из Парижа от Н.П.Цакни, в котором последний сообщал: "Был на днях у Тургенева. Он прочел твою книгу... и высказал следующее: "Написана в высшей степени талантливо, есть места даже художественные..." Затем самым правдивым и трогательным местом считает рассказ барыни о ее пребывании в Петербурге. "Тут видна голая, неприкрашенная правда, изложенная просто и трогательно, особенно хорошо рассказаны ощущения Перовской после ареста Желябова..."

Участники революционного движения 70-х годов, отмечая правдивость и

яркость характеристик революционеров в очерках Кравчинского, считали, однако, что писатель несколько "приподнял" своих героев над действительностью, идеализировал их. Такого мнения придерживалась, в частности, В.Засулич. "Но мы вовсе не хотим... сказать, - писала она, - чтобы он видел в восхищавших его людях совсем не существовавшие в них качества. Он обладал, наоборот, своеобразным, но чрезвычайно тонким и быстрым чутьем, указывавшим ему верные черты, которые он затем лишь освещал таким ярким светом своего художнического восхищения, что они являлись... отчасти преувеличенными. Он был убежден при этом, что он-то именно и видит своих современников в том настоящем свете, в каком они появятся в истории, а от других самая близость людей и событий скрывает их настоящие размеры" (Работник. Женева, 1896, Э 1-2, с. 50).

Большим успехом пользовалась книга Кравчинского в рабочей среде. В газете "Рабочая мысль" (1900, Э 8) один из корреспондентов писал, что "...рабочие зачитывали... до дыр народовольческую брошюрку "Подпольная Россия" и жили вместе с ее героями, забывая всякие опасности и трудности настоящего".

Очерки печатаются по тексту: Степняк С. Подпольная Россия. Лондон, Фонд вольной русской прессы, 1893.

Стр. 338. ...не вполне оцененного романа Тургенева... - Имеется в виду роман "Отцы и дети" (1862), воспринятый редакцией журнала "Современник" и большей частью революционно-демократической молодежи как пасквиль на молодое поколение. Вслед за Д.И.Писаревым Кравчинский не соглашался с подобной оценкой романа и видел в его герое Евгении Базарове типический образ молодого человека 60-х годов.

Стр. 339. Первая битва была дана на почве религии. - Речь идет об идеологической борьбе в начале 60-х годов, развернувшейся вокруг знаменитой работы Н.Г.Чернышевского "Антропологический принцип в философии" (1860).

Бюхнер Фридрих (1824-1899) - немецкий буржуазный физиолог, вульгарный материалист. Его произведения, так же как и произведения вульгарных материалистов Молешотта (1822-1893), Фохта (1817-1895), импонировали демократической молодежи тем, что в них подчеркивалось значение естественных наук, опыта, наблюдений и т.д. Литографированное издание "Силы и материи" было сделано студентами из кружка Аргиропуло и Заичневского и широко распространялось в 1860-1861 гг.

Стр. 339-340. ...В.Зайцева, одного из сотрудников "Русского слова", бывшего главным органом старого нигилизма. - Зайцев Варфоломей Александрович (1842-1882) - критик и публицист. Журнал "Русское слово" (1859-1866) с 1861 г. наряду с "Современником" - боевой орган революционной демократии; особой популярностью пользовался в среде молодежи с 1863 г., в условиях спада революционной волны.

Стр. 340. Кювье Жорж (1769-1832) - французский естествоиспытатель, сторонник теории неизменности видов.

...протопоп Аввакум и его единомышленники всходили на плаху... за право... "двоить" аллилуйя, а не "троить", как то установлено государственной церковью. - Аввакум Петрович (1620 или 1621-1682) -

протопоп, писатель, один из основателей русского старообрядчества, выступавшего против церковной реформы патриарха Никона. Несогласие старообрядцев не сводилось к неприятию некоторых ритуальных новшеств официальной церкви. Так, Аввакум, отстаивая старую веру обличал пороки представителей церкви (пьянство, разврат, чревоугодие, корыстолюбие, жестокость), выступал против самого царя и его прислужников.

Стр. 341. ...провозгласивши устами одного из своих пророков знаменитое положение, что сапожник выше Рафаэля... - Подразумеваются высказывания Д.И.Писарева, который отрицал самостоятельность эстетики, считал бесполезными те роды искусства, которые, основываясь на чувствах, не способствовали "умственному совершенствованию человечества". Фраза: "Сапожник выше Рафаэля", утрированно выражавшая утилитарное отношение Писарева и его сторонников к искусству, употреблялась в литературной полемике 60-х годов.

"Природа не храм, а лаборатория..." - Евгений Базаров в романе "Отцы и дети" Тургенева говорит: "Природа не храм, а мастерская..."

...так было во Франции XVIII столетия и в эпоху Жорж Санд. - Речь идет о женском движении в период буржуазной революции во Франции 1789-1794 гг., выдвинувшем ряд выдающихся деятельниц, одна из которых, Олимпия де Гуж, была автором внесенной в Конвент и отвергнутой им "Декларации прав женщины и гражданки". Жорж Санд (псевдоним Авроры Дюдеван; 1804-1876) - французская писательница, поборница эмансипации женщин. Ее произведения оказали большое влияние на развитие женского движения накануне революции 1848 г.

Стр. 343. ...перипетиями страшной драмы, которая разыгрывается на берегах Сены. - Имеется в виду революция 1871 г. во Франции (Парижская коммуна).

..."сеятель и хранитель"... - Неточная цитата из стихотворения Н.А.Некрасова "Размышления у парадного подъезда" (1858).

Стр. 343-344. ...каракозовцы, небольшая кучка отборных людей, развившихся под непосредственным влиянием зарождавшегося тогда Интернационала. - Каракозовцы - члены московского революционного кружка, организованного в 1863 г. Н.А.Ишутинным (1840-1879), в который входил Д.В.Каракозов (см. коммент. к с. 101). Члены кружка пытались установить связь с I Интернационалом, вели пропаганду социализма среди рабочих (см.: Каракозовский процесс. - Былое, 1906, Э 4, с. 280). Однако их социалистические идеи носили утопический характер и по существу были далеки от программы I Интернационала.

Стр. 345. ...Михайлов, профессор и писатель... - см. коммент, к с. 282. Михайлов, талантливый поэт и прозаик, глубокий знаток литературы, был автором многих серьезных статей в журнале "Современник" и в последние перед арестом годы - одним из авторов и редакторов энциклопедического словаря, но звания профессора он не имел.

Стр. 346. Польское восстание... - восстание 1863-1864 гг. против царизма, охватившее Польшу и Белоруссию.

Стр. 347. "Международное общество рабочих" - то есть I Интернационал (1864-1872) - "Международное товарищество рабочих".

Михаил Бакунин... основавший анархическую или федералистическую секцию

Интернационала... автор книги о революции и федерализме... - Бакунин Михаил Александрович (1814-1876) - один из идеологов анархизма. Книга Бакунина "Государственность и анархия" (1873), которую здесь имеет в виду Кравчинский, наиболее полно отразила взгляды автора на революционную деятельность как "бунтарство" и организацию "вспышек". Она была популярна среди большей части народников.

Петр Лавров. - См. коммент. к с. 23. В отличие от Бакунина Лавров призывал революционную молодежь "не бунтовать народ, а учить", готовить кадры для революции в будущем.

Стр. 349. Обухов Иван Яковлевич (ум. в 1876) - привлекался к следствию по "делу 193-х"; в связи с болезнью был освобожден и выслан под надзор полиции на родину, где и умер. Шишко Леонид Эммануилович (1852-1910) - член кружка "чайковцев"; в 1874 г. арестован и осужден по "делу 193-х" на каторгу, которую отбывал в Сибири. В 1890 г. бежал за границу; принимал активное участие в деятельности организованного Кравчинским "Фонда вольной русской прессы" (см. вступ. статью, с. 17), в "Летучих листках", издаваемых "Фондом", и т.д. Умер в Париже... Дм. Рогачев с одним из своих друзей... - Рогачев Дмитрий Михайлович (1851-1884) по "делу 193-х" был приговорен к каторжным работам на десять лет. Умер на каторге. Его друг - сам Кравчинский (см. вступ. статью, с. 7).

...столкнулись с двумя женщинами, только что приехавшими из Цюриха... - Кравчинский говорит о С.И.Бардиной (см. коммент. к с. 109 и очерк о ней в т. 2, с. 362) и Л.Н.Фигнер (см. коммент. к с. 149), которые, вернувшись в начале 1874 г. из-за границы, вели в Москве пропаганду среди рабочих.

Стр. 352. По заявлению правительственного циркуляра... - Речь идет о секретной "Записке министра юстиции гр. Палена", которая была опубликована революционерами в заграничной русской печати (Вперед!, 1875, Э 18, 1 октября; отдельное издание газеты "Работник". Женева, 1875).

..."поселения" - небольшие колонии... - Маленькие группы интеллигентов-народовольцев, поселявшиеся в сельской местности для помощи крестьянам и пропаганды среди них.

Стр. 355. Только попытка Стефановича, удачно воспользовавшегося возбуждением умов на почве местных нужд и стремлений, имела по крайней мере хоть временный успех. - Имеется в виду Чигиринский заговор (1877). В нескольких волостях Чигиринского уезда Киевской губернии происходили волнения из-за передела земли. Большинство крестьян боролось за передел по душам ("душевики"), чему противились зажиточные крестьяне, "актовики" ("общинники"). От "душевиков" был направлен в Петербург ходок, вскоре арестованный. Среди крестьян распространился слух, что ходок видал "самого" царя, что последний сочувствует им, но зависим от помещиков. Воспользовавшись монархическими иллюзиями крестьян, Я.В.Стефанович выдал себя за царского уполномоченного и вместе с Л.Г.Дейчем, И.В.Бохановским и др. пытался организовать крестьянское восстание, создал вооруженную "тайную дружину", в которую вошло несколько сот крестьян (см. очерк "Яков Стефанович", с. 364).

Падлевский Антон Александрович (ок. 1855-1878) - студент Горного института; в 1877 г. за распространение запрещенных книг среди рабочих был

арестован. Умер в тюрьме от туберкулеза. Его похороны (25 февраля) также вылились в противоправительственную демонстрацию.

...демонстрация на Казанской площади, имевшая такой трагический исход... - См. коммент. к с. 124.

Стр. 356. ...одесская демонстрация в день осуждения Ковальского... - См. коммент. к с. 176.

Стр. 359. ...Турецкая война... пробудила надежды на новые преобразования, особенно после конституции, данной Александром II Болгарии. - После освобождения от турецкого ига в результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в Северной Болгарии в связи с созданием самостоятельного буржуазного государства (княжества) была принята 16 апреля 1879 г. конституция, ограничивающая власть князя. Учитывая настроения болгарского народа, относившегося с большим доверием к России, справедливо видевшего в ее лице свою освободительницу, Александр II вынужден был признать конституцию, принятую Учредительным собранием Болгарии, хотя ряд ее пунктов, как, например, о свободе печати, свободе общества и др., вызвали у него большое недовольство (см.: История Болгарии, т. 1. М., 1954, с. 344-346).

Первые их попытки к сближению с революционерами с целью образования союза относятся к 1878 году. - Имеется в виду попытка либеральных деятелей земств Харьковской, Черниговской и других губерний установить контакт с революционерами, убедить их хотя бы временно прекратить "разрушительную деятельность", чтобы мирным путем добиться у царя умеренной конституции. Однако "...ни на какое прекращение или приостановку военных действий революционеры не пошли" (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 39-40).

Стр. 360. ...взрыв в Зимнем дворце... - Взрыв в Зимнем дворце в феврале 1880 г. был совершен Халтуриным С.Н. (см. коммент. к с. 111).

Стр. 364. Стефанович Яков Васильевич (1854-1915) - член Исполнительного комитета "Народной воли". Осужден на восемь лет каторги.

Стр. 367. Коленкина Мария Александровна (1850-1926) - член общества "Земля и воля".

Стр. 372. Клеменц Дмитрий Александрович (1848-1914) - земледелец. Крупный ученый в области естествознания. Арестован в 1879 г., сослан в Сибирь.

Брешковская (Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна; 1844-1934) - принимала участие в революционном движении 70-х годов; впоследствии была одним из организаторов партии эсеров. Куприянов Михаил Васильевич (1854-1878) - член кружка "чайковцев"; заключен в Петропавловскую крепость. Умер 24 лет.

Стр. 376. Сердюков Анатолий Иванович (1852-1878) - член кружка "чайковцев".

...освобождение некоего Тельсиева, слегка замешанного в Нечаевском деле и сосланного... в Петрозаводск. - Речь идет о Алексее Никитиче де Тейльсе (1844-1875); в 1871 г. был приговорен к четырем месяцам заключения и пяти годам ссылки. Выслан в Пудож, откуда с помощью Клеменца бежал в августе 1873 г., был пойман и погиб в ссылке. О Нечаевском деле см. коммент. к с. 104.

Стр. 377. Гельмгольц Герман Людвиг Фердинанд (1821-1894) - немецкий естествоиспытатель, с 1871 г. - профессор физики в Берлинском университете.

...для "легальных" петербургских журналов, в которых он сотрудничал под разными псевдонимами... - Клеменц печатал статьи под псевдонимами "П.Топорнин", "Т-нин", "П." в журнале "Слово".

Стр. 378. Осинский В.А. - См. коммент. к с. 147.

Стр. 379. Я писал одну маленькую вещицу... - статью "Смерть за смерть" изданную отдельной брошюрой типографией "Земля и воля" (сентябрь, 1878).

Натансон Ольга Александровна (1850-1881) - член кружка "чайковцев", позже общества "Земля и воля".

Стр. 386. Кропоткин П.А. - См. коммент. к с. 123.

Одно время эта роль была выполняема, можно сказать, блистательно. - Имеется в виду деятельность А.И.Герцена за границей по изданию бесцензурной литературы для России: сборника "Полярная звезда" (1855-1868), газеты "Колокол" (1858-1868) и др.

Стр. 387. ...при своих работах в сотрудничестве с Элизе Реклю. - П.А.Кропоткин принимал участие в создании труда швейцарского географа Элизе Реклю (1830-1905) "Новая всемирная география. Земля и люди" (1876-1894, в 19-ти томах).

...написал несколько сочинений... начал большую работу о финляндских ледниках... - П.А.Кропоткину принадлежат научные труды: "Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции 1866 г." (1873), за который он был награжден Русским географическим обществом золотой медалью; "Общий очерк орографии Восточной Сибири" (1875); а также "Исследование о ледниковом периоде" (1876).

Стр. 389. ...двоюродный брат Петра - Алексей Кропоткин... - Кропоткина, убитого в 1879 г. народовольцами, звали Дмитрием Николаевичем.

Стр. 390. Две прекрасные книги по социальному вопросу... - Имеются в виду, по-видимому, книги П.Кропоткина "Речи бунтовщика" ("Paroles d'un revolte", 1884) и "Хлеб и воля" ("La conquete du pain", 1892), изданные во Франции.

Стр. 391. Лизогуб Д.А. - См. коммент. к с. 113.

Стр. 395. 8 августа 1879 года его повезли на казнь вместе с двумя товарищами, Чубаровым и Давиденко. - Казнь состоялась 10 августа. Чубаров Сергей Федорович (ок. 1845-1879), Давиденко Иосиф Яковлевич (ок. 1856-1879) - члены одесского кружка "бунтарей".

Стр. 396. Гельфман Г.М. - См. коммент. к с. 149.

Стр. 398. Колоткевич Николай Николаевич (1850-1884) - член Исполнительного комитета "Народной воли". В 1881 г. был арестован; в 1882 г. приговорен к смертной казни, замененной бессрочным заключением в Петропавловской крепости, где и умер.

Кибальчич Николай Иванович (1854-1881) - земледелец, затем член партии "Народная воля". Талантливый изобретатель. В последние дни перед казнью успел разработать схему реактивного аппарата для полета в космос. Под его руководством изготовлялись метательные снаряды, одним из которых 1 марта был убит Александр II.

Засулич В.И. - См. коммент. к с. 107.

Стр. 401. ...в свою последнюю поездку в Россию... - в июне 1879 г.

Стр. 404. Перовская С.Л. - См. коммент. к с. 116.

Стр. 406. ...в мрачный день 1-го апреля потрясла друзей и врагов своей истинно героической кончиной. - Казнь С.Перовской состоялась 3 апреля 1881 г.

...Разумовского, морганатического мужа императрицы Елизаветы Петровны... - Разумовский Алексей Григорьевич (1709-1771) - фаворит Елизаветы Петровны. Морганатический брак (от фр. mariagemorganatique) - неравнородный, неофициальный брак, не дающий права престолонаследия.

Дед ее, Лев Алексеевич Перовский, был министром просвещения. - Деда Софьи Перовской, министра народного просвещения в 1810-1816 гг., звали Николаем Ивановичем.

Перовский Василий Алексеевич (1794-1857) - в 1833-1842, 1851-1856 гг. оренбургский военный губернатор. При нем была взята крепость Ак-мечеть (1853), заключен в 1854 г. с хивинским ханом выгодный для России договор.

Стр. 407. ...несчастный семейством сестер Корниловых... - Речь идет о дочерях фабриканта Корнилова - Александре Ивановне (род. в 1853), Вере Ивановне (1848-1873) и Любове Ивановне (1852-1892). Вера Ивановна умерла двадцати пяти лет от туберкулеза. Муж Любове Ивановны А.Сердюков (см. коммент. к с. 376) в ссылке покончил жизнь самоубийством.

Руссо Жан-Жак (1712-1778) - французский писатель и философ. Писал о человеческих отношениях в своих трактатах "Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми" (1755) и "Об общественном договоре" (1762) и в художественных произведениях. Истолкование взглядов Руссо дала впоследствии Вера Засулич в своей книге "Жан-Жак Руссо" (1898).

Стр. 412. ...на Мышкине, могучем ораторе и герое "процесса 193-х". - См. коммент. к с. 123.

Стр. 413. Ковалик Сергей Филиппович (1846-1926) - революционер-народник, осужденный на десять лет каторги.

...Б-м, переодетым офицером... - Имеется в виду Баранников Александр Иванович (1858-1883).

Стр. 414. Фомин - нелегальная фамилия Медведева Алексея Федоровича (1852-1926).

...у самого Сухоруковского дома - то есть дома, в котором под фамилией Сухоруковых жили Л.Гартман и С.Перовская, готовившие взрыв царского поезда на Московско-Курской железной дороге (см. коммент. к с. 112 и 116).

Стр. 418. ...должно было вынести жесточайший погром... - После убийства Кравчинским Мезенцова правительство создало в 1878 г. "Особое совещание для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности в империи", была расширена и усилена полиция, производилось огромное число арестов, и даже только подозреваемых отправляли без суда в административную ссылку. В 1879 г. страна была расчленена на шесть временных военных генерал-губернаторств, с большими карающими полномочиями. Этот кризис самодержавия продолжался с весны 1878 до середины 1882 г.

Стр. 423. ...место хозяйки сыроварни в подкопе на Садовой. - Подготавливая убийство Александра II 1 марта 1881 г. в Петербурге, народовольцы сняли лавку на Малой Садовой улице, где под видом хозяев, Кобозевых, жили Ю.Н.Богданович (1849-1888) и А.В.Якимова. Здесь был сделан

подкоп и заложена мина, в надежде, что царь проедет по этой улице. Одновременно был выставлен отряд "бомбистов-метальщиков" на другом возможном пути следования Александра II, на Екатерининском канале, где, как известно, он и был убит.

Стр. 425. Михайлов Тимофей Михайлович (1859-1881) - рабочий, народоволец. Рысаков Николай Иванович (1861-1881) - студент Горного института, народоволец; во время покушения на Александра II бросил первую бомбу, которая, однако, не попала в царя. Во время следствия выдал товарищей; несмотря на поданную им просьбу о помиловании, повешен.

Стр. 430. Окладский Иван Федорович (1859 - ум. после 1925) - народоволец; в 1880 г. был арестован и приговорен к смертной казни, встал на путь предательства и был помилован. До Великой Октябрьской социалистической революции служил в царской охранке. Верховным судом СССР

от 10-11 января 1925 г. был приговорен к смертной казни, замененной в связи с преклонным возрастом десятью годами лишения свободы. Тетерка Макар Васильевич (1853-1883) - рабочий, народоволец. Логовенко Иван Иванович (1842-1879) - моряк, член революционного кружка в г. Николаеве; арестован в 1878 г.; казнен.

Стр. 434. Бохановский Иван Васильевич (1848-1917) - участник Чигиринского заговора (см. очерк о Я. Стефановиче и коммент. к нему, с. 364 и 564, 565), бежал в 1878 г. из тюрьмы и скрылся за границу.

Стр. 435. Веймар Орест Эдуардович (1845-1885) - врач; в 1879 г. арестован, приговорен к десяти годам каторги в связи с обвинением в содействии участникам покушений на Александра II и Мезенцова; умер в Сибири.

Стр. 440. Михайло (Фроленко Михаил Федорович; 1848-1938) - в 1882 г. был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, которую отбывал сначала в Петропавловской крепости, затем в Шлиссельбургской. Освобожден в 1905 г.

Стр. 444. "А ларчик просто открывался!.." - Строка из басни И.А. Крылова "Ларчик" (1807).

Стр. 445. Михайлов Александр Дмитриевич (1855-1884) - один из организаторов "Северной революционно-народнической группы", земледелец, член Исполнительного комитета "Народной воли". Умер в Петропавловской крепости.

Стр. 450. ...в военном заговоре Иваницкого и Черняка... - Иваницкий Наполеон Казимир Людвигович (1835-1864), Черняк Максимилиан Андреевич (1836-1865) - поляки-офицеры, участники "Казанского заговора" 1863 г. (попытки русских и польских революционеров поднять крестьянское восстание в Среднем Поволжье с целью оказать помощь польским повстанцам); расстреляны.

Стр. 456. "Земля и воля" - революционное общество 1861-1864 гг.; "Молодая Россия" - по-видимому, революционный студенческий кружок начала 60-х годов в Москве, организованный П.Г. Заичневским (см. коммент. к с. 339), автором прокламации "Молодая Россия".

Стр. 457. Зунделевич Аарон Исаакович (ок. 1854-1923) - земледелец. С 1879 г. член Исполнительного комитета "Народной воли"; приговорен к

бессрочной каторге.

...а впоследствии и газетку. - Имеется в виду газета "Начало" (см. коммент. к с. 494).

Стр. 459. Крылова Мария Константиновна (1842-1916) - была в 1881 г. приговорена к ссылке в Иркутскую губернию.

Стр. 460. Василий Бух, сын генерала... - Бух Николай Константинович (1853 - ум. после 1934) - земледелец, а затем член Исполнительного комитета партии "Народная воля". Арестован в 1880 г.; приговорен к пятнадцати годам каторги в рудниках. Василий - нелегальное имя Буха.

Фамилия третьего... так и осталась тайной. - Это был Лубкин Сергей Николаевич (1854-1880).

Стр. 461. ...забыл ее фамилию. - Грязнова Мария Васильевна (1858 - ум. после 1934).

Стр. 463. Николай Морозов, по слухам умерший в Шлиссельбургской крепости. - См. коммент. к с. 89.

Стр. 464. Иохельсон Владимир Ильич (1855-1937) - этнограф, исследователь северных народов (юкагиров, алеутов и коряков). За участие в народолюбческом движении был арестован в 1885 г. и выслан в Якутию.

Стр. 468. ...разыскать Ольгу... - Ольгу Спиридоновну Любатович (см. коммент. к с. 100 и очерк о ней в т. 2, с. 380).

Стр. 473. ...в Гатчину, бывшую в то время одним из самых тихих городков... не то что теперь. - В Гатчине после смерти Александра II обосновался, напуганный террором революционных народников, Александр III. В предисловии к русскому изданию "Манифеста Коммунистической партии" (1882) Маркс и Энгельс назвали Александра III "содержащимся в Гатчине военнопленным революции".

Мы узнали о страшном деле на Тележной улице, о самоубийстве неизвестного человека. - На Тележной улице в Петербурге находилась динамитная мастерская народолюбцев. Здесь 2 марта 1881 г. во время ареста застрелился Саблин Николай Алексеевич (1849-1881), принимавший активное участие в подготовке покушения на Александра II.

Стр. 475. Гольденберг Григорий Давыдович (1855-1880) - народолюбец, арестован в 1879 г.; дал подробные показания, сыгравшие большую роль в разгроме "Народной воли". Покончил в тюрьме жизнь самоубийством.

Стр. 476. Она сказала мне, кто был молодой человек, убитый взрывом бомбы... - Гриневицкий Игнатий Иоахимович (1856-1881) 1 марта бросил бомбу, убившую царя и смертельно ранившую его самого. Некоторое время имя его было неизвестно правительству.

Стр. 477. ...поручила мне передать одному из моих друзей... - С.М.Кравчинскому.

...что один из них показал про него. - Имеется в виду Михайлов Адриан Федорович (1853-1929), принимавший участие в убийстве Мезенцова. Арестованный в октябре 1878 г. и преданный военному суду, он был приговорен 14 мая 1880 г. к смертной казни. При посещении его в Трубецком бастионе Петропавловской крепости Лорис-Меликовым Михайлов указал на участников убийства Мезенцова и подал просьбу о помиловании. Смертная казнь была ему заменена каторжными работами в рудниках.

Стр. 494. ...подпольная газетка "Начало"... издавалась маленьким независимым кружком... - газета анархистского направления, издававшаяся в 1878 г. (март-май) в Петербурге братьями Л.К. и Н.К. Бух, А.А.Астафьевым, И.А.Головиным, В.В.Луцким и А.И.Венцовским при участии писателей Н.Е.Каролина-Петропавловского (1853-1892) и П.В.Засодимского (1843-1912).

В Одессе один довольно известный литератор... - по-видимому, И.И.Сведенцов (1842-1901), член одесской группы "Народной воли", печатавший очерки и повести под псевдонимом "Иванович И."

Стр. 495. ...многочисленные земские адреса... - На обращение Александра II в конце 1878 г. к "обществу" об оказании содействия правительству в борьбе против "крамолы" деятели земств ряда губерний ответили "адресами", в которых наряду с выражением верноподданнических чувств высказывали пожелание о созыве Земского собора и введении конституции.

Стр. 496. ...имел даже глупость заявить (в известном разговоре с представителями прессы)... - Имеется в виду беседа Лорис-Меликова с представителями петербургских периодических изданий 6 сентября 1880 г.

В известном письме к Александру III... - В открытом письме к царю от 10 марта 1881 г. народовольцы соглашались отказаться от террористической борьбы при условии амнистии всех политических заключенных и созыва народных представителей для пересмотра "форм государственной и общественной жизни".

Стр. 497. Перед нами брошюрка, "Конституция графа Лорис-Меликова"... - брошюра, изданная "Фондом вольной русской прессы" в Лондоне в 1893 г.

Стр. 498. ...от какой-нибудь Кахановской комиссии или от комиссий сведущих людей, которыми впоследствии граф Игнатъев забавлял Россию. - Министр внутренних дел Н.П.Игнатъев (1832-1908) дважды созывал комиссию экспертов, "сведущих людей" (представителей дворянства, земства и т.п.), для обсуждения переселенческого и "питейного" вопросов. Им же была создана комиссия под руководством Коханова для подготовки проекта реформ местного управления, которая через некоторое время прекратила работу, а материалы комиссии были сданы в архив.

...это не *etats generaux*... - Александр II, ознакомившись с проектом конституции Лорис-Меликова, сказал: "Да ведь это *Etats generaux*", имея в виду сословие-представительное учреждение во Франции XIV-XVIII веков, которое в 1789 г. решением депутатов третьего сословия было объявлено Национальным собранием.

Стр. 500. ...варшавское "Не захлебывайтесь!" (*Pas d'illusions!*)... - Имеется в виду речь Александра II, произнесенная им при посещении Варшавы в мае 1856 г. на приеме дворян, сенаторов и высшего духовенства. Александр II заявил полякам, рассчитывавшим на реформы в связи с вступлением на престол нового царя, что установленный порядок останется в царстве Польском неизменным. "*Point de reveries!*" (Никаких мечтаний!) - сказал Александр, а не "*Pas d'illusions!*" (Не мечтайте!).

Стр. 501. ...вплоть до дегаевщины... - Речь идет о предательстве народовольца С.П.Дегаева, завербованного в 1883 г. в полицию и выдавшего оставшихся на свободе членов Исполнительного комитета "Народной воли", а также членов ее военной организации, в которую он вступил с провокаторской

целью.

Стр. 502. Ю.И.Ашенбреннер. - Кравчинский ошибочно назвал так Михаила Юльевича Ашенбреннера (см. коммент. к с. 150).

Стр. 503. "Без восстания что могли сделать взволнованные террором мирные обыватели-либералы?.." - не совсем точная цитата из статьи В.Засулич "Революционеры из буржуазной среды" (Социал-демократ, 1890, Э 1, с. 77-78). Первый абзац читается так: "А без восстания, без всякой серьезной связи с рабочим классом, что могли сделать взволнованные террором мирные обыватели-либералы?"

Стр. 504. ...как предсказывает наш "Социал-демократ". - Имеются в виду статьи Г.В.Плеханова, в которых он, критикуя с марксистской точки зрения народническую теорию о "самобытном" якобы пути развития России, доказывал, что страна уже идет по пути капиталистического развития и что в связи с этим все "сословия" будут в ней играть такую же роль, как и в других странах Европы.

Даже г.Тихомиров заявляет, что наши "либералы" соответствуют французским радикалам. - О Тихомирове Л.А. см. коммент. к с. 211. Здесь речь идет о его брошюре "Начала и концы. "Либералы" и террористы" (М., 1890).

Стр. 508. Скобелев Михаил Дмитриевич (1843-1882) - генерал, отличившийся в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.; находясь за границей, пытался установить связь с эмигрантами-народовольцами.

Стр. 512. ...революционные программы стали проще, реальнее... - Программы "Группы народовольцев" (1891) и партии "Народного права" (1893).

Стр. 514. ...во время холерных беспорядков... - Имеются в виду крестьянские восстания во время эпидемии холеры в 1892 г.